Ищите, и обрящете

“Ищите, и обрящете.”

Такие слова звучат в голове выдающегося профессора символогии Гарварда Роберта Лэнгдона, как только он просыпается на больничной койке, не понимая, где он и как сюда попал. Также, не поддается объяснению происхождение таинственного предмета, спрятанного в его личных вещах.

Смертельная опасность будет преследовать его и молодого врача Сиенну Брукс в головокружительном приключении по улицам Флоренции. Только умение Лэнгдона находить скрытые для глаз древние ходы и секреты смогут помочь им спастись от лап неизвестных преследователей.

Всего лишь пара строк из мрачного и легендарного творения Данте Ад помогут им расшифровать последовательность кодов, глубоко скрытых в самых известных памятниках эпохи Возрождения: скульптурах, картинах, сооружениях, и разгадать головоломки, которые помогут (или нет) спасти мир от ужасной угрозы…

Наполненный необычными пейзажами, вдохновленный одной из самых зловещих историй литературной классики, “Инферно” - самый захватывающий и дающий почву для размышлений роман Дэна Брауна, притягательный триллер, гонка на выживание, который завладеет вашим вниманием с первой страницы и не оставит равнодушным до самого конца, пока вы не закроете книгу.

Моим родителям…

БЛАГОДАРНОСТИ

Мои скромные и искренние благодарности:

Как всегда, в первую очередь, моему редактору и близкому другу Джейсону Кауфману, за его стремление и талант…но главное - за его нескончаемое хорошее настроение.

Моей замечательной жене Блайт, за ее любовь и терпение в процессе написания, а также за ее грандиозные инстинкты и беспристрастие, как передового редактора.

Моему неустанному агенту и близкой подруге Хайде Ланге, за профессиональное проведение переговоров во многих странах по многим вопросам. За ее навыки и энергию, я бесконечно благодарен.

Всю команду Doubleday, за их энтузиазм, креативность и усилия в поддержке моих книг. Особая благодарность Сюзанне Герц (за большое количество шляп…и их красивое ношение), Биллу Томасу, Майклу Виндзору, Джуди Джекоби, Джо Галлахеру, Робу Блуму, Норе Райхард, Бет Майстер, Марии Карелле, Лорейн Гиланд, а также за бесконечную поддержку Сонни Мехта, Тони Кирико, Кэти Трэгер, Энн Миссайт и Маркуса Дойла. Невероятным людям из отдела продаж Random House…вам нет равных.

Моему мудрому консультанту Майклу Руделлу, за его высококлассное чутье по всем вопросам, большим и маленьким, а также за его дружбу.

Моего незаменимого ассистента Сьюзан Морхаус, за ее грацию и энергичность, без которой везде наступает хаос.

Всем моим друзьям в Transworld, в частности Биллу Скотт-Керру за его творческие способности, поддержку и хорошее настроение, а также Гейлу Ребаку за его превосходное руководство.

Моему итальянскому издателю Mondaroni, особенно Рикки Каваллеро, Пьера Цузани, Джованни Дутто, Антонио Франчини и Клаудиа Шеу; и моему турецкому издателю Altin Kitaplar, в частности Ойа Алпар, Эрден Хепер и Бату Бозкурт, за предоставление мест, описанных в этой книге.

Мои замечательным издателям по всему миру, за их рвение, трудолюбие и целеустремленность.

За их поразительный менеджмент на лондонских и миланских сайтах переводов, Леона Ромеро-Монталво и Лучиано Гуглилми.

Яркого доктора Марту Альварез Гонсалес, за то, что провела так много времени с нами во Флоренции и оживила искусство и архитектуру города.

Несравненному Мауризио Пимпони, за улучшение нашего визита в Италию.

Всем историкам, гидам и специалистам, которые великодушно провели со мной время во Флоренции, поделившись своим опытом: Джованне Рао и Евгении Антонуччи в Библиотеке Медичи Лауренциане, Серене Пини и персоналу Палаццо Веккьо, Джованне Гисти в Галерее Уффици; Барбаре Федели в Баптистерие и Дуомо; Етторе Вито и Массимо Биссона в Базилике Св.Марка; Джорджио Тагляферро в Дворце Дожей; Изабелле ди Леонардо, Элизабет Кэролл Консавари и Елене Свальдуз по всей Венеции; Аннализе Бруни и персоналу Национальной библиотеки Марчиана; а также всем другим, кого я забыл поблагодарить в этом небольшом списке.

Рэйчел Диллон Фрид и Стефани Дж.Делман из Sanford J. Greenburger Associates, за все. что они делают здесь и за рубежом.

Исключительного ума доктору Джорджа Абрахама, доктору Джона Тренора и доктору Боба Гельма за их научную экспертизу.

Моим первым читателям, которые обеспечили перспективы на протяжении всего пути: Грег Браун, Дик и Конни Браун, Ребекка Кауфман, Джерри и Оливия Кауфман, и Джон Кэффи.

Интернет-подкованного Алекса Кэннона, который вместе с командой в Sanborn Media Factory проявлял активность в сети.

Джудд и Кэти Грегг за предоставление убежища в Green Gables, где я написал последние главы этой книги.

Превосходные интернет-ресурсы проекта Dante в Принстоне, Digital Dante в Университете Колумбии и World of Dante.

Самые жаркие уголки в аду оставлены для тех, кто во времена величайших нравственных переломов сохранял нейтралитет.

Все произведения искусства, науки и исторические документы в этом романе являются реальными.

“Консорциум” - частная организация с офисами в семи странах. Название было изменено по соображениям безопасности и конфиденциальности.

Ад - подземный мир, описанный Данте Алигьери в легендарной поэме Божественная Комедия, который изображает преисподнюю, как тщательно структурированный мир, населенный такими существами как “тени” - бестелесными душами, заключенными между жизнью и смертью.

ПРОЛОГ

Я - Тень.

Чрез отверженные селенья, я лечу.

Чрез вековечное горе, я совершаю полет.

Вдоль берегов реки Арно карабкаюсь я, затаив дыхание… поворачивая налево на Виа де Кастеллани, пробиваюсь к северу и прячусь в тенях Уфиццы.

А они всё ещё преследуют меня.

Теперь их шаги становятся все громче, и они охотятся с неумолимой решимостью.

В течении многих лет они преследовали меня. Их постоянство держало меня под землёй… вынуждая жить в чистилище… трудиться под землёй как чудовище подземного мира.

Я - Тень.

Здесь, на поверхности земли, я обращаю свои глаза на север, но я не могу найти прямую тропу к спасению… из-за Аппенинских гор, заслоняющих первый луч рассвета.

Я прохожу позади палаццо с его зубчатой башней и часами с одной стрелкой… пробираясь сквозь ряды утренних торговцев на площади Сан Фиренце с их хриплыми голосами, пахнущими лампредотто и жареными маслинами. Проходя перед Барджелло, я сворачиваю на запад к шпилю Бадиа и тяжело подхожу к железным воротам у подножия лестницы.

Здесь все колебания должны остаться позади.

Я поворачиваю ручку и шагаю в проход, из которого, я знаю, не будет возвращения. Я убеждаю свои свинцовые ноги подниматься по узкой лестнице… вьющейся ввысь, по мягким мраморным ступеням, потёртым и избитым.

Эхом отзываются голоса снизу. Умоляющие…

Они позади меня, непоколебимые, приближающиеся.

Они не понимают что грядёт… как и то, что я сделал для них!

Неблагодарная земля!

Пока я взбираюсь, приходят тяжёлые видения… похотливые тела, корчащиеся в огненном дожде, ненасытные души, плавающие в экскрементах, вероломные злодеи, замороженные в ледяных лапах Сатаны.

Я взбираюсь по последним ступеням и оказываюсь наверху, шатаясь до смерти в сыром утреннем воздухе. Я рвусь к старой высокой стене, всматриваясь в щели. Далеко внизу благословенный город, который я сделал своим убежищем от тех, кто изгнал меня.

Голоса взывают, приближаясь ко мне сзади.

- То, что ты делаешь - безумие!

Безумие порождает безумие.

- Ради любви к Богу, - кричат они, - скажи нам, где ты спрятал это!

Именно из любви к Богу я не скажу.

Я стою теперь, загнанный в угол, спиной к холодному камню. Они уставились глубоко в мои ясные зелёные глаза и их лица темнеют, больше не упрашивая, но угрожая.

- Ты знаешь, что у нас свои методы. Мы можем заставить тебя рассказать где это.

По этой причине я оказался на полпути к небесам.

Без предупреждения, я поворачиваюсь и простираю руку, хватаясь пальцами за высокий выступ, подтягиваясь вверх, встаю на колени, затем стою… шатко на краю пропасти. Веди меня, дорогой Вергилий, через пустоту.

Они мчатся вперёд в недоверии, собираясь схватить меня за ноги, но опасаясь нарушить мой баланс и столкнуть меня. Они умоляют теперь с тихим отчаянием, но я уже повернулся спиной. Я знаю, что я должен сделать.

Ниже меня, головокружительно ниже меня, красные черепичные крыши простираются подобно морю огней в сельской местности, освещая праведную землю, по которой когда-то ходили гиганты… Джотто, Донателло, Брунеллески, Микеланджело, Боттичелли.

Я медленно подвигаюсь к краю.

- Спускайся! - кричат они. - Ещё не поздно!

О, упрямые невежи! Разве вы не видите будущего? Разве вы не понимаете великолепия моего создания? Потребность?

Я с удовольствием пожертвую жизнью…, и этим я погашу вашу последнюю надежду найти то, что вы ищете.

Вам никогда не найти этого.

Сотнями футов ниже, булыжник базарной площади манит как безмятежный оазис. Как я жажду больше времени… но время один из тех товаров, который даже моё огромное состояние не может позволить.

В эти заключительные секунды я смотрю вниз на площадь и передо мной открывается вид, который поражает меня.

Я вижу лик твой.

Ты смотришь на меня из тени. Твои глаза жалобны, и всё же в них я чувствую почитание того, что я достиг. Ты понимаешь, что у меня нет выбора. Из любви к Человечеству я должен защитить свой шедевр.

Он растёт даже сейчас… ожидая… бурлит под кроваво-красными водами лагуны, которая не отражает звёзд.

Итак, я отрываю взгляд от твоих глаз и всматриваюсь в горизонт. Высоко над этим бренным миром, я принимаю своё последнее прошение.

Дорогой Господь, я молюсь чтобы мир запомнил меня не как чудовищного грешника, а как великого спасителя, которым, ты знаешь, я на самом деле являюсь. Я молюсь, чтобы Человечество приняло дар, который я оставляю.

Мой дар это будущее.

Мой дар это спасение.

Мой дар Преисподняя.

С этим я шепчу аминь… и делаю свой последний шаг в бездну.

ГЛАВА 1

Память возвращалась медленно…как будто пузырьки поднимались из темноты бездонного колодца.

Женщина в вуали.

Роберт Лэнгдон смотрел на неё через реку, бурлящие воды которой стали красными от крови. На дальнем берегу стояла повёрнутая к нему лицом женщина, неподвижная, торжественная, её лицо было скрыто саваном. В своей руке она держала синюю тесьму, которую она подняла в честь моря трупов у своих ног. Запах смерти повис повсюду.

Ищи, прошептала женщина. И ты найдёшь.

Лэнгдон слышал слова, как будто она говорила в его голове.

- Кто ты? - позвал он, но его голос не издал ни звука.

Времени всё меньше, прошептала она. Ищи и найдёшь.

Лэнгдон сделал шаг к реке, но он видел, что воды были кровавыми и слишком глубокими. Когда Лэнгдон снова поднял глаза к закрытой вуалью женщине, тела у её ног умножились. Теперь их были сотни, может тысячи, некоторые всё ещё живые, извивающиеся

в агонии, умирающие немыслимыми смертями… поглощённые огнём, похороненные в кале, пожирающие друг друга. Он мог слышать мрачные крики человеческих страданий, раздающиеся эхом над водой.

Женщина двинулась к нему, протягивая свои тонкие руки, как будто моля о помощи.

- Кто ты?! - снова закричал Лэнгдон.

В ответ женщина подняла руку и медленно сняла завесу с лица. Она была поразительно красива и всё же старше, чем вообразил Лэнгдон - в её возможные шестьдесят, величественная и сильная как статуя вне времени. У неё была строго посаженная челюсть, глубокие душевные глаза и длинные серебристо-седые волосы, которые каскадом локонов струились по её плечам. Амулет из лазурита висел на её шее - одинокая змея, обвивающая посох.

Лэнгдон чувствовал, что знает ее… доверяет ей. Но как? Почему?

Теперь она указывала на корчившуюся пару ног, торчавшую из-под земли и по-видимому принадлежавшую какой-то бедной душе, которая была закопана от головы до талии. На бледном бедре человека была одна буква - написанная грязью - “Р”.

Р? Подумал Лэнгдон неуверенно. Как в… имени Роберт? “Это… я?”

Лицо женщины ничего не выражало. Ищи и найди, повторила она.

Без предупреждения она начала излучать белый свет… ярче и ярче. Всё ей тело начало сильно вибрировать, а затем под натиском грома она рассыпалась на тысячи отколовшихся осколков света.

Лэнгдон мгновенно проснулся от крика.

Комната была яркой. Он был один. Острый запах медицинского спирта висел в воздухе и где-то пикала машина в спокойном ритме его сердца. Лэнгдон попытался пошевелить своей правой рукой, но резкая боль удержала его. Он посмотрел вниз и увидел катетер, стягивающий кожу на его предплечье.

Его пульс ускорился и машина догнала его, пикая быстрее.

Где я? Что произошло?

Затылок Лэнгдона пульсировал от боли. Он осторожно протянул свою свободную руку к голове, пытаясь найти источник боли. Под запутанными волосами он обнаружил около дюжины швов с затвердевшей кровью.

Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить произошедшее.

Ничего. Совершенно.

Думай.

Только темнота.

Внутрь ворвался человек в медицинском халате, обеспокоенный, очевидно, тревожными сигналами кардиомонитора Лэнгдона. У него была косматая борода, густые усы и добрые глаза, которые излучали глубокое спокойствие из-под больших бровей.

- Что…случилось? - спросил Лэнгдон. - Я попал в аварию?

Бородатый мужчина приложил палец к губам, и выбежав, позвал кого-то в коридоре.

Лэнгдон повернул голову, но движение вызвало всплеск боли по всему черепу. Он глубоко вздохнул, дав боли уйти. Затем, очень аккуратно и методично, он огляделся вокруг.

В больничной палате была всего одна кровать. Ни цветов. Ни открыток. Лэнгдон увидел свою одежду рядом на столике, с вложенным внутрь прозрачным пластиковым пакетом. Все было покрыто кровью.

Боже мой. Наверное, плохи мои дела.

На этот раз, Лэнгдон очень медленно повернул голову к окну рядом с его кроватью. Снаружи было темно. Ночь. Все, что увидел Лэнгдон на стекле, это отражение - мертвенно-бледный незнакомец, слабый и уставший, подключенный к трубкам и проводам и окруженный медицинским оборудованием.

В коридоре послышались голоса, и Лэнгдон обратил свой взгляд в комнату. Доктор вернулся, но теперь в сопровождении женщины.

На вид ей было слегка за тридцать. Она носила голубой халат, а связанные сзади в хвост светлые волосы покачивались, когда она шла.

- Я доктор Сиенна Брукс, - сказала она, улыбнувшись Лэнгдону. - Я буду работать с доктором Маркони сегодня вечером.

Лэнгдон слабо кивнул.

Высокая и гибкая, доктор Брукс двигалась с напористой походкой спортсменки. Даже в бесформенной медицинской одежде у неё была грациозная элегантность. Несмотря на отсутствие какого-либо макияжа, цвет её лица казался необыкновенно гладким, единственное пятно - крошечная родинка как раз над губами. Её глаза, хотя и нежно карие, казались необычайно проникновенными, как будто они свидетельствовали о глубине опыта, с которым редко сталкивается человек в её возрасте.

- Доктор Маркони не очень хорошо говорит по-английски, - сказала она, садясь около него, - и он попросил меня заполнить вашу приемную карту пациента.

Она ещё раз ему улыбнулась.

- Спасибо, - прохрипел Лэнгдон.

- Хорошо, - начала она деловым тоном. - Как вас зовут?

Ему потребовалось несколько секунд.

- Роберт… Лэнгдон.

Она посветила фонариком в глаза Лэнгдона.

- Род занятий?

Эта информация всплыла ещё медленнее.

- Профессор. Истории искусств… и символогии. Гарвардский Университет.

Доктор Брукс приглушила свет и посмотрела на него с удивлением. Врач с густыми бровями тоже был удивлен.

- Вы… американец?

Лэнгдон ответил ей озадаченным взглядом.

- Просто…, - она прервалась. - У вас не было документов, когда вы прибыли. И по шотландскому твиду и сомерсетским туфлям мы предположили, что вы британец.

- Я американец, - заверил её Лэнгдон. Он слишком устал, чтобы объяснять своё предпочтение элегантной одежде.

- Что-нибудь болит?

- Голова, - ответил Лэнгдон. От света яркого фонарика пульсация в черепе только усилилась. К счастью, она теперь спрятала фонарик в карман и взяла Лэнгдона за запястье, проверяя его пульс.

- Вы проснулись с криком, - сказала женщина. - Вы помните почему кричали?

Перед Лэнгдоном снова вспыхнуло странное видение с женщиной в вуали, окруженной извивающимися телами. Ищи и найдешь.

- Я видел страшный сон.

- О чём?

Лэнгдон рассказал ей.

Выражение лица доктора Брукс оставалось нейтральным, пока она делала записи на планшете.

- Какие-нибудь идеи насчет того, что могло вызвать такое ужасное видение?

Покопавшись в воспоминаниях, Лэнгдон покачал головой, что означало "никаких".

- Хорошо, мистер Лэнгдон, - сказала она, продолжая записывать. - Несколько формальных вопросов. Какой сегодня день недели?

Лэнгдон задумался на мгновенье.

- Суббота. Я помню как ранее сегодня я проходил через кампус… собираясь на серию дневных лекций, а потом… это в принципе последнее, что я помню. Я упал?

- Мы к этому вернёмся. Вы знаете где Вы?

Лэнгдон озвучил свою лучшую догадку.

- В Массачусетской больнице?

Доктор Брукс сделала ещё одну запись.

- А есть кто-нибудь, кому нам следует позвонить? Жена? Дети?

- Никого, - ответил Лэнгдон инстинктивно. Он всегда наслаждался одиночеством и независимостью, которую предоставляла выбранная им холостяцкая жизнь, хотя ему пришлось признать, что в его текущей ситуации он предпочёл бы, чтобы рядом было знакомое лицо. - Есть несколько коллег, которым я мог бы позвонить, но я в порядке.

Доктор Брукс закончила писать, и подошёл старший врач. Поглаживая свои густые брови, он достал из кармана маленький диктофон и показал его доктору Брукс. Она понимающе кивнула и повернулась к своему пациенту.

- Мистер Лэнгдон, когда Вы вечером поступили, Вы что-то беспрестанно бормотали. - Она поглядела на доктора Маркони, который взял записывающее устройство и нажал кнопку.

Запись начала проигрываться и Лэнгдон услышал свой собственный слабый голос, постоянно бормочущий одну и ту же фразу: "Оч… жаль. Оч… жаль."

- По-моему, похоже, - сказала женщина, - как будто вы говорите - Очень жаль. Очень жаль.

Лэнгдон согласился, и все же он не помнил об этом.

Доктор Брукс устремила на него тревожный напряжённый взгляд.

- У Вас есть какая-нибудь идея почему Вы могли так говорить? Вы о чём-то жалеете?

Пока Лэнгдон исследовал тёмные закоулки своей памяти, он снова увидел женщину в вуали. Она стояла на берегу кроваво-красной реки, окружённая телами. Зловоние смерти вернулось.

Лэнгдона охватило внезапное инстинктивное чувство угрозы… не только для себя… но и для каждого. Пиканье кардиомонитора быстро ускорилось. Его мышцы напряглись и он попытался сесть.

Доктор Брукс быстро приложила твёрдую руку к грудине Лэнгдона, заставляя его откинуться. Она бросила взгляд на бородатого врача, который подошёл к рядом стоящей стойке и начал что-то подготавливать.

Доктор Брукс нависла над Лэнгдоном и теперь прошептала:

- Мистер Лэнгдон, тревога распространена при черепно-мозговых травмах, но Вам нужно держать спой пульс под контролем. Никакого движения. Никакого волнения. Просто лежите неподвижно и отдыхайте. С Вами все будет в порядке. Ваша память понемногу вернётся.

Врач вернулся уже со шприцем, который он вручил доктору Брукс. Она ввела его содержимое Лэнгдону внутривенно.

- Просто лёгкое успокоительное, чтобы снизить напряжение, - объяснила она, - оно поможет справиться с болью. - Она встала, собираяь уйти. - С вами будет все в порядке, мистер Лэнгдон. Просто поспите. Если вам что-нибудь понадобится, жмите кнопку на вашей кровати.

Она выключила свет и вышла вместе с бородатым врачом.

В темноте Лэнгдон почувствовал, как лекарство проникло в его организм, почти незамедлительно увлекая тело назад в глубокий колодец, из которого он выплыл. Он боролся с чувством сна, заставляя глаза оставаться открытыми в темноте палаты. Он попытался сесть, но его тело как-будто превратилось в цемент.

Как только Лэнгдон сместился, он снова оказался лицом к окну. Огни погасли, а в тёмном стекле его отражение исчезло, сменившись святящимся вдалеке небом.

Среди очертаний шпилей и куполов один величественный фасад преобладал в поле зрения Лэнгдона. Строение было впечатляющей каменной крепостью с зубчатым парапетом и трёхсотфутовой башней, которая расширялась возле верхушки, выпячивая наружу массивную парапетную стену с бойницами.

Лэнгдон резко сел в постели, боль взорвалась в его голове. Он поборол жгучую пульсацию и пристально посмотрел на башню.

Лэнгдон хорошо разбирался в средневековой архитектуре.

Эта башня была единственной в мире.

К сожалению, она также располагалось в четырёх тысячах миль от Массачусетса.

За его окном, скрытая в тенях Виа Торрегалли, крепко сложённая женщина без усилий слезла со своего мотоцикла BMW и двинулась вперёд с энергией пантеры, преследующей добычу. Её взгляд был острым. Её коротко подстриженные волосы - уложенные в виде шипов - выделялись на фоне поднятого воротника её чёрного кожаного костюма для езды. Она проверила своё оружие с глушителем и смерила взглядом окно, где Роберт Лэнгдон только что погасил свет .

Незадолго до этого вечера ее основная миссия была ужасным образом провалена.

Воркование единственного голубя изменило всё.

Теперь она пришла, чтобы это исправить.

ГЛАВА 2

Я ВО ФЛОРЕНЦИИ?

Голова Роберта Лэнгдона болезненно пульсировала. Сейчас он сидел на больничной койке и тыкал пальцем по кнопке вызова врача. Несмотря на действие успокоительного, его сердце билось изо всех сил.

Доктор Брукс поспешила вернуться, ее конский хвост подпрыгивал при ходьбе.

- Вы в порядке?

Лэнгдон озадаченно покачал головой:

- Я в… Италии?

- Хорошо, - сказала доктор. - Вы начинаете вспоминать.

- Нет! - Лэнгдон указал на внушительное строение вдалеке. - Я узнаю Палаццо Веккьо.

Доктор Брукс снова включила свет и силуэт Флоренции исчез. Она подошла к кровати, спокойно шепча.

- Мистер Лэнгдон, незачем беспокоиться. Вы страдаете от лёгкой амнезии, но доктор Маркони подтвердил, что функции Вашего мозга в порядке.

Также подбежал бородатый врач, очевидно услышавший кнопку вызова. Он проверил кардиомонитор Лэнгдона, пока молодой врач говорила с ним на быстром, беглом итальянском - что-то насчёт того как Лэнгдон был "взволнован"(ит.), узнав что он в Италии.

Взволнован? Подумал Лэнгдон сердито. Даже ошеломлен! Адреналин бушевал в его организме, сражаясь с успокоительным.

- Что со мной произошло? - требовал он. - Какой сейчас день?

- Все в порядке, - сказала она. - Сейчас утро понедельника, восемнадцатое марта.

Понедельник. Лэнгдон напряг свою больную голову, пытаясь вспомнить последние образы - холод и темнота - дорога в одиночестве по гарвадскому кампусу на цикл вечерних субботних лекций. Это было два дня назад? Острая паника охватила его, когда он попытался вспомнить, что вообще было на лекции или после нее. Ничего. Частота сигналов кардиомонитора ускорилась.

Почесав бороду, старший доктор продолжил налаживать оборудование, пока доктор Брукс снова не села рядом с Лэнгдоном.

- Вы поправитесь, - заверила она, говоря спокойным голосом. - Мы обнаружили у вас ретроградную амнезию, что обычно при травме головы. Ваши воспоминания в течение нескольких дней могут быть искажены или утеряны, но скоро все восстановится. - Она сделала паузу. - Вы помните мое имя? Я сказала его, когда пришла.

Лэнгдон задумался на мгновение.

- Сиенна. Доктор Сиенна Брукс.

Она улыбнулась.

- Видите? Вы уже формируете новые воспоминания.

Боль в голове Лэнгдона была почти невыносимой, и все вокруг расплылось.

- Что…произошло? Как я сюда попал?

- Я думаю, Вам надо отдохнуть и, может быть…

- Как я сюда попал? - требовательно спросил Лэнгдон, и ритм его сердца на мониторе ускорился.

- Хорошо, только успокойтесь, - сказала доктор Брукс, перемениваясь нервным взглядом со своим коллегой. - Я расскажу вам. - Ее голос стал более серьезным. - Мистер Лэнгдон, три часа назад, вы завалились в наше отделение скорой помощи с кровоточащей раной в голове и тут же упали на пол. Никто не имел понятия, кто вы и как сюда попали. Вы что-то бормотали на английском, поэтому доктор Маркони попросил меня помочь. Я из Великобритании, а сюда приехала в отпуск.

Лэнгдон почувствовал себя очнувшимся в картине Макса Эрнста. Какого черта я делаю в Италии? Обычно Лэнгдон приезжал сюда каждый июнь на художественную конференцию, но сейчас был март.

От успокоительного становилось все тяжелее, и он почувствовал себя, как будто земное притяжение пытается все сильнее придавить его к матрацу. Лэнгдон боролся с этим, и держал голову, пытаясь оставаться бдительным.

Доктор Брукс наклонилась к нему, словно ангел. - Пожалуйста, мистер Лэнгдон, - прошептала она. - Травма головы требует осторожного обращения в первые сутки. Вам необходим отдых, или вы можете серьезно пострадать.

Внезапно по внутренней связи раздался потрескивающий голос: - Доктор Маркони?

Бородатый доктор нажал кнопку на стене и ответил: - Si?

Голос по внутренний связи говорил на быстром итальянском. Лэнгдон не понял, что, но увидел, как доктора обменялись удивленными взглядами. Или тревожными?

- Memento, - ответил Маркони, заканчивая разговор.

- Что происходит? - спросил Лэнгдон.

Глаза доктора Брукс, казалось, немного сузились.

- Это был администратор отделения интенсивной терапии. К вам посетитель.

Луч надежды прорезался сквозь неуверенность Лэнгдона. - Это отличные новости! Возможно, этот человек знает, что со мной произошло.

Она выглядела неуверенной. - Странно, что кто-то пришел к вам. У нас нет вашего имени и вы даже еще не зарегистрированы.

Борясь с успокоительным, Лэнгдон неуклюже принял вертикальное положение.

- Если он знает, что я здесь, то должен знать, что произошло!

Доктор Брукс посмотрела на доктора Маркони, который покачал головой и постучал по своим часам. Она повернулась обратно к Лэнгдону.

- Это отделение интенсивной терапии, - объяснила она. - Никому нельзя входить до девяти утра. Сейчас доктор Маркони выйдет и узнает, кто этот посетитель и чего он или она хочет.

- Как насчет того, чего хочу я? - спросил Лэнгдон.

Доктор Брукс терпеливо улыбнулась и понизила голос, наклоняясь ближе. - Мистер Лэнгдон, есть некоторые вещи, о которых вы не знаете… о том, что с вами случилось. И прежде чем вы поговорите с кем-нибудь, думаю, будет справедливо, чтобы вы знали обо всех фактах. К сожалению, я не думаю, что сейчас вы достаточно сильны, чтобы…

- Каких фактах? - потребовал Лэнгдон, пытаясь держаться выше. Катетер в его руке сдавило, и он почувствовал себя, как будто его тело стало весить несколько сотен фунтов. - Все, что мне известно, это то, что я в больнице во Флоренции и что я прибыл, повторяя слова "Очень жаль…".

Ему на ум пришла пугающая мысль.

- Я виноват в дорожном происшествии? - спросил Лэнгдон. - Я кого-нибудь покалечил?

- Нет, нет, - сказала она. - Я так не думаю.

- Тогда что? - настаивал Лэнгдон, свирепо глядя на обоих докторов. - Я имею право знать, что происходит!

Последовало длительное молчание, затем доктор Маркони неохотно кивнул своей молодой привлекательной коллеге. Доктор Брукс выдохнула и подвинулась ближе к его краю кровати. - Хорошо, позвольте мне рассказать вам, что я знаю.. а вы спокойно выслушаете меня, идет?

Лэнгдон кивнул, движение головой сразу же вызвало боль по всему черепу. Он проигнорировал это, желая получить ответы.

- Во-первых, дело в том, что.. ваша рана головы не была вызвана несчастным случаем.

- Что ж, это облегчение.

- Не совсем. На самом деле, она была вызвана пулей.

Кардиомонитор Лэнгдона запульсировал быстрее. - Прошу прощения?

Доктор Брукс продолжила неуклонно и быстро. - Пуля пробила верх вашего черепа и вполне вероятно привела к сотрясению мозга. Вам очень повезло, что вы выжили. Дюймом ниже и …. Она покачала головой.

Лэнгдон смотрел на нее в неверии. Кто-то в меня стрелял?

В холле вспыхнул спор и раздались сердитые голоса. Звучало как-будто кто бы ни прибыл навестить Лэнгдона - он не хотел ждать. Почти сразу Лэнгдон услышал как тяжёлая дверь далеко в конце коридора распахнулась. Он смотрел пока не увидел фигуру, приближающуюся по проходу.

Женщина была полностью одета в чёрную кожу. Она была в хорошей форме и сильная, с шипастыми волосами. Она двигалась легко, как будто её ноги не касались земли и она направлялась прямиком в палату Лэнгдона.

Не колеблясь, доктор Маркони ступил в открытый дверной проём, чтобы преградить путь непрошеной гостье. "Стой!" (ит.) скомандовал он, протянув ладонь жестом полицейского.

Незнакомка, не сбавляя шагу, вынула пистолет с глушителем. Прицелилась доктору Маркони прямо в грудь и выстрелила.

Последовал характерный хлопок.

Лэнгдон с ужасом наблюдал, как доктор Маркони пошатнулся, задом ввалился в комнату, прижимая руку к груди, упал на пол; его белый халат быстро пропитался кровью.

ГЛАВА 3

В пяти милях от побережья Италии роскошная 237-футовая яхта "Обман" плыла в предрассветном тумане, который поднимался от мягко вращающейся зыби Адриатики. Стальной корпус корабля был разукрашен в темно-серый цвет, отчетливо придавая ему недружелюбную ауру военного судна.

Ценой свыше 300 миллионов долларов США, судно могло похвастаться всеми привычными удобствами: спа, бассейном, кинотеатром, персональной подводной лодкой и вертолетной площадкой. Однако, комфорт корабля не особо интересовал его владельца, который, получив яхту пять лет назад, выкинул из нее все лишнее и установил хорошо защищенный, армейский, электронный командный центр.

Подключённая к трем выделенными спутниковым линиям связи и к дополнительному массиву наземных ретрансляционных станций, аппаратная судна "Мендасиум" имела штат из чуть ли не двух десятков людей - технических специалистов, аналитиков, координаторов операций - которые жили на борту и находились в постоянном контакте с принадлежавшими организации различными наземными операционными центрами.

В бортовую систему охраны судна входили небольшой взвод обученных солдат, две системы обнаружения ракет и арсенал из самых последних моделей вооружения. С прочим вспомогательным персоналом - поварами, уборщиками и прислугой, общее количество людей на борту переваливало за сорок. Судно Мендасиум было, в результате, передвижным офисным сооружением, из которого её владелец управлял своей империей.

Известный своим работникам только как "хозяин", это был маленький, низкорослый человек со смуглой кожей и глубоко посаженными глазами. Его невзрачная внешность и прямолинейные манеры, пожалуй, хорошо вязались с человеком, сколотившим обширное состояние на предоставлении особого набора тайных услуг теневым представителям неформальных общественных групп.

Его называли по-разному - бездушным наемником, посредником греха, пособником дьявола - но он не был никем из перечисленного. Хозяин просто обеспечивал своих клиентов возможностью следовать их амбициям без последствий; то, что человечество было греховно по природе, было не его проблемой.

Не обращая внимания на критиков и их этические возражения, хозяин направил свой компас на неподвижную звезду. Он построил свою репутацию - и репутацию Консорциума - на двух золотых правилах.

Никогда не давай обещания, которое не сможешь выполнить.

И никогда не лги клиенту.

Ни при каких обстоятельствах.

В своей профессиональной деятельности хозяин никогда не нарушал обещаний и в сделке не давал обратного хода. Его слово было весомым - абсолютной гарантией - и хотя, конечно, бывали контракты, о заключении которых он сожалел, никогда не рассматривалось вариантов из них выйти.

Этим утром, выйдя на частный балкон из своей каюты, хозяин смотрел на вспененное море и пытался успокоиться, не обращая внимание на боль в желудке.

Решения, которые мы принимаем в прошлом, строят наше настоящее.

Судя по прошлым решениям, он мог преодолевать почти любое минное поле и всегда преуспевать. Сегодня, однако, когда он пристально посмотрел из окна на отдаленные огни итальянского материка, он почувствовал себя на краю. И это было нетипично для него.

Год назад на этом самом судне он принял решение, последствия которого ныне угрожали всему, что он выстроил. Я согласился оказать услугу не тому человеку. В то время хозяин никак не мог об этом знать, и всё же, теперь тот просчёт привёл к шквалу непредвиденных проблем, вынудив его направить на места своих лучших агентов с приказами "чего бы это ни стоило" удержать на плаву его накренившийся корабль.

В данный момент хозяин ожидал вестей, в частности, от одного из своих оперативных агентов.

Вайента, думал он, представляя мускулистого эксперта с волосами в виде шипов. Вайента, которая служила ему безупречно до этой миссии, вчера вечером сделала ошибку, которая имела страшные последствия. Прошедшие шесть часов были схваткой, отчаянной попыткой восстановить контроль над ситуацией.

Вайента утверждала, что ее ошибка была результатом простой неудачи — неуместное воркование голубя.

Хозяин, однако, не верил в удачу. Все, что он делал, было организовано, чтобы уничтожить хаотичность и исключить случайность. Контроль был отличительной чертой военного полицейского — предвидение каждой возможности, предупреждение каждого ответа и формирование действительности на пути к желаемому результату. У него был безупречный послужной список успехов, и умение хранить тайну, и благодаря этому появилась потрясающая клиентура — миллиардеры, политики, шейхи и даже целые правительства.

На востоке первый слабый утренний свет начал поглощать самые низкие звезды на горизонте. На палубе стоял хозяин и терпеливо ждал донесения от Вайенты, что ее миссия прошла точно как запланировано.

ГЛАВА 4

На какое-то мгновение Лэнгдону показалось, что время остановилось.

Доктор Маркони лежал на полу, из его груди текла кровь. Борясь с успокоительным, Лэнгдон поднял глаза на убийцу с ирокезом, которая шагала по коридору, преодолевая последние несколько метров до открытой двери. Приблизившись к порогу, она глянула в сторону Лэнгдона и мгновенно развернула свое оружие в его направлении … целясь в голову.

"Я сейчас умру, - подумал Лэнгдон. - Здесь и сейчас".

В маленькой комнате оглушающе прозвучал выстрел.

Лэнгдон отпрянул, уверенный, что его застрелили, но звук не был порожден пистолетом женщины. Это был стук захлопнувшейся тяжелой металлической двери: Доктор Брукс бросилась на нее всем телом и защелкнула замок.

С расширившимися от страха глазами доктор Брукс мгновенно развернулась и присела рядом со своим лежащем в крови коллеге, проверяя ему пульс. Доктор Маркони закашлялся кровью, и она потекла по его щеке в бороду. После этого доктор больше не двигался.

- Enrico, no! Ti prego! - закричала Брукс.

Снаружи в металлическую обивку двери стали биться пули. Из коридора послышались крики тревоги.

Каким-то образом тело Лэнгдона начало двигаться, паника и инстинкт пересилили успокоительное. Пока он неуклюже выбирался из постели, жгучаю боль разрывал правую руку. На мгновение он подумал, что одна из пуль прошла сквозь дверь и попала в него, но, глянув вниз. он понял, что на его руке сломалась капельница. Пластиковый катетер торчал из предплечья, и из трубки текла теплая кровь.

Теперь Лэнгдон полностью очнулся.

Согнувшись у тела Маркони, доктор Брукс продолжала искать пульс, а ее глаза застилались слезами. Потом, будто внутри нее щелкнул переключатель, она поднялась и повернулась к Лэнгдону. Выражение ее лица изменилось прямо у Лэнгдона на глазах, молодые черты ожесточились уверенным самообладанием опытного врача, имеющего дело с кризисом заболевания.

- Идите за мной, - скомандовала она.

Доктор схватила Лэнгдона за руку и потянула его через комнату. Из коридора по-прежнему слышались звуки стрельбы и хаоса. Лэнгдон двинулся вперед на нетвердых ногах. Его разум был бодр, но напичканное лекарством тело медленно реагировало на команды, подаваемые мозгом. Двигайся! Лэнгдон ощущал стопами ног холод плиточного пола, а больничный халат едва ли был достаточно длинным, чтобы скрыть всю его шестифутовую фигуру. Он чувствовал, как кровь стекала по руке в ладонь.

Пули продолжали грохотать о тяжелую ручки двери, и доктор Брукс грубо подтолкнула Лэнгдона в небольшую ванную комнату. Она собиралась уходить, но остановилась, вернулась, подбежала к стойке и схватила его пропитанный кровью пиджак из шотландского твида.

Забыла мой проклятый пиджак!

Она вернулась в ванную, сжимая в руках пиджак, и быстро замкнула дверь. Как раз в это мгновение распахнулась дверь во внешнюю комнату.

Молодая женщина-доктор взяла себя в руки. Она шагнула через крошечную ванную комнату ко второй двери, и открыв ее, завела Лэнгдона в послеоперационную, находящуюся рядом. Под звуками стрельбы она выглянула в коридор и, быстро схватив руку Лэнгдона, потащила его к лестничной клетке. Внезапный рывок вызвал у Лэнгдона головокружение, он почувствовал, что может отключиться в любой момент.

Следующие пятнадцать секунд были как в тумане…он спускался…спотыкался…падал. Стук в его голове был почти невыносим. Теперь его видение казалось более расплывчатым, а его мышцы стали такими вялыми, что каждое движение было заторможенным.

Но затем воздух похолодел.

Я снаружи.

Когда доктор Брукс проталкивала его по тёмному переулку, подальше от здания, Лэнгдон наступил на что-то острое и упал, сильно ударившись о тротуар. Она с трудом подняла его на ноги, громко проклиная тот факт, что ему дали успокоительное.

Когда они приблизились к концу переулка, Лэнгдон опять споткнулся. На сей раз она оставила его на земле, выбежала на мостовую и крикнула кому-то вдалеке. Лэнгдону удалось различить слабый зелёный огонёк такси, остановившегося перед больницей. Машина была

неподвижна, водитель её явно уснул. Доктор Брукс завизжала и стала дико размахивать руками. Наконец, фары такси ожили, и оно лениво двинулось в их сторону.

Позади Лэнгдона в переулке распахнулась дверь, за этим послышался быстро приближающийся звук шагов. Он обернулся и увидел направлявшийся к нему тёмный силуэт. Лэнгдон попытался снова встать на ноги, но докторша его уже ухватила и затолкнула на заднее сидение стоявшего без дела Фиата-такси. Он оказался наполовину на сидении, наполовину на полу, ибо доктор Брукс нырнула поверх него, захлопнув дверцу.

Водитель с заспанными глазами обернулся и уставился на экзотичную парочку, которая буквально кубарем вкатилась к нему в такси - молодая женщина в медицинской робе с завязанными в пучок волосами и мужчина в наполовину разорванном халате и с кровоточащей рукой. Он явно уже собирался сказать им, чтобы убирались к чертям из его машины, как тут разлетелось боковое зеркало. Из переулка выскочила женщина в черном кожаном одеянии с оружием наготове. Её пистолет ещё раз издал хлопок, как только доктор Брукс ухватила голову Лэнгдона и пригнула её. Заднее стекло рассыпалось, обдав их стеклянной крошкой.

Водитель не нуждался в дальнейших распоряжениях. Он ударил ногой по педали газа, и такси сорвалось с местаю

Лэнгдон находился на грани потери сознания. Кто-то пытается убить меня?

Как только такси выехало за угол, доктор Брукс выпрямилась на сидении и взяла Лэнгдона за пораненную руку. Катетер неудобно торчал из дыры в плоти.

- Посмотрите в окно, - потребовала она.

Лэнгдон повиновался. За окном в темноте мелькали призрачные надгробные плиты. Это вполне соответствовало случаю, что они проезжали кладбище. Лэнгдон почувствовал, как пальцы доктора мягко нащупали катетер и затем без предупреждения, она выдернула его.

Жгучая волна боли ударила прямо в голову Лэнгдона. Он почувствовал, как его глаза закатились, и затем все почернело.

ГЛАВА 5

Пронзительный звонок телефона заставил хозяина отвести взгляд от успокаивающей дымки Адриатики, и он быстро шагнул обратно в свою каюту-офис.

“Самое время”, - подумал он, с нетерпением ожидая новостей.

Экран его компьютера на столе загорелся, сообщая о входящем звонке, поступающем с личного шведского телефона Sectra Tiger XS с функцией шифрования голоса, и который был переадресован через четыре неотслеживаемых роутера, прежде чем соединится с кораблем.

Он надел наушники.

- Хозяин слушает, - сказал он, медленно и тщательно выговаривая слова. - Говорите.

- Это Вайента, - ответил голос.

Хозяин почувствовал необычную нервозность в ее голосе. Полевые агенты редко говорили лично с хозяином, и еще реже они сохраняли свою работу после провала, подобного тому, что произошел этой ночью. Тем не менее, хозяин потребовал отправить агента на место операции, с целью поправить дела, и Вайента подходила для этой работы более других.

- У меня есть новости, - сказала Вайента.

Хозяин сохранял молчание, тем самым намекая, чтобы она продолжала.

Когда она заговорила, ее голос был бесстрастным, очевидно, попытка показать профессионализм.

- Лэнгдон спасся, - сказала она. - Объект у него.

Хозяин сел за свой стол и очень долгое время молчал.

- Понятно, - наконец-то ответил он. - Я думаю, он обратится к властям так скоро, как только сможет.

***

Двумя палубами ниже хозяина, в центре управления безопасности корабля, старший координатор Лоуренс Ноултон сидел в своей личной кабине и наблюдал, как хозяин завершает зашифрованный звонок. Он надеялся, что новости были хорошими. Напряжение хозяина было ощутимым в последние несколько дней, поэтому каждый агент на корабле знал, что ставки на эту операцию были очень высоки.

Ставки были немыслимо высоки, и на этот раз Вайента не могла ошибиться.

Ноултон привык руководить тщательно проработанными стратегиями, но именно сейчас операция потерпела полный провал, и хозяину пришлось взять контроль в свои руки.

Мы перешли на неизведанную территорию.

Хотя в разных местах по всему миру проводилось ещё с полдюжины операций, все они поддерживались местными отделениями Консоциума, давая этим хозяину и экипажу его яхты “Мендасиум” возможность сосредоточиться исключительно на этой.

Несколько дней назад один их клиент допрыгался и был убит во Флоренции, но у Консорциума на его счет оставался длинный перечень услуг - особых заданий, которые тот человек доверил этой организации вне зависимости от обстоятельств - и Консорциум, как и всегда, собирался последовательно всё выполнить, не задаваясь вопросами.

У меня свои задания, подумал Ноултон, намереваясь действовать строго по инструкциям. Он вышел из своей звукоизолированной застеклённой кабины, пройдя мимо других отсеков - прозрачных и непрозрачных - в которых дежурные офицеры разбирались с другими аспектами той же операции.

Ноултон прошёл сквозь тонкие слои кондиционированного воздуха главной аппаратной, кивая техперсоналу, и зашёл в прилегающее небольшое хранилище с полудюжиной сейфов. Открыл один из сейфов и положил на место его содержимое, в этот раз - ярко-красную карту памяти. Согласно закреплённому ярлыку, на карте был большой видеофайл, который по предписанию клиента им следовало загрузить на ключевые медиапорталы в конкретное время следующим утром.

Завтра весьма несложно будет анонимно загрузить файл, но согласно инструкции для всех файлов, сегодня по графику намечено было оценить этот файл - за сутки до отправки - чтобы убедиться, что у Консорциума есть достаточно времени на всю необходимую расшифровку, компилирование и другие виды подготовки, которые могут потребоваться перед загрузкой точно в срок.

Случайностей быть не должно.

Ноултон вернулся в свою стеклянную будку и закрыл громоздкую стеклянную дверь, отгородившись от внешнего мира.

Он щёлкнул на стене переключателем, и его кабина тут же стала непрозрачной. Для конфиденциальности все офисы со стеклянными стенами на борту “Мендасиума” были построены с применением электрохромного стекла на “взвешенных частицах”. Прозрачностью такого стекла легко управлять пропусканием или выключением электрического тока, что либо упорядочивает, либо снова делает случайной ориентацию миллионов мельчайших частиц стержневой формы, рассредоточенных внутри панели.

Деление на отсеки имело фундаментальное значение для успеха Консорциума.

Знать только о своей части операции. Ничего не обсуждать с другими.

Теперь, устроившись поудобней в своем личном пространстве, Ноултон воткнул карту памяти в компьютер и запустил файл, чтобы начать оценку.

Экран мгновенно почернел…и его колонки начали издавать тихий звук плескающейся воды. Изображение медленно появлялось на экране…безформенное и мрачное. Возникая из темноты, картинка начала обретать форму… пространство внутри пещеры…или какой-то огромной комнаты. Вместо пола была вода, как в подземном озере. И как ни странно, вода, казалось, была освещена…как будто изнутри.

Ноултон никогда не видел ничего подобного. Всё в пещере светилось зловещим красноватым цветом, а на ее бледные стены падали усикоподобные отражения покрытой рябью воды. Что это за…место?

Звуки всплесков продолжались, и камера начала наклоняться вперед и опускаться вниз, прямо к воде, пока не прошла сквозь освещенную поверхность. Шум журчащей воды прекратился, сменившись зловещей подводной тишиной. Здесь, под водой, камера продолжала опускаться и, пройдя несколько футов, остановилась, сфокусировавшись на покрытом илом дне пещеры.

Ко дну была привинчена сверкающая титановая пластина.

На пластине была надпись.

В ЭТОМ МЕСТЕ И В ЭТО ВРЕМЯ

МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА.

В нижней части пластины были выгравированы имя и дата.

Это было имя их клиента.

А дата обозначала… завтрашний день.

ГЛАВА 6

Лэнгдон почувствовал на себе крепкие руки…вытягивающие его из бредового состояния и помогающие ему выйти из такси. Асфальт стал холодным под его босыми ногами.

Опираясь на стройную фигуру доктора Брукс, Лэнгдон, покачиваясь, двигался между двумя многоэтажками. Утренний воздух шумел, вздымая его больничный халат, и Лэнгдон почувствовал холодный ветерок в местах, где его быть не должно.

Успокоительное, которое ему дали в больнице, сделало его ум таким же затуманенным, как и его зрение. Лэнгдон был будто под водой, пробиваясь сквозь вязкое, слабо освещенное пространство. Сиенна Брукс тащила его вперед, поддерживая с удивительной силой.

- Лестница, - сказала она, дав понять Лэнгдону, что они достигли запасного входа в здание.

Лэнгдон обхватил перила и с трудом потащился вперед, наступая на каждую ступеньку. Было тяжело. Доктор Брукс просто толкала его вперед. Когда они добрались до лестничной площадки, она набрала какие-то цифры на старой ржавой клавиатуре и дверь шумно открылась.

Воздух внутри был не намного теплее, но кафельный пол по ощущению был похож на мягкий ковер по сравнению с шершавым асфальтом на улице. Доктор Брукс привела Лэнгдона к крошечному лифту и, резко открыв складную дверь, подтолкнула его в кабинку, которая была размером не больше телефонной будки. Внутри пахло сигаретами MS - сладко-горьким ароматом, таким же распространенным в Италии, как аромат кофе эспрессо. Ненадолго запах смог прояснить ум Лэнгдона. В это время доктор Брукс нажала кнопку, и где-то над ним несколько старых механизмов, лязгнув, начали движение.

Вверх…

Скрипучая кабина лифта дребезжала и вибрировала с того момента, как начала свое восхождение. Поскольку стены были всего лишь металлической сеткой, Лэнгдон мог наблюдать, как они размеренно скользят вдоль внутренней части шахты лифта. Даже в полубессознательном состоянии преследующий Лэнгдона всю жизнь страх замкнутых пространств не отпускал его.

Не смотри.

Он прислонился к стене, пытаясь отдышаться. У него болело предплечье, и когда он посмотрел вниз, то увидел, что рукав твидового пиджака был неловко обвязан вокруг его руки как поддерживающая повязка. А сам пиджак тянулся за ним по земле, обтрёпанный и грязный.

Он закрыл глаза, чтобы унять стучащую боль в голове, но темнота снова охватила его.

Вновь всплыло знакомое видение — похожая на изваяние, женщина в вуали с амулетом и серебристыми волосами, струящимися локонами по ее плечам. Как прежде, она была на берегу реки в окружении кроваво-красных извивающихся тел. Она говорила с Лэнгдоном, в ее голосе слышалась мольба. Ищите и найдете!

Лэнгдона одолевало чувство, что он призван спасти ее…спасти их всех. Наполовину в земле, с торчащими вверх ногами они медленно падали вниз…один за другим.

- Кто ты!? - прокричал он в тишине. - Чего ты хочешь?!

Ее роскошные серебристые волосы начали трепетать на горячем ветру. Наше время тает, прошептала она, касаясь амулета на ожерелье. Затем без предупреждения она прорвалась сквозь столб слепящего огня, который вздымался над рекой, охватывая их обоих.

Лэнгдон закричал, его глаза распахнулись.

Доктор Брукс посмотрела на него с беспокойством. - Что случилось?

- У меня опять галлюцинации! - воскликнул Лэнгдон. -Та же самая картина.

- Женщина с серебристыми волосами? И мертвые тела?

Лэнгдон кивнул, и бисеринки пота выступили у него на лбу.

- Вам станет лучше,- уверила его она, хотя в ее голосе были сомнения. - Повторяющиеся видения распространены при амнезии. Функции мозга, которые распределяют и регистрируют ваши воспоминания, были временно нарушены, и поэтому все смешивается в одну картину.

- Не очень-то приятную картину, - уточнил он.

- Я знаю, но пока вы не оправитесь, ваши воспоминания будут запутанными и беспорядочными — прошлое, настоящее и воображаемое все смешается. То же самое происходит во снах.

Лифт покачнулся перед остановкой, и доктор Брукс распахнула складную дверь. Они снова пошли, на сей раз вниз по темному, узкому коридору. Они прошли мимо окна, за которым в утреннем свете начали появляться темные силуэты флорентийских крыш. В дальнем конце коридора она присела вниз, вынула ключ из-под горшка с высохшим комнатным растением и отперла дверь.

Квартира была крошечной, воздух внутри был смесью запаха ароматизированной ванильной свечи и старых ковров. Мебель и художественные работы, в лучшем случае, были бессодержательными — как будто она покупала их на распродаже. Доктор Брукс настроила термостат, и батареи начали прогреваться.

Она остановилась на мгновение и закрыла глаза, тяжело выдыхая, чтобы взять себя в руки. Затем она повернулась и помогла Лэнгдону войти в скромную кухоньку, в которой располагались стол

и два хлипких стула.

Лэнгдон сделал движение к стулу, надеясь присесть, но доктор Брукс, обхватив его одной рукой, другой рукой приоткрыла застеклённый шкафчик. Шкафчик был почти пустым … крекеры, несколько упаковок пасты, жестяная банка кока-колы и баночка с таблетками NoDoz.

Она вынула баночку и высыпала шесть капсул в ладонь Лэнгдона. - Кофеин, - сказала она. - На тот случай, когда я работаю в ночные смены как сегодня вечером.

Лэнгдон положил таблетки в рот и огляделся вокруг в поисках воды.

- Разжуйте их, - сказала она. - Так они подействуют быстрее, и помогут нейтрализовать успокоительное.

Лэнгдон начал жевать и немедленно съежился. Таблетки были горькие на вкус, явно предполагалось, что их нужно глотать целиком. Доктор Брукс открыла холодильник и вручила Лэнгдону полупустую бутылку Сан Пелегрино. Он с благодарностью сделал большой глоток.

Доктор с "конским хвостиком" одной рукой удалила импровизированный бандаж, который она соорудила из его пиджака, и положила его на кухонный стол. Потом она тщательно исследовала его рану. Когда она держала его обнаженную руку, Лэнгдон почувствовал, как дрожали ее тонкие пальцы.

- Вы будете жить, - констатировала она.

Лэнгдон надеялся, что с ней все в порядке. Он с трудом понимал то, что они оба только что пережили. -Доктор Брукс, - сказал он, - мы должны позвонить кому-нибудь. Консульство … полиция. Хотя бы кому-нибудь.

Она кивнула в знак согласия.

- И вообще, хватит называть меня доктором Брукс - меня зовут Сиенна.

Лэнгдон кивнул. - Спасибо. Я - Роберт. - Убегая, чтобы спасти свои жизни, они только что придумали нечто похожее на договор, который гарантировал основание называть друг друга по имени. -Ты сказала, что ты англичанка?

- Да, по рождению.

- Ты говоришь без акцента.

- Вот и хорошо, - ответила она. - Я с трудом от него избавилась.

Лэнгдон хотел было поинтересоваться, зачем, но Сиенна жестом велела ему следовать за ней. Она провела его узким коридором в небольшую, мрачную ванную. В зеркале над раковиной Лэнгдон мельком взглянул на свое отражение - впервые после того, как видел его в оконном стекле больничной палаты.

Не хорошо. Густые темные волосы Лэнгдона были спутаны, а глаза налиты кровью и выглядели устало. На его скулах был слой щетины.

Сиена включила кран и подставила травмированное предплечье Лэнгдона под ледяную воду. Его как будто резко ужалило, но он держался и не убирал плечо, лишь вздрагивая.

Сиенна достала свежее полотенце и спрыснула его антибактериальным мылом. -Ты можешь не смотреть.

- Все в порядке. Меня не беспокоит—

Сиена начала яростно тереть, и жгучая боль пронзила руку Лэнгдона. Он сжимал челюсть, чтобы не закричать от боли.

-Ты ведь не хочешь заработать инфекцию,- сказала она, и стала тереть еще сильнее. - Кроме того, если ты собирашься звонить властям, то нужно выглядеть бодрее, чем сейчас. Ничто не активирует производство адреналина лучше, чем боль.

Лэнгдон продержался целых десять секунд прежде, чем с силой отдернул руку. Хватит! По общему признанию, он чувствовал себя более сильным и вполне пришел в себя; боль в руке теперь полностью затмила головная боль.

- Хорошо, - сказала она, выключая воду и насухо вытирая его руку чистым полотенцем. Потом Сиена сделала маленькую повязку на его предплечье. И пока она делала это, Лэнгдон почувствовал, что его что-то смущает, и он только что заметил — что-то сильно беспокоило его.

В течение почти четырех десятилетий Лэнгдон носил старые часы из коллекции с Микки-Маусом, подарок его родителей. Улыбчивое лицо Микки и поднятые в широком приветствии руки всегда служили ему ежедневным напоминанием, чтобы он улыбался чаще и относился к жизни не так серьезно.

-Мои часы …,- Лэнгдон запинался. -Они исчезли! Без них он внезапно почувствовал себя неуютно. -Они были на мне, когда меня доставили в больницу?

Сиенна бросила на него недоверчивый взгляд, явно озадаченная тем, что его беспокоит такая безделица.

- Не помню никаких часов. Просто тебе надо выспаться. Я через несколько минут вернусь, и мы сообразим, как тебе помочь.

Она повернулась к выходу, но задержалась у двери, встретившись с ним взглядом в зеркале.

- А пока меня не будет, предлагаю тебе хорошенько подумать, с чего это кому-то нужно тебя убить. Думается, это первое, что спросят представители власти.

- Постой, куда ты уходишь?

- Нельзя же разговаривать с полицией полуголым. Я найду тебе одежду. У моего соседа примерно такой же размер. Он в отъезде, а я кормлю его кота. За ним должок.

С этими словами Сиенна удалилась.

Роберт Лэнгдон обернулся к зеркальцу над раковиной и еле узнал уставившегося на него оттуда. Кто-то хочет моей смерти. Он снова мысленно услышал запись собственного бормотания в бреду.

- Очень жаль. очень жаль.

Он напрягал свою память, пытаясь вспомнить, что произошло … хотя бы что-нибудь. Он видел только пустоту. Лэнгдон знал лишь то, что он был во Флоренции и у него было пулевое ранение в голову.

Всматриваясь в свои утомленные глаза, Лэнгдон задумался, возможно ли в любой момент проснуться в своем кресле дома, сжимая пустой стакан для мартини и томик “Мертвых Душ”, только чтобы напомнить себе, что никогда не следует смешивать “Бомбейский Сапфир” и Гоголя.

ГЛАВА 7

Лэнгдон сбросил пропитанный кровью больничный халат и обернул полотенце вокруг своей талии. Ополоснув водой лицо, он осторожно коснулся швов на затылке. Кожа была воспаленной, но когда он пригладил спутанные волосы в этом месте, рана почти исчезла. Таблетки кофеина подействовали, и он наконец почувствовал, что туман начал рассеиваться.

Думай, Роберт. Попытайся вспомнить.

Ванная без окон внезапно показалась замкнутой, и Лэнгдон отступил в коридор, двигаясь инстинктивно к полоске естественного света, которая проникала в коридор сквозь частично открытую дверь. Комната была своего рода импровизированным кабинетом, с

дешевым столом, потертым вращающимся стулом, разными книгами на полу, и, к счастью … с окном.

Лэнгдон двинулся к дневному свету.

Восходящее вдали тосканское солнце едва начинало касаться самых высоких шпилей пробуждавшегося города - колоколен, Аббатства, Барджелло. Лэнгдон прижался лбом к прохладному стеклу. Мартовский воздух был свежим и холодным, он подчёркивал весь спектр солнечного света, который теперь уже показался из-за холмов.

Освещение для живописи, что называется.

Посреди горизонта возвышался величественный купол, крытый красной черепицей, его верхушка была украшена позолоченным медным шаром, сверкавшим подобно маяку. Домский собор. Брунеллески вошёл в историю архитектуры, спроектировав массивный купол базилики, и теперь, через пять с лишним сотен лет, эта конструкция высотой 115 метров продолжает стоять непоколебимым гигантом на Домской площади.

С чего это я оказался во Флоренции?

Для Лэнгдона, которого всегда влекло итальянское искусство, Флоренция давно стала одним из любимейших мест в Европе, куда он стремился. Это был город, на улицах которого ребенком играл Микеланджело, и в студиях которого зажёгся огонь итальянского Возрождения. Это была та самая Флоренция, галереи которой манили миллионы туристов посмотреть с восхищением на “Рождение Венеры” Боттичелли, “Благовещение” Леонардо и на предмет гордости и радости горожан - статую Давида.

Лэнгдон был заворожён “Давидом” Микеланджело ещё когда впервые увидел его подростком… тогда он зашёл в Академию изящных искусств… медленно продвигаясь через группу неотесанных микеланжеловских Приджони… и тут почувствовал, что его взгляд неотвратимо потянуло вверх, к этому пятиметровому шедевру. Большинство новых посетителей поражали величественные размеры Давида и его выраженная мускулатура, однако, Лэнгдон более всего пленительным находил гениально выбранную позу Давида. Микеланджело применил классический приём контрапоста - для создания иллюзии, что Давид наклоняется вправо и его левая нога почти невесома, в то время как на самом деле его левая нога удерживает тонны мрамора.

Статуя Давида пробудила в Лэнгдоне первое искреннее восхищение мощью этой великой скульптуры. Теперь Лэнгдона интересовало, не посещал ли он этот шедевр в последние несколько дней, но единственное воспоминание, которое он мог у себя вызвать, было о том, как он проснулся в больнице и увидел, что у него на глазах убивают ни в чём не повинного врача. Как жалко. Очень жалко.

Вина, которую он чувствовал, вызывала отвращение. Что я совершил?

Стоя у окна, боковым зрением он мельком увидел ноутбук на столе около себя. Что бы ни случилось с Лэнгдоном вчера вечером, он внезапно понял, что это может появиться в новостях.

Если у меня будет доступ к Интернету, я смогу найти ответы.

Лэнгдон повернулся к двери и позвал: - Сиенна?!

Тишина. Она всё ещё была в квартире соседа и искала одежду.

Не сомневаясь в том, что Сиенна поймет вторжение, Лэнгдон открыл ноутбук и включил его.

Экран домашнего компьютера Сиенны замерцал — стандартный Windows с голубым фоном. Лэнгдон немедленно зашел на поисковую страницу Гугл Италия и ввел словосочетание Роберт Лэнгдон.

Если бы мои студенты увидели меня сейчас, подумал он, начиная поиск. Лэнгдон все время предостерегал своих студентов от поиска в Гугле самих себя — новое экстравагантное

времяпрепровождение, которое отражало навязчивую идею стать знаменитостью, которой теперь, казалось, обзавелась американская молодежь.

Открылась страница с результатами поиска — сотни ссылок, имеющих отношение к Лэнгдону, его книгам и лекциям. Совсем не то, что я ищу.

Лэнгдон ограничил поиск, выбирая раздел новостей.

Появилась другая страница: Новые результаты по запросу "Роберт Лэнгдон."

Роберт Лэнгдон выступил с презентацией новой книги…

Роберт Лэнгдон получил ученую степень в….

Роберт Лэнгдон публикует книгу по символогии для начинающих…

Список был длиной в семь страниц, однако, каких-либо недавних ссылок Лэнгдон не увидел - явно ничего такого, что объяснило бы его нынешнее сложное положение. Что произошло вчера вечером? Лэнгдон настойчиво продолжал поиск и вышел на сайт "Флорентийской газеты", выходящей на английском во Флоренции. Он просмотрел заголовки, разделы экстренных новостей и полицейские сводки, где попадались статьи о домашних пожарах, о скандалах с правительственными растратами и о всевозможных мелких преступлениях.

Совсем ничего?!

Он задержался на свежих новостях о городском чиновнике, скончавшемся от сердечного приступа прошлой ночью на стоянке перед собором. Имя чиновника не разглашалось, но подозрений в убийстве не было.

Наконец, не зная куда зайти еще, Лэнгдон вошел в свой гарвардский почтовый ящик и проверил новые сообщения, надеясь найти хоть какие-то ответы. Все, что он увидел, было обычным потоком писем от коллег, студентов и друзей, большинство которых напоминали о встречах на следующей неделе.

Как будто никто не знает, что я пропал.

С возрастающей неуверенностью Лэнгдон выключил компьютер и закрыл крышку. Он собирался уходить, когда что-то попалось ему на глаза. В углу стола Сиенны, поверх пачки старых медицинских журналов и газет, лежала фотография, сделанная на Полароиде. На снимке были изображены улыбающиеся Сиенна Брукс и ее бородатый коллега доктор в вестибюле больницы.

Доктор Маркони, подумал одолеваемый чувством вины Лэнгдон, взяв и разглядев фотографию.

Когда Лэнгдон перекладывал фото на стопку с книгами, он с удивлением заметил сверху жёлтый буклет - потрепанную программку из лондонского театра Глоуб. Судя по обложке, она была к постановке шекспировской "Сон в летнюю ночь"… двадцатипятилетней давности.

На другой стороне программки, в ее верхней части была рукописная надпись, сделанная фломастером: Милая, я никогда не забуду, что ты чудо.

Лэнгдон поднял программку, обронив при этом на стол стопку газетных вырезок. Он попытался быстро их сложить, но, открыв буклет, лежавший в одной из выпавших страниц, резко остановился.

Он смотрел на фотографию ребенка, вылитого шекспировского персонажа, веселого эльфа Пака. На фото красовалась маленькая девочка, которой было не больше пяти лет, ее светлые волосы были сложены в знакомый конский хвост.

Под фотографией была подпись: родилась звезда.

Дальше следовало сентиментальное описание чуда детского театра, с исключительным уровнем IQ - Сиенны Брукс - которая за одну ночь запоминала реплики каждого персонажа и во время первых репетиций даже подсказывала слова другим актерам. За эти пять лет она

увлеклась такими хобби, как скрипка, шахматы, биология и химия. Родом из состоятельной семьи лондонского пригорода Блэкхит, девочка стала знаменитостью в научных кругах; в четыре года она побеждала шахматного гроссмейстера его же методами и говорила на трех языках.

Боже мой, подумал Лэнгдон. Сиенна. Это объясняет несколько вещей.

Лэнгдон вспомнил одного из гарвардских выпускников, одаренного мальчика по имени Соул Крипке, который в шесть лет обучился иврите, а в двенадцать прочел все работы Декарта. Затем, Лэнгдон вспомнил, как читал о молодом феномене по имени Моше Кай Кавалин, который в одиннадцать закончил колледж с средним баллом 4.0 и завоевал национальный титул боевых искусств, а четырнадцать опубликовал книгу под названием Мы сможем.

Лэнгдон взял другую газетную вырезку, газетную статью с фотографией Сиенны в семь лет: ГЕНИАЛЬНЫЙ РЕБЕНОК обладает IQ 208.

Лэнгдон даже не знал, что IQ может быть таким высоким. Согласно статье, Сиенна Брукс была виртуозной скрипачкой, могла освоить новый язык через месяц и сама выучила анатомию и физиологию.

Он посмотрел на другую вырезку из медицинского журнала: БУДУЩЕЕ МЫСЛИ: НЕ ВСЕ УМЫ СОЗДАНЫ ОДИНАКОВЫМИ.

В статье было фото Сиенны где-то в десятилетнем возрасте с теми же светлыми волосами, стоящей за крупной частью медицинского аппарата. Статья содержала интервью с доктором, который объяснял, что томография мозжечка Сиенны показала физические различия с мозжечками других, ее был больше и более подходящий для управления зрительно-пространственным содержимым таким образом, что большинство людей даже не могли себе представить. Доктор приравнивал физиологические преимущества Сиенны ускоренного клеточного роста к обычному раку, исключая то, что ускорялся рост полезных тканей мозга, а не опасных раковых клеток.

Лэнгдон нашел вырезку из не очень известной газеты.

ПРОКЛЯТИЕ ГЕНИАЛЬНОСТИ.

На этот раз фотографий не было, но речь шла о молодом гение, Сиенне Брукс, которая пыталась посещать обычные школы, но была вытравлена другими учениками, потому что не могла найти с ними общий язык. Также говорилось об одиночестве одаренных детей, чьи социальные навыки не соответствовали интеллектуальным и не принимались обществом.

Сиенна, согласно этой статье, убежала из дома в возрасте десяти лет, и была достаточно умна, чтобы прожить без чьей либо помощи в течении десяти дней. Ее нашли в престижном лондонском отеле, где она притворилась дочерью одного из гостей и, украв ключ, заказывала обслуживание номеров за чей-то чужой счет. Судя по всему, она провела всю неделю за чтением всех 1600 страниц Анатомии Грея. Когда представители власти спросили ее, зачем она читала медицинские тексты, она ответила, что хотела выяснить, что не так с ее мозгом.

Сердцем Лэнгдону было жаль маленькую девочку. Он не мог вообразить, насколько одиноким чувствует себя ребенок, который так сильно отличается от всех. Он повторно складывал статьи, остановившись напоследок на фотографии пятилетней Сиенны в роли Пака. Лэнгдон должен был признать, учитывая невероятность его встречи с Сиенной сегодня утром, что ее роль озорного, вызывающего сон эльфа казалась удивительно уместной. Единственное о чем жалел Лэнгдон, что он, как герои в игре, не мог теперь просто проснуться и притвориться, что все недавние события были сном.

Лэнгдон осторожно сложил все вырезки на свое место и закрыл программку, почувствовав неожиданную грусть, когда вновь посмотрел на запись на обложке: Милая, никогда не забуду, что ты чудо.

Его взгляд переместился вниз к знакомому символу, украшающему театральную афишу. Это была та же самая ранняя греческая пиктограмма, которая украшала большинство театральных афиш во всем мире — символ, который уже в течение двух с половиной тысяч лет ассоциировался с драматическим театром.

Маски (ит.)

***

Лэнгдон посмотрел на традиционные изображения Комедии и Трагедии, глядящие на него, и внезапно услышал странное жужжание в ушах — как будто внутри головы медленно натянули тугой провод. Удар боли обрушился на его голову. Видения маски плавали перед его глазами. Лэнгдон хватал ртом воздух и, подняв руки, сел на рабочее кресло и плотно закрыв глаза, схватился за голову.

В темноте причудливые видения возвратились с новой силой … абсолютные и яркие.

Седая женщина с амулетом звала его снова со всех концов кроваво-красной реки. Ее крики отчаяния пронзили пахнущий гнилью воздух, ясно слышались звуки истерзанных и умирающих, тех кто корчился в муках, насколько видел глаз. Лэнгдон снова увидел перевернутые ноги, на которых красовалась буква Р, наполовину ушедшее под землю тело в диком отчаянии барахтало ногами в воздухе.

- Ищи и найдешь! - кричала женщина Лэнгдону. - Время ускользает!

Лэнгдон снова почувствовал непреодолимую потребность помочь ей … помочь всем. В бешенстве, он кричал ей вслед через кроваво-красную реку. - Кто ты?!

Еще раз женщина протянула руку и приподняла свою вуаль, и предстала в том же самом поразительном облике, который Лэнгдон видел раньше.

- Я жизнь, - ответила она.

Без предупреждения колоссальное изображение материализовалось в небе над ней — внушающая страх маска с длинным, подобным клюву носом и двумя пламенными зелеными глазами, которые безучастно смотрели на Лэнгдона.

- И…я смерть, - прогремел голос.

ГЛАВА 8

Глаза Лэнгдона распахнулись и он судорожно вздохнул. Он все еще сидел за столом Сиенны, держа голову в ладонях. Его сердце дико билось.

Что, черт возьми, со мной происходит?

Перед его мысленным взором все еще стояли образы седоволосой женщины и маски с клювом. Я жизнь. Я смерть. Он попытался стряхнуть видение, но оно, казалось, навсегда запечатлелось в его мозгу. Со стола на него смотрели две маски с афиши.

- Ваши воспоминания будут запутаны и беспорядочны, - так сказала ему Сиенна. - Прошлое, настоящее и воображение - все смешается вместе.

У Лэнгдона кружилась голова.

Где-то звонил телефон. Пронзительные звуки старомодного звонка исходили из кухни.

- Сиенна?! - позвал Лэнгдон, вставая.

Ответа не последовало. Она еще не вернулась. Через два сигнала включился автоответчик.

- Здравствуй, это я!(ит.) - счастливым голосом объявила Сиенна в исходящем сообщении. - Оставьте свое сообщение и я вам перезвоню.

Послышался гудок, и напуганная женщина с сильным восточноевропейским акцентом начала говорить. В коридоре эхом раздавался ее голос.

- Сиенна, это Даникова! Где ты?! Все ужасно! Твой друг доктор Маркони, он мертв! В госпитале творится что-то сумасшедшее! Сюда приехала полиция! Люди говорят им, что ты сбежала, пытаясь спасти пациента?! Почему!? Ты не знаешь его! Теперь полиция хочет поговорить с тобой! Они взяли твое личное дело! Я знаю, что информация неправильная — неверный адрес, никаких номеров телефона, фальшивая рабочая виза — они не смогут найти тебя сегодня, но скоро они тебя найдут! Я пытаюсь предупредить тебя. Сожалею, Сиенна.

Звонок прервался.

Лэнгдон почувствовал новую волну раскаяния, охватившую его. Судя по звукам сообщения доктор Маркони разрешал Сиенне работать в больнице. Теперь присутствие Лэнгдона стоило Маркони жизни, и решение Сиенны спасти незнакомца имело страшные последствия для ее будущего.

А потом в дальнем конце квартиры громко закрылась дверь.

Она вернулась.

Мгновение спустя снова включился автоответчик. - Сиенна, это Даникова! Где ты?!

Лэнгдон вздрогнул, зная то, что Сиенна может услышать. Пока прокручивалось сообщение, Лэнгдон быстро убрал театральную афишу, очищая стол. Потом он проскользнул через коридор обратно в ванную, чувствуя себя неловко из-за того, что ему пришлось заглянуть в прошлое Сиенны.

Десять секунд спустя в дверь ванной тихо постучали.

- Я оставлю твою одежду на ручке двери,- сказала Сиенна немного насмешливо.

- Большое спасибо, - ответил Лэнгдон.

- Когда закончишь, пожалуйста, приходи на кухню, - добавила она. - Есть кое-то важное, что я хочу показать тебе прежде, чем мы позвоним кому-нибудь.

Сиенна устало прошла по коридору в сторону скромной спальни. Она достала пару синих джинсов и свитер из комода и отнесла их в свою ванную.

Встретившись взглядом со своим изображением в зеркале, она выпрямилась, ухватила конский хвост своих густых светлых волос и с силой потянула вниз, сдёрнув со своей лысой головы парик.

Из зеркала на неё смотрела безволосая женщина тридцати двух лет.

В жизни Сиенны было вдоволь неурядиц, и хотя она научилась преодолевать трудности, опираясь на свой ум, нынешнее положение настигло её на уровне глубинных эмоций.

Она отложила парик, умыла лицо и руки. Вытеревшись, сменила одежду и снова надела парик, тщательно его разглаживая. Сиенна обычно терпеть не могла таких порывов, как жалость к себе, но сейчас, когда слёзы её исходили из глубины души, она знала, что у неё нет выбора и остаётся дать им волю.

И она заплакала.

Она плакала о жизни, которая ей неподвластна.

Плакала о наставнике, убитом у неё на глазах.

Плакала о глубинном одиночестве, переполнявшем её сердце.

Но более всего она плакала о будущем… которое нежданно показалось столь неопределённым.

ГЛАВА 9

В каютах роскошного судна Мендасиум координатор Лоуренс Ноултон сидел в своей светонепроницаемой кабинке и, не веря своим глазам, смотрел в монитор компьютера, только что показавшего ему видео, которое оставил их клиент.

- И я должен загрузить это в сеть завтра утром?

За десять лет работы в Консорциуме Ноултон выполнял все виды странных заданий, которые только можно придумать, балансируя где-то между нечестным и незаконным. Работа с темной стороной морали была обычным делом в Консорциуме — организация, единственным этическим принципом которой было сделать все возможное, чтобы угодить клиенту.

Мы пройдем до конца. Без всяких вопросов. Независимо ни от чего.

Перспектива загрузки этого видео, однако, беспокоила Ноултона. В прошлом независимо от того, какие бы странные задачи он ни выполнял, он всегда понимал, что для этого существует разумное объяснение … осознавал мотивы … осмыслял желаемый результат.

А теперь это видео выбило его из колеи.

С ним было что-то не так.

Совсем не так.

Откинувшись на спинку стула у своего компьютера, Ноултон перезапустил видеофайл, надеясь, что повторный просмотр внесет большую ясность. Он прибавил громкость и приготовился к девятиминутному просмотру.

Как прежде, видео началось с мягкого плеска воды в жуткой, заполненной водой пещере, где все купалось в сверхъестественном красном свете. Снова камера погрузилась вниз сквозь толщу освещенной воды, чтобы рассмотреть покрытое илом дно пещеры. И снова, Ноултон прочитал текст на погруженной в воду пластине:

В ЭТОМ МЕСТЕ, В ЭТО ВРЕМЯ,

МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА.

Полированная пластина была подписана клиентом Консорциума, и это вызывало тревогу. Датой было завтрашнее число … и это только увеличило беспокойство Ноултона. То, что последует за этим, ставило его в критическое положение.

Камера теперь переместилась влево, чтобы показать поразительный объект, колеблющийся под водой рядом с пластиной.

Там, привязанная к полу короткой нитью, показалась пульсирующаяая сфера из тонкой пластмассы. Тонкая и колеблющаяся как огромный мыльный пузырь, прозрачная форма плавала как подводный воздушный шар … надутый не гелием, а какой-то студенистой, желто-коричневой жидкостью. Аморфная оболочка надувалась и была приблизительно футом в диаметре, и в ее прозрачных стенах, казалось, медленно циркулировало темное облако жидкости, как центр медленно зарождающегося шторма.

Боже, подумал Ноултон, чувствуя что вспотел. Подвешенная оболочка выглядела еще более зловещей после второго просмотра.

Медленно экран почернел.

Появилось новое изображение — влажная стена пещеры со слегка колеблющимися отражениями освещенной лагуны. На стене появилась тень … тень человека … стоящего в пещере.

Но его голова была деформирована … ужасным образом.

Вместо носа у человека был длинный клюв … как будто он был наполовину птицей.

Когда он говорил, его голос был приглушен … и он говорил с необыкновенным красноречием … взвешенной интонацией … как будто он был диктором в каком-то классическом хоре.

Ноултон сидел неподвижно, едва дыша, пока говорила эта крючковатая тень.

Я - Тень.

Если ты смотришь это, значит моя душа наконец в покое.

Загнанный под землю, я должен говорить с миром из ее глубин, сосланный в эту мрачную пещеру, где кроваво-красные воды собираются в лагуне, которая не отражает звезд.

Но это - мой рай … прекрасное чрево для моего хрупкого ребенка.

Инферно.

Вскоре ты узнаешь, что случилось со мной.

И все же, даже здесь, я ощущаю поступь невежественных душ, которые преследуют меня … готовые на все, чтобы помешать моим действиям.

Прости их, мог бы сказать ты, поскольку они не знают, что творят. Но наступает момент в истории, когда невежество больше не является преступлением … момент, когда только у мудрости есть право освобождать.

С чистой совестью я завещал тебе дар Надежды на спасение, на завтра.

И тем не менее, находятся такие, что охотятся на меня как на бешеного пса, самонадеянно уверяя себя, будто я сумасшедший. Есть одна среброволасая красавица, которая осмеливается называть меня чудовищем. Подобно ослеплённым клерикалам, сговорившимся о сметном приговоре Копернику, она демонически иронизирует на мой счёт, панически напуганная тем, что я приоткрыл завесу Истины.

Но я не пророк.

Я - твое спасение.

Я - Тень.

ГЛАВА 10

- Присядь, - сказала Сиенна. - У меня есть к тебе несколько вопросов.

Войдя в кухню, Лэнгдон почувствовал, что стоит на ногах увереннее. На нем был взятый взаймы у соседа костюм от Бриони, который удивительно хорошо сидел. Даже туфли были удобными, и Лэнгдон сделал себе мысленную заметку, вернувшись домой, перейти на обувь итальянского производства.

- Если я вернусь когда-нибудь домой, - подумал он.

Сиенна обрела естественную красоту, одев обтягивающие джинсы и кремовый свитер, которые подчеркивали ее стройную фигуру. Ее волосы были по-прежнему убраны в конский хвост, а без официального медицинского халата она казалась более уязвимой. Лэнгдон заметил ее красные глаза, как будто она плакала, и невыносимое чувство вины снова охватило его.

- Сиенна, мне очень жаль. Я слышал то сообщение на телефоне. Я не знаю, что сказать.

- Спасибо, - ответила она. - Но в данный момент нам необходимо сосредоточиться на тебе. Пожалуйста, сядь.

Теперь ее голос был тверже, напоминая Лэнгдону о тех статьях, которые он только что прочел о ее интеллекте и раннем развитии.

- Мне нужно, чтобы ты подумал, - сказала Сиенна, жестом предлагая ему сесть. - Ты помнишь, как попал в эту квартиру?

Лэнгдон не был уверен, насколько это важно.

- На такси, - сказал он, садясь за стол. - В нас кто-то стрелял.

- Стреляли в тебя, профессор. Давай согласимся, что это так.

- Да, прости.

- А ты помнишь какие-нибудь выстрелы, пока мы ехали в такси?

Странный вопрос.

- Да, было два выстрела. Одна пуля ударила в боковое зеркало, а другая разбила заднее окно.

- Хорошо, а теперь закрой глаза.

Лэнгдон понял, что она проверяет его память. Он закрыл глаза.

- Во что я одета?

Он помнил все до мельчайших подробностей.

- Черные туфли, голубые джинсы и кремовый свитер с треугольным вырезом. У тебя светлые волосы до плеч, собранные сзади. И карие глаза.

Лэнгдон открыл глаза и, осмотрев ее, оказался доволен правильной работой своей фотографичекой памяти.

- Хорошо. У тебя превосходные визуально-когнитивные функции, подтверждающие, что амнезия полностью исчезла, и нет никаких остаточных дефектов в процессе формирования памяти. Ты вспомнил что-нибудь новое, произошедшее за последние нескольких дней?

- К сожалению, нет. Но у меня были новые видения, пока ты уходила.

Лэнгдон рассказал ей о возвращении галлюцинации с женщиной в вуали, множеством мертвых людей и извивающимися, наполовину в земле ногами, помеченными буквой Р. Затем он рассказал ей о странной маске в форме клюва, парящей в небе.

- “Я смерть”? - обеспокоенно спросила Сиенна.

- Да, именно так оно сказало.

- Хорошо…Звучит также невероятно, как: - Я - Вишну, разрушитель миров.

Молодая женщина только что процитировала Роберта Оппенгеймера в момент тестирования первой атомной бомбы.

- А эта маска с клювообразным носом… и зелёными глазами, - спросила Сиенна с озадаченным видом. - у тебя есть какие-нибудь соображения, отчего в твоих мыслях возник этот образ?

- Понятия не имею, но в средние века такого рода маска была вполне обычной. - Лэнгдон сделал паузу. - Это называлось “маской чумы”.

Сиенна была странным образом обеспокоена. - Маска чумы?

Лэнгдон быстро объяснил, что в его символическом мире очертания конкретно этой маски с длинным клювом были близким синонимом “чёрной смерти” - смертельной чумы, которая пронеслась по Европе в 14 веке, погубив в некоторых местах до трети населения. Многие считали, что слово “чёрная” в сочетании “чёрная смерть” происходило от потемнения плоти её жертв из-за гангрены и подкожных кровоизлияний, но на самом деле оно символизировало безысходный ужас, который в связи с эпидемией распространялся среди населения.

- Такую маску с длинным клювом, - говорил Лэнгдон, - надевали средневековые врачи, чтобы удерживать свой нос на расстоянии от источника инфекции при лечении

заразившихся. В наше время их можно увидеть на людях только во время венецианского карнавала - жутковатое напоминание о мрачном периоде в истории Италии.

- И ты уверен, что в своих видениях видел одну из таких масок? - спросила Сиенна уже дрожащим голосом. - Маску средневекового врачевателя чумы?

Лэнгдон кивнул. Маску с клювом трудно с чем-то спутать.

Сиенна нахмурила брови так, что Лэнгдон почувствовал, как она выбирает способ получше сообщить ему плохую новость. - И та женщина всё время говорила тебе "ищи и обрящешь"?

- Да. Как и раньше. Но проблема в том, что я понятия не имею, что мне искать.

Сиенна сделала долгий выдох, что говорило о серьёзности положения. - Пожалуй, я знаю. И более того… Может, ты это уже и нашёл.

Лэнгдон уставился на неё. - О чём это ты?!

- Роберт, когда вчера вечером тебя доставили в больницу, у тебя в кармане пиджака было кое-что необычное. Ты не помнишь, что?

Лэнгдон покачал головой.

- У тебя был с собой предмет… весьма загадочный. Я случайно нашла его, когда приводила тебя в порядок. - Она сделала жест в сторону окровавленного пиджака "Харрис Твид", который был разложен на столе. - Он и сейчас в кармане, если хочешь взглянуть.

Лэнгдон растерянно посмотрел на пиджак. По крайней мере, это объясняет, почему она возвращалась за моим пиджаком. Он схватил свою одежду с остатками крови и один за другим обыскал все карманы. Ничего. Ещё раз проверил. Наконец, он повернулся к ней, пожав плечами. - Там ничего нет.

- А в потайном кармане?

- Что? У меня в пиджаке нет потайных карманов.

- Нет? - она выглядела озадаченной. - Значит, это… чужой пиджак?

Лэнгдон почувствовал, что у него в мозгу опять все перепуталось. - Нет, это мой пиджак.

- Уверен?

Да на все сто, подумал он. И вообще, Кемберли - мой любимый магазин.

Он развернул подкладку и показал Сиенне ярлык с изображением своего любимого символа из мира моды - это был хорошо узнаваемый шар, украшенный тринадцатью бриллиантовыми крапинками, с мальтийским крестом наверху.

Умели же шотландцы вдохновить крестоносцев на поход куском саржи.

- Взгляни на это, - сказал Лэнгдон, указывая на вручную вышитые инициалы - Р. Л. - это было на ярлыке.

Он всегда был неравнодушен к моделям "Харрис Твид" индивидуального покроя и потому всегда доплачивал за вышивание своих инициалов на ярлыке. В общежитии колледжа сотни твидовых пиджаков постоянно скидывались и надевались в классах и в столовой, а у Лэнгдона не было ни малейшего желания ненароком с кем-то обменяться.

- Я тебе верю, - сказала она, взяв у него пиджак. - А теперь посмотри.

Сиена развернула пиджак и показала на подкладку в районе шеи. Там был предусмотрительно спрятан большой, аккуратно скроенный карман.

Что за чертовщина?!

Лэнгдон был уверен, что раньше его не видел.

Карман был безупречно выкроен и содержал потайной шов.

- Раньше его здесь не было! - настаивал Лэнгдон.

- Тогда, как я понимаю, ты никогда не видел… и этого? - Сиенна извлекла из кармана гладкий металлический предмет и бережно вложила его в ладони Лэнгдона.

Лэнгдон уставился на предмет в полном замешательстве.

- Ты знаешь, что это? - спросила Сиенна?

- Нет…- пробормотал он. - Я никогда не видел ничего подобного.

- Ну так я, к сожалению, знаю. И я вполне уверена, что из-за него-то тебя и пытаются убить.

***

Помощник Ноултон мерил шагами свою личную каюту на борту “Мендасиума”. Его беспокойство нарастало, поскольку он предполагал, что завтра утром он должен обнародовать это видео.

- Я - Тень?

Ходили слухи, что у того самого клиента в последние месяцы случился припадок, ну а это видео, вне всяких сомнений, должно было эти слухи подтвердить.

Ноултон знал, что у него два варианта. Он мог либо подготовить видео к утренней отправке, как обещано, либо отнести его наверх, хозяину, чтобы получить независимое мнение.

Его мнение я и так знаю, подумал Ноултон, который никогда не видел, чтобы хозяин предпринял какое-либо действие, отличное от обещанного клиенту. Он скажет мне загрузить это видео, открыв его миру, не задаваясь вопросами… и разгневается, если я спрошу.

Ноултон перемотал видео до самого напряженного момента и вновь обратился к нему. Он включил воспроизведение, и опять под звуки плеска воды появилась пещера в устрашающем освещении. Тень человекоподобного существа возникла на влажной стене — высокий человек с длинным, птичьим клювом.

Искаженная тень заговорила приглушенным голосом:

Наступает новое средневековье.

Много столетий назад Европа была погружена в нищету - люди жили в тесноте, голодали, погрязли во грехе и были лишены надежды. Они были как лес, переполненный деревьями, засохшими на корню, в ожидании божественного удара молнии — той искры, от которой наконец разгорится пламя по всей земле. И это пламя очистит мертвый лес и вновь принесет солнечный свет здоровым корням.

Истребление - естественный ход вещей, созданный Всевышним.

Спросите себя, что было после “черной смерти”?

Все мы знаем ответ.

Возрождение.

Второе рождение.

Так должно быть всегда. За смертью следует рождение.

Чтобы попасть в рай, человек должен пройти через ад.

Вот чему учил нас Творец.

И эта седовласая невежда смеет называть меня чудовищем? Она что, до сих пор не в состоянии просчитать будущее? Те ужасы, что оно принесёт?

Я - Тень.

Я - ваше спасение.

И я стою в этой глубокой пещере, вглядываясь в лагуну, в которой не отражаются звезды. Здесь, в этом погребенном чертоге, преисподняя медленно тлеет под водой.

И скоро она разгорится.

И когда это произойдёт, ничто на свете этого не остановит.

ГЛАВА 11

Предмет в руке Лэнгдона был на удивление тяжелым для своего размера.

Блестящий металлический цилиндр, тонкий и гладкий, длиной приблизительно в шесть дюймов, был закруглен с обоих концов, как миниатюрная торпеда.

- Чтобы его не повредить, - предупредила Сиенна, - ты должен кое-что увидеть с другой стороны. - Она неестественно улыбнулась. - Ты же профессор символогии?

Лэнгдон повторно сфокусировался на цилиндре, поворачивая его, пока в поле зрения не попал ярко-красный символ, красовавшийся на другой стороне.

Его тело мгновенно напряглось.

Изучая иконографию, Лэнгдон знал только несколько изображений, которые были способны мгновенно внушить людям страх… и символ перед ним определенно входил в этот список. Его реакция была инстинктивной и незамедлительной: он положил цилиндр на стол и отодвинул свой стул назад.

Сиенна кивнула. - Да уж, я отреагировала так же.

Знак на цилиндре был обычной трехсторонней пиктограммой.

Однажды Лэнгдон читал, что этот известный символ был придуман компанией Dow Chemical в 1960-х, чтобы заменить множество бесполезных предупреждающих знаков, которые употреблялись ранее. Как все успешные символы этот был простым, отличительным и легко воспроизводимым. Умело вызывая ассоциации со всем : начиная от клешней краба и заканчивая метательными ножами ниндзя, современный символ биологической опасности стал глобальным брендом, и угрозой на любом языке.

- Этот маленький контейнер представляет собой биокапсулу, - сказала Сиенна. - Он используется для транспортировки вредных веществ. Иногда применяется в медицине. Внутри находится пенопластовый футляр, в который можно вставить пробирку с препаратом для безопасной транспортировки. - Она указала на биологически опасный символ. - Смертельное химическое вещество…или вирус? - Она сделала паузу. - Первые образцы Эболы были привезены из Африки в такой же капсуле.

Это было совсем не то, что Лэнгдон хотел услышать. - Как,

черт возьми, это оказалось в моем пиджаке? Я профессор истории искусств, почему же я ношу с собой эту вещь?

В его сознании проносились навязчивые образы корчащихся в муках тел… а над ними парила маска чумы.

Очень жаль…Очень жаль.

- Откуда бы ни взялась эта штука, - сказала Сиенна, - она высокотехнологична. Покрыта титаном и непроницаема даже для радиации. Военный образец. - Она указала на черную, размером с почтовую марку панель, расположенную рядом с символом биологически опасного вещества. - Считыватель отпечатков. Страховка в случае потери. Подобные капсулы открываются по биоданным конкретного человека.

Несмотря на то, что Лэнгдон чувствовал, что его мозг работает нормально, он все еще плохо осознавал происходящее. - Я держу биометрически защищенный контейнер.

- Обнаружив этот контейнер в твоем пиджаке, я хотела тайно показать его доктору Маркони, но не нашла удобного случая до твоего пробуждения. Я думала приложить твой большой палец к считывателю, пока ты был без сознания, но понятия не имела, что внутри капсулы, и…

- Мой большой палец?! - Лэнгдон покачал головой. - Эта штука просто не может быть запрограммирована на меня. Я ничего не знаю о биохимии. И никогда не держал в руках подобной вещи.

-Ты уверен?

Лэнгдон был абсолютно уверен. Он протянул руку и приложил палец к считывателю. Ничего не произошло.

- Видишь? Я же говорил, что…

Титановая капсула шумно щелкнула, и Лэнгдон отдернул руку, как будто обжегся. Вот, черт! Он уставился на контейнер, который будто откручивался сам по себе и начинал выпускать смертоносный газ. Через три секунды, он снова щелкнул и закрылся.

Лишившись дара речи, Лэнгдон повернулся к Сиенне.

Вид у молодого врача был взволнованный, она выдохнула.

- Что ж, вполне ясно, что курьером выбрали именно тебя.

Для Лэнгдона такое развитие событий было нелепым. - Это невозможно. Прежде всего, как бы я пронес эту штуковину через службу безопасности аэропорта?

- Может быть, ты летел частным самолетом? Или получил это по прибытии в Италию?

- Сиенна, мне необходимо позвонить в консульство. Прямо сейчас.

- Возможно, нам стоит сперва ее открыть?

В своей жизни Лэнгдон следовал плохим советам, но открывать капсулу с опасными материалами на кухне этой женщины не собирался. Я передам эту вещь властям. Немедленно.

Сиенна сжала губы, обдумывая варианты. - Хорошо, но как только ты позвонишь, будешь сам по себе. Я не могу вмешиваться. И определенно ты не можешь встретиться с ними здесь. У меня… сложная ситуация с итальянской визой.

Лэнгдон посмотрел Сиенне прямо в глаза. - Самое главное, что ты спасла мне жизнь. Я справлюсь с этой ситуацией так, как хочешь ты.

Она кивнула в знак признательности и подошла к окну, глядя на улицу внизу. - Итак, вот что мы сделаем.

Сиенна быстро наметила план. Он был простым, умным и безопасным.

Лэнгдон ждал, пока она включит блокировку определения абонентского номера и сделает звонок. Ее пальцы были тонкими, но все же двигались уверенно.

- Телефонная справочная служба? - заговорила Сиенна на безупречном итальянском. - Дайте мне, пожалуйста, телефон американского консульства во Флоренции.

Она подождала и затем быстро записала номер телефона.

- Большое спасибо, - сказала она и повесила трубку.

(итал.)

Сиенна набросала номер и вместе со своим телефоном передала его Лэнгдону.

- Готово. Помнишь, что надо сказать?

- С памятью у меня всё в порядке, - ответил он с улыбкой, набирая записанный на клочке бумаги номер. На линии послышался гудок вызова.

Ничего не произошло.

Он включил громкую связь и положил телефон на стол, чтобы было слышно Сиенне. Послышалась запись автоответчика с обычной информацией о предлагаемых консульством услугах и с расписанием работы, которая утром начиналась не ранее 8:30.

Лэнгдон посмотрел время на телефоне. Было всего 6 утра.

- В экстренных случаях, - вещал автоответчик, - вы можете набрать две семёрки и поговорить с ночным дежурным администратором.

Лэнгдон сразу же набрал добавочный номер.

На линии снова раздались гудки.

- Американское консульство, - ответили усталым голосом, - дежурный слушает. (итал.)

- Вы говорите по-английски? - спросил Лэнгдон.

(итал.)

- Конечно, - сказал мужчина на американском английском. Он был немного раздражен, что его разбудили. - Чем могу помочь?

- Я американец, прибывший во Флоренцию и на меня напали. Меня зовут Роберт Лэнгдон.

- Номер паспорта, пожалуйста, - мужчина громко зевнул.

- Мой паспорт пропал. Думаю, его украли. В меня стреляли. Я был в больнице и мне нужна помощь.

Служащий внезапно проснулся. - Сэр? Вы говорите, в вас стреляли? Повторите, пожалуйста, ваше полное имя.

- Роберт Лэнгдон.

На линии послышались шорохи, потом Лэнгдон расслышал, как пальцами что-то набирают на клавиатуре. С компьютера пошёл гудок. Пауза. Опять пальцами по клавиатуре. Ещё гудок. Затем три гудка высокого тона.

Длинная пауза.

- Сэр? - сказал мужчина. - Вас зовут Роберт Лэнгдон?

- Да, правильно. И я в беде.

- Так вот, сэр, напротив вашего имени стоит пометка “в работу”, что является для меня указанием немедленно переадресовать вас к главному администратору Генерального консула. - Мужчина сделал паузу, будто сам не мог в это поверить. - Просто оставайтесь на линии.

- Подождите! Можете сказать мне..

На линии уже слышались гудки.

После четырёх гудков последовало соединение.

- Это Коллинз, - ответил хриплый голос.

Лэнгдон глубоко вздохнул и заговорил настолько спокойно и понятно, насколько это возможно. - Мистер Коллинз, меня зовут Роберт Лэнгдон. Я американец, прибывший во Флоренцию. В меня стреляли. Мне нужна помощь. Я хочу приехать в консульство Соединенных Штатов немедленно. Вы можете помочь мне?

Без колебаний низкий голос ответил: - Хвала небесам, вы живы, мистер Лэнгдон. Мы вас искали.

ГЛАВА 12

В консульстве знают, что я здесь?

Эта новость принесла Лэнгдону мгновенный поток облегчения.

Мистер Коллинз, назвавшийся главным администратором Генерального консула, заговорил твёрдым, профессиональным тоном, и всё же в его голосе сквозило нетерпение. - Мистер Лэнгдон, нам с вами нужно срочно поговорить. И разумеется, не по телефону.

Для Лэнгдона это вовсе не было само собой разумеющимся, но он и не думал перебивать.

- Я попрошу, чтобы кто-нибудь заехал за вами, - сказал Коллинз. - Где вы находитесь?

Сиенна беспокойно задвигалась, прислушиваясь к разговору по громкой связи. Лэнгдон ей ободряюще кивнул, давая понять, что намерен точно следовать её плану.

- Я в небольшой гостинице под названием "Флорентийский пансион", - сказал Лэнгдон, бросив через окно взгляд на унылую гостиницу по ту сторону улицы, на которую Сиенна указала незадолго до этого. Он назвал Коллинзу улицу.

- Понял, - ответил мужчина. - Не уходите. Оставайтесь в комнате. К вам сейчас подъедут. Номер комнаты?

Лэнгдон назвал первый попавшийся. - Тридцать девять.

- Хорошо. Через двадцать минут. - Коллинз понизил голос. - И мистер Лэнгдон, похоже, вы ранены и в полной растерянности, но мне нужно знать… всё по-прежнему, при вас?

Все при мне. Лэнгдон понял вопрос, и хотя в нем заключался тайный смысл, он мог иметь только одно значение. Его взгляд переместился на биокапсулу, которая лежала на кухонном столе. - Да, сэр. Все по-прежнему при мне.

Коллинз шумно выдохнул.

- Когда мы не получили от вас вестей, мы подумали… в общем, если честно, то худшее. Я испытываю облегчение. Оставайтесь на месте. Не уходите. Через двадцать минут. К вам постучат в дверь.

Коллинз повесил трубку.

Лэнгдон почувствовал, что его плечи расслабились впервые после того, как он проснулся в больнице. В Консульстве знают, что происходит, и скоро у меня будут ответы. Лэнгдон закрыл глаза и сделал медленный вдох, чувствуя себя теперь почти по-человечески. Его головная боль почти прошла.

- Что ж, всё это очень даже в духе МИ-6, - полушутливо сказала Сиенна. - Так ты шпион?

В данный момент Лэнгдон понятия не имел, кто он. Сама мысль, что он за два дня потерял память и попал в непонятную ситуацию, казалась непостижимой. И все же он здесь и осталось … двадцать минут до встречи с представителем Консульства США в захудалом отеле.

Что же здесь происходит?

Он окинул взглядом Сиенну, понимая, что они расстанутся, и все же осталось ощущение, что у них были незавершенные дела. Он вспомнил про бородатого доктора в больнице, умирающего на полу перед ее глазами. - Сиенна, - прошептал он, - твой друг … доктор Маркони … я чувствую себя ужасно.

Она беспомощно кивнула.

- Мне жаль, что я втянул тебя в это. Твоему положению в больнице итак не позавидуешь, а если начнется расследование… - Он замолчал.

- Все нормально, - сказала она. - Мне не привыкать.

В отрешенных глазах Сиенны Лэнгдон увидел, как много всего изменилось для нее этим утром. И хотя, на данный момент в его жизни тоже царил беспорядок, он чувствовал, что его привлекает эта женщина.

Она спасла мне жизнь… а я разрушил ее.

Они сидели в тишине в течение целой минуты. В воздухе чувствовалось напряжение, как будто они оба хотели говорить и все же им нечего было сказать. Они были чужестранцами в коротком и невероятном путешествии по дороге, которая только что достигла развилки, и каждому из них теперь предстоит найти свой собственный путь.

- Сиенна, - наконец-то сказал Лэнгдон, - когда я улажу все дела с консулом, позволь мне хоть чем-то тебе помочь…прошу тебя.

- Спасибо, - прошептала она, переместив свой печальный взгляд на окно.

Пока бежали минуты, Сиенна Брукс рассеянно смотрела в кухонное окно и размышляла, чем закончится этот день. Что бы ни произошло, она не сомневалась, что к концу дня ее мир будет выглядеть совсем по-другому.

Возможно это был просто адреналин, но ее удивительным образом влекло к американскому профессору. Вдобавок к своей привлекательности, у него было доброе сердце. Сиенна даже могла представить себя рядом с Робертом Лэнгдоном в какой-нибудь далекой, совсем другой жизни.

Он никогда не захочет быть со мной, подумала она. Я не такая как все.

Когда она подавила эмоции, что-то за окном привлекло ее внимание. Она вскочила, прижалась лицом к стеклу и смущенно глядела на улицу. - Роберт, посмотри!

Лэнгдон внимательно посмотрел вниз на улицу и увидел гладкий черный мотоцикл BMW, который только что с грохотом подъехал к остановке перед “Флорентийским пансионом”. Худощавый и энергичный водитель был одет в черный кожаный костюм и шлем. Когда он слез с мотоцикла и снял блестящий черный шлем, Сиенна услышала, как Лэнгдон задержал дыхание.

Женщину с ирокезом трудно было не узнать.

Она достала знакомый пистолет, проверила глушитель и положила пистолет обратно в карман пиджака. Затем, двигаясь со смертельной грацией, проскользнула в отель.

- Роберт, прошептала Сиенна, ее голос был напряжен от страха. - Правительство Соединенных Штатов только что послало кого-то тебя убить.

ГЛАВА 13

С чувством нарастающей тревоги Роберт Лэнгдон стоял у окна квартиры, прикованный взглядом к отелю на другой стороне улицы. Женщина с ирокезом только что вошла, но Лэнгдон так и не мог понять, где она взяла адрес.

Адреналин циркулировал в теле, не давая сосредоточиться. - Мое собственное правительство послало кого-то меня убить?

Сиенна выглядела столь же пораженной. - Роберт, это значит, что первоначальное покушение на твою жизнь в госпитале тоже было санкционировано властями твоей страны. Она встала, дважды проверила замок на дверях в квартиру. - Если у консульства есть полномочия тебя убить… Она не закончила мысль, но это и не требовалось .Последствия были ужасающими.

Что, черт побери, я совершил? Почему мое собственное правительство ведет на меня охоту?!

И вот опять Лэнгдон услышал те два слова, которые он, очевидно, бормотал, когда брёл в больницу.

Очень жаль.. очень жаль..

Тебе здесь небезопасно, - сказала Сиенна. - Точнее, нам обоим. Она жестом показала на ту сторону улицы. Эта женщина видела, как мы вместе бежали из больницы, и я не сомневаюсь, что ваше правительство и полиция пытаются меня выследить. Моя квартира арендована на чужое имя, но в конце концов меня найдут. - Она переключила внимание на лежавшую на столе биокапсулу. - Тебе нужно немедленно его вскрыть.

Лэнгдон посмотрел на титановый прибор, видя перед собой только символ биологической опасности.

- Независимо от того, что в той капсуле, - сказала Сиенна, - она вероятно, имеет идентификационный код, этикетку агентства, номер телефона, что-нибудь еще. Тебе нужна информация. Мне нужна информация! Твое правительство убило моего друга!

Боль в голосе Сиенны отвлекла Лэнгдона от его мыслей, и он кивнул в знак согласия. - Да, мне … очень жаль. - Лэнгдон съежился, когда снова услышал эти слова. Он повернулся к контейнеру на столе и задумался, какие ответы могут скрываться внутри. - Может быть невероятно опасно открывать это.

Сиенна раздумывала минуту. - Что бы ни было внутри, оно надежно защищено, возможно, контейнером из небьющегося органического стекла. Внешний биоконтейнер просто обеспечивает дополнительную безопасность при транспортировке.

Лэнгдон посмотрел из окна на черный мотоцикл, припаркованный перед отелем. Женщина еще не вышла, но она скоро выяснит, что Лэнгдона там нет. Он хотел бы знать, каким будет ее следующий шаг… и сколько пройдет времени прежде, чем она постучит в дверь квартиры.

Лэнгдон решился. Он взял титановую капсулу и с неохотой поместил большой палец на биометрическую подушку. Через мгновение контейнер загудел и затем громко щелкнул.

Пока капсула снова не закрылась , Лэнгдон прокрутил две ее половины в противоположных направлениях. Через четверть оборота контейнер загудел во второй раз, и Лэнгдон понял, что ввязался в дело.

Руки Лэнгдона вспотели, пока он развинчивал капсулу. Благодаря мелкой резьбе две половинки вращались мягко и легко. Он продолжал крутить с ощущением, будто открывает драгоценную российскую матрешку. Но он понятия не имел, что может оттуда выпасть.

После пяти оборотов резьба наконец-то поддалась и с глубоким вздохом Лэнгдон мягко разъединил две половины. Зазор между ними увеличился, и показалась внутренняя сторона из пористой резины. Лэнгдон вынул ее и положил на стол. Защитное дополнение неопределенно напоминало удлиненный футбольный мяч Nerf.

Ничего не произошло.

Лэнгдон аккуратно отложил верхнюю часть защитной вставки и наконец обнаружил предмет, скрытый внутри.

Сиенна посмотрела вниз на содержимое и подняла голову. Она выглядела озадаченной. - Определенно не то, что я ожидала.

Лэнгдон ожидал увидеть какой-нибудь футуристический флакон, но содержание биокапсулы было совсем не современным. Перед ним оказался искусно вырезанный объект, сделанный из слоновой кости, приблизительно размером с цилиндрическую упаковку леденцов Лайф Сейверс.

- Нечто старинное, - прошептала Сиенна. - Похоже на…

- Цилиндрическую печать, - подсказал ей Лэнгдон, и наконец-то позволил себе выдохнуть.

Изобретенная шумерами в 3500 году до нашей эры, цилиндрическая печать была предшественницей гравюры глубокой печати. Покрытая декоративными изображениями печать состояла из пустотелого вала, внутрь которого был вставлен осевой стержень,

позволяющий крутить резной барабан, подобно современному валику для покраски, чтобы на сырой глине или терракоте “отпечаталась” повторяющаяся группа символов, рисунков или текстов.

Эта конкретная печать, полагал Лэнгдон, была, вне сомнения, редкостной и ценной, и он до сих пор не мог представить, почему она была закрыта в титановом контейнере, словно какой-то вид биологического оружия.

Как только Лэнгдон аккуратно повернул печать в пальцах, он понял, что на ней была особенно ужасная гравировка - трехголовый рогатый дьявол, который поедал трех разных мужчин одновременно, по одному каждым из своих ртов.

Приятно.

Взгляд Лэнгдона упал на семь букв, выгравированных за дьяволом. Витиеватая надпись была сделана в зеркальном отражении, так же, как и весь текст на полученных оттисках, но Лэнгдон без труда прочитал буквы - SALIGIA.

Сиенна сощурилась над текстом, прочитав вслух. - Saligia?

Лэнгдон кивнул, чувствуя дрожь, когда услышал произнесенное вслух слово.. -Это латинское сокращение, изобретенное Ватиканом, чтобы напомнить христианам о Семи Смертных Грехах. Saligia - это акроним для: superbia, avaritia, luxuria, invidia, gula, ira, and acedia.

Сиенна нахмурилась. - Гордыня, жадность, похоть, зависть, чревоугодие, гнев и лень.

Лэнгдон был впечатлен. - Ты знаешь латынь.

- Меня воспитывали в католической традиции. В грехах я разбираюсь.

Лэнгдон выдавил улыбку, вновь взглянув на печать. Он снова гадал, почему она была закрыта в биоконтейнере, словно она была опасна.

- Я думала, что это слоновая кость,- сказала Сиенна. - Но это обыкновенная кость. - Она поднесла артефакт к солнечному свету и показала линии на нем. - Слоновая кость формируется ромбовидной штриховкой наискосок с прозрачными бороздками; обычная кость состоит из таких параллельных бороздок и темных точек.

Лэнгдон осторожно взял печать и внимательно осмотрел резьбу. Оригинальные шумерские печати были украшены примитивными изображениями и клинописью. Однако, на этой печати была гораздо более искусная резьба. Средневековая, предположил Лэнгдон. Кроме того, тема изображений имела тревожную связь с его галлюцинациями.

Сиенна посмотрела на него с беспокойством. - Что это?

- Повторяющийся сюжет, - хмуро сказал Лэнгдон, указывая на резной орнамент печати. - Видишь этого трехголового, поедающего людей дьявола? Изображение взято из средневековья, как иллюстрация, связанная с Черной Смертью. Три оскаливших зубы рта символизируют, как быстро чума поглощала популяции людей.

Сиенна с тревогой поглядела на символ биологической опасности на капсуле.

Лэнгдону не хотелось признавать, что упоминания чумы появлялись слишком часто этим утром, и поэтому раскрывать дальнейшую связь для него было не очень приятным занятием.

- Saligia - собирательный образ всех грехов человечества…которые, согласно средневековому воздействию на умы…

- Были причиной, почему Бог наказал мир Черной Смертью, - сказала Сиенна, завершая его мысль.

- И впрямь. - Лэнгдон сделал паузу, на мгновение упустив ход своих мыслей. Он только сейчас уловил, что именно в этом цилиндре казалось ему странным. Через подобную цилиндрическую печать можно смотреть насквозь, как через отрезок пустой трубки, но в

данном случае полость была перекрыта. Внутрь кости было что-то вставлено. Торец поблёскивал от падавшего света.

- Внутри что-то есть, - сказал Лэнгдон. - Похоже, оно из стекла. - Он перевернул цилиндр, чтобы проверить другой конец. И когда он это сделал, что-то крошечное загрохотало внутри, перекатываясь от одного конца кости к другому, как шарикоподшипник в цилиндре.

Лэнгдон замер и услышал около себя мягкое дыхание Сиенны.

Что, черт возьми, это было?!

- Ты слышал этот звук? - прошептала Сиенна.

Лэнгдон кивнул и осторожно заглянул в конец контейнера. - По-моему, отверстие заблокировано … чем-то металлическим. - Может быть это крышка цилиндра?

Сиенна отошла назад. - Оно.. сломано?

- Не думаю. - Он снова осторожно дотронулся до кости, чтобы вновь исследовать стеклянный конец, и грохочущий звук повторился. Мгновение спустя со стеклом в цилиндре произошло что-то совершенно неожиданное.

Оно начало светиться.

Глаза Сиенны широко распахнулись. - Роберт, стой! Не двигайся!

ГЛАВА 14

Лэнгдон стоял совершенно неподвижно, зафиксировав в полувытянутой руке костяной цилиндр. Вне сомнений, стекло на конце трубки испускало свет… мерцавший так, будто содержимое цилиндра внезапно потревожили.

Но вскоре внутреннее свечение снова померкло.

Сиенна подошла ближе, прерывисто дыша, и наклонила голову, внимательно изучая видимую часть стекла.

- Наклони ее снова, - прошептала она. - Очень медленно.

Лэнгдон аккуратно перевернул кость. Маленький предмет снова задребезжал внутри нее, затем перестал.

- Еще раз, - сказала она. - Осторожно.

Лэнгдон повторил то же действие, и в трубке вновь что-то со стуком переместилось. На сей раз стекло в ней еле замерцало, на мгновение вспыхнуло и совсем померкло.

- Должно быть, это пробирка, - заявила Сиенна, - с размешивающим шариком.

Лэнгдон знал о существовании шариков для взбалтывания содержимого распылительного баллончика. При его встряхивании они служат для перемешивания краски.

- Возможно, он содержит какой-нибудь флуоресцентный химический состав, - сказала Сиенна, - или биолюминисцентный организм, который начинает светиться при раздражении.

Лэнгдон думал иначе. Хотя ему и доводилось видеть люминесцентные палочки на химическом принципе и даже биолюминесцентный планктон на судне, попавшем в область его обитания, он был почти уверен, что в цилиндре, который он держал, ни то, ни другое. Он ещё несколько раз наклонил трубку легкими движениями, до появления сияния, затем направил светящийся конец на ладонь. Как и ожидалось, на его кожу спроецировался слабый красноватый свет.

Приятно знать, что обладатель 208 баллов IQ иногда может ошибаться.

- Посмотри-ка, - сказал Лэнгдон и стал с силой встряхивать трубку. Внутренний предмет со стуком перемещался взад-вперёд, всё быстрее и быстрее.

Сиенна отпрыгнула назад. - Что ты делаешь?

Продолжая встряхивать трубку, Лэнгдон ткнул выключатель, и после щелчка кухня погрузилась в полумрак. - Там внутри не трубка идентификации, - сказал он, продолжая трясти изо всех сил. - А указатель Фарадея.

Один из студентов однажды подарил Лэнгдону подобный прибор - лазерную указку для преподавателей, которым не нравится без конца изводить щелочные батарейки и которые готовы напрячься и несколько секунд потрясти указку, чтобы в нужный момент преобразовать свою кинетическую энергию в электрическую. Когда этот прибор приводился в действие, внутренний металлический шарик гонялся взад и вперёд через ряд рычажков, запуская миниатюрный генератор. Очевидно, кто-то решил встроить такого рода указку в полую резную кость - использовать старинное оформление для современной игрушки.

Кончик указки в его руке теперь светился сильнее, и Лэнгдон подарил Сиенне неловкую ухмылку.

- Время показывать шоу.

Он направил вложенный в кость указатель на свободное пространство на кухонной стене. Стена вспыхнула, заставив Сиенну испуганно вздохнуть, а Лэнгдона отскочить назад от удивления.

Свет, появившийся на стене, не был просто маленькой точкой от лазера. Это была четкая, высококачественная фотография, которую излучал цилиндр, как будто старинный проектор слайдов.

О Господи! Руки Лэнгдона слегка дрожали, когда он рассматривал ужасную сцену, спроецированную на стену перед ним. Неудивительно, что я видел картины смерти.

Стоя рядом с ним, она прикрыла свой рот и осторожно шагнула вперед, явно очарованная увиденным.

Сцена, проецируемая резной костью, оказалась живописью масляными красками. Это была мрачная картина человеческих страданий – тысяча душ, подверженных ужасным пыткам на различных ступенях ада. Подземный мир был изображен поперечным разрезом земли, с погруженной в него объемной воронкообразной ямой непомерной глубины. Адская пропасть, разделенная по возрастанию страданий на спускающиеся вниз уступы, была наполнена всячески измученными грешниками.

Лэнгдон сразу узнал изображение.

Шедевр перед ним - La Mappa dell'Inferno- был нарисован одним из трех гениев Итальянского Возрождения, Сандро Боттичелли. Детально проработанный план преисподней, Карта Ада была одним из наиболее пугающих когда-либо созданных видений потусторонней жизни. Темная, хмурая и ужасающая, картина останавливала людей на их пути даже сегодня. В отличии от яркой и красочной Весны или Рождения Венеры, при создании Карты Ада Боттичелли использовал депрессивную палитру из красных, темно- и светло-коричневых оттенков.

Пронзительная головная боль внезапно возвратилась к Лэнгдону, и все же впервые с момента пробуждения в незнакомой больнице, он почувствовал, что часть головоломки была разгадана. Его мрачные галлюцинации, очевидно, проснулись вновь при взгляде на эту известную картину.

- Должно быть, я уже изучал Карту Ада Ботичелли, - подумал он, хотя даже не помнил зачем.

Хотя картина сама по себе будоражила, Лэнгдон в первую очередь испытывал возрастающее беспокойство по поводу ее происхождения. Он отлично знал, что источником вдохновения для создания этого вызывающего дурные ощущения шедевра был разум не самого Боттичелли… а разум того, кто жил за два столетия до него.

Один шедевр искусства вдохновил на создание другого.

Карта Ада Боттичелли была на самом деле данью литературному произведению четырнадцатого века, которое стало одним из наиболее известных творений в истории человечества… общеизвестному ужасному виденью ада, что откликалось до сих пор.

Ада Данте.

На другой стороне улицы, Вайента тихо поднялась по служебной лестнице, укрывшись под крышей террасы безжизненного Флорентийского пансиона. Лэнгдон назвал несуществующий номер комнаты и ненастоящее место встречи с консулом - так называемая в ее деловой сфере "зеркальная встреча" - распространенный метод разведки, который позволит ему оценить ситуацию, прежде чем раскрыть свое местонахождение. Не имело значения ненастоящее место или "зеркальное", поскольку отсюда открывался идеальный вид на его текущую позицию.

Вайента нашла скрытую точку наблюдения на крыше, с которой открывался обзор всей территории. Ее взгляд медленно переместился на жилой дом по ту сторону улицы.

Ваш ход, мистер Лэнгдон.

В то же время, на борту Мендасиума, хозяин ступил на палубу из красного дерева и глубоко вдохнул, наслаждаясь соленым воздухом Адриатики. Этот корабль был его домом в течении многих лет, а сейчас цепь событий, разворачивающихся во Флоренции, грозила уничтожить все, что он построил.

Его оперативный агент Вайента поставила всё под угрозу, и, хотя по окончании миссии её ждала разборка, в данный момент хозяин в ней нуждался.

Она лучше других сможет все исправить.

Сзади послышался звук быстро приближающихся шагов, хозяин обернулся и увидел бодро приближавшуюся женщину-аналитика из своего экипажа.

- Сэр, - сказала дама-аналитик запыхавшимся голосом. - У нас новая информация. Её голос прорезал утренний воздух на редкость громко. - Оказывается, Роберт Лэнгдон только что воспользовался своим гарвардским адресом электронной почты - с незащищённого сетевого узла. - Она сделала паузу, встретившись глазами с хозяином. - Теперь можно точно определить местонахождение Лэнгдона.

Хозяина потрясло, что люди могут действовать столь глупо. Это меняет всё. Он потёр руки и уставился на береговую линию, размышляя, к чему это приведёт. - Нам известна диспозиция группы наблюдения и захвата?

- Да, сэр. Они не дальше двух миль от Лэнгдона.

Хозяин мгновенно принял решение.

ГЛАВА 15

- Ад Данте (ит.), - прошептала Сиенна восторженно, подвигаясь поближе к застывшему изображению преисподней, что было спроецировано на стену ее кухни.

Дантовское представление об аде, подумал Лэнгдон, изображено здесь во всей красе.

Являясь одной из выдающихся работ мировой литературы, "Ад" был первой из трех книг, которые составляли Божественную Комедию Данте Алигьери — эпическую поэму, состоящую из 14233 строк и описывающую страшный спуск Данте в преисподнюю, проход через чистилище и конечное прибытие в рай. Из трех частей Комедии — Ад, Чистилище, и Рай — Ад был, безусловно, самым широко известным и запоминающимся.

Созданный Данте Алигьери в ранних 1330-х годах, Ад достаточно буквально отобразил средневековые представления о вечных муках. Впервые идея ада предстала перед массой

людей таким зримым образом. Неожиданно, творение Данте превратило абстрактное представление об аде в ясное и пугающее виденье - инстинктивное, осязаемое и незабываемое. Неудивительно, что после опубликования поэмы католическая церковь наслаждалась огромным всплеском посещения напуганными грешниками, которые хотели избежать усовершенствованной Данте версии преисподней.

Изображенное здесь Боттичелли ужасающее видение ада Данте представляет собой подземную воронку страданий — безотрадный подземный пейзаж огня, самородной серы, сточных вод, чудищ и самого сатаны, восседающего в центре. Яма состоит из девяти различных уровней, Девяти Кругов Ада, в которых грешники размещаются в соответствии с глубиной их греха. Рядом с вершиной похотливые или "чувственные преступники" разбросаны вечной бурей, символом их неспособности управлять желанием. Ниже их - обжоры, вынужденные лежать лицом вниз в мерзкой слякоти сточных вод, их рты забиты продуктами их излишеств. Еще глубже еретики замурованы в пылающих гробах, проклятые вечно гореть в огне. И таким образом, чем глубже спускаться, тем становится … все хуже и хуже.

Спустя семь столетий после своего создания, неизменное видение ада Данте послужило источником вдохновения для картин, переводов и вариаций, созданных выдающимися гениями в истории человечества. Лонгфелло, Чосер, Маркс, Мильтон, Бальзак, Борхес и даже несколько священников создали творения на основе Дантового Ада. Монтеверди, Лист, Вагнер, Чайковский и Пуччини написали произведения, основанные на труде Данте, также как и любимая певица Лэнгдона - Лорина Маккеннит. Даже современный мир видеоигр и приложений к iPad не испытывает недостатка в предложениях, связанных с великим итальянцем.

Лэнгдон, охотно растолковывавший студентам животрепещущее богатство символики дантовских представлений, время от времени читал курс о повторяющихся образах, встречающихся у самого Данте и в тех работах за многие века, которые его вдохновили.

- Роберт -, сказала Сиенна, подвигаясь ближе к изображению на стене. - Посмотри на это! - Она указала на область около основания воронкообразного ада.

Место, на которое она указывала, было известно как Malebolge - что означает "дьявольские рвы". Это восьмой и предпоследний круг ада, который разделен на десять раздельных рвов, по одному для каждого вида мошенничества.

Сиена с еще большим волнением указала на что-то. - Посмотри! Разве ты не говорил, что это было в твоем видении?!

Лэнгдон покосился туда, куда указывала Сиенна, но ничего не увидел. Мини-прожектор светил всё слабее, и изображение стало тускнеть. Он снова стал встряхивать прибор, пока тот не засветил ярче. Затем осторожно отвёл его от стены, наведя на край стола по другую сторону кухни и дав ему вызвать оттуда изображение покрупнее. Лэнгдон приблизился к Сиенне, встав сбоку, чтобы разглядеть светящуюся карту.

Сиенна вновь указала вниз, на восьмой круг ада. - Послушай. Не ты ли говорил, что видел в галлюцинациях торчащие вверх из земли ноги с буквой Р? - Она прикоснулась к конкретному месту на стене. - А вот и они!

Лэнгдон видел много раз на этой картине, что десятый ров Malebolge был заполнен грешниками наполовину ушедшими под землю, их ноги торчали из-под земли. Но странно, в этой версии на одной паре ног была начертана грязью буква Р, точно как Лэнгдон наблюдал в своем видении.

Боже мой! Лэнгдон пристальнее всмотрелся в крошечную деталь. - Эта буква Р … ее точно нет в оригинале Боттичелли!

- Вот еще одна буква, - показала Сиенна.

Лэнгдон проследовал взглядом за ее вытянутым пальцем и увидел другой из десяти рвов в Malebolge, где буква E была небрежно написана на лжепророке, голова которого располагалась задом наперёд.

Что за глупость? Эта картина была изменена.

Он увидел другие буквы, небрежно написанные на грешниках повсюду по всем десяти рвам Malebolge. Он видел Ц на соблазнителе, которого хлестали демоны … еще одну Р на воре, которого беспрестанно кусали змеи … букву А на коррумпированном политике, погруженном в кипящее море смолы.

- Эти буквы, - уверенно заключил Лэнгдон, - явно не из оригинала Боттичелли. Изображение отредактировано цифровым способом.

Он снова обратил свой пристальный взгляд на верхний ров Malebolge и начал читать буквы сверху вниз, написанные на каждом из десяти рвов.

C … A … T … R … O … V … A … C … E … R

- Catrovacer? - сказал Лэнгдон. - Это на итальянском?

Сиенна покачала головой. - И не латынь. Я не понимаю.

- Возможно… подпись?

- Catrovacer? - Она засомневалась. - По-моему, не похоже на имя. Посмотри-ка туда. - Она указала на одну из множества букв на третьем рве Malebolge.

Когда Лэнгдон разглядел фигуру, он тут же похолодел. Среди грешников третьего рва был узнаваемый средневековый символ - человек в плаще и в маске с длинным птичьим клювом и с глазами мертвеца.

Маска чумы.

В оригинале Боттичелли есть врачеватель чумы? - спросила Сиенна.

- Стопроцентно нет. Эта фигура была добавлена.

- А Боттичелли подписал свое творение?

Лэнгдон этого не помнил, но когда перевёл взгляд на правый нижний угол, где обычно бывает подпись, он понял, почему она спросила. Подписи не было, но вдоль коричневой рамки карты была еле заметная строчка текста мелкими прописными буквами (ит.): истина открывается только перед глазами смерти.

Лэнгдон достаточно хорошо знал итальянский, чтобы понять смысл. - Правду можно увидеть только глазами смерти.

Сиенна кивнула. - Странно.

Оба они стояли молча, а болезненное видение у них на глазах стало исчезать. Дантовский ад, подумал Лэнгдон, с 1330 года вдохновлявший на шедевры живописи и предвосхитивший их.

Курс лекций Лэнгдона о Данте не обходился без иллюстрированного раздела о произведениях искусства, на которые вдоховил этот ад. В дополнение к знаменитой Карте ада Боттичелли, туда входили бессмертная скульптура Родена “Три тени у врат ада”… иллюстрация Страдана, изображающая Флегия, гребущего среди тел, погружённых в реку Стикс… похотливые грешники Уильяма Блейка, кружащие в вечном вихре… странное эротическое восприятие Данте и Вергилия у Бугро, увидевшего двух обнажённых мужчин, сцепившихся в битве… измученные души у Байро, копошащиеся под огненным градом и дождём… эксцентричная серия Сальвадора Дали из акварелей и живописи по дереву… и огромное собрание черно-белых гравюр Доре, отображающих всё, начиная с ведущего в ад подземного хода… и заканчивая самим Сатаной.

Сейчас оказалось, что дантовское поэтическое видение ада повлияло не только на самых почитаемых в истории художников. Очевидно, оно вдохновило ещё некоего индивида -

извращенца, который цифровыми методами видоизменил знаменитое творение Боттичелли, добавив десяток букв, врачевателя чумы, и потом подписал это зловещей фразой о видении истины глазами смерти. Затем этот художник упрятал изображение в миниатюрный высокотехнологичный проектор, вложенный в причудливый предмет резьбы по кости.

Лэнгдон и представить себе не мог, кто мог сотворить подобное, и всё же, в тот момент эта загадка показалась вторичной по отношению к куда более волнительному вопросу.

Какого чёрта оно у меня?

Пока Сиенна стояла на кухне с Лэнгдоном и обдумывала свой следующий шаг, с улицы под окном неожиданно донёсся рёв мощного двигателя. За этим последовали отрывистый скрежет шин и и хлопание дверцами машины.

Озадаченная, Сиенна спешно подошла к окну и выглянула.

Под окнами остановился черный фургон без номеров. Из него вывалилась группа мужчин в чёрной униформе с круглым зелёным медальоном на левом плече. Сжав в руках автоматы, они передвигались со свирепой военной повадкой. Не раздумывая, четверо солдат рванули ко входу жилого дома.

Сиенна почувствовала, как ее кровь похолодела. - Роберт! - закричала она. - Я не знаю, кто они, но они нашли нас!

Внизу на улице, Агент Кристоф Брюдер раздавал приказы своим людям, когда они ворвались в здание. Он был влиятельно настроенным человеком, чье военное прошлое наполнило его бесстрастным чувством долга и уважением к подчиненным. Он знал свою миссию, и он знал ставки.

Организация, на которую он работал, содержала много подразделений, но подразделение Брюдера — надзор и поддержка реагирования — вызывали только, когда ситуация достигала “кризисного” состояния.

Когда его люди исчезли в жилом доме, Брюдер стоял, наблюдая, у парадной двери, затем вытащил коммуникационное устройство и связался с ответственным лицом.

- Это - Брюдер, - сказал он. - Мы успешно отследили Лэнгдона через его компьютерный IP-адрес. Моя команда уже в здании. Я сообщу вам, когда мы схватим его.

Высоко над Брюдером, на террасе крыши “Флорентийского пансиона” Вайента с непониманием испуганно смотрела вниз на агентов, врывающихся в жилой дом.

Какого черта ОНИ здесь?

Она провела рукой по уложенным шипами волосам, внезапно осознав тяжесть последствий проваленного вчера задания. В мгновение ока всё вылетело из-под контроля. То, что начиналось как простая операция… теперь обернулось кошмаром наяву.

Если группа быстрого реагирования здесь, то для меня все кончено.

Вайента отчаянно схватила свое коммуникационное устройство Сектра-Тайгер Экс-Эс и позвонила хозяину.

- Сэр, - запиналась она. - Здесь группа быстрого реагирования! Люди Брюдера оккупировали жилой дом на другой стороне улицы!

Она ждала ответа, но вместо этого услышала только резкие щелчки на линии, а затем электронный голос, который спокойно заявил: - Инициирован протокол отказа.

Вайента повесила трубку, посмотрела на экран как раз вовремя и увидела, что устройство коммуникации вышло из строя.

Как только кровь отхлынула от лица, Вайента заставила себя принять случившееся. Консорциум только что порвал с ней все связи. .

Никаких связей. Никакой ассоциации.

От меня отреклись.

Шок продолжался всего мгновение.

Затем пришел страх.

ГЛАВА 16

- Скорее, Роберт! - позвала Сиенна. - Следуй за мной!

Мысли Лэнгдона все еще были поглощены хмурыми картинами Ада Данте, когда он открыл дверь в холл жилого дома. До этого момента, Сиенне Брукс удавалось справиться с сильным утренним стрессом с помощью бесстрастного самообладания, но сейчас ее спокойное поведение определялось эмоцией, которую Лэнгдон еще не замечал в ней - настоящим страхом.

В холле Сиенна побежала прямо, минуя лифт, который уже спускался вниз; без сомнения его вызвали люди, которые сейчас входили в вестибюль. Она бросилась к концу холла и, не оглядываясь назад, исчезла на лестничной клетке.

Лэнгдон следовал сразу позади нее, скользя на гладких подошвах позаимствованных кожаных ботинок. Крошечный проектор в нагрудном кармане его пиджака марки Бриони подпрыгивал возле грудной клетки при беге. Его разум был сосредоточен на странных буквах, украшающих восьмой круг ада: CATROVACER. Он представил маску чумы и странную подпись: Правду можно увидеть только глазами смерти.

Лэнгдон напрягся, пытаясь соединить эти разрозненные элементы, но на данный момент ничего не прояснилось. Когда он наконец остановился на лестничной площадке, то увидел Сиенну, которая напряженно прислушивалась. Снизу послышались шаги, кто-то поднимался вверх по лестнице.

- Здесь есть еще один выход? - прошептал Лэнгдон.

- Иди за мной, - кратко сказала она.

Сиенна сегодня уже спасла жизнь Лэнгдону, так что не имея выбора, кроме как довериться женщине, он глубоко вдохнул и направился за ней вниз по лестнице.

Они спустились на один этаж, и звуки приближающихся шагов были уже совсем близко, отражаясь эхом двумя или одним этажом ниже.

Почему она бежит прямо на них?

Прежде чем Лэнгдон успел возразить, Сиенна схватила его за руку и втащила с лестничной клетки в пустынный холл — длинный коридор запертых дверей.

Здесь же негде прятаться!

Сиенна щелкнула выключателем, и несколько лампочек погасло, но в полутёмном вестибюле было трудно скрыться. Сиенну и Лэнгдона было отчетливо видно здесь. Грохочущие шаги были теперь почти рядом с ними, и Лэнгдон знал, что их противники могут появиться на лестнице в любой момент и прямо внизу увидеть этот коридор.

- Мне нужен твой пиджак, - прошептала Сиенна, стаскивая его с Лэнгдона. Затем она заставила его присесть на корточки позади нее в дверном проеме. - Не двигайся!

Что она делает? Она прямо на виду!

Солдаты появились на лестнице и помчались наверх, но резко останавились, когда увидели Сиенну в полутемном вестибюле.

- Побойтесь Бога! (ит.) - выкрикнула им Сиенна, ее голос звучал резко. - Что это за беспорядок?

Двое мужчин прищурились, неуверенные в том, что они видят.

Сиена продолжала кричать на них. - Столько шума в этот час! (ит.)

Лэнгдон теперь увидел, что Сиенна накинула его черный пиджак на голову и плечи как платок старухи. Она сгорбилась и встала так, чтобы заслонить Лэнгдона, притаившегося в тени, и теперь, совершенно преобразившись, она не давала подойти ни на шаг к ним и кричала как полоумная старуха.

Один из солдат показывал рукой, чтобы она возвратилась в свою квартиру. - Синьора! Зайдите в дом!(ит.)

Сиена сделала еще один неуверенный шаг и сердито погрозила кулаком. - Вы разбудили моего мужа, который болен!(ит.)

Лэнгдон слушал с недоумением. Они разбудили твоего больного мужа?

Другой солдат теперь поднял свой автомат и нацелился прямо на нее. - Стой, стрелять буду!

Сиенна резко остановилась, беспощадно проклиная их, и заковыляла назад, прочь от них.

Мужчины поспешно стали подниматься вверх по лестнице и исчезли.

Действие не совсем по Шекспиру, подумал Лэнгдон, но внушительно. Очевидно фоном для драмы могло стать универсальное оружие.

Сиена сняла пиджак с головы и бросила его обратно Лэнгдону. - Ладно, следуй за мной.

В этот раз Лэнгдон последовал без колебаний.

Они спустились к лестничной площадке над лобби, где еще два солдата просто входили в лифт, чтобы поехать наверх. На улице снаружи стоял другой солдат, дежуря возле фургона, его черная униформа плотно обтягивала мускулистое тело. Сиенна и Лэнгдон молча поспешили вниз в направлении подвала.

В подземном гараже было темно и пахло мочой. Сиенна направилась в угол, заполненный скутерами и мотоциклами. Она остановилась у серебристого трайка — трехколесное хитроумное подобие мопеда, которое было похоже на неуклюжих потомков итальянской “Веспы” и взрослого трехколесного велосипеда. Она скользнула тонкой рукой под переднее крыло трайка и удалила маленькую намагниченную коробочку. Внутри был ключ, который она вставила и запустила двигатель.

Несколько секунд спустя, Лэнгдон сидел позади нее на мопеде. Ненадежно взгромоздившись на маленькое сиденье, Лэнгдон пошарил по сторонам, отыскивая рукоятки или за что можно схватиться для устойчивости.

- Не время для скромности, - сказала Сиенна, взяла его руки и обернула их вокруг своей тонкой талии. - Тебе придется держаться.

Лэнгдон именно так и сделал, поскольку Сиенна на полном газу направила трайк к съезду с эстакады. У транспортного средства было больше мощи, чем он вообразил, и они почти оторвались от земли, когда выезжали из гаража, появившись в раннем утреннем свете приблизительно в пятидесяти ярдах от главного входа. Мускулистый солдат перед зданием сразу обернулся, увидев Лэнгдона и Сиенну, мчащихся на трайке, испускающем пронзительный звук, когда она поддала газу.

Расположившись сзади, Лэнгдон оглянулся через плечо на солдата, который в данный момент поднял оружие и осторожно прицелился. Лэнгдон напрягся. Прозвучал единственный выстрел, который отрикошетил от заднего крыла трайка, едва не коснувшись позвоночника Лэнгдона.

Боже!

Сиена сделала резкий поворот влево на перекрёстке, и Лэнгдон почувствовал, что сползает, пытаясь сохранить равновесие.

- Наклонись ко мне! - выкрикнула она.

Лэнгдон наклонился вперед, пытаясь найти центр тяжести, поскольку Сиенна мчалась на трайке вниз по большой оживлённой улице. Они проехали целый квартал, и лишь тогда у Лэнгдона восстановилось дыхание.

Кто, черт подери, были те люди?

Внимание Сиенны было по-прежнему всецело приковано к дороге, она неслась по проспекту, лавируя между редкими участниками утреннего движения. Несколько пешеходов отреагировали, когда они проезжали, очевидно, опешив от вида рослого мужчины в костюме от Бриони, сидящего позади худенькой женщины.

Лэнгдон и Сиенна проехали три квартала и приближались к главному перекрестку, когда впереди проревела звуковая сирена. Гладкий черный фургон завернул за угол на двух колесах, виляя на перекрестке, и затем ускорился, направляясь непосредственно к ним. Фургон был похож на фургон с солдатами возле жилого дома.

Сиенна немедленно резко отклонилась вправо и нажала на тормоза. Грудь Лэнгдона резко прижалась к ее спине, когда она скользнула к остановке с глаз долой позади припаркованного автофургона. Она пристроила трайк к заднему бамперу грузовика и заглушила двигатель.

Они увидели нас!?

Она и Лэнгдон пригнулись и ждали … затаив дыхание.

Фургон с ревом и без колебаний пролетел мимо, очевидно никто не видел их. Однако, когда автомобиль промчался, Лэнгдон мельком увидел кого-то внутри.

На заднем сиденье между двумя солдатами, как пленник, была зажата привлекательная пожилая женщина. Ее глаза блуждали, а голова болталась, как будто она обезумела или была под действием лекарств. На ней был амулет и у нее были длинные серебристые волосы, которые струились локонами.

На мгновение горло Лэнгдона сжалось, и он подумал, что увидел призрак.

Это была женщина из его видений.

ГЛАВА 17

Хозяин выскочил из комнаты управления и двинулся вдоль длинного борта правой палубы Мендасиума, собираясь с мыслями. То, что сейчас произошло в флорентийском жилом доме, было немыслимо.

Он дважды обошел весь корабль, прежде чем зайти в свою каюту и открыть бутылку пятидесятилетнего односолодового виски Highland Park. Не наливая напиток в стакан, он поставил бутылку и повернулся к ней спиной - персональное напоминание, что он все еще владел над собой.

Он инстинктивно взглянул на тяжелый потрепанный том на книжной полке - подарок от клиента… клиента, с которым предпочел бы никогда не встречаться.

Год назад.. Откуда я мог знать?

Обычно хозяин не разговаривал с будущими клиентами лично, но этот пришел по надежной рекомендации, поэтому он сделал исключение.

Море было совершенно спокойным, когда клиент прибыл на борт Мендасиума на своем личном вертолете. Посетителю, значимой фигуре в своей сфере деятельности, было сорок шесть лет, приятный и удивительно высокий человек с пронзительными зелеными глазами.

- Как вы знаете, - начал мужчина, - ваши услуги мне порекомендовал наш общий друг. Посетитель вытянул длинные ноги и чувствовал себя в пышно убранной каюте хозяина как дома. - Позвольте сказать вам, что мне нужно.

- Вообще-то, не позволю, - перебил его хозяин, показывая кто здесь главный. - Согласно правилам, вы ничего не должны говорить. Я объясню, какие услуги я предоставляю, а вы решите, какие вам нужны, если что-либо вас заинтересует.

Посетитель, казалось, был захвачен врасплох, но молча принял условия и внимательно слушал. В конце концов, желания долговязого гостя оказались для Консорциума стандартной услугой - по сути дела, стать "невидимым", чтобы продолжить свои старания вдали от любопытных глаз.

Детские игры.

Консорциум мог все устроить, предоставив ему поддельные документы и безопасное место, вне всей системы, где он мог продолжить свою работу в полной секретности - какой бы ни была его работа. Консорциум никогда не интересовался, с какой целью клиент использует услугу, предпочитая как можно меньше знать о том, на кого они работают.

Получив внушительную прибыль, хозяин на целый год предоставил безопасное убежище зеленоглазому мужчине, который, казалось, был идеальным клиентом. Хозяин не контактировал с ним, и получил все деньги вовремя.

Затем, две недели назад, все изменилось.

Неожиданно клиент вышел на связь, требуя личной встречи с хозяином. Учитывая сумму денег, которая была уплачена, хозяин был вынужден согласиться.

Потрепанный человек, прибывший на яхту, едва ли был тем надежным, опрятным мужчиной, с которым хозяин имел дело год назад. Прежние выразительные зеленые глаза стали дикими. Он выглядел как…больной.

Что с ним случилось? Чем он был занят?

Хозяин провел испуганного клиента в свой офис.

- Седовласая бестия, - запинаясь, сказал он. - Она подбирается ближе с каждым днем.

Хозяин просмотрел материалы клиента, разглядев фотографию привлекательной седовласой женщины. - Воистину, - сказал хозяин, - она - сущая дьяволица. О ваших врагах нам хорошо известно. При всём её могуществе, мы к вам целый год её не подпускали и дальше не собираемся.

Зеленоглазый мужчина взволнованно накручивал засаленные волосы на пальцы. - Не позволяйте ее красоте одурачить вас, она - опасный противник.

Верно, подумал хозяин, всё ещё недовольный тем, что его клиент привлёк внимание столь влиятельного лица. Седовласая женщина располагала обширными связями и возможностями - но не из таких она была противников, от столкновения с которыми хозяин предпочёл бы уклониться.

- Если она или ее демоны обнаружат меня, - начал клиент.

- Не обнаружат, - убедил его хозяин. - Разве мы не спрятали вас достаточно далеко и не обеспечили то, что вы требовали?

- Верно, - сказал мужчина. - И еще, я буду спать спокойнее, если.. Он замолчал, собираясь с силами. - Мне необходимо знать, что если со мной что-то случится, вы выполните мою последнюю волю.

- И в чём состоит эта воля?

Мужчина полез в сумку и вытащил маленький, запечатанный конверт. - Содержимое этого конверта обеспечивает доступ к депозитному сейфу во Флоренции. Внутри сейфа вы найдете маленький предмет. Если со мной что-нибудь случится, мне нужно, чтобы вы отправили его от моего имени. Это своего рода подарок.

- Очень хорошо. Хозяин поднял ручку, чтобы сделать пометки. - И кому я должен его отправить?

- Седовласому дьяволу.

Хозяин взглянул на него. - Подарок вашему мучителю?

- Скорее, ей это в пику. - Его глаза диковато сверкнули. - Хитроумное “шильце”, оформленное в виде резной кости. Она найдёт в этом карту… собственного Вергилия… для сопровождения в свой собственный ад.

Хозяин изучал его длительное время. - Как пожелаете. Считайте, что это сделано.

- Время будет иметь решающее значение, - настаивал мужчина, - Этот подарок не следует доставлять преждевременно. Вы должны держать его в тайне до тех пор, пока… - Он остановился, внезапно о чём-то подумав.

- До каких пор? - допытывался хозяин.

Мужчина резко поднялся и обошёл стол хозяина; схватив красный маркер, он энергично вывел дату в своем личном настольном календаре. - Вот до этого дня.

Хозяин опустил челюсть и выдохнул, подавляя своё неудовольствие развязностью этого человека.

- Понятно, - заключил хозяин. - До означенного дня ничего делать не буду, а когда он настанет, этот предмет в банковской ячейке или в чём он там, будет доставлен седовласой. Даю слово.

Он сосчитал дни до той небрежно обведенной в календаре даты.

- В точности выполню ваши пожелания ровно через четырнадцать суток.

- И ни днем ранее! - лихорадочно предостерег клиент.

- Я понял, - заверил его хозяин. - Ни днём раньше.

Хозяин взял конверт, вложил его в дело клиента и сделал необходимые записи, чтобы обеспечить неукоснительное следование пожеланиям клиента. Поскольку клиент не описал конкретно свойства того предмета в депозитной ячейке, хозяин предпочитал, чтобы так и оставалось. Отстранённость была ключевым моментом в идеологии Консорциума. Оказать услугу. Не задавать вопросов. Не рассуждать.

Плечи клиента расслабились, и он тяжко выдохнул. - Спасибо.

- Еще что-нибудь? - спросил хозяин, стремясь избавиться от сделавшегося неузнаваемым клиента.

- В общем, да. - Он полёз в карман и достал маленькую, малинового цвета флешку. - Здесь видеофайл. - Он положил флешку перед хозяином. - Я бы хотел выложить его в сеть.

Хозяин пристально разглядывал мужчину. Консорциум часто распространял информацию по заказу клиентов, но всё же, что-то в просьбе этого человека настораживало.

- В тот же самый день? - спросил хозяин, указывая на размашисто обведённую дату в своём календаре.

- Именно в тот же день, - ответил клиент. - Ни секундой раньше.

- Понятно. - Хозяин снабдил флешку ярлыком с нужной информацией. - Теперь всё? - Он встал, собираясь закончить встречу.

Его клиент остался неподвижным. - Нет. Последняя вещь.

Хозяин снова сел.

Теперь глаза клиента выглядели почти роковыми. - Вскоре после того, как вы распространите это видео, я стану очень знаменит.

- Ты и так уже знаменит, - подумал хозяин, принимая во внимание впечатляющие достижения своего клиента.

- А вы заслужите признание своим участием в этом, - сказал мужчина. - Услуга, которую вы мне уже оказали, позволила мне создать шедевр… произведение, которому суждено изменить мир. Можете гордиться своей ролью.

- Каким бы ни был ваш шедевр, - сказал хозяин с возрастающим нетерпением, - я рад, что у вас было необходимое уединение, чтобы создать его.

- В знак благодарности я привёз вам прощальный подарок. - Потрёпанный мужчина полез в сумку. - Книгу.

Хозяин хотел знать, была ли эта книга тем творением, над которым клиент работал все это время. - И это вы написали эту книгу?

- Нет. - Мужчина бросил массивный том на стол. - Как раз наоборот… эта книга была написана для меня.

Озадаченный, хозяин посмотрел на издание, которое достал клиент. Он думает, что это было написано для него? Эта книга - классическое литературное произведение… написанное в четырнадцатом веке.

- Прочтите её, - настаивал клиент, зловеще улыбаясь. - Она поможет вам понять, что я совершил.

С этими словами неряшливый гость встал, попрощался и спешно удалился. Хозяин смотрел из окна своей каюты, как его вертолёт взлетает с палубы и направляется обратно, к побережью Италии.

Потом хозяин вновь обратился к лежавшей перед ним большой книге. Неуверенными движениями пальцев он развернул кожаный переплёт и пролистал книгу к началу. Вступительный абзац был напечатан крупным каллиграфическим шрифтом и занимал всю первую страницу.

Инферно.

Земную жизнь пройдя до половины,

Я очутился в сумрачном лесу,

Утратив правый путь во тьме долины.

На противоположной странице клиент написал от руки:

"Мой дорогой друг, спасибо за то, что помог мне отыскать свой путь.

Мир также благодарен тебе.

Хозяин не имел понятия, что бы это значило, но он прочитал достаточно. Его профессиональные отношения с этим странным субъектом скоро закончатся, подумал он с облегчением. Еще четырнадцать дней… Он вновь глянул на небрежно обведенную красным маркером дату в своем личном календаре.

В последующие дни у хозяина было на редкость беспокойное ощущение по поводу дел этого клиента. Похоже, человек выпал из обычной жизненной колеи. Тем не менее, несмотря на догадки хозяина, время шло, а проблем не возникало.

Позже, перед самой намеченной датой, во Флоренции прошла быстрая череда неблагоприятных событий. Хозяин попытался справиться с этим кризисом, но всё стало быстро выходить из-под контроля. Кульминацией стало роковое восхождение его клиента на башню Флорентийского аббатства.

Он спрыгнул… и разбился насмерть.

Несмотря на потрясение от потери клиента, да ещё таким образом, хозяин оставался человеком слова. Он тут же стал готовиться искупить это исполнением своего последнего обещания покойному - доставить той седовласой женщине содержимое банковской ячейки во Флоренции - время доставки которого, как его предупредили, имело решающее значение.

Не ранее даты, обведенной в календаре.

Хозяин передал Вайенте конверт с кодами от ячейки, которая и ездила извлечь оттуда предмет - то самое “хитроумное шильце”. Однако, когда Вайента позвонила, новости озадачили и вызвали тревогу. Содержимое банковской ячейки уже кто-то забрал, а сама Вайента чудом избежала ареста. Седовласая женщина каким-то образом прознала о депозите и применила всё своё влияние для получения доступа к той ячейке и к тому, чтобы получить ордер на арест всякого, кто попытается эту ячейку вскрыть.

Это было три дня назад.

Тот похищенный предмет клиент явно намеревался сделать средством напоследок досадить седовласой женщине - этаким зло усмехающимся голосом из могилы.

И вот теперь он заговорил преждевременно.

Консорциум всегда находился в состоянии отчаянной борьбы, используя все свои ресурсы для защиты конечных интересов клиента, да и своих собственных. В процессе этой борьбы Консорциум не раз переступал черту, вернуться к которой - и хозяин это понимал - было сложно. Теперь, после всего, что раскрылось во Флоренции, хозяин, уставившись на свой стол, ломал голову над тем, что несёт с собой будущее.

С календаря на него навязчиво смотрела набросанная клиентом окружность - зловещее кольцо красными чернилами вокруг явно какой-то особенной даты.

Завтра.

Хозяин с неохотой посмотрел на бутылку скотча на столе перед собой. Затем, впервые за четырнадцать лет, он наполнил стакан и выпил его залпом.

В одном из подпалубных отсеков координатор Лоренс Ноултон вытащил из компьютера красную флешку и положил её перед собой на стол. Видео оказалось едва ли не самым странным из всего, что он когда-либо видел.

А его длительность была ровно девять минут - с точностью до секунды.

Испытывая необычное чувство тревоги, он встал и заходил по своей маленькой каюте, раздумывая, стоит ли показывать это экзотичное видео хозяину.

Просто делай свою работу, приказал себе Ноултон. Без вопросов. Без обсуждений.

Мысленно вспоминая видео, он пометил в своем ежедневнике подтверждение задачи. Завтра, согласно просьбе клиента, он загрузит видеофайл в СМИ.

ГЛАВА 18

Проспект Никколо Макиавелли считается одним из красивейших во Флоренции. С его S-образными изгибами, змеящимися сквозь пейзажи с сочной растительностью в виде живых изгородей и лиственных деревьев, это излюбленное место мотоциклистов и энтузиастов Феррари.

Сиенна умело выруливала на трайке по всем изгибам трассы; они выехали за пределы запылённого жилого квартала и оказались в зоне чистого, с привкусом кедра воздуха элитного западнобережного района. Проехали мимо соборных часов, которые отбивали 8 утра.

Лэнгдон всё раздумывал, возвращаясь мыслями к таинственным образам дантовского ада… и к загадочному лицу красивой седовласой женщины, которую у него на глазах втиснули между двумя солдатами на заднем сидении фургона.

Не знаю, кто она, но сейчас она у них.

- Та женщина в фургоне, - сказала Сиенна, перекрикивая шум мотора трайка. - Ты уверен, что это та, которая тебе являлась?

- Абсолютно.

- Тогда ты наверняка сталкивался с ней в какой-то момент за последние два дня. Вопрос в том, почему ты и дальше её видишь… и почему она всё твердит тебе "ищи и обрящешь".

Лэнгдон согласился. - Я не знаю… Я не помню, чтобы встречал ее, но каждый раз, когда я вижу ее лицо, у меня возникает непреодолимое чувство, что я должен помочь ей.

Очень жаль. Очень жаль.

Лэнгдон вдруг подумал, не относились ли его странные извинения к седовласой женщине. Подвел ли я ее каким-то образом? От этой мысли живот скрутился в узел.

Лэнгдону показалось, что кто-то убрал жизненно важное оружие из его арсенала. Я ничего не помню. Будучи эйдетиком с детства, он больше всего рассчитывал на свою память, как на важнейший интеллектуальный ресурс. Для человека, привыкшего вспоминать малейшую деталь из увиденного, жизнь без памяти была сравнима с попыткой посадить самолет в кромешной тьме без радара.

- Кажется, твой единственный шанс найти ответы - это расшифровать карту, - сказала Сиенна. - Какие бы тайны она не скрывала… думаю, это причина, почему за тобой охотятся.

Лэнгдон кивнул, обдумывая слово "catrovacer" на фоне извивающихся тел дантовского ада.

Внезапно Лэнгдона осенило.

Я пришел в себя во Флоренции.

Ни один город в мире не был так тесно связан с Данте, как Флоренция. Данте Алигьери родился и вырос во Флоренции, согласно легенде, влюбился в Беатриче во Флоренции и был жестоко изгнан из родного дома во Флоренции, обреченный годами скитаться по Италии, страстно мечтая о доме.

- Ты бросишь всё, к чему твои желанья

стремились нежно, - написал Данте об изгнании. - Эту язву нам всего быстрей наносит лук изгнанья.

Вспомнив слова из семнадцатой песни Рая, Лэнгдон посмотрел вправо, через реку Арно, на далекие шпили старой Флоренции.

Лэнгдон представил внешний вид старого города - толпы туристов, пробки и оживленное движение по узким улочкам, вокруг знаменитого Флорентийского собора, музеев, часовен и торговых районов. Он подозревал, что они смогут испариться в толпе людей, если Сиенна разобьет трайк.

- Старый город - вот куда нам нужно, - сказал Лэнгдон. - Если ответы существуют, тогда они, возможно находятся там. Старая Флоренция была целым миром для Данте.

Сиенна кивнула в знак согласия и прокричала через плечо.

- К тому же, там будет безопасней - много мест, где можно спрятаться. Едем к Римским воротам, оттуда мы сможем пересечь реку.

Река, подумал Лэнгдон с трепетом. Известное путешествие Данте также начиналось с пересечения реки.

Сиенна надавила на газ, и пейзаж позади начал постепенно расплываться. Лэнгдон в это время мысленно прокручивал в голове образы ада, мертвых и умирающих, десяти рвов Малеболже с врачевателем в маске чумы и странного слова CATROVACER. Он задумался над словами, нацарапанными в нижней части Карты - Истина откроется глазам смерти - и подумал, что зловещее выражение могло быть цитатой Данте.

Не припомню такой фразы.

Лэнгдон был весьма сведущ в трудах Данте, а будучи известным искусствоведом, специализирующимся на иконографии, он время от времени привлекался для интерпретации многочисленных символов, наводнявших нарисованные Данте пейзажи. По совпадению, или

возможно не столько по совпадению, он читал лекцию по Аду Данте приблизительно два года назад.

- Божественный Данте: символы Ада.

Данте Алигьери стал одной из культовых фигур мировой истории, благодаря которому появились дантовские объединения по всему миру. Старейший Американский филиал был основан Генри Уодсвортом Лонгфелло в 1881 году в Кембридже, Массачусетс. Известный домашний поэт Новой Англии был первым американцем, который перевел Божественную комедию. Его перевод по сей день является одним из самых уважаемых и популярных.

Как известного исследователя трудов Данте, Лэнгдона приглашали выступить на крупном мероприятии, проводившемся одним из старейших в мире сообществ имени Данте - Венским обществом Данте Альгьери. Мероприятие было намечено к проведению в Венской академии наук. Главный спонсор мероприятия - состоятельный учёный и член Общества Данте - сумел забронировать лекционный зал академии на 2 тысячи мест.

Когда Лэнгдон прибыл на мероприятие, его встретил директор конференции и провел внутрь. Проходя по коридору, Лэнгдон не мог не заметить пять слов, написанных огромными буквами вдоль черной стены: ЧТО ЕСЛИ БОГ БЫЛ НЕПРАВ?

- Это Лукас Троберг, - прошептал директор. - Наша новейшая арт-инсталляция. Как вам?

Лэнгдон следил за крупным текстом, сомневаясь как ответить. - Гм … его мазки размашисты, но владение сослагательным наклонением кажется сомнительным.

Директор в замешательстве посмотрел на него. Лэнгдон надеялся, что взаимопонимание с аудиторией будет лучше.

Когда Лэнгдон наконец ступил на сцену, раздался взрыв аплодисментов, толпа приветствовала его стоя.

- Дамы и Господа (нем.), - начал Лэнгдон, загудел его голос сквозь колонки. - Willkommen (нем.), bienvenue (фр.), добро пожаловать.

Знаменитая строчка из мюзикла “Кабаре” вызвала у публики одобрительный смех.

- Мне сказали, что сегодня среди нашей аудитории присутствуют не только члены общества Данте, но также ученые и студенты, которые будут исследовать его творчество впервые. Поэтому, для тех слушателей, которые были слишком заняты, чтобы читать средневековый итальянский эпос, я начну с краткого обзора жизни и работ Данте и объясню, почему он считается одним из наиболее влиятельных фигур в истории.

Аплодисменты стали громче.

Используя небольшой пульт, Лэнгдон включил серию слайдов с изображениями Данте, среди которых первым был портрет в полный рост кисти Андреа дель Кастаньо, где поэт был изображен стоящим в дверном проеме, прижимая к себе книгу по философии.

- Данте Алигьери,- начал Лэнгдон. - Годы жизни этого флорентийского писателя и философа с 1265 по 1321. На этом портрете, как почти на всех изображениях, он носит на голове красный колпак — плотно прилегающий, заложенный в складку чепец с длинными ушами — который, наряду с его темно-красной мантией, стал наиболее широко известным изображением Данте.

Лэнгдон переключил слайд на портрет Данте кисти Боттичелли из галереи Уффици, где выделены наиболее выступающие черты лица Данте, тяжелый подбородок и крючковатый нос.

- Здесь уникальное лицо Данте вновь обрамлено его красным колпаком, но в этом портрете Боттичелли добавил лавровый венок, как символ опыта и знаний - в данном случае в поэтическом искусстве - традиционный символ, заимствованный у Древних греков и используемый даже сейчас в церемониях чествования лауреатов литературных и Нобелевской премии.

Лэнгдон быстро просмотрел несколько других изображений, все предсталяющие Данте в его красном колпаке, красной тунике, лавровом венке и с выделяющимся носом. - И завершить ваше представление о Данте поможет статуя на площади Святого Креста … и, конечно, известная фреска, приписываемая Джотто в часовне Барджелло.

Лэнгдон оставил слайд с изображением фрески Джотто и направился к центру сцены.

- Как вы все знаете, Данте наиболее известен своим монументальным литературным произведением - Божественной комедией - жестоким и ярким рассказом о спуске автора в ад, проходом через чистилище, завершившимся восхождением в рай для исповеди с Богом. По современным стандартам в Божественной комедии нет ничего комедийного. Комедией она называется совсем по другой причине. В четырнадцатом веке итальянская литература была вынужденно разделена на два вида: трагедию, представлявшую собой высшую литературу, написанную на официальном итальянском и комедию, представлявшую низшую литературу, написанную на разговорном языке и предназначенную для всех слоев населения.

Лэнгдон прокрутил слайды до известной фрески Микелино, который показал Данте, стоящего у стен Флоренции, сжимающего копию Божественной Комедии. На заднем плане расположенная уступами гора чистилища поднялась высоко над воротами ада. Картина теперь висит во флорентийском Соборе Санта-Марии дель Фиоре — более известном как Домский собор.

- Как вы могли догадаться из названия, - продолжил Лэнгдон, - Божественная комедия написана на разговорном языке - языке простых людей. Тем не менее, она блестяще сплела религию, историю, политику, философию и общественное мнение в гобелен художественной литературы, который, несмотря на всю его эрудированность, оказался полностью понятен широким массам. Эта работа стала столь значительной вехой в итальянской культуре, что литературный стиль Данте называли – ни больше, ни меньше – эталоном современного итальянского языка.

Лэнгдон сделал короткую эффектную паузу и затем прошептал, - Друзья мои, невозможно переоценить влияние трудов Данте Алигьери. За всю историю человечества не было - пожалуй, не считая Священного писания - ни одного произведения философской мысли, живописи, музыки или литературы, которое бы вызвало больше посвящений, подражаний, вариаций на тему и переложений, чем Божественная комедия.

Перечислив длинный ряд знаменитых композиторов, художников и авторов, создававших свои произведения на основе эпической поэмы Данте, Лэнгдон окинул взглядом публику. - А скажите мне, нет ли сегодня таких авторов среди нас?

Около трети собравшихся подняли руку. Лэнгдон был этим потрясён. Ничего себе, либо это самая изысканная в мире публика, либо воистину таковы издержки доступности электронной публикации.

- Что ж, тогда вы все прекрасно знаете, что нет для автора ничего более ценного, чем аннотация, та одобрительная строчка со стороны влиятельного человека, назначение которой - побудить других купить вашу работу. Аннотации практиковались и в средние века. Данте тоже их иногда получал.

Лэнгдон поменял слайды. - Вам бы хотелось иметь такую надпись на обложке своей книги?

- Никогда не было на земле человека величественнее его.

Микеланджело.

По толпе пробежался гул удивления.

- Да, - сказал Лэнгдон, - тот самый Микеланджело, которого все вы знаете по Сикстинской капелле и статуе Давида. Помимо того, что он был выдающимся живописцем и скульптором, Микеланджело был превосходным поэтом, он опубликовал три сотни

стихотворений, включая одно под названием “Данте”, посвященное человеку, мрачное видение которого вдохновило Микеланджело на “Страшный суд”. И если не верите мне, прочтите третий стих дантовского “Ада” и после этого сходите в Сикстинскую капеллу; прямо над алтарём вы увидите знакомый вам образ.

Лэнгдон далее перебрал несколько слайдов, и перешел к пугающим подробностям изображения мускулистого существа, замахивающегося гигантским веслом на съёжившихся людей. - Это дантовский лодочник с адской переправы, Харон, бьющий веслом растерянных пассажиров.

Затем Лэнгдон перешел к новому слайду — второй детали Страшного суда Микеланджело — распятому на кресте человеку. - Это - Аман Агаги, который, согласно Священному писанию, был приговорен к смерти через повешение. Однако, в поэме Данте, он был распят. Как вы видите здесь в Сикстинской капелле, Микеланджело предпочел версию Данте вместо той из Библии. - Лэнгдон усмехнулся и понизил голос до шепота. - Не говорите Папе Римскому.

Толпа рассмеялась.

- Ад Данте создал мир боли и страданий, который не укладывался ни в каком человеческом воображении, и его произведение вполне буквально определило наши современные видения ада. - Лэнгдон сделал паузу. - И поверьте мне, католическая церковь должна сильно поблагодарить Данте. Его Ад столетиями наводил страх на верующих, и без сомнения утроил посещение церкви благодаря этому.

Лэнгдон включил слайд. - А теперь перейдем непосредственно к тому, из-за чего мы все собрались здесь сегодня вечером.

На экране теперь появилось название его лекции: БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАНТЕ: СИМВОЛЫ АДА.

Дантовский Ад - столь богатый символами и столь иллюстративный пейзаж, что я зачастую посвящаю ему курс целого семестра. И сегодня я подумал, что нет лучше способа приоткрыть тайну символов дантовского ада, чем пройти вместе с ним… через врата ада.

Лэнгдон шагнул к краю сцены и осмотрел толпу. - Если мы запланировали прогулку по аду, то я настоятельно рекомендую использовать карту. И нет карты ада Данте, более точной и полной, чем карта написанная Сандро Боттичелли.

Он нажал на пульте кнопку, и боттичеллиевская запретная карта ада материализовалась перед лицом публики. Ему были слышны стоны людей, на которых подействовали разного рода ужасы, происходящие в подземной пещере с очертаниями туннеля.

- В отличие от ряда художников, Боттичелли в своей интерпретации чрезвычайно точно придерживался дантовского текста. По существу, он столько времени посвятил прочтению Данте, что великий искусствовед Джорджио Васари говорил, что ботичеллиевское увлечение Данте привело к значительным неурядицам в его жизни. Боттичелли создал более двух десяткков других произведений, связанных с Данте, но самое известное - эта карта.

Сейчас Лэнгдон указывал на верхний левый угол картины. - Наше путешествие начинается здесь, можно увидеть одетым в красное Данте, вместе со своим проводником Вергилием, стоящими перед воротами в ад. Отсюда мы пойдем вниз, через девять кругов ада Данте, и в конце концов встретимся лицом к лицу с…

Лэнгдон быстро переключился на новый слайд - это был увеличенный до огромных размеров Сатана, каким изобразил его на этом же холсте Боттичелли - устрашающий трёхглавый Люцифер, поглощающий троих - по человеку в каждой пасти.

Толпа тихо ахнула.

- Бросим взгляд на ближайшие достопримечательности,- объявил Лэнгдон . - Вот этот пугающий образ - тут закончится сегодняшнее путешествие . Это - девятое кольцо ада, где

проживает сам Сатана. Однако, … - Лэнгдон сделал паузу. - Прибытие сюда - лишь половина приключения, поэтому давайте перемотаем немного … назад к вратам ада, где начинается наше путешествие.

Лэнгдон перешел к следующему слайду — литографии Гюстава Доре, которая изобразила темноту, вход в туннель, вырезанный в глубине сурового утеса. Надпись над дверью гласила: ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ.

- Итак… сказал Лэнгдон с улыбкой. - Должны ли мы войти?

Где-то громко завизжали шины, и аудитория испарилась на глазах у Лэнгдона. Он почувствовал, что накренился вперед и ударился о спину Сиенны, поскольку трайк притормозил на остановке посередине Виале Макиавелли.

Лэнгдон покачнулся, все еще думая о воротах ада, вырисовывающегося перед ним. Когда он пришел в себя, то увидел где находится.

- В чём дело? - потребовал он ответа.

Сиенна указала на Римские Ворота, которые были впереди за сотню метров - старинные каменные ворота, служившие входом в старую Флоренцию.

- Роберт, у нас проблема.

ГЛАВА 19

Агент Брюдер стоял в скромной квартире и пытался понять увиденное. Кто, черт побери, живет здесь? Обстановка была скудной и беспорядочной, и похожа на комнату в общежитии колледжа, меблированную на бюджетные средства.

- Агент Брюдер? - один из его людей звонил из нижнего зала. -Ты захочешь посмотреть на это.

Спускаясь в холл, Брюдер хотел знать, задержала ли Лэнгдона местная полиция. Он бы предпочел решить проблему “между своими”, но из-за побега Лэнгдона пришлось заручиться поддержкой местной полиции и заблокировать дорогу. На запутанных улицах Флоренции подвижный мотоцикл легко мог ускользнуть от грузовика Брюдера - непроницаемого, но двигающегося тяжело из-за толстых пуленепробиваемых стекол и плотных, защищенных от проколов шин. Полиция в Италии была известна тем, что не сотрудничала с чужаками, но организация Брюдера имела значительное влияние на полицию, консульства и посольства. Когда мы что-то требуем, никто не осмеливается задавать вопросы.

Брюдер вошел в небольшой офис, где его человек стоял над открытым ноутбуком и стучал по клавиатуре в латексных перчатках. - Это - компьютер, который он использовал, - сказал человек. - Лэнгдон использовал его, чтобы получить доступ к своей электронной почте и сделал несколько поисковых запросов. Файлы еще сохранились в памяти.

Брюдер подошел к столу.

- Кажется, этот компьютер не принадлежит Лэнгдону, - сказал техник. - Он зарегистрирован на кого-то с инициалами С.Ц. — скоро я узнаю полное имя.

Пока Брюдер ждал, его взгляд привлекла стопка бумаг на столе. Он поднял их, просматривая необычную подборку — старая театральная афиша из Лондонского театра “Глобус” и ряд газетных статей. Чем больше Брюдер читал, тем шире становились его глаза.

Взяв документы, он выскользнул обратно в холл и позвонил начальнику. - Это Брюдер, - сказал он. - Думаю, я установил личность помогавшего Лэнгдону.

- Кто это?- ответил босс.

Брюдер медленно выдохнул. - Вы не поверите.

На расстоянии в две мили Вайента ехала низко пригнувшись на своем мотоцикле BMW, покидая район. Патрульные машины с ревущими сиренами мчались мимо нее в противоположном направлении.

От моих услуг отказались, подумала она.

Как обычно, мягкая вибрация четырехтактного двигателя мотоцикла помогла успокоить ее нервы. Я подумаю об этом завтра.

Вайента проработала на Консорциум в течение двенадцати лет и поднялась в ранге от наземной поддержки, к координации стратегии, и прошла весь путь до высококвалифицированного полевого агента. Моя карьера - все, что у меня есть. Полевые агенты мирились с жизнью, полной тайн, путешествий и длинных миссий. И все это действительно исключало любую свободную жизнь или отношения.

Я отдала этой самой миссии почти год, подумала она, все еще не в силах поверить, что хозяин нажмет на курок и так резко отвергнет ее.

Двенадцать месяцев Вайента контролировала услуги, которые оказывались клиенту Консорциума - эксцентричному зеленоглазому гению, который всего лишь хотел “исчезнуть” на какое-то время, чтобы его соперники и враги не мешали ему работать. Он очень редко путешествовал, всегда незаметно, но большую часть времени он уделял работе. Что это была за работа, Вайента не знала: она должна была только спрятать клиента от влиятельных людей, которые пытались его найти.

Вайента действовала с непревзойдённым профессионализмом, и все шло отлично.

Все было прекрасно…до прошлого вечера.

Эмоциональное состояние и карьера Вайенты пошли по нисходящей с тех пор.

Теперь я вне игры.

Если применялся протокол отрицания, агент должен был немедленно оставить свою текущую миссию и покинуть “арену”. В случае захвата агента Консорциум полностью отрицал все связи с ним. Агенты знали, что лучше не пытать счастья с организацией, и были прекрасно осведомлены о ее разрушающей способности управлять действительностью вне зависимости от ее потребностей.

Вайента знала только двух агентов, которых отвергли. Странно, она никогда больше не видела ни одного из них. Она всегда предполагала, что их вызывали для формальной критики и увольняли с требованием никогда больше не вступать в контакт с сотрудниками Консорциума.

Теперь, однако, она была в этом не уверена.

Ты слишком остро реагируешь, сказала она себе. Методы Консорциума гораздо более изысканны, чем просто хладнокровное убийство.

Даже в этом случае она почувствовала, как холодок пробежал по ее телу.

Инстинкт побудил ее покинуть крышу отеля незаметно, как только она увидела команду Брюдера, и приходилось только гадать, не спасло ли это ей жизнь.

Никто не знает, где я сейчас.

Вайента устремилась к северу по гладкой прямой дороге Виале дель Поджо Империале. Она прекрасно поняла, какую роль сыграла для нее разница в несколько часов. Вчера вечером она переживала по поводу работы. Теперь она волновалась за сохранность своей жизни.

ГЛАВА 20

В те времена входом в город-крепость Флоренцию служили каменные Римские ворота, построенные в 1326 году. Несмотря на то, что большинство окружающих город стен были разрушены, Римские ворота существуют до сих пор, и по сей день весь поступающий в город поток транспорта проходит через арочные туннели в колоссальном укреплении.

Сами ворота представляют собой преграду высотой пятнадцать метров из древнего кирпича и камня. Основной проход через них все еще сохраняет свои массивные деревянные двери на засовах, которые всегда открыты для проезда. Шесть крупнейших дорог сходятся перед этими дверями и переходят в транспортную развязку, на травянистой разделительной полосе которой возвышается статуя работы Пистолетто, изображающая женщину, покидающую городские ворота и несущую огромную вязанку на своей голове.

И хотя на сегодняшний день движение у ворот является сущим кошмаром, строгие городские ворота Флоренции некогда были местом проведения Fiera dei Contratti - Брачной ярмарки - где отцы своих дочерей заключали брачные договора, часто заставляя их вызывающе танцевать в надежде на более богатое приданое.

Итак, в то утро Сиенна экстренно остановилась в сотне метров от городских ворот и в беспокойстве указывала на то, что перед ними. Сидя на трайке сзади, Лэнгдон посмотрел вперёд, и ему тут же передались её опасения. Перед ними стояла длинная вереница машин с заглушенными моторами. Движение по кольцевой развязке было перекрыто полицейским заграждением, и появлялись всё новые полицейские машины. От машины к машине ходили вооруженные офицеры полиции и задавали вопросы.

- Ну не может же быть это из-за нас. - подумал Лэнгдон. - Так ведь?

По проспекту Макиавелли в стороне от общего потока к ним подкатил взмокший велосипедист. Велосипед был “лежачего” типа, и его голые ноги напрягались впереди него самого.

Сиенна крикнула ему. - Что случилось? (ит.)

- А кто его знает! (ит.) - крикнул он в ответ, выглядя озабоченным. - Полиция (ит.) - Он поспешил мимо, намереваясь скрыться.

Сиена поверулась к Лэнгдону, ее лицо было мрачным. - Дорожное заграждение. Военная полиция.

Вдалеке позади них завыли сирены, и Сиенна повернулась на сидении, оглядываясь на проспект Макиавелли, лицо её уже выражало страх.

- Мы с обоих концов в капкане, - подумал Лэнгдон, оглядывая местность в поисках хоть какого-то выезда - отходящей дороги, парка, проезда - но увидел только частные владения по левую сторону от них и высокую каменную стену по правую.

Сирена становилась громче.

- Вон туда, - поторапливал Лэнгдон, указывая на видневшуюся за сотню метров впереди пустующую строительную площадку, где можно было, по крайней мере, хоть как-то укрыться за передвижной бетономешалкой.

Сиенна стремительно вывела трайк на тротуар и погнала его к площадке. Они остановились за бетономешалкой, быстро осознав, что она едва могла скрыть один только трайк.

- Следуй за мной, - сказала Сиенна, бросившись к маленькому передвижному складу для хранения инструментов, скрытому в кустах напротив каменной стены.

Это не склад для инструментов, приблизившись понял Лэнгдон и наморщил нос. Это передвижной туалет.

Когда Лэнгдон и Сиенна оказались вблизи биотуалета для строителей, они услышали, как сзади к ним приближаются полицейские машины. Сиенна дёрнула за дверную ручку, но дверь не поддалась. Её удерживала массивная цепь с висячим замком. Лэнгдон схватил

Сиенну за руку и оттащил её за строение, втиснув в узкий промежуток между туалетом и каменной стеной. Они вдвоём едва там умещались, а в воздухе стоял противный и тяжелый запах.

Лэнгдон скользнул вслед за ней, в тот самый момент, когда появился чёрный как смоль Субару-Форестер, украшенный сбоку словом “карабинеры”. Машина медленно прокатила мимо них.

- Итальянская военная полиция, - без энтузиазма подумал Лэнгдон. Его интересовало, нет ли у этих офицеров приказа стрелять без предупреждения.

- Кто-то всерьёз захотел нас разыскать, - прошептала Сиенна. - И каким-то образом ему это удалось.

- GPS? - рассуждал Лэнгдон вслух. - Возможно, внутри проектора есть отслеживающее устройство?

Сиена покачала головой. - Поверь мне, если бы эта вещь имела “маячок”, то полиция вышла бы прямо на нас.

Лэнгдон переместил свое высокое тело, пытаясь поудобней устроиться в тесном пространстве. Он расположился лицом к лицу с коллажем изящно стилизованных граффити на стенах передвижного туалета.

Оставим это итальянцам.

Большинство американских передвижных туалетов было покрыто глупо-самодовольными мультфильмами, которые неопределенно напоминали огромную грудь или члены. Местные граффити, однако, больше походили на альбом студента отделения гуманитарных наук — человеческий глаз, умело нарисованная рука, мужской профиль и фантастический дракон.

- Повсюду в Италии разрисованные стены выглядят по-другому , - сказала Сиенна, очевидно читая его мысли. - По другую сторону этой каменной стены находится Флорентийский институт искусств.

Будто в подтверждение слов Сиенны, вдали показалась группа студентов, направлявшихся в их сторону с папками для живописи под мышкой. Они болтали, прикуривали и ломали голову по поводу дорожного заграждения впереди, у Римских ворот.

Лэнгдон с Сиенной пригнулись, чтобы не попасться на глаза студентам, и после этого Лэнгдона совершенно неожиданно поразила одна любопытная мысль.

Наполовину ушедшие под землю грешники с торчащими в воздухе ногами.

Возможно, дело было в запахе человеческих выделений, а может, тот лежачий велосипедист с его голыми ногами, мелькавший у него перед глазами - что бы ни послужило тому стимулом, но перед Лэнгдоном живо промелькнул отвратительный мир - Рвы порока и голые ноги, торчащие вверх из земли.

Он внезапно повернулся к своей спутнице. - Сиенна, в нашей версии карты, перевернутые ноги были в десятом рве, правильно? Самый нижний уровень Малеболже?

Сиенна странно на него посмотрела, будто вопрос был некстати. - Да, в самом низу.

На долю секунды Лэнгдон вновь оказался в Вене, где он читал свою лекцию. Он стоял на сцене и лишь мгновения отделяли его от эффектного финала - только что он продемонстрировал публике гравюру Доре с изображением Гериона - крылатого чудища с ядовитым жалом в хвосте, которое обитает прямо надо Рвами пороков.

Прежде, чем мы дойдём до Сатаны, - объявил Лэнгдон; голос его эхом отзывался в динамиках, - нам предстоит пройти через десять Рвов пороков, в которых наказывают мошенников - тех, кто повинен в высвобождении зла.

Лэнгдон перешёл к слайдам, показывающим в подробностях Рвы пороков и провёл аудиторию через рвы, один за другим. - Сверху вниз мы видим: соблазнители, которых секут

хлыстом демоны… льстецы, плавающие в человеческих экскрементах… священники-мздоимцы, зарытые наполовину, ногами кверху… колдуны с головами, развёрнутыми назад… продажные политики во рвах с кипящей водой… лицемеры в тяжёлых свинцовых плащах… воры, которых кусают змеи… раздающие советы мошенники, пожираемые пламенем… сеятели раздоров, разрываемые на части демонами… и наконец, лжецы, изъеденные болезнями до неузнаваемости. Лэнгдон вновь повернулся к аудитории. - Скорее всего, Данте припас для лжецов этот последний ров потому, что распространение о нём множества лживых слухов привело к его высылке из любимой им Флоренции.

- Роберт? Это был голос Сиенны.

Лэнгдон тут же вернулся мыслями к настоящему.

Сиенна испытующе на него уставилась. - В чём дело?

- В нашей версии Карты, - возбуждённо сказал он, - живопись изменена! Он выудил проектор из кармана пиджака и встряхнул его с силой, насколько это позволяло ограниченное пространство. Громко заколотился запускающий шарик, но этот звук заглушили сирены. - Тот, кто создал это изображение, изменил порядок следования уровней во Рвах пороков!

Когда устройство снова засветилось, Лэнгдон направил его на плоскую поверхность перед ними. Возникла Карта ада, ярко выделявшаяся в тускло освещённом окружении.

- Боттичелли на поверхности биотуалета, - со стыдом подумал Лэнгдон. К сожалению, это было наименее изящное место, где когда-либо демонстрировали Боттичелли. Лэнгдон окинул глазами все десять рвов и возбуждённо закивал.

- Ну точно, - воскликнул он. - Всё не так! Последний ров пороков должен быть заполнен больными, а не людьми, зарытыми вверх ногами. Десятый уровень - для лжецов, а не для священников-мздоимцев!

У Сиенны был заинтригованнный вид. - Но зачем кому-то понадобилось это менять?

- Catrovacer, - прошептал Лэнгдон, разглядывая маленькие буквы на каждой ступени ада. - Я не думаю, что это что-то означает.

Несмотря на травму, которая стерла у Лэнгдона воспоминания последних двух дней, он чувствовал, что сейчас его память прекрасно функционирует. Он закрыл глаза и воспроизвел две версии Карты ада в своей голове, чтобы сравнить их отличия. Изменений в Рвах порока было меньше, чем ожидал Лэнгдон…и все-таки он ощутил, как будто пелена внезапно опустилась перед ним.

Внезапно все стало совершенно ясно.

Ищите и обрящете!

- Что это значит? - допытывалась Сиенна.

У Лэнгдона высохло во рту. - Я знаю, почему я во Флоренции.

- Знаешь?!

- Да, и я знаю, куда мне следует идти.

Сиенна схватила его за руку. - Куда же?!

Лэнгдон будто только что стал на твердую землю с того момента, как проснулся в больнице.

- Эти десять букв, - прошептал он. - На самом деле они указывает на точное место в старом городе. Там все ответы.

- Где в старом городе?! - требовала Сиенна. - Что ты узнал?

Звуки смеющихся голосов послышались на другой стороне передвижного туалета. Еще одна группа студентов-художников проходила мимо, шутя и болтая на различных языках.

Лэнгдон осторожно выглянул из-за кабинки, наблюдая за ними. Затем посмотрел нет ли полиции. - Нам нужно идти. Объясню по пути.

- По пути?! - Сиенна покачала головой. - Нам никогда не пройти через Римские ворота!

- Жди тридцать секунд, - сказал он, - затем следуй за мной.

С этими словами Лэнгдон выскользнул наружу, оставив своего нового озадаченного друга в одиночестве.

ГЛАВА 21

- Простите! - Роберт Лэнгдон погнался за студентами. - Извините! (ит.)

Они обернулись, и Лэнгдон осмотрелся вокруг как потерявшийся турист.

- Как мне найти Государственный институт искусств? - спросил Лэнгдон на ломаном итальянском.

Татуированный парень равнодушно выпустил клуб дыма от сигареты и ехидно ответил:

- Не говорим по-итальянски. - У него был французский акцент.

Одна из девушек, сделав замечание своему татуированному другу, вежливо указала на спуск к длинной стене около Римских ворот.

- Pi? avanti, sempre dritto.

- Прямо перед вами, - перевел Лэнгдон. - Спасибо.

Как было задумано, Сиенна незаметно появилась из-за передвижного туалета. Стройная тридцатидвухлетняя женщина подошла к группе, и Лэнгдон приветливо положил свою руку ей на плечо.

- Это моя сестра Сиенна. Она преподаватель живописи.

Татуированный парень пробормотал: - TILF. - И его друзья засмеялись.

Лэнгдон не обратил внимания. - Мы приехали во Флоренцию, чтобы провести год обучения за границей. Можем ли мы войти внутрь с вами?

- Конечно, - улыбнувшись, ответила итальянская девушка.

Когда группа проходила рядом с полицией возле Римских Ворот, Сиенна начала разговор со студентами, в то время как Лэнгдон, сутулясь, исчез в середине группы, пытаясь не попасться на глаза.

- Ищите и обрящете, - думал Лэнгдон. Его пульс подскочил от волнения, когда он представил десять Рвов порока.

Catrovacer. Находясь в центре одной из самых загадочных тайн мира искусств, Лэнгдон понимал, что эти десять букв - многовековая загадка, которая до сих пор не решена. В 1563 году, эти десять букв использовали для написания сообщений высоко на стене, внутри знаменитого Палаццо Веккио. Изображенные на высоте в сорок футов, они были едва различимы без бинокля. Столетиями они оставались скрытыми у всех на виду, пока в 1970-х не были обнаружены теперь уже известным специалистом по живописи, который потратил десятилетия, пытаясь раскрыть их смысл. Несмотря на многочисленные теории, значение сообщения и по сей день остается загадкой.

Для Лэнгдона этот код был как родной дом - тихая гавань в этом странном и бурлящем море. Все-таки, сферой интересов Лэнгдона были история искусств и древние тайны, а не биологически опасные капсулы и стрельба из оружия.

Впереди, к Римских воротам начало стекаться еще больше полицейских машин.

- Боже, - сказал татуированный парень. - Наверное, тот, кого они ищут, сделал что-то ужасное.

Группа приблизилась к правой части главных ворот Института искусств, где собравшаяся толпа студентов наблюдала за суматохой у Римских ворот. Немного зарабатывающий охранник равнодушно рассматривал пропуска студентов, входящих внутрь, больше интересуясь, что делает полиция.

Громкий визг тормозов разнесся по площади, когда хорошо всем знакомый фургон занесло у Римских ворот.

Лэнгдону было не обязательно на него смотреть.

Не сказав ни слова, они с Сиенной воспользовались моментом, проскользнув через ворота со своими новыми друзьями.

Дорога к входу в Институт искусств была поразительно красивой, без преувеличения можно сказать почти королевской. Массивные дубы выгнулись мягко с двух сторон, создавая навес, который окаймлял отдаленное здание — огромное, потускневшее желтое сооружение с тройным портиком и просторной овальной лужайкой.

Лэнгдон знал, что здание, как и многие другие в городе, было введено в эксплуатацию той же знаменитой династией, которая господствовала во Флоренции в течение пятнадцатых, шестнадцатых и семнадцатых веков.

Медичи.

Одно имя стало символом Флоренции. За три столетия правления королевский дом Медичи накопил несоизмеримое богатство и влияние, благодаря становлению четырех Пап, двух королев Франции и крупнейшего финансового института всей Европы. По сей день, метод учета, изобретенный Медичи, используется в современных банках - двойная система учета доходов и расходов.

Однако, величайшим наследием Медичи были не финансы и политика, а, пожалуй, искусство. Являясь, возможно, самыми щедрыми покровителями искусства за все время, Медичи поручили огромное количество заказов, обеспечивших становление Ренессанса. Список светил, получивших покровительство Медичи, колеблется от да Винчи и Галилея до Ботичелли - наиболее известная картина которого была результатом заказа Лоренцо Медичи, который предложил повесить сексуально провокационную картину над брачной постелью своего двоюродного брата в качестве свадебного подарка.

Лоренцо Медичи - известный в свое время как Лоренцо Великолепный за свою доброжелательность - был, в своем роде, успешным художником и поэтом и, как поговаривали, обладал превосходным видением. В 1489 году Лоренцо приятно отозвался о работе молодого флорентийского скульптора и пригласил мальчика переехать во дворец Медичи, где он мог практиковать свое мастерство в окружении изобразительного искусства, великой поэзии и высокой культуры. Под опекой Медичи юноша преуспел и в конечном итоге создал две самых знаменитых скульптуры в истории - Пиета и Давид. Сегодня мы знаем его как Микеланджело - творческий гигант, которого иногда называют великим даром Медичи человечеству.

Учитывая страсть Медичи к искусству, Лэнгдон представил, как приятно будет узнать семье, что здание перед ним - изначально задуманное как конюшни Медичи - превратилось в Институт искусств. Это спокойное место, которое сейчас вдохновляет художников, было специально выбрано для конюшен Медичи из-за близости к одному из самых прекрасных мест для верховой езды во всей Флоренции.

Сады Боболи.

Лэнгдон посмотрел налево, где за огромной стеной виднелся лес из более высоких деревьев. Огромные просторы Садов Боболи теперь стали популярной достопримечательностью туристов. Лэнгдон не сомневался, что если они с Сиенной попадут в сады, то пересекут их незамеченными, минуя Римские ворота. Кроме того, обширные сады

изобиловали укрытиями - деревьями, лабиринтами, пещерами, нимфеумами. Более важно, что пройдя через Сады Боболи, они выйдут прямо к Палаццо Питти, каменной крепости, служившей резиденцией Медичи, и 140 комнат которой оставались одними из самых посещаемых достопримечательностей Флоренции.

- Если мы достигнем Палаццо Питти, - подумал Лэнгдон, - то до моста в старый город будет рукой подать.

Лэнгдон, как можно спокойнее указал на высокую стену, за которой был сад. - Как мы можем попасть в сад? - спросил он. - Я хотел бы показать его своей сестре, прежде чем отправиться в институт.

Парень в татуировках замотал головой. - В сад отсюда не пройти. Вход очень далеко, у дворца Питти. Для этого нужно проехать через Римские ворота и обогнуть сзади.

- Ерунда, - выпалила Сиенна.

Все обернулись и уставились на нее, в том числе Лэнгдон.

- Да ладно, - сказала она, хитро ухмыльнувшись студентам и поправляя хвост светлых волос. - Хотите сказать, ребята, что не пробираетесь в сад покурить травку и покуролесить?

Молодые люди переглянулись, а затем расхохотались.

Парень в татуировках на сей раз, похоже, был сражён наповал. - Мэм, вам явно нужно здесь преподавать. - Он подвёл Сиенну к краю здания и указал за угол, на парковку за ним. - Видите тот сарай слева? За ним старый помост. Полезайте на крышу, и сможете спрыгнуть по ту сторону стены.

Сиенна уже шла туда. Она оглянулась на Лэнгдона, покровительственно улыбаясь. - Смелее, братец Боб. Или ты староват через забор перемахнуть?

ГЛАВА 22

Седовласая женщина в фургоне прислонила голову к пуленепробиваемому стеклу и закрыла глаза. У неё было ощущение, будто мир под ней завращался. Препараты, которыми её накачали, ухудшили самочувствие.

- Мне нужна медицинская помощь, - подумала она.

Даже в этом случае у вооруженной охраны относительно нее были строгие приказы: просьбы следует игнорировать до тех пор, пока задача не будет успешно выполнена. Из-за звуков хаоса вокруг нее было ясно, что это произойдет не скоро.

Головокружение усилилось, и у нее были проблемы с дыханием. Когда она поборола новую волну тошноты, в ее голове возник вопрос, как жизнь преподнесла ей такое невероятное испытание. Ответ был слишком сложен, чтобы распутывать это в таком безумном состоянии, но она не сомневалась, где это все началось.

Нью-Йорк.

Два года назад.

Она прибыла в Манхэттен из Женевы, где служила директором Всемирной Организации Здравоохранения. Это был чрезвычайно желанный и престижный пост, который она занимала в течение почти десятилетия. Специалист по инфекционным заболеваниям и эпидемиологии, она была приглашена в ООН подготовить лекцию, оценивающую угрозу пандемической болезни в странах третьего мира. Ее доклад был оптимистичным и убедительным, и обрисовывал в общих чертах несколько новых систем раннего обнаружения и планов лечения, разработанных Всемирной организацией здравоохранения и другими. Ее приветствовалиа овациями, стоя.

После лекции, пока она была в зале и беседовала с несколькими старыми академиками, подошел сотрудник ООН с дипломатическим бэйджем высокого уровня и прервал беседу.

- Доктор Органски, с нами только что связался Совет по международным отношениям. С вами хотят поговорить. Машина ожидает снаружи.

Озадаченная и немного расстроенная, доктор Элизабет Сински извинилась и собрала небольшую сумку со всем необходимым. Пока лимузин мчался по Первой авеню, она начала странно нервничать.

Совет по международным отношениям?

Элизабет Сински, как большинство, кое-что слышала об этом.

Он был основан в 1920-ых как частный научно-исследовательский центр. В прошлом среди членов Совета по Международным отношениям были почти все госсекретари, более полдюжины президентов, большинство руководителей ЦРУ, сенаторов, судей, а также представители легендарных династий с такими именами как Морган, Ротшильд и Рокфеллер. Будучи беспрецедентной коллекцией членов интеллектуальной элиты, политического влияния и богатства, Совет по Международным отношениям заработал репутацию "самого влиятельного частного клуба на земле."

Будучи директором Всемирной организации здравоохранения, Элизабет была в приятельских отношениях с известными людьми. Длительное пребывание в ВОЗ в сочетании с открытой натурой снискало ей поддержку крупного журнала новостей, который упомянул её в числе двадцати наиболее влиятельных людей мира. Под её фотографией поместили подпись: "Символ здоровья во всём мире", которую Элизабет сочла ироничной, ибо в детстве была весьма болезненным ребёнком.

Когда к шести годам у неё в серьёзной форме развилась астма, её лечили высокой дозой перспективного тогда препарата, и это была первая в мире разновидность глюкокортикоида, стероидного гормона - это чудесным образом излечило её от симптомов астмы. К сожалению, непредвиденные побочные эффекты от этого лекарства проявились лишь многими годами позже, когда Сински достигла возраста полового созревания… и у неё так и не наступил менструальный цикл. Она не могла забыть того тяжёлого момента в кабинете врача, когда в девятнадцать лет узнала, что у неё необратимое повреждение репродуктивной системы организма.

Элизабет Сински вообще не могла иметь детей.

Время излечит от пустоты, уверял её доктор, но только печаль и гнев развились в её душе. По жестокой иронии препараты, лишившие её способности зачать ребёнка, не сумели подавить в ней направленных на это животных инстинктов. Не один десяток лет боролась она со своей непреодолимой жаждой осуществить это несбыточное желание. Даже сейчас, в шестьдесят один год, она всё еще испытывала острую боль от пустоты всякий раз, как видела мать с младенцем.

- Прямо перед Вами, Доктор Сински, - сказал водитель лимузина.

Элизабет несколько раз быстро провела щеткой по длинным серебристым локонам и посмотрела на свое отражение в зеркале. Прежде чем она узнала здание, автомобиль остановился, и водитель помог ей выйти на тротуар в богатом районе Манхэттена.

- Я буду ждать вас здесь , - сказал водитель. - Мы поедем прямо в аэропорт, когда вы будете готовы.

Нью-йоркский штаб Совета по Международным отношениям был незаметным неоклассическим зданием на углу Парк-авеню и Шестьдесят восьмой улицы, который когда-то был домом магната Standard Oil. Его внешний вид легко вписывался в изящный окружающий пейзаж, никак не намекая на его уникальное назначение.

- Доктор Сински, - поприветствовала ее представительная женщина в приемной. - Сюда, пожалуйста. Вас ждут.

Хорошо, но кто он? Она последовала за сотрудницей по роскошному коридору к закрытой двери. И, прежде чем открыть ее, женщина быстро постучала и знаком показала Элизабет войти.

Она вошла, и дверь за ней закрылась.

Небольшой, темный конференц-зал был освещен лишь мерцающим видеоэкраном. Перед нею на фоне экрана появился очень высокий и долговязый силуэт. Хотя трудно было разглядеть его лицо, она ощутила в нем власть.

- Доктор Сински, - послышался резкий голос этого человека. - Спасибо, что составили компанию. - Специфический акцент у мужчины напомнил Элизабет родную Швейцарию, а может, и Германию.

- Пожалуйста, присаживайтесь, - сказал он, указывая на стул рядом в передней части зала.

Не представившись? Элизабет села. Странный образ, проецируемый на экран, явно действовал ей на нервы. Что всё это значит?

- Я был утром на вашей презентации, - утверждал этот силуэт. - И проделал большой путь, чтобы услышать вашу речь. Это было впечаляюще.

- Спасибо, - ответила она.

- Я могу также сказать, что вы намного более красивы, чем я представлял … несмотря на свой возраст и ваше близорукое представление о мировом здоровье.

Элизабет почувствовала, что у нее отпала челюсть. Комментарий был оскорбительным во всех смыслах. - Простите? - произнесла она, всматриваясь в темноту. - Кто вы? И почему вызвали меня сюда?

- Извините за неудавшуюся шутку, - отвечала долговязая тень. - Изображение на экране объяснит вам, зачем вы здесь.

Перед Сински открылось ужасное зрелище — картина, изображающая огромное море людей, толпы болезненных людей, перелезающих через друг друга в плотной путанице голых тел.

- Великий художник Доре, - произнес мужчина. - Его эффектно мрачная интерпретация видения ада Данте Алигьери. Я надеюсь, что это не смущает вас … потому что как раз туда мы направляемся. - Он сделал паузу, медленно приближаясь к ней. - И позвольте мне рассказать вам почему.

Он продолжал к ней приближаться и с каждым шагом становился на вид выше ростом. - Если я возьму этот лист бумаги и разорву пополам… - он остановился у стола, взял лист бумаги и шумно порвал его на две части. - И если затем я положу половинки одна поверх другой… - он сложил половинки. - И если этот процесс я повторю… - он опять порвал и сложил обрывки. - Я создам пачку бумаги, которая теперь уже вчетверо толще исходного листа, верно? - Казалось, глаза его тлели во мраке комнаты.

Элизабет не нравился его надменный тон и агрессивные манеры. Она ничего не ответила.

- Чисто гипотетически, - продолжал он, всё приближаясь, - если толщина исходного листа бумаги всего одна десятая миллиметра, а я повторил бы это действие… скажем… пятьдесят раз… знаете, какой высоты вышла бы стопка?

Элизабет разозлилась. - Знаю, - ответила она с большей враждебностью в голосе, чем намеревалась. - Это будет одна десятая миллиметра, умноженная на два в пятидесятой степени. Называется геометрической прогрессией. Могу я спросить, зачем я здесь?

Мужчина ухмыльнулся и убедительно кивнул. - Верно, и вы можете предположить как будет выглядеть это значение? Одна десятая миллиметра, умноженная на два в пятидесятой степени? Вы знаете какой высоты станет наша стопка бумаги? - Он остановился на мгновение. - После всего лишь пятидесяти удвоений наша стопка бумаги почти достигнет…солнца.

Элизабет не была удивлена. Поражающая степень геометрической прогрессии была тем самым, что она все время встречала на своей работе. Циклы заражения…деление инфицированных клеток…оценка количества жертв. - Извините, не хочу показаться наивной, - сказала она, совсем не скрывая своего раздражения. - Но я не улавливаю вашу точку зрения.

- Моя точка зрения? - Он тихо усмехнулся. - Моя точка зрения - история роста человеческой популяции даже более драматична. У населения земли, как у стопки бумаги, было очень скромное начало … но весьма тревожный потенциал.

Он неторопливо продолжал. - Задумайтесь. Потребовались тысячи лет - от раннего рассвета человечества до начала 1800-х - чтобы население земли достигло миллиарда. Затем, что поразительно, понадобилось всего около сотни лет, чтобы удвоить население до двух миллиардов в 1920-х. После этого, всего пятьдесят лет, чтобы удвоить его снова до четырех миллиардов в 1970-х. И как вы догадались, очень скоро мы преодолеем порог в восемь миллиардов. Только сегодня человеческая раса прибавляет еще четверть миллиона к численности планеты Земля. Четверть миллиона. И это происходит каждый день, в любую погоду. На данный момент каждый год мы добавляем к популяции число, равное по величине всему населению Германии.

Высокий человек резко остановился, нависая над Элизабет. - Сколько вам лет?

Еще один бестактный вопрос, хотя как глава ВОЗ, она привыкла к враждебности со стороны дипломатов. - Шестьдесят один.

- Знаете ли вы, что если проживете еще 19 лет до 80-летнего возраста, то станете свидетелем, как за время вашей жизни население увеличится в три раза? Одна человеческая жизнь - и население утраивается. Подумайте о последствиях. Как вам известно, ВОЗ снова увеличила свои прогнозы, предсказывая, что к середине этого века на Земле будет девять миллиардов людей. Животные виды вымирают при таком стремительно увеличивающемся темпе. Потребность в уменьшающихся природных ресурсах стремительно растет. Достать чистую воду все сложнее и сложнее. По любым биологическим меркам наш вид превысил свое устойчивое количество. И в преддверии этой катастрофы ВОЗ - сторож здоровья нашей планеты - вкладывает деньги в лечение диабета, пополнение банков крови, борьбу с раком. Он замолчал, пристально глядя на нее. - И вот я привез вас сюда, чтобы прямо спросить почему, черт возьми, у Всемирной Организации Здравоохранения не хватает мужества для борьбы с проблемой лоб в лоб?

Элизабет вскипела. - Кем бы вы ни были, вы чертовски хорошо знаете, что ВОЗ относится к перенаселенности очень серьезно. Недавно мы потратили миллионы долларов и послали врачей в Африку, чтобы доставить бесплатные презервативы и рассказать людям о контроле над рождаемостью.

- Ах, да! - ёрничал долговязый человек. - И сразу же за ними маршем прошла многочисленная армия католических миссионеров и сказала африканцам, что если они будут использовать презервативы, то все попадут в ад. В Африке появилась новая экологическая проблема — теперь свалки переполнены неиспользованными презервативами.

Элизабет прикусила язык. Он был прав, но все же современные католики начали бороться против вмешательства Ватикана в вопросы рождаемости. В частности, Мелинда Гейтс, благочестивая католичка, несмотря на гнев своей церкви, мужественно пожертвовала 560 миллионов долларов для помощи в совершенствовании подхода к контролю над

рождаемостью по всему миру. Элизабет Сински несколько раз открыто заявляла, что Билл и Мелинда Гейтс должны быть причислены к лику святых за их вклад в мировое здравоохранение. К сожалению, единственное учреждение, способное канонизировать, не увидело в их усилиях ничего христианского.

- Доктор Сински, - продолжила тень. - ВОЗ отказывается признать, что есть только одна глобальная проблема в сфере здравоохранения. - Он снова указал на зловещую картину на экране - море спутанных, пресыщенных человеческих тел. - И она перед вами. - Он замолчал. - Я понимаю, что вы - ученый, и возможно, не изучаете классику или искусство, поэтому позвольте предложить вам другое изображение, которое поможет говорить с вами на одном языке.

В зале потемнело на мгновение, и экран вновь засветился.

На новом изображении было то, что Элизабет видела много раз … и это всегда приносило жуткое ощущение неизбежности.

В комнате повисла тяжелая тишина.

- Да, - наконец сказал долговязый мужчина. - Безмолвный ужас - более подходящее название этой диаграммы. Видеть ее, все равно, что смотреть на прожектор приближающегося локомотива. - Мужчина медленно повернулся к Элизабет и снисходительно улыбнулся. - Есть вопросы, доктор Сински?

- Только один, - выстрелила она в ответ. - Вы привели меня сюда, чтобы прочитать мне лекцию или оскорбить?

- Ни то, ни другое. - В его голосе послышалась устрашающая лесть. - Я привел вас сюда, чтобы сотрудничать. Не сомневаюсь, вы понимаете, что перенаселение - это проблема для здравоохранения. Но боюсь не понимаете, что оно может повлиять на саму душу человека. Под угрозой перенаселения те, кто не признавал воровство, станут ворами, чтобы прокормить свою семью. Те, кто не признавал убийств, будут убивать, чтобы защитить своих детей. Все смертные грехи Данте - жадность, чревоугодие, предательство, убийство и другие - начнут распространяться…возьмут верх над человечеством и приведут к исчезновению жизненных благ. Мы стоим на пороге битвы за каждую человеческую душу .

- Я биолог, и спасаю жизни, а не души.

- Что ж, я могу вас заверить, что вскоре спасение жизней с каждым днем станет все сложней. Перенаселение порождает гораздо большее, чем духовное неудовлетворение. Запись в трудах Макиавелли…

- Да, - прервала она, произнеся вслух знаменитую цитату. - Когда провинции наводнятся жителями так, что они не смогут ни сосуществовать, ни переехать куда-либо…мир сам себя очистит. - Она подняла на него глаза. - Все в ВОЗ знакомы с этим изречением.

- Хорошо, тогда вы знаете, что Макиавелли продолжил, сказав, что чума - это естественный путь к самоочищению мира.

- Да, и как я уже упоминала, мы хорошо осведомлены о взаимосвязи между плотностью населения и вероятностью широкомасштабной эпидемии, а также постоянно изобретаем новые методы выявления и лечения болезней. В ВОЗ по-прежнему уверены, что смогут предотвратить будущие пандемии.

- Мне жаль.

- Простите?! - Элизабет посмотрела с недоверием.

- Доктор Сински, - сказал человек со странным смешком, - вы говорите о контроле над эпидемиями, как будто это - прекрасная вещь.

Она уставилась на мужчину с молчаливым недоверием.

- Ну, допустим, - объявил долговязый человек, как адвокат, заканчивающий выступление в суде. - Здесь передо мной глава Всемирной организации здравоохранения —

лучшая из тех, кого предлагает эта структура. Ужасающая мысль, если вы будете использовать эти методы. Я показал вам картину грядущего страдания. - Он вновь обратился к экрану, показывая изображение тел. - Я напомнил вам об устрашающей силе беспрепятственного прироста населения. - Он указал на свою маленькую кучу бумаги. - Я просветил вас о факте, что мы на грани духовного краха. - Он сделал паузу и повернулся непосредственно к ней. - И ваш ответ? Бесплатные презервативы в Африке. - Человек иронически усмехнулся. - Это похоже на размахивание мухобойкой перед падающим астероидом. Бомба замедленного действия больше не тикает. Прошло то время, и без решительных мер, экспоненциальная математика станет вашим новым Богом …, и 'Он' - мстительный Бог. Он принесет вам дантово видение ада прямо на Парк-Авеню … сваленные в кучу массы, тонущие в собственных экскрементах. Глобальный отбор, организованный самой природой.

- Вот так? - выдохнула Элизабет. - Тогда расскажите мне, как по-вашему будеть выглядеть жизнеспособное будущее, каково идеальное население земли? Что же это за магическое число, при котором человечество может надеяться на существование в течение долгого времени … и в относительном комфорте?

Высокий человек улыбнулся, оценивая вопрос. - Любой эколог, биолог или статистик скажут вам, что лучшая возможность для долгосрочного выживания человечества представляется при глобальной популяции около четырех миллиардов.

- Четыре миллиарда? - Элизабет приготовила ответный удар. - Нас уже семь миллиардов, так что немного поздновато говорить об этом.

Зеленые глаза высокого человека засветились огнем. - Вы так считаете?

ГЛАВА 23

Роберт Лэнгдон неловко приземлился на рыхлую землю около стены в заросшей южной оконечности Садов Боболи. Сиенна приземлилась около него, встала и отряхнулась, осматриваясь вокруг.

Они стояли на поляне из мхов и папоротников на краю небольшого леса. Отсюда было почти не видно Палаццо Питти и Лэнгдон ощущал, что они находятся также далеко от дворца, как те, кто входил в сады. По крайней мере, поблизости не было никаких рабочих или туристов в этот ранний час.

Лэнгдон пристально посмотрел на дорожку из гравия, которая живописно спускалась под гору в лес перед ними. В точке, где дорожка исчезала среди деревьев, радуя глаз, идеально располагалась мраморная статуя. Лэнгдон не был удивлен. Сады Боболи обладали исключительными талантами дизайна Никколо Триболо, Джорджио Вазари и Бернардо Буонталенти — экспертов эстетического таланта, которые создали шедевр для прогулок на этом холсте площадью около 50 гектаров.

- Если мы пойдем на северо-восток, то достигнем дворца, - сказал Лэнгдон, указывая на дорожку. - Мы сможем смешаться там с толпой туристов и незаметно выйти. Я полагаю, что он открывается в девять.

Лэнгдон мельком взглянул, чтобы проверить время, но увидел только голое запястье, где когда-то были его часы с Микки-Маусом. Он задумался в рассеянности, нет ли их в больнице вместе с оставшейся одеждой и можно ли получить их обратно.

Сиенна приняла решительную позу. - Роберт, прежде, чем мы сделаем еще хоть один шаг, я хочу знать, куда мы идем. Что ты выяснил перед этим? Рвы порока? Ты сказал, что они были не в том порядке?

Лэнгдон знаком показал на участок леса впереди. - Давай сначала скроемся из поля зрения . - Он повел ее вниз по дорожке, которая вела в замкнутое углубление — "комнату" в языке ландшафтной архитектуры — где были несколько скамеек из искусственного дерева и небольшой фонтан. Воздух под деревьями был значительно холоднее.

Лэнгдон вынул из кармана проектор и принялся его трясти.

- Сиенна, тот, кто создал это цифровое изображение, не только приделал буквы к грешникам во Рвах порока, а ещё и изменил порядок следования грехов.

Он взобрался на скамью, встав выше Сиенны, и направил проектор ей под ноги. Боттичеллиевская Карта ада вяло материализовалась на плоской поверхности скамьи позади Сиенны.

Лэнгдон жестом указал на расположенную ярусами область у основания воронки. - Видишь буквы в десяти рвах?

Сиена нашла их на изображении, и прочитала сверху вниз. - Catrovacer.

- Правильно. Бессмыслица.

- Но как ты понял, что эти десять рвов перепутаны?

- Легче, чем ты думаешь. Представь, что рвы - это колода из десяти карт, и ее не перемешали, а просто сняли несколько карт. После этого карты остались в том же порядке, но начинались уже с другой карты. - Лэнгдон указал на десять Рвов порока. - Согласно тексту Данте, наш первый уровень - это соблазнители, наказываемые демонами. Но в этой версии, соблазнители оказались…в седьмом рве.

Сиенна присмотрелась к уже меркнушему рядом с ней изображению и кивнула. - Ну теперь вижу. Первый ров стал седьмым по счёту.

Лэнгдон спрятал прожектор в карман и спрыгнул обратно на дорожку. Взяв в руки палку, он принялся царапать буквы на клочке земли рядом с тропинкой. - В таком порядке буквы появляются в нашей измененной версии ада.

- Catrovacer, - прочитала Сиенна.

- Да. И здесь как раз колода была снята. - Лэнгдон теперь начертил линию под седьмой буквой и ждал, пока Сиенна изучала его рисунок.

- Хорошо, - быстро ответила она. - Catrova. Cer.

- Да, и снова раскладывая карты по порядку, мы просто снимем колоду и переместим карты снизу наверх. Эти две половины поменяются местами.

Сиенна посмотрела на буквы. "Cer. Catrova". Она пожала плечами: написанное не произвело впечатления. - Все еще бессмыслица.

"Cer catrova", - повторил Лэнгдон. Помолчав, он снова произнес слова, объединив их вместе. "Cercatrova" Наконец, он произнес их с паузой посредине. "Cerca … trova."

Сиенна с шумом выдохнула, и ее взгляд метнулся в сторону Лэнгдона.

- Да, - сказал Лэнгдон с улыбкой. - Cerca trova.

Два итальянских слова cerca и trova буквально означают, "ищи" и "найди". Если их объединить во фразу — cerca trova — они синонимичны с библейским афоризмом, "Ищи и обрящешь."

- Твои галлюцинации! - воскликнула Сиенна, задержав дыхание. - Женщина с вуалью! Она все время говорила тебе: "Ищи и обрящешь!" Она вскочила. - Роберт, ты понимаешь, что это значит? Это значит, что слова "cerca trova" уже были в твоем подсознании! Разве не видишь? Должно быть, ты расшифровал эту фразу прежде чем попал в больницу! Возможно, ты уже видел эту картину с проектора… но забыл!

Она была права - до него дошло, что будучи поглощен самим шифром, он и подумать не мог, что всё это с ним, возможно, уже было.

- Роберт, ты говорил раньше, что карта указывает на определенное место в старом городе. Но я все еще не понимаю какое.

- "Ищи и найди" (ит.) - тебе ни о чем не напоминает?

Она пожала плечами.

Лэнгдон внутренне улыбнулся. Наконец Сиенна чего-то не знает. - Оказывается, эта фраза конкретно указывает на известную фреску в Палаццо Веккьо - Битва при Марчиано работы Джорджо Вазари в Зале Пятисот. В верхней части картины едва заметно Вазари написал крохотными буквами слова "cerca trova ". Существует много теорий почему он это сделал, но убедительные доказательства еще не найдены.

Над их головами внезапно раздалось пронзительное завывание маленького самолета, возникшего неизвестно откуда и скользящего над кронами деревьев прямо над ними. Звук был очень близко, и Лэнгдон и Сиенна замерли, пока самолет не промчался мимо.

Лэнгдон посмотрел на улетающий самолет сквозь деревья. - Игрушечный вертолет, сказал он, выдохнув, когда увидел кружащий на расстоянии радиоуправляемый вертолет длиной в три фута. Он походил на гигантского, жужащего комара.

Сиенна, однако, выглядела настороженной. - Пригнись.

Вертолётик явно накренился и теперь выруливал обратно, в их направлении; едва задевая верхушки деревьев, он снова пролетал мимо них, на этот раз левее, над другой поляной.

- Это не игрушка, - прошептала она. - Это разведывательный дрон. Вероятно, на его борту видеокамера, для передачи изображения обратно…куда-то.

Лэнгдон стиснул зубы, глядя как вертолёт уносится туда, откуда появился - к Римским воротам и Академии изящных искусств.

- Я не знаю, что ты сделал, - сказала Сиенна, - но некоторые влиятельные люди, безусловно, очень стремятся найти тебя.

Вертолет снова сделал вираж и начал медленное движение вдоль периметра стены, куда они только что спрыгнули.

- Кто-нибудь в Институте искусств, должно быть, видел нас и что-то рассказал, - сказала Сиенна, направляясь вниз по тропе. - Мы должны выбраться отсюда. Немедленно.

Когда беспилотник улетел в другой конец сада, Лэнгдон ногой затоптал начертанные им на тропинке буквы и поспешил за Сиенной. В его голове проносились мысли о словах cerca - trova, о фреске Джорджо Васари и об откровении Сиенны, что Лэнгдон наверняка уже расшифровал заложенное в проекторе послание. Ищи и обрящешь.

Внезапно, когда они пришли на вторую поляну, потрясающая мысль пронзила Лэнгдона. Ошеломленный чем-то, он резко остановился на лесной дорожке.

Сиенна тоже остановилась. - Роберт, в чем дело?!

- Я невиновен, - заявил он.

- Что ты имеешь в виду?

- Люди, преследующие меня …я полагаю, что я сделал что-то ужасное.

- Да, в больнице ты все время повторял "очень жаль".

- Я знаю. Но я думал, что говорю по-английски.

Сиена смотрела на него с удивлением. - Ты говорил по-английски!

Голубые глаза Лэнгдона теперь были наполнены волнением. - Сиенна, когда я продолжал говорить 'очень жаль,' я не приносил извинения. Я бормотал о секретном сообщении во фреске в Палаццо Веккьо! - Он все еще слышал запись своего собственного безумного голоса. Оч … жаль. Оч … жаль.

Сиена выглядела растерянной.

- Разве ты не понимаешь?! - Лэнгдон теперь широко улыбнулся. - Я не говорил 'очень жаль, очень жаль.' Я говорил имя художника — Ва … зари, Вазари!

ГЛАВА 24

Вайента с силой ударила по тормозам.

Мотоцикл повело, и он издал громкий визг, оставляя длинный след заноса на проспекте Поджио Империале, пока резко не остановился перед неожиданной колонной машин. Поджио Империале был обездвижен.

У меня нет времени для этого.

Вайента вытянула шею, выглядывая поверх машин и пытаясь разглядеть, что же вызвало пробку. Она и так вынуждена была сделать крюк, чтобы уклониться от группы наблюдения и захвата, со всем хаосом, который та устроила в жилом доме, а сейчас ей нужно было попасть в старый город и выписаться из номера отеля, где она остановилась на последние несколько дней операции.

От меня отреклись, и мне нужно убираться подальше из этого города!

Однако, похоже, полоса невезения для неё продолжалась. Избранный ею путь в старый город оказался блокирован. Без малейшего настроения ждать, Вайента перекатила мотоцикл к краю полосы и быстро отъехала по переулку, пока ей не удалось разглядеть оттуда застопоренный перекресток. Впереди была забитая машинами кольцевая развязка, где сходятся шесть крупных магистралей. Это были Римские ворота - один из самых насыщенных движением перекрёстков Флоренции - проезд в старый город.

Что, черт побери здесь происходит?

Только сейчас Вайента увидела, что весь район кишит полицейскими - дорожное заграждение, пропускной пункт или вроде того. Чуть позже в эпицентре событий она разгядела нечто поставившее её в тупик - знакомый чёрный фургон, рядом с которым несколько одетых в чёрное агентов раздавали приказы представителям местной власти.

Эти люди, без сомнения, были членами команды быстрого реагирования, и все же Вайента не могла понять, что они здесь делают.

Разве что…

Вайента сглотнула ком в горле, с ужасом представляя перспективу. Неужели Лэнгдон ускользнул от Брюдера? Немыслимо. Шанс сбежать был близок к нулю. Однако, Лэнгдон действовал не в одиночку, и Вайента не понаслышке знала, насколько изобретательной может быть эта светловолосая женщина.

Неподалеку появился офицер полиции, ходивший от машины к машине, показывая фотографию привлекательного мужчины с густыми каштановыми волосами. Вайента мгновенно узнала фото. Это был газетный снимок Роберта Лэнгдона. Ее сердцебиение участилось.

Брюдер упустил его.

Лэнгдон все еще в игре.

Как опытный стратег Вайента немедленно начала оценивать изменившуюся ситуацию.

Выбор один — исчезнуть как требуется.

Вайента провалила особо ответственное задание хозяина и была за это отвергнута. Если улыбнется удача, ей придется иметь дело с официальным расследованием и, вероятно, завершить карьеру. Однако, если ей не повезет и она недооценила серьезность своего

работодателя, то придется провести оставшуюся часть жизни, оглядываясь, и гадать, не скрылся ли Консорциум просто с глаз долой.

Был и другой вариант.

Закончить свою миссию.

Пребывание здесь прямо противоречило ее протоколу и все же Лэнгдон не пойман, поэтому Вайента могла продолжить следовать своей директиве.

Если Брюдер не смог поймать Лэнгдона, подумала она и ее пульс ускорился. И если это удастся мне…

Вайента понимала, что шансов не так много, но если Лэнгдону удастся совсем запутать Брюдера, а она сможет вмешаться и доделать работу, то она самостоятельно решит всё в пользу Консорциума, и хозяину останется только проявить к ней снисхождение.

Я сохраню свою работу, подумала она. Вероятно, даже продвинусь выше.

Вайента тут же осознала, что всё её будущее теперь зависит от единственного решительного действия. Я должна найти Лэнгдона… раньше, чем его найдёт Брюдер.

Это будет нелегко. Брюдер имел в своем распоряжении целую армию, а также широкий спектр передовых технологий по наблюдению. Вайента работала одна. Она, однако, обладала одной важной информацией, о которой не знал ни Брюдер, ни хозяин, ни полиция.

У меня есть отличная мысль, куда направится Лэнгдон.

Дав газу своему БМВ, она развернула его на 180 градусов и направилась туда, откуда приехала. Понте алле Грацие - подумала она, представив себе мост, ведущий к северу. К старому городу вели и другие пути.

ГЛАВА 25

Не извинения, задумался Лэнгдон. Имя художника.

- Вазари, - пробормотала Сиенна, отступив назад на тропинку. - Художник, скрывший слова cerca trova в своей фреске.

Лэнгдон не мог не улыбнуться. Вазари. Вазари. В дополнение к тому, что на его затруднительное положение пролился луч света, это открытие позволило Лэнгдону больше не беспокоиться о том, какую ужасную вещь он мог совершить…за которую он так сильно извинялся.

- Роберт, теперь ясно, что ты видел картину Ботичелли на проекторе перед ранением и знал, что в ней содержится код, указывающий на фреску Вазари. Вот почему, проснувшись, ты повторял имя Вазари!

Лэнгдон пытался сообразить, что все это значит. Джорджо Вазари - художник, архитектор и писатель шестнадцатого века - был человеком, которого Лэнгдон называл “первым в мире историком искусства”. Несмотря на сотни нарисованных Вазари картин и дюжины спроектированных зданий, его бессмертным наследием считается монументальная книга “Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих”, сборник биографий итальянских художников, который по сей день остается обязательным чтением для студентов истории искусства.

Внимание общественности вновь было приковано к Вазари приблизительно тридцать лет назад, когда слова cerca trova из его “секретного сообщения” были обнаружены в верхней части осыпающейся фрески в Зале Пятисот Палаццо Веккьо. Десять маленьких букв появились на зеленом боевом флаге, почти незаметные среди хаоса боевой сцены. Не придя к согласию, почему Вазари добавил это странное сообщение на свою фреску, была

выдвинута версия, что это подсказка будущим поколениям о существовании потерянной фрески Леонардо да Винчи, спрятанной под трехсантиметровым слоем этой стены.

Сиенна нервно посмотрела вверх сквозь деревья.

- Есть еще одна вещь, которой я не понимаю. Если ты не говорил "очень жаль, очень жаль"…тогда почему эти люди пытаются тебя убить?

Это было интересно и Лэнгдону.

Жужжащий звук беспилотника снова стал громче, и Лэнгдон знал, что пора принимать решение. Он не понимал, как "Битва при Марчиано" Вазари связана с "Адом" Данте или пулевым ранением, которое он получил прошлой ночью, но все же знал, куда двигаться.

Cerca trova.

Ищи и обрящешь.

Перед Лэнгдоном снова предстала седоволосая женщина, зовущая его с другой стороны реки. Время на исходе! Если ответы существуют, осознавал Лэнгдон, они должны быть в Палаццо Веккьо.

В мыслях промелькнула старая поговорка древнегреческих ныряльщиков, охотившихся на омаров в коралловых пещерах Эгейских островов. Когда плывешь по темному туннелю, наступает точка невозврата, когда уже не хватает воздуха, чтобы вернуться назад. Твой единственный шанс - это плыть вперед в неизвестность…и молиться, что впереди есть выход.

Лэнгдон представил, что будет, если они достигнут этой точки.

Он смотрел на лабиринт из садовых дорожек перед собой. Если они с Сиенной достигнут дворца Питти и выйдут из садов, то путь к старому городу будет лишь легкой прогулкой по самому знаменитому пешеходному мосту в мире - Понте Веккьо. Он всегда был переполнен людьми и мог обеспечить хорошее укрытие. От моста было всего несколько кварталов до дворца Питти.

Гудящий беспилотник был все ближе, и Лэнгдоном на мгновение овладела сильная усталость. Когда он понял, что не говорил слов "очень жаль", то перестал беспокоиться о побеге от полиции.

- В конечном итоге, они поймают меня, Сиенна, - сказал Лэнгдон. - Будет лучше, если я перестану бежать.

Сиенна с тревогой посмотрела на него. - Роберт, каждый раз когда ты останавливаешься, кто-то пытается тебя убить! Ты должен выяснить, во что тебя втянули. Необходимо посмотреть на фреску Вазари и надеяться, что память вернется. Может быть, это поможет узнать, откуда взялся проектор и почему его дали тебе.

Лэнгдон представил женщину с шипами на голове, хладнокровно убившую доктора Маркони…солдат, стрелявших в них…итальянскую военную полицию, окружившую Римские ворота…и беспилотник, преследующий их сейчас в Садах Боболи. Он молча протер свои глаза, просчитывая все варианты.

- Роберт. - Сиенна повысила голос. - Есть ещё кое-что… такое, что раньше не казалось важным, а теперь похоже, что это важно.

Лэнгдон поднял глаза, реагируя на тяжесть в ее тоне.

- Я собиралась тебе ещё на квартире сказать, но…

- Что именно?

Сиенна неловко поджала губы. - Придя в больницу, ты нес бред, пытаясь что-то сказать.

- Да, - сказал Лэнгдон, - бормоча Вазари, Вазари.

- Да, но перед этим… до того, как мы стали записывать, в первые минуты после твоего поступления ты сказал такое, что я запомнила. Ты произнёс это один только раз, но я уверена, что поняла.

- Что я сказал?

Сиенна посмотрела вверх на вертолёт, потом снова на Лэнгдона. - Ты сказал: “У меня есть ключ к загадке… если последует неудача, то повсюду будет смерть.”

Лэнгдон остолбенел.

Сиенна продолжила. Я подумала, что это имеет отношение к предмету в кармане твоего пиджака.

Если я потерплю неудачу, то повсюду будет смерть? Слова сбили Лэнгдона с толку. Преследующие образы смерти замерцали перед ним…Ад Данте, символ биологической опасности, врачеватель в маске чумы. И снова лицо прекрасной седоволосой женщины, обращающейся к нему через кроваво-красную реку. Ищи и обрящешь! Время на исходе!

Он очнулся от голоса Сиенны. - На что бы проектор в конечном счете не указал…или что бы ты не пытался найти, это может быть чрезвычайно опасным. Тот факт, что эти люди пытаются нас убить… - Ее голос слегка дрогнул, и она замолчала, чтобы собраться с мыслями. - Подумай. Они стреляли в тебя средь бела дня…стреляли в меня - невиновного свидетеля. Вести переговоры, кажется, тоже никто не хочет. Твое правительство отвернулось от тебя…ты просишь у них помощи, а они посылают кого-то убить тебя.

Лэнгдон безучастно смотрел на землю. Выдал ли консул США местоположение Лэнгдона убийце или сам подослал убийцу, не имело никакого значения. Результат будет одинаковым. Мое собственное правительство не на моей стороне.

Лэнгдон посмотрел в карие глаза Сиенны и увидел в них бесстрашие. Во что я втянул ее? - Хотелось бы знать, что мы ищем. Это помогло бы понять, чего ждать дальше.

Сиенна кивнула. - Что бы это ни было, думаю, нам необходимо это найти. По крайней мере, это дало бы нам точку опоры.

Ее логику было трудно опровергнуть. Однако, Лэнгдон чувствовал, как что-то не дает ему покоя. Если я потерплю неудачу, то повсюду будет смерть. Все утро он натыкался на жуткие символы биологической опасности, чумы и ада Данте. По правде сказать, он точно не был уверен, что ищет, но наивно было бы игнорировать возможность, что данная ситуация влечет за собой смертельную болезнь или крупномасштабную биологическую угрозу. Но если это так, то зачем его же правительство пытается его устранить?

Может, они думают, что я как-то замешан в потенциальной биоатаке?

Это ничего не объясняло. Дело было в чём-то другом.

Лэнгдон снова подумал о седоволосой женщине. - Ещё существует женщина из моих видений. У меня такое чувство, что мне нужно её найти.

- Так доверяй же чувствам. - сказала Сиенна. - В твоем положении подсознание - лучший проводник. Таковы основы психологии - если нутром чувствуешь, что можно доверять этой женщине, то я думаю, нужно в точности делать то, о чём она тебе твердит.

- Ищи и обрящешь, - произнесли они в унисон.

Лэнгдон облегчённо вздохнул, уяснив свой путь.

Все, что я могу, это продолжать плыть по этому туннелю.

С твердой решимостью он повернулся и принялся изучать окрестности, пытаясь сориентироваться. Где выход из садов?

Они стояли под деревьями на краю открытой площади, где пересекались несколько дорог. Слева от них, в отдалении, Лэнгдон заметил пруд овальной формы с маленьким островком, украшенным лимонными деревьями и скульптурами. Изолотто, подумал он, узнав знаменитую скульптуру Персея, скачущего на лошади, наполовину погруженной в воду.

- Дворец Питти в том направлении, - сказал Лэнгдон, указывая на восток, в другую сторону от Изолотто, на главную аллею садов - Виоттолоне, простиравшуюся с востока на

запад по всей длине парка. Широкая как двухполосная дорога Виоттолоне была обсажена рядами стройных, четырехсотлетних кипарисов.

- Там негде укрыться, - сказала Сиенна, глядя на открытую аллею и указывая на кружащий беспилотник.

- Ты права, - ответил Лэнгдон с кривой усмешкой. - Поэтому мы пойдем по туннелю рядом с ней.

Он снова показал жестом, на этот раз - на плотную изгородь по соседству со въездом на Виоттолоне. К стене из плотной зелени вел небольшой проход в форме арки. За этим проходом вдаль тянулась узкая тропа - туннелем, параллельным Виоттолоне. С обеих сторон её отгораживали плотные ряды ухоженных каменных дубов, которые тщательно подгонялись ещё с 17 века, чтобы ветвями они тянулись внутрь прохода и переплетаясь, смыкались над ним дугой, создавая лиственный навес. Название аллеи, Черкьята - буквально, "циркулярная" или "дуговая" - почерпнуто от её свода из выгнутых деревьев, напоминающего по форме бочковые обручи, cerchi.

Сиенна поспешила ко входу и заглянула в затенённый лабиринт. Тут же вернулась к нему с улыбкой. - Уже лучше.

Не теряя времени, она проскользнула в проход и исчезла среди деревьев.

Лэнгдон всегда считал аллею Черкьята самым спокойным во Флоренции местом. Однако сегодня, увидев, как Сиенна затерялась в тени сплетённых ветвей, он вновь подумал о вольных греческих ныряльщиках, заплывавших в коралловые лабиринты с мольбой добраться до выхода.

Лэнгдон быстро проговорил привычную молитву и поспешил за ней.

Находившийся в полумиле позади них, у Академии изящных искусств, агент Брюдер прошагал мимо взбудораженных полицейских и студентов, напоследок окинув холодным взглядом стоявшие перед ним толпы. Он пробрался к импровизированному командному посту, который его специалист по наблюдению устроил на капоте черного фургона.

- Отчет с вертолёта-разведчика, - сказал специалист, вручая Брюдеру планшет. - Это снято несколько минут назад.

Брюдер просмотрел стоп-кадры, остановившись на нечётко увеличенных двух лицах - темноволосого мужчины и блондинки с волосами хвостом - оба прятались в тень и вглядывались в небо сквозь листву деревьев.

Роберт Лэнгдон.

Сиенна Брукс.

В этом нет сомнений.

Брюдер обратил внимание на карту садов Боболи, разложенную на капоте. Они сделали плохой выбор, подумал он, разглядывая план садов. Хоть они беспорядочные и запутанные, со множеством мест для укрытия, оказалось, что со всех сторон они окружены высокими стенами. Сады Боболи были больше всего похожи на природную мышеловку, которой Брюдер никогда не видел на открытой местности.

Оттуда они уже не выйдут.

- Местные власти перекрывают выходы, - сказал агент. - И прочёсывают территорию.

- Держите меня в курсе, - сказал Брюдер.

Он неспешно взглянул на окно фургона из толстого поликарбоната, за которым можно было разглядеть седоволосую женщину на заднем сиденье машины.

Препараты, которые к ней применили, явно притупили все её ощущения - больше, чем Брюдер мог себе представить. Тем не менее, по её испуганному взгляду он определил, что она вполне осознаёт происходящее.

У неё недовольный вид, подумал Брюдер. С другой стороны, чему бы ей радоваться?

ГЛАВА 26

Струя воды била вверх метров на шесть.

Лэнгдон глядел, как она мягко опускается вниз, понимая, что они уже близко. Они уже дошли до конца лиственного туннеля Черкьяты и стремительно двигались через открытый луг к роще из пробковых деревьев. Сейчас они видели перед собой знаменитейший фонтан садов Боболи - бронзовая скульптура Нептуна, сжимающего трезубец, работы Стольдо Лоренци. Непочтительно прозванная местными жителями "фонтаном с вилкой", эта водная достопримечательность была задумана как центральная точка Садов.

Сиенна остановилась у края рощи и посмотрела вверх сквозь ветви деревьев.

- Не вижу беспилотника.

Лэнгдон тоже его не слышал, правда, шум фонтана был весьма громким.

- Может, ему понадобилась заправка, - сказала Сиенна. - В этом наш шанс. Куда пойдём?

Лэнгдон повёл её влево, и они пошли вниз по крутому наклонному спуску. Когда выбрались из рощи, показался дворец Питти.

- Хороший домик, - прошептала Сиенна.

- Типичная фамильярность по отношению к эпохе Медичи, - недовольно ответил он.

Вдалеке на расстоянии почти четверти мили, растянувшись влево и вправо, в пейзаже доминировал каменный фасад Дворца Питти. Его внешние изгибы, с выступающей каменной кладкой придавали зданию впечатление незыблемой власти, которая еще сильнее подчеркивалась многочисленным повторением закрытых ставнями окон и арочных проемов. Традиционно официальные дворцы были расположены на возвышении так, что из садов нужно было смотреть на здание вверх. Дворец Питти, однако, был расположен в низине около реки Арно, поэтому люди в садах Боболи смотрели с холма на дворец.

От этого эффект был только более впечатляющим. Один архитектор описал дворец как явление, построенное самой природой … как будто массивные камни во время оползня падали по длинному крутому склону и приземлились внизу в виде изящного, подобного баррикаде здания. Несмотря на менее защищенное положение в низине, твердая каменная структура Дворца Питти была так внушительна, что Наполеон когда-то использовал его в качестве политической опоры, будучи во Флоренции.

- Посмотри, - сказала Сиенна, указывая на ближайшие двери дворца. - Хорошие новости.

Лэнгдон тоже заметил. Этим странным утром самым желанным зрелищем был не сам дворец, а туристы, стремящиеся из здания вниз в сады. Дворец был открыт, и это значило, что Лэнгдон и Сиенна не испытают никаких затруднений, выходя из садов, и смогут проскальзнуть внутрь и пройти через здание. Лэнгдон знал, что выйдя из дворца, они увидят реку Арно с правой стороны от себя, и кроме того, шпили старого города.

Он и Сиенна продолжали двигаться, теперь они почти бежали вниз по крутой насыпи. Спустившись, они пересекли амфитеатр Боболи — место для самых первых оперных спектаклей в истории — который располагался в укрытии как подкова сбоку холма. Кроме того, они миновали обелиск Рамзесу II и неудачный образец "искусства", которое легло в его основу. Путеводители именовали его "колоссальной каменной чашей от римских терм Каракаллы," но Лэнгдон всегда понимал, чем это было в действительности — самой большой в мире ванной. Действительно следует разместить ее где-нибудь в другом месте.

Они наконец достигли задней части дворца и двинулись спокойным шагом, неприметно смешавшись с первыми туристами. Двигаясь против течения, они спустились по узкому

туннелю во внутренний двор, где посетители сидели и наслаждались утренним эспрессо в передвижном кафе дворца. Запах свежемолотого кофе наполнил воздух, и Лэнгдон почувствовал внезапное страстное желание сесть и насладиться цивилизованным завтраком. Он подумал, что сегодня не тот день, когда они торопясь входили в широкие каменные ворота, ведущие к главным дверям дворца.

Когда они приблизились к дверям, Лэнгдон и Сиенна столкнулись с непреодолимым препятствием из застрявших туристов, которые, казалось, собрались внутри портика, чтобы наблюдать за чем-то снаружи. Лэнгдон всматривался в толпу, пытаясь разглядеть пространство перед дворцом.

В его памяти парадный вход Питти был неприглядным и неуютным. Вместо подстриженного газона и зеленой территории, передний двор представлял из себя широкий тротуар, который простирался через весь склон, уходя вниз в сторону улицы Гвичардини как огромный лыжный спуск.

У подножья холма Лэнгдон теперь увидел причину появления толпы зрителей.

Внизу к площади Пьяцца Питти отовсюду только что подъехало около полдюжины полицейских машин. Небольшая группа офицеров взобралась на холм, держа оружие наготове и рассредотолчилась вдоль фасада дворца.

ГЛАВА 27

Когда полиция вошла во Дворец Питти, Сиенна и Лэнгдон уже двинулись вперед, возвращаясь той же дорогой через залы дворца и подальше от прибывшей полиции. Они спешили через внутренний двор и мимо кафе, где стоял гул, туристы с любопытством вытягивали шеи в попытке определить местонахождение источника волнения.

Сиенна была поражена, что власти нашли их так быстро. Беспилотник, судя по всему, исчез потому, что они уже обнаружили нас.

Она и Лэнгдон нашли тот же самый узкий коридор, через который они выходили из садов, без колебания нырнули обратно в проход и взбежали вверх по лестнице. Конец лестницы уходил влево вдоль высокой подпорной стены. Когда они мчались вдоль стены, она становилась все короче, пока наконец они не увидели обширное пространство Садов Боболи.

Лэнгдон немедленно схватил Сиенну за руку и дернул ее назад, ныряя с глаз долой за спасительную стену. Сиенна также увидела это.

На расстоянии около трехсот метров по склону над амфитеатром спускалась группа полиции, обыскивая аллеи, опрашивая туристов, согласовывая свои действия по рации.

Мы в мышеловке!

Сиенна никогда не могла даже представить, впервые встретившись с Робертом Лэнгдоном, к чему это приведет. Все гораздо серьезней, чем она рассчитывала. Когда Сиенна вышла из больницы с Лэнгдоном, она думала, что они бежали от вооруженной женщины с волосами в виде шипов. Теперь они бежали от целой группы военных и итальянских властей. Теперь она понимала, что для них возможность спасения равнялась почти нулю.

- Есть ли другой выход? - немного отдышавшись, требовательно спросила Сиенна.

- Я так не думаю, - сказал Лэнгдон. - Этот сад - окруженный стенами город, как … Он неожиданно замолчал, оборачиваясь и глядя на восток. - Точно так же, как … Ватикан. Странная вспышка надежды промелькнула на его лице.

Сиенна понятия не имела, какое отношение имел Ватикан к их нынешнему затруднительному положению, но Лэнгдон внезапно начал кивать, пристально глядя на восток вдоль обратной стороны дворца.

- Мало шансов, - сказал он, подталкивая ее впереди себя. - Но должна быть другая возможность выбраться отсюда.

Два фигуры внезапно материализовались перед ними и вынырнули из-за угла подпорной стены, чуть не врезавшись в Сиенну и Лэнгдона. Оба человека были одеты в черное, и на одно пугающее мгновение Сиенна подумала, что они солдаты, с которыми она столкнулась в жилом доме. Хотя когда они прошли, она увидела, что это всего лишь туристы — итальянцы, предположила она, судя по стильной элегантной черной коже.

Сиенне пришла в голову идея. Она поймала за руку одного из туристов и улыбнулась ему как можно приветливее. - Не подскажете нам, где находится галерея костюмов?(ит.) - быстро произнесла она на итальянском языке, спрашивая дорогу в знаменитую дворцовую галерею костюма. - Мой брат и я опаздываем на частный тур.

- Конечно! - Человек широко улыбнулся им обоим, полный желания помочь. - Идите прямо по дороге! - Он повернулся и указал на запад вдоль подпорной стены, совсем в другую сторону от того места, куда смотрел Лэнгдон.

- Большое спасибо! - защебетала Сиенна с ответной улыбкой вслед двум удаляющимся мужчинам.

Лэнгдон многозначительно кивнул Сиенне, очевидно, понимая ее намерения. В случае опроса туристов они бы показали, что слышали, как Лэнгдон и Сиенна намеревались отправиться к галерее костюмов, которая, судя по карте на стене перед ними, была в дальнем западном крыле дворца… как можно дальше от того места, куда они сейчас направлялись.

- Нам нужно добраться до той дорожки, - сказал Лэнгдон, указывая через открытую площадь на аллею, опускающуюся к соседнему холму, вдали от дворца. С передней стороны дорожка из пизолита была ограждена массивной изгородью, обеспечивающей хорошее укрытие от властей, уже спускающихся с холма в сотне ярдов отсюда.

По расчетам Сиенны их шансы пересечь открытую местность и добраться до огражденной аллеи были ничтожными. Собравшиеся там туристы с любопытством наблюдали за полицией. Вдалеке вновь послышался слабый бренчащий звук беспилотника.

- Сейчас или никогда, - сказал Лэнгдон, схватив ее руку, и потянул на открытую площадь, пробираясь сквозь толпу собравшихся туристов. Сиенна была готова побежать, но Лэнгдон энергично и спокойно вел ее через толпу, крепко держа за руку.

Достигнув входа в аллею, Сиенна обернулась назад, опасаясь, что их заметили. Все офицеры полиции, находившиеся в поле зрения, смотрели в другую сторону, откуда исходил звук приближающегося беспилотника.

Повернувшись обратно, она поспешила за Лэнгдоном вниз по дорожке.

Теперь перед ними вдали, в прямой видимости, на фоне неба выше деревьев вырисовывались очертания старой Флоренции. Она увидела крытый красной черепицей купол Домского собора и зелёно-красно-белый шпиль колокольни Джотто. На мгновение ей удалось разглядеть и зубчатую верхушку Палаццо Веккьо - казалось, им будет до него не добраться - но когда они спустились ниже по тропе, этот вид заслонили стены, ограждавшие территорию, тем самым вновь поглотив их.

Когда они достигли подножия холма, Сиенна совсем запыхалась, и ей хотелось знать, представляет ли Лэнгдон, куда они идут. Тропа вела прямо в садовый лабиринт, но Лэнгдон решительно повернул влево, к усыпанному гравием дворику, который обогнул, оставаясь за живой изгородью, в тени нависавших деревьев. Дворик был пустынным, более похожим на парковку для служащих, чем на туристическую достопримечательность.

- Куда мы идем?! - наконец спросила Сиенна, переводя дыхание.

- Мы почти добрались.

Добрались куда? Весь внутренний дворик был окружен стенами высотой в три этажа. Единственный выход, который видела Сиенна, был слева. Ворота для транспорта были закрыты массивной решеткой из кованого железа, изначально относящейся по времени ко дворцу в дни мародерствующих армий. За преградой она увидела полицию, собравшуюся на площади Питти.

Придерживаясь периметра из живой растительности, Лэнгдон продвигался вперед, направляясь непосредственно к стене перед ними. Сиенна оглядывалась в поисках любой открытой двери, но увидела лишь нишу с самой отвратительной статуей, которую она когда-либо встречала.

Боже правый! Медичи могли позволить себе какие угодно произведения искусства, и они выбрали это?

Статуя перед ними изображала тучного, голого карлика, сидящего верхом на гигантской черепахе. Яички карлика были прижаты к панцирю черепахи, а изо рта черепахи сочилась вода, как будто она была больна.

- Я знаю, - сказал Лэнгдон, не замедляя шаг. - Это - Браччо ди Бартоло — известный придворный карлик. Если ты спросишь мое мнение, они должны отправить его обратно в гигантскую ванну.

Лэнгдон резко повернулся вправо, направляясь вниз по ступеням лестницы, которую Сиенна не смогла разглядеть до этого момента.

Выход?!

Искра надежды быстро погасла.

Когда она свернула за угол и направилась вниз по лестнице вслед за Лэнгдоном, она поняла, что они ринулись в тупик — тупик, стены которого были в два раза выше остальных.

Кроме того, Сиена теперь ощущала, что их долгое путешествие может закончиться в пасти зияющей пещеры … в глубоком гроте, вырезанном в задней стенке. Невозможно, что он он схватит нас здесь!

Над разверзшимся зевом пещеры зловеще отсвечивали кинжалообразные сталактиты. Из верхней полости сочились по стенам и капали текучие геологические образования, будто окаменелости способны таять, а застыв, они принимали формы, к беспокойству для Сиенны, порой похожие на человекоподобных существ, торчащих из стены, как будто их поглотил камень. Вся эта картина напоминала Сиенне кое-что из Карты ада Боттичелли.

Лэнгдон почему-то казался безмятежным и всё бежал по направлению ко входу в пещеру. Он уже упоминал о Ватикане, но Сиенна была вполне уверена, что в стенах Святейшего престола нет никаких странных пещер.

По мере того, как они приближались, глаза Сиенны начало привлекать нагромождение над входом - призрачная композиция из сталактитов и каменных выступов, напоминавших затянутых в трясину двух полулежащих женщин, с которыми соседствовал щит с шестью встроенными шарами, иначе, palle - знаменитый герб Медичи.

Лэнгдон внезапно свернул влево, удалившись от входа и направившись к тому, чего Сиенна ранее не заметила - к небольшой серой двери слева от пещеры. Обветшавшая деревянная дверь оказалась не слишком полезной, за ней было что-то вроде чулана или подсобки садовника.

Лэнгдон бросился к двери, ясно надеясь, что сможет открыть ее, но у двери не было ручки — только медная замочная скважина — и, очевидно, которая открывалась только изнутри.

- Проклятье! - Глаза Лэнгдона теперь светились от беспокойства, его прежний оптимизм почти иссяк. - Я надеялся —

Без предупреждения пронзительный гул беспилотника громким эхом отразился около высоких стен вокруг них. Сиенна обернулась и увидела, как вертолет поднимается над дворцом и лавирует против ветра в их направлении.

Лэнгдон также прекрасно видел его, потому что он схватил руку Сиенны и помчался с ней к пещере. В самый последний момент они нырнули с глаз долой под навес сталактитового грота.

Достойное завершение, подумала она. Броситься во врата ада.

ГЛАВА 28

В нескольких сотнях метров к востоку от них остановила свой мотоцикл Вайента. Она въехала в старый город через мост Понте алле Грацие и в объезд добралась до Понте Веккьо - знаменитого пешеходного моста, соединяющего дворец Питти со старым городом.

Над рекой не переставая дул прохладный мартовский ветер, теребя короткие шиповидные волосы Вайенты и напоминая о том, что Лэнгдон знает, как она выглядит. Она остановилась перед одним из фирменных ларьков у моста и, купив бейсбольную кепку с надписью “Я люблю Флоренцию”, надвинула её на лицо.

Она разгладила свой кожаный костюм о выпуклости пистолета и заняла позицию вблизи середины моста, изредка облокачиваясь о перила и повернувшись лицом к дворцу Питти. Отсюда она могла наблюдать за всеми пешеходами, идущими через реку Арно в центр Флоренции.

Лэнгдон пойдёт пешком, уверяла она себя. Если он найдёт путь в обход Римских ворот, в старый город логичнее всего идти через этот мост.

С западного направления, от дворца Питти, она услышала звуки сирен и пыталась сообразить, хорошо это или плохо. Они всё ещё ищут его? Или уже поймали? Пока Вайента напрягала слух в ожидании признаков того, что же происходит, внезапно послышался новый звук - пронзительный вой где-то впереди. Она инстинктивно обратила взгляд кверху и тут же его увидела - над дворцом быстро набирал высоту небольшой вертолёт с дистанционным управлением, который затем стал пикировать над верхушками деревьев в направлении северо-восточного угла садов Боболи.

Беспилотник-шпион, подумала Вайента с проблеском надежды. Раз он в воздухе, значит, Брюдер его всё ещё ищет.

Беспилотник быстро приближался. Очевидно, он прочесывал северо-восточный угол Садов, участок, ближайший к Понте Веккьо и месту нахождения Вайенты, и это её ещё больше воодушевляло.

Если Лэнгдон запутал Брюдера, он наверняка движется в этом направлении.

Однако, пока Вайента его разглядывала, беспилотник неожиданно нырнул и выпал из поля зрения, скрывшись за высокой каменной стеной. Ей было слышно, как он парит где-то на высоте ниже деревьев… очевидно, обнаружив что-то интересное.

ГЛАВА 29

“Ищи и найдешь”, думал Лэнгдон, спешно пробираясь по мрачному гроту с Сиенной. “Мы искали выход…и нашли тупик”.

Бесформенный фонтан в центре пещеры обеспечил хорошее укрытие, но выглянув из-за него, Лэнгдон почувствовал, что было уже слишком поздно.

Устремившись в окруженное стенами пространство, вертолет-разведчик резко остановился перед пещерой и застыл в десяти футах над землей лицом к гроту. Он издавал сильный гудящий звук, как будто какое-то разъяренное насекомое…ожидало свою добычу.

Лэнгдон отступил назад и прошептал Сиенне неприятную новость. - Я думаю, оно знает, что мы здесь.

Пронзительный шум беспилотника, резко отражавшийся от каменных стен пещеры, был едва ли не оглушающим. Лэнгдону не верилось, что они заложники миниатюрного механического вертолета, но он понимал, что напрасно пытаться от него убежать. "И что мы будем делать? Просто ждать?" Его исходный план - найти что-то, находящееся за маленькой серой дверью - был оправданным, за исключением того, что он не догадался, что она открывается только изнутри.

Как только глаза Лэнгдона привыкли к темному помещению грота, он осмотрел непривычные для него окрестности в поисках другого выхода. Ничего многообещающего. Внутренняя часть пещеры была украшена скульптурами животных и людей, в разной степени поглощенных странными текучими стенами. Подавленный, Лэнгдон посмотрел вверх на потолок из сталактитов, зловеще нависающих над ним.

Хорошее место, чтобы умереть.

Грот Буонталенти - названный в честь своего архитектора, Бернардо Буонталенти - был, возможно, самым любопытным местом во всей Флоренции. Задуманная как комната для забав маленьких гостей Дворца Питти, система из трех пещер была оформлена в сочетании природной фантазии и изобилия готического стиля, что было видно по мокрым каменным образованиям и деформирующейся пемзе, которая, казалось, одновременно и разрушала, и обращала внимание на многообразие гравированных фигур. Во времена Медичи грот выделялся тем, что вода, стекающая по внутренним стенам, служила как для охлаждения во время жаркого тосканского лета, так и для создания эффекта настоящей пещеры.

Лэнгдон и Сиенна спрятались в первом и самом большом зале позади неясных очертаний центрального фонтана. Они были окружены красочными фигурами пастухов, крестьян, музыкантов, животных, и даже копий четырех заключенных Микеланджело, все из которых, казалось, изо всех сил пытались выбраться из текучей скалы, которая поглотила их. Утренний свет струился наверху сквозь отверстие в потолке. В нем когда-то был вмонтирован заполненный водой гигантский стеклянный шар, в котором подсвеченный солнцем плавал ярко-красный карп.

Лэнгдон представил, как бы отреагировали первые посетители эпохи возрождения на настоящий вертолет - невообразимую мечту самого Леонардо да Винчи - парящий перед гротом.

И в тот же момент пронзительное жужжание беспилотника прекратилось. Оно не исчезло, а, скорее просто…резко остановилось.

Озадаченный, Лэнгдон выглянул из-за фонтана и увидел, что вертолет приземлился. Он неподвижно стоял на гравийной площадке, выглядя менее зловеще, особенно потому, что его жалоподобный объектив был направлен в другую сторону от них, в направлении маленькой серой двери.

Чувство облегчения Лэнгдона оказалось скоротечным. В сотне ярдов позади вертолета, рядом со статуей карлика и черепахи, три тяжело снаряженных солдата целенаправленно шагали вниз по лестнице, направляясь прямо к гроту.

Солдаты были одеты в знакомую черную форму с зелеными медальонами на плечах. Пустые глаза их мускулистого лидера напомнили Лэнгдону маску чумы из его видений.

"Я - смерть".

Лэнгдон нигде не видел их фургона или таинственной седой женщины.

“Я - жизнь”.

Как только солдаты подошли, один из них остановился у подножия лестницы и развернулся лицом назад, очевидно, стараясь не допустить, чтобы кто-то еще спустился туда. Два других продолжали двигаться по направлению к гроту.

Лэнгдон и Сиенна опять двинулись - хотя, вероятно, только, чтобы отсрочить неминуемое - пятясь на четвереньках во второй грот, который был меньше, глубже и темнее. Здесь в центре тоже главенствовало произведение искусства - в этом случае, статуя двух сплетенных любовников - за которыми Лэнгдон и Сиенна сейчас вновь спрятались.

Укрывшись в тени, Лэнгдон осторожно выглянул из-за основания статуи, наблюдая за приближением преследователей. Как только солдаты подошли к вертолету, один из них остановился и наклонился к нему, поднимая и осматривая камеру.

“Устройство обнаружило нас?” - задался вопросом Лэнгдон, хотя ответ был очевиден.

Третий и последний из солдат, мускулистый, с холодными глазами, продолжал с холодной сосредоточенностью двигаться в направлении Лэнгдона. Этот человек приближался, пока не оказался почти у входа в грот. Сейчас он войдет. Лэнгдон приготовился отпрянуть за статую и сказать Сиенне, что все кончено, но в этот момент увидел кое-что неожиданное.

Вместо того, чтобы войти в грот, солдат вдруг свернул влево и скрылся из виду.

Куда он идёт?! Выходит, он не знает, что мы здесь?

Через пару секунд Лэнгдон услышал звук ударов кулаком по дереву.

“Та серая дверца,” подумал Лэнгдон. Должно быть, он знает, куда она ведёт.

Охранник Дворца Питти Эрнесто Руссо всегда хотел играть в европейский футбол, но в возрасте двадцати девяти лет и обладая избыточным весом, он наконец начал признавать, что его детская мечта никогда не осуществится. В течение прошедших трех лет Эрнесто работал охранником здесь во Дворце Питти, все в том же самом крошечном офисе, все на той же самой унылой работе.

Эрнесто не удивляло, что любопытные туристы стучатся в небольшую серую дверь возле офиса, в котором он размещался, и обычно он просто игнорировал их, пока они не прекращали. Сегодня, однако, стук был настойчивым и продолжительным.

Раздраженный, он вновь сосредоточился на телевизоре, где шел громкий повтор футбольного матча - Фиорентина против Ювентуса. Стук становился все громче. Наконец, проклиная туристов, он зашагал из кабинета по узкому коридору в направлении звука. На полпути он остановился около массивной стальной решетки, которая перекрывала этот проход за исключением нескольких особых часов.

Он ввел определенную комбинацию цифр на висячем замке и открыл решетку, отодвинув ее в сторону. Пройдя через нее, он, следуя протоколу, вновь запер решетку за собой. Затем он направился к серой деревянной двери.

- Закрыто! - завопил он сквозь дверь, надеясь, что человек снаружи услышит. - Вы не можете войти!

Стук продолжался.

Эрнесто стиснул зубы. Нью-йоркцы, он готов держать пари. Они требуют того, что им нужно. Единственная причина успеха их футбольной команды Ред Буллз на одном из этапов чемпионата мира состояла в том, что они перетянули одного из лучших европейских футбольных тренеров.

Стук продолжался, и Эрнесто неохотно отпер дверь и толкнул ее, приоткрывая на несколько дюймов. - Закрыто!(ит.)

Стук наконец прекратился, и Эрнесто оказался лицом к лицу с солдатом с такими холодными глазами, что они буквально заставили Эрнесто отступить назад. Человек протянул служебное удостоверение, на котором была незнакомая Эрнесто аббревиатура.

- Что происходит? (ит.) - требовательно спросил встревоженный Эрнесто. Что происходит?

Позади солдата другой военный присел вниз и в согнутом положении возился с чем-то похожим на игрушечный вертолет. Чуть подальше на лестнице стоял еще один часовой . Эрнесто услышал полицейские сирены поблизости.

- По английски говорите? - акцент у солдата был явно не нью-йоркский. Может, он из Европы?

Эрнесто кивнул. - Да, немного.

- Утром кто-нибудь входил в эту дверь?

- Нет, синьор. Никто.

- Отлично. Держите её запертой. Никого не впускать и не выпускать. Это понятно?

Эрнесто пожал плечами. Это и так было его работой. - Да, понимаю. Никто не должен входить или выходить. (ит.)

- Скажите, пожалуйста, вход только через эту дверь?

Эрнесто осмыслил вопрос. Формально в наше время эта дверь считалась выходом и потому снаружи у неё не было ручки, но он понял, о чём спрашивает этот человек. - Да, войти можно только через эту дверь. Больше никак. - Прежний вход изнутри дворца уже много лет был замурован.

- А есть ли другие потайные выходы из садов Боболи? Кроме обычных ворот?

- Нет, синьор. Везде высокие стены. Это единственный потайной выход.

Солдат кивнул. - Спасибо за помощь. - Он жестом велел Эрнесто закрыть и запереть дверь.

Озадаченный Эрнесто повиновался. Потом он возвратился в коридор, отпер стальную решетку, прошел через нее, запер ее за собой и вернулся к просмотру футбольного матча.

ГЛАВА 30

Лэнгдон и Сиенна воспользовались случаем.

Пока мускулистый военный барабанил по двери, они проползли вглубь грота и теперь ютились в последнем зале. Крошечное пространство было украшено высеченными мозаиками и сатирами. В центре была установлена скульптура купающейся Венеры в натуральную величину, которая, казалось, нервно поглядывала через плечо.

Лэнгдон и Сиенна устроились на противоположной стороне от узкого основания статуи, где теперь в ожидании рассматривали единственный шаровидный сталагмит, который вырос на самой глубокой стене грота.

- Все выходы подтвердили отбой! - кричал солдат где-то снаружи. Он говорил по-английски со слабым акцентом, который не воспринимал Лэнгдон. - Отошлите дрон назад. Я проверю эту пещеру.

Лэнгдон почувствовал, как тело Сиенны напряглось рядом с ним.

Несколько секунд спустя, в гроте раздался топот тяжелых ботинок. Шаги быстро продвигались через первый зал, зазвучали громче при входе во второй зал и направились прямо к ним.

Лэнгдон и Сиенна сдвинулись плотнее.

- Эй! - закричал другой голос на расстоянии. - Мы поймали их!

Шаги резко остановились.

Лэнгдон теперь услышал, как кто-то с шумом бежит по пешеходной дорожке из гравия в направлении к гроту. - Положительное удостоверение личности! - затаив дыхание объявил голос. - Мы просто опросили пару туристов. Несколько минут назад мужчина и женщина спрашивали их как пройти в дворцовую галерею костюма… которая находится в западном конце палаццо.

Лэнгдон поглядел на Сиенну, которая, казалось, слабо улыбалась.

Солдат восстановил дыхание и продолжил. - Западные выходы перекрыли первыми … и высока вероятность, что в садах мы заманили их в ловушку.

- Выполняйте свою миссию, - ответил ближайший солдат. - И позвоните мне, когда добъетесь успеха.

Были слышны спешно удаляющиеся шаги по гравию, звук взлетающего дрона, и затем, к счастью … наступила гробовая тишина.

Лэнгдон собирался повернуться боком, чтобы осмотреться вокруг постамента, но Сиенна схватила его за руку и остановила. Она прижала палец к губам и кивнула в направлении неясной человекоподобной тени на задней стене. Первый солдат все еще тихо стоял у входа в грот.

Чего он ждет?!

- Это - Брюдер, - внезапно сказал он. - Мы загнали их в угол. Мне вскоре понадобится подтверждение от вас.

Человек говорил по телефону, и его голос звучал невероятно близко, как будто он стоял прямо около них. Пещера была словно параболический микрофон собирала все звуки и направляла их назад.

- И вот еще, - сказал Брюдер. - Я только что получил новости из судебной экспертизы. Квартира женщины, кажется, сдана в субаренду. Очень мало мебели. Ясно на короткий срок. Мы определили местонахождение биоцилиндра, но проектора не было. Повторяю, проектор отсутствовал. Мы предполагаем, что он все еще в руках Лэнгдона.

Лэнгдон почувствовал холодок, когда солдат произнес его имя.

Шаги зазвучали громче, и Лэнгдон понял, что этот человек движется внутрь грота. Его походка не была такой напряженной, как некоторое время тому назад, и казалось, как будто он просто расхаживал, рассматривая грот во время разговора по телефону.

- Правильно, - сказал человек. - Судебная экспертиза также подтвердила единственный исходящий вызов незадолго до того, как мы начали штурмовать квартиру.

Американское Консульство, подумал Лэнгдон, вспоминая свою телефонную беседу и то, как быстро появилась убийца с ирокезом. Женщина, казалось, исчезла, и ее заменила целая команда обученных солдат.

Мы не можем убежать от них навсегда.

Стук солдатских ботинок по каменном полу раздавался теперь на расстоянии приблизительно в двадцать футов и все приближался. Человек вошел во второй зал, и если бы прошел до конца, то конечно, обнаружил бы их двоих, сидевших скорчившись за узким постаментом Венеры.

- Сиенна Брукс, - внезапно объявил человек, слова прозвучали совершенно четко.

Сиена вздрогнула рядом с Лэнгдоном. Ее взгляд метнулся вверх, определенно ожидая увидеть, что солдат уставился на нее. Но там никого не было.

- Сейчас они проверяют ее ноутбук, - голос продолжал звучать на расстоянии приблизительно в десять футов. - У меня еще нет отчета, но это был определенно тот же

самый компьютер, который мы выследили, когда Лэнгдон получил доступ к своему гарвардскому почтовому ящику.

Услышав эти новости, Сиенна повернулась к Лэнгдону, не веря своим ушам, глядя на него в упор с выражением шока… и затем предательства.

Лэнгдон был точно также ошеломлен. Так вот как они нас отследили?! Это даже не пришло ему в голову в то время. Мне просто была нужна информация! Прежде чем Лэнгдон успел принести свои извинения, Сиенна отвернулась с каменным выражением лица.

- Все верно - ответил солдат, подойдя ко входу третьего зала и оказавшись буквально в двух метрах от Лэнгдона и Сиенны. Еще пару шагов и он бы наверняка их заметил.

- Точно, - объявил он и подошел на шаг ближе. Внезапно солдат замолчал. - Подожди секунду.

Лэнгдон замер и сжался от страха, что его обнаружат.

- Оставайтесь на связи, я теряю вас, - произнес солдат, и затем отступил на несколько шагов во второй зал. - Плохая связь. Продолжайте … - Он прислушался на мгновение, затем ответил. - Да, я согласен, но по крайней мере мы знаем, с кем имеем дело.

Потом его шаги затихли в гроте, прошуршали по гравию, и затем полностью исчезли

Плечи Лэнгдона смягчились, и он повернулся к Сиенне, глаза которой горели со смесью страха и гнева.

- Ты использовал мой ноутбук?! - требовательно спросила она. - Чтобы проверить свою электронную почту?

- Прости … я думал, что ты поймешь. Мне нужно было узнать —

- Понятно, как они нашли нас! И теперь они знают мое имя!

- Я приношу извинения, Сиенна. Я не понимал, что …- Лэнгдон страдал от своей вины.

Сиенна отвернулась от него, безучастно уставившись на выпуклый сталагмит на задней стене. В ближайшую минуту они оба молчали. Лэнгдону было любопытно, помнит ли она, что за вещи лежали на ее столе - афиша спектакля "Сон в летнюю ночь" и газетные вырезки о жизни юного вундеркинда. "Догадывается ли она, что я видел их?" Даже если догадывалась, она не задавала вопросов. Лэнгдон доставил ей достаточно неприятностей, чтобы не говорить об этом.

- Они знают, кто я, - повторила Сиенна, ее голос был таким слабым, что Лэнгдон едва слышал ее. За следующие десять секунд Сиенна несколько раз медленно вздохнула, как будто пытаясь свыкнуться с этой новой реальностью. Лэнгдон ощущал, что делая так, она медленно укреплялась в своем решении.

Без предупреждения Сиенна вскочила на ноги . - Нам нужно идти, - сказала она. - Им не придется долго выяснять, что нас нет в галерее костюма.

Лэнгдон встал вместе с нею. - Да, но идти … куда?

- В Ватикан?

- Куда, прошу прощения?

- Я наконец уяснила, что ты прежде имел в виду … что Ватикан имеет общего с садами Боболи. - Она двинулась в направлении небольшой серой двери. - Это - вход, правильно?

Лэнгдон утвердительно кивнул. - Фактически, это выход, но я полагал, что стоило попытаться. К сожалению, мы не сможем пройти. - Лэнгдон многое слышал из диалога охраны с солдатом и понял, что этот дверной проем заблокирован.

- Но если б мы смогли пройти, - сказала Сиенна с оттенком озорства, вернувшегося в ее голос, - ты знаешь, что это означало бы? - Слабая улыбка теперь соскользнула с ее губ. - Это означало бы, что сегодня дважды тебе и мне помог один и тот же художник эпохи Возрождения.

Лэнгдон вынужден был усмехнуться, ведь та же самая мысль возникла у него несколько минут назад. - Вазари. Вазари.

Сиенна улыбнулась еще шире, дав понять Лэнгдону, что простила его, во всяком случае пока. - Я думаю, это знак свыше, - полусерьезно заявила она. - Мы должны пройти через эту дверь.

- Хорошо…и мы вот так просто пройдем мимо охранника?

Сиенна хрустнула костяшками пальцев и направилась к выходу из грота. - Нет, я скажу ему пару слов. - Она обернулась к Лэнгдону, огонь вновь разгорелся в ее глазах. - Поверьте мне, профессор, я могу быть очень убедительной, когда это необходимо.

Снова послышались стуки в ту маленькую серую дверь.

Настойчивые и нескончаемые.

Охранник Эрнесто Руссо от досады зарычал. Очевидно, вернулся тот странный солдат с холодным взглядом, и совсем уж невовремя. В футбольном матче по телевизору шло дополнительное время, у "Фиорентины" было игроком меньше, и судьба её висела на волоске.

Стуки не смолкали.

Эрнесто был неглуп. Он понимал, что утром было какое-то происшествие - все эти сирены да солдаты - но он был вовсе не из таких, что вмешиваются в дела, которые их напрямую не касаются.

В чужие дела вмешиваются только психи. (ит.)

С другой стороны, тот солдат был явно с полномочиями, и проигнорировать его было бы неразумно. В Италии теперь трудно было найти работу, даже самую нудную. Взглянув напоследок на игру, Эрнесто оторвался от экрана и направился к двери, по которой колотили.

Ему до сих пор не верилось, что платят ему за сидение весь день в каморке перед телевизором. Пожалуй, раза два за день из внешнего мира появлялась какая-нибудь важная делегация, проделавшая весь путь от галереи Уффици. Эрнесто её приветствовал, отпирал металлическую решётку и пропускал группу через ту маленькую серую дверь, за которой и заканчивалось их пребывание в садах Боболи.

Теперь, когда удары в дверь стали настойчивей, Эрнесто открыл стальную решётку, прошёл за неё и запер её за собой.

- Да? - прокричал он сквозь звук ударов, спешно приближаясь к серой двери.

Ответа не последовало. Стуки продолжались.

Ну наконец-то! Он отпер дверь и распахнул её, ожидая увидеть безжизненный взгляд недавнего посетителя.

Но лицо в дверном проёме выглядело куда привлекательнее.

- Чао, - произнесла хорошенькая блондинка, мило ему улыбаясь. Она протягивала сложенный лист бумаги, который он машинально у неё взял. Не успел он понять, что это всего-навсего поднятый с земли мусор, как женщина схватила его своими тонкими руками за запястье и надавила большим пальцем чуть ниже костной области его ладони.

Эрнесто почувствовал, будто нож перерубил ему запястье. За ощущением разреза ножом последовало оцепенение как от электрошока. Женщина сделала к нему шаг, постепенно усиливая давление, и боль стала циклически повторяться. Он отшатнулся назад, пытаясь высвободить руку, но ноги у него онемели и подкосились, он упал на колени.

Дальнейшее произошло мгновенно.

Высокий человек в темном костюме появился в дверях, проскользнул внутрь и быстро закрыл серую дверь за собой. Эрнесто потянулся за своим радиопередатчиком, но мягкая

рука надавила у него за шеей и у него заклинило мышцы, так что ему осталось только пытаться ловить воздух, чтобы вздохнуть. Только женщина взяла передатчик, как приблизился высокий мужчина, обеспокоенный ее действиями так же, как и Эрнесто.

- Дим мак, - небрежно сказала она высокому мужчине. - Китайские болевые точки. В этом-то и причина, что они продержались три тысячелетия.

Мужчина смотрел в изумлении.

- Non vogliamo farti del male, - прошептала женщина Эрнесто, ослабляя давление на шею. Мы не не хотим причинить тебе вред.

Как только давление ослабло, Эрнесто попытался вывернуться, чтобы освободиться, но давление сразу вернулось, и мышцы вновь застыли. Он задыхался от боли, будучи едва способным дышать.

"Нам нужно пройти," сказала она по-итальянски, указывая на стальную решётку, которую Эрнесто, к счастью, запер за собой. - Где ключ?

- У меня его нет, (ит.) - выкручивался он.

Мимо них к решётке прошёл высокий мужчина и рассмотрел механизм. - Здесь кодовый замок, - обратился он оттуда к женщине; акцент у него был американский.

Женщина присела перед Эрнесто, её карие глаза были холодны как лёд. - Какая комбинация цифр? - допытывалась она.

- Нельзя! (ит.) - ответил он. - Мне запрещено…

Что-то случилось с его позвоночником, и Эрнесто ощутил, как всё его тело обмякло. Через мгновение он лишился чувств.

Когда Эрнесто пришёл в себя, ещё несколько минут он ощущал, как теряет сознание и вновь возвращается в чувство. Он вспоминал о разговоре… опять режущая боль… может, его чем-то накачали? Всё было как в тумане.

Когда паутина сна развеялась, он увидел странное зрелище - его ботинки лежали на полу, шнурки были вынуты. Тут он ощутил, что едва может шевельнуться. Он лежал на полу со связанными сзади руками и ногами, видимо, при помощи шнурков из его ботинок. Он попытался закричать, но не смог. В рот был засунут один из его носков. Мгновение истинного страха, однако, наступило чуть позже, когда он посмотрел вверх и увидел, как в его телевизоре идёт футбольный матч. Я в своей каморке… Запертый в гроте?!

Эрнесто расслышал вдалеке звук удаляющихся по коридору шагов… потом он медленно затих и совсем смолк. Это невозможно! (ит.) Каким-то образом блондинка заставила Эрнесто сделать то, чего он ни в коем случае не должен был делать - ради того его и наняли - раскрыть кодовую комбинацию замка ко входу в знаменитый коридор Вазари.

ГЛАВА 31

Профессор Элизабет Сински ощущала волны тошноты и головокружения, подступающие теперь все чаще. Она тяжело откинулась на заднем сиденье фургона, припаркованного перед дворцом Питти. Сидящий рядом солдат поглядывал на нее с растущей озабоченностью.

Мгновением ранее солдатская рация прокричала что-то о галерее костюмов, вызволяя Элизабет из темноты ее разума, где ей снилось зеленоглазое чудовище.

Она вновь оказалась в затемненной комнате Совета по международным отношениям в Нью Йорке, слушая маниакальный бред таинственного незнакомца, который пригласил ее туда. Призрачный человек расхаживал в передней части комнаты - долговязый силуэт на фоне вызывающего ужас изображения множества обнаженных и умирающих, по мотивам дантовского ада.

- Кто-то должен вести эту войну, - заключила фигура, - или это - наше будущее. Математики это гарантируют. Человечество сейчас толпится в чистилище промедления и нерешительности и личной наживы… но круги ада прямо под нашими ногами только и ждут, чтобы поглотить нас всех.

У Элизабет и так голова шла кругом от чудовищных идей, которые этот человек успел ей выложить. Не в силах больше этого терпеть, она вскочила на ноги. - То, что вы предлагаете, просто…

- Наш единственный оставшийся вариант, - прервал ее мужчина.

- На самом деле, - ответила она, - я хотела сказать “преступление”!

Мужчина пожал плечами. - Дорога в рай проходит прямо через ад. Данте учил нас этому.

- Вы сумасшедший!

- Сумасшедший? - повторил мужчина с возмущением в голосе. - Я? Думаю, что нет. Сумасшествие это Всемирная организация здравоохранения, которая созерцает ад и отрицает, что он существует. Сумасшествие - это страус, прячущий голову в песок, когда стая гиен окружает его.

До того, как Элизабет успела вставить слово в защиту своей организации, мужчина поменял изображение на экране.

- И говоря о гиенах, - сказал он, указывая на новое изображение. - Вот стая гиен, в данный момент окружающая человечество… и они быстро приближаются.

Элизабет с удивлением увидела перед собой знакомое изображение. Это был график, опубликованный ВОЗ в предшествующем году, очерчивающий ключевые проблемы окружающей среды, которые по ее мнению оказывают наибольшее влияние на здоровье человечества.

Список содержал, среди прочего:

Потребность в чистой воде, глобальное потепление, разрушение озонового слоя, истощение ресурсов мирового океана, исчезновение видов, загрязнение атмосферы, вырубка лесов и глобальный уровень мирового океана.

На протяжении прошлого века все эти негативные факторы росли. Однако, теперь они ускоряются ужасающими темпами.

Элизабет отреагировала так же, как и всегда, когда она видела этот график - ощущением беспомощности. Как учёный, она верила в пользу статистики, а этот график изображал перед ней леденящую картину не такого уж далёкого будущего… и очень даже близкого.

Множество раз в жизни Элизабет契Сински преследовало осознание неспособности иметь детей. И всё же, увидев этот график, она почти почувствовала облегчение от того, что не подарила этому миру ребёнка.

И такое будущее я уготовила бы своему ребёнку?

- В последние пятьдесят лет, - вещал долговязый, - грехи наши перед матушкой-природой росли в геометрической прогрессии. - Он сделал паузу. - Я боюсь за душу человеческую. Когда ВОЗ опубликовала этот график, крупные политики, биржевые брокеры и специалисты по охране окружающей среды провели экстренные встречи на высшем уровне. Все они пытались уяснить, какие из этих проблем наиболее тяжёлые и какие мы действительно имеем надежду разрешить. А итог? Между нами, они схватились за голову и разрыдались. А публично они уверяют нас, что вырабатывают решения, хотя проблемы и сложные.

- Это действительно сложные проблемы!

- Чепуха! - вспылил мужчина. - Вы прекрасно знаете, что этот график отображает простейшую взаимосвязь - функцию всего одной переменной! Каждая линия на этом графике растет прямо пропорционально одной величине - величине, которую все боятся обсуждать. Населению Земли!

- Вообще-то, я думаю, это немного…

- Немного сложнее? Вовсе нет! Нет ничего проще. Если хотите больше чистой воды на душу населения, вам нужно, чтобы на земле было меньше людей. Хотите уменьшить выхлопы от машин - нужно меньше водителей. Хотите воспроизводства рыбы в океане - нужно, чтобы меньше людей ели рыбу!

Он свирепо смотрел на нее сверху вниз, его речь становилась все более решительной. - Откройте свои глаза! Мы находимся на краю гибели человечества, а наши мировые лидеры сидят в залах заседаний, заказывая разработки о солнечной энергии, вторичной переработке и гибридных автомобилях? Как это Вы - высокообразованная женщина-ученый - не видите? Разрушение озонового слоя, недостаток воды и загрязнение не являются болезнью - это симптомы. Болезнь - это перенаселенность. И если мы не столкнемся лицом к лицу с мировым населением, значит наши действия подобны накладыванию пластыря на быстро растущую раковую опухоль.

Для вас род человеческий подобен раковой опухоли? - допытывалась Элизабет.

- Рак - это всего-навсего здоровая клетка, которая стала неуправляемо размножаться. Я понимаю, что мои идеи кажутся вам неприятными, но смею вас заверить, что альтернативу этому вы сочтёте куда более приятной, когда она настанет. Если мы не предпримем решительных действий, то тогда…

- Решительных?! - оборвала его она. - Вы не то слово искали. Попробуйте "безумных"!

- Профессор Сински, - произнес этот человек, голос его стал устрашающе спокойным, - я позвал Вас сюда намеренно, потому что надеялся, что Вы - мудрый голос в Мировой Организации Здравоохранения - могли бы изъявить желание работать со мной и найти возможное решение.

Элизабет пристально всматривалась в него, не веря ушам своим. - Думаете, Всемирная организация здравоохранения станет совместно с вами… рассматривать подобную идею?

- В общем, да. - сказал он. - Ваша организация создана врачами, а когда врачи имеют дело с пациентом, у которого гангрена, они не колеблясь отнимают ему ногу для спасения жизни. Иногда выбор в пользу единственного плана действий оказывается меньшим из двух зол.

- Это совсем другой случай.

- Нет. Это то же самое. Разница только в масштабах.

Элизабет уже вдоволь наслушалась. Она решительно встала. - Мне нужно успеть к самолёту.

Долговязый угрожающе шагнул к ней, встав на пути к выходу. - По-хорошему предупреждаю. С вашей помощью или без нее, я с лёгкостью могу воплотить эту идею самостоятельно.

- Это я вас по-хорошему предупреждаю, - парировала она, - Я расцениваю это как террористическую угрозу и отнесусь к ней должным образом. - Она достала телефон.

Человек рассмеялся. - Вы собираетесь заявить на меня за высказывание гипотез? К сожалению, со звонком вам придётся подождать. Эта комната экранирована от излучений. Ваш телефон не сможет обмениваться сигналами.

Мне не нужно сигналов, психопат. Элизабет приподняла телефон и, пока человек осознавал происходящее, засняла его физиономию. В его зелёных глазах отразилась вспышка, и на мгновение он показался ей знакомым.

- Не знаю, кто вы, - сказала она, - но вы совершили ошибку, вызвав меня сюда. Когда доеду до аэропорта, я уже буду знать, кто вы такой, и вы окажетесь в контрольных списках ВОЗ, Центра контроля над заболеваниями и его европейского отделения как потенциальный биотеррорист. Наши люди будут заниматься вами денно и нощно. Если попытаетесь приобрести материал, мы узнаем об этом. Построите лабораторию - мы будем в курсе. Вам негде будет укрыться.

Человек какое-то время напряженно молчал, будто готовясь выхватить у неё телефон. Наконец, он овладел собой и отошёл с мрачной усмешкой. - Тогда, выходит, наши игры уже начались.

ГЛАВА 32

Il Corridoio Vasariano - Коридор Вазари - был построен Джорджо Вазари в 1564 году по приказу правителя династии Медичи, великого герцога Козимо I, чтобы обеспечить безопасный переход из его резиденции во дворце Питти в его административные помещения, через реку Арно в Палаццо Веккьо.

Подобный знаменитому Пассетто Ватикана, коридор Вазари был основным тайным проходом. Он простирался почти на целый километр от восточного угла Садов Боболи непосредственно к сердцу старого дворца, пересекая Понте Веккьо и извивался через галерею Уфицци между ними.

В наше время Коридор Вазари все еще служил зоной безопасности, хотя не для аристократов Медичи, а для произведений искусства; с его на вид бесконечным пространством надёжно защищенной поверхности стен коридор являлся вместилищем бесчисленных редких картин — выходя за пределы всемирно известной галереи Уффици, через которую прошел коридор.

За несколько лет до этого Лэнгдон побывал в туннеле как участник неторопливого частного тура. В тот день он остановился, чтобы восхититься потрясающим множеством картин галереи — включая самую обширную коллекцию автопортретов в мире. Он также несколько раз останавливался, выглядывая из запасных смотровых дверей коридора, которые позволяли путешественникам оценить продвижение вдоль высокого тротуара.

Этим утром, однако, Лэнгдон и Сиенна двигались по коридору бегом, стремясь как можно больше увеличить расстояние между ними и их преследователями в другом конце. Лэнгдон гадал, сколько времени потребуется для обнаружения связанного охранника. Туннель простирался перед ними, и Лэнгдон ощущал, что с каждым шагом они приближаются к тому, что искали.

Cerca trova … глаза смерти … и ответ зависит от того, кто преследует меня.

Теперь отдаленный гул вертолета-разведчика был далеко позади них. Чем дальше они пробирались в туннель, тем больше Лэнгдону приходило в голову, каким честолюбивым архитектурным подвигом был этот переход. Поднявшись над городом почти по всей длине, коридор Вазари походил на широкую змею, извивающуюся сквозь здания, на всем пути из Дворца Питти, через Арно, в сердце старой Флоренции. Узкий, побеленный проход, казалось, простирался в вечность, иногда ненадолго поворачивая влево или вправо, чтобы избежать препятствия, но всегда двигаясь на восток … через Арно.

Внезапный звук голосов перед ними эхом прозвучал в коридоре и Сиенна резко остановилась. Лэнгдон тоже остановился, и немедленно для успокоения положил руку на ее плечо, двигаясь к ближайшей смотровой двери.

Внизу спускались туристы.

Лэнгдон и Сиенна двинулись к двери и всматриваясь, увидели, что они в настоящее время взобрались выше Понте Веккьо — средневековый каменный мост, который служит пешеходным проходом в старый город. Под ними первые туристы наслаждались рынком, который существовал на мосту с 1400-ых. Сегодня продавцы - главным образом золотых дел мастера и ювелиры, но не всегда было так. Первоначально во Флоренции на мосту размещался огромный, открытый мясной рынок, но мясников прогнали в 1593 году после того, как прогорклый аромат испорченного мяса достиг коридора Вазари и атаковал тонкие ноздри великого герцога.

Где-то там на мосту, вспомнил Лэнгдон, определенно было место, где было совершено одно из большинства позорных преступлений Флоренции. В 1216 молодой дворянин по имени Буонделмонте отклонил брак, о котором договорилась его семья, ради своей настоящей любви, и за это решение его жестоко убили на этом самом мосту.

Его смерть долго называли "самым кровавым убийством Флоренции", потому что это вызвало отчуждение между двумя влиятельными политическими фракциями — Guelphs и Ghibellines — кто тогда в течение многих столетий вел безжалостную войну друг против друга. Поскольку следующая политическая вражда вызвала изгнание Данте из Флоренции, поэт горько увековечил это событие в своей Божественной Комедии:

О Буондельмонте, ты в недобрый час

Брак с ним отверг, приняв совет лукавый!

По сей день три отдельных мемориальных доски — каждая из которых цитирует различные строки из Песни 16 "Рая" Данте — можно увидеть около места убийства. Одна из них расположена у входа на Понте Веккьо и зловеще гласит:

НО УЩЕРБЛЕННЫЙ КАМЕНЬ, МОСТ БЛЮДУЩИЙ, КРОВАВОЙ ЖЕРТВЫ ОТ ФЬОРЕНЦЫ ЖДАЛ,

КОГДА КОНЧАЛСЯ МИР ЕЕ ЦВЕТУЩИЙ…

Лэнгдон переместил взгляд с моста на темные воды, которые его окружали. Прочь на восток, манил к себе одинокий шпиль Палаццо Веккьо.

И хотя Лэнгдон и Сиенна были только на полпути через реку Арно, он не сомневался, что они давно прошли точку невозврата.

На тридцать футов ниже, на булыжниках Понте Веккьо, Вайента с тревогой смотрела на прибывающую толпу, совсем не предполагая, что ее единственное спасение всего лишь за несколько мгновений до этого буквально проплыло мимо над ее головой.

ГЛАВА 33

Помощник Ноултон сидел один в своем кабинете глубоко в недрах поставленного на якорь судна Мендасиум, и безуспешно пытался сосредоточиться на работе. С тревожным чувством он вернулся к просмотру видео и уже в течение часа анализировал девятиминутный монолог, который витал где-то между гениальностью и безумием.

Ноултон быстро вернулся к началу в поисках любой подсказки, которую он, возможно, пропустил. Он прокрутил мимо затопленную табличку … мимо свободно плавающую оболочку с темной желто-коричневой жидкостью … и нашел момент, когда появилась тень с клювообразным носом — деформированный силуэт, отразившийся на сочившейся стене пещеры … освещенной мягким красным свечением.

Ноултон слушал приглушенный голос, пытаясь расшифровать сложный язык. Примерно в середине речи, на стене внезапно вырисовывалась большая тень и голос зазвучал громче.

Ад Данте не вымысел … это - пророчество!

Ужасные страдания. Мучительное существование. Это - пейзаж завтрашнего дня.

Человечество, если его не контролировать, функционирует как чума, рак … наша численность, увеличивается с каждым последующим поколением до тех пор, пока земные блага, которые когда-то питали наше достоинство и братство, не сойдут на нет … разоблачая монстров среди нас … борющихся в смертельной схватке, чтобы накормить нашу молодежь.

Это - девять кругов ада Данте.

Вот что нас ждет.

В то время как нас ожидает будущее, подкреплённое неумолимыми расчётами Мальтуса, мы балансируем над первым кругом ада… готовясь рухнуть в бездну быстрее, чем об этом догадывались.

Ноултон остановил видео. Расчёты Мальтуса? Быстрый поиск в интернете вывел его на информацию о видном английском математике и демографе девятнадцатого века по имени Томас Роберт Мальтус, который прославился предсказанием окончательной глобальной катастрофы из-за перенаселения.

В биографии Мальтуса - и это встревожило Ноултона - приводился душераздирающий отрывок из его книги “Опыт о законе народонаселения”:

Темпы роста населения настолько превосходят возможности земли обеспечить средства к существованию человека, что преждевременная смерть в той или иной форме должна посещать род человеческий. Человеческие пороки являются неустанными и действенными правителями в деле уменьшения народонаселения. Они предвестники великой армии разрушения; и зачастую они сами же завершают эту ужасную работу. Но стоит им потерпеть неудачу в этой войне на уничтожение, как болезни, эпидемии, чума и мор надвигаются ужасающим строем и сметают тысячи и десятки тысяч людей. Если и этот успех будет неполным, то огромные и неизбежные природные бедствия подкрадутся нежданно и одним мощным ударом приведут в соответствие уровень народонаселения и мировые пищевые ресурсы.

С колотящимся сердцем Ноултон снова взглянул на стоп-кадр, где застыл силуэт с клювообразным носом.

Когда человечество бесконтрольно, оно ведёт себя подобно раковой опухоли.

Бесконтрольно. Ноултону не понравилось, как это прозвучало.

С неуверенностью он снова запустил видео.

Приглушенный голос продолжал.

Ничего не делать означает приветствовать ад Данте … в тесноте и голоде, погрязнув в Грехе.

И поэтому я смело предпринял действия.

Некоторые отпрянут в ужасе, но всякое спасение имеет цену.

Однажды мир осмыслит красоту моей жертвы.

Ибо я ваше Спасение.

Я Тень.

Я - ворота в Постчеловеческую эру.

ГЛАВА 34

Палаццо Веккьо напоминает гигантскую шахматную фигуру. С его прочным четырехугольным фасадом и выступающими прямоугольными зубчатыми стенами, массивное

похожее на ладью здание расположено как нельзя лучше, защищая юго-восточный угол площади Синьории.

Необычного вида одиночная башня этого сооружения, устремлённая ввысь из огороженного квадратом крепостных стен центра, вырисовывается на фоне неба характерным силуэтом и стала неподражаемым символом Флоренции.

Построенное как могущественное место для заседаний итальянского правительства, здание предлагает прибывающим посетителям пугающее множество мужских скульптур. Мускулистый Нептун Амманнати стоит обнаженным на четырех морских коньках, символизируя господство Флоренции в море. Точная копия Давида Микеланджело — возможно наиболее известная в мире обнаженная мужская фигура — стоит во всей красе у входа во дворец. К Давиду присоединяются Геркулес и Какус — две наиболее мощные обнаженные мужские скульптуры — кто, совместно с массой сатиров Нептуна, увеличивает до дюжины общее количество выставленных пенисов, которые приветствуют посетителей дворца.

Обычно посещения Лэнгдоном Палаццо Веккьо начинались здесь на площади Синьории, которая, несмотря на изобилие фаллосов, всегда была одной из его любимых площадей во всей Европе. Ни одно посещение площади не обходилось без потягивания кофе эспрессо в кафе Rivoire, сопровождаемом посещением львов Медичи в Лоджии Ланци — открытой галерее скульптуры на площади.

Сегодня, однако, Лэнгдон и его спутница запланировали войти в Палаццо Веккьо через Коридор Вазари, как, возможно, в свое время делали герцоги Медичи — обход известной галереи Уфицци и движение по коридору, извивающемуся над мостами, дорогами, и через здания, привело непосредственно в сердце старого дворца. До сих пор они не слышали звука шагов за собой, но Лэнгдон все еще с тревогой стремился выйти из коридора.

А теперь мы пришли, понял Лэнгдон, увидев перед собой тяжелую деревянную дверь. Вход в старый дворец.

Дверь, несмотря на прочный запорный механизм, была оборудована горизонтальным засовом, который обеспечивал возможность запасного выхода, не позволяя никому войти с обратной стороны от входа в коридор Вазари без карточки-ключа.

Лэнгдон приложил ухо к двери и прислушался. Ничего не услышав с другой стороны, он положил руки на засов и мягко надавил.

Замок щелкнул.

Когда деревянная дверь заскрипела, приоткрывшись на несколько дюймов, Лэнгдон всмотрелся в пространство за ее пределами. Маленький альков. Пусто. Тихо.

С маленьким вздохом облегчения Лэнгдон ступил внутрь и знаком показал Сиенне следовать за ним.

Мы внутри.

Стоя в тихом алькове где-то в Палаццо Веккьо, Лэнгдон улучил момент и попытался сориентироваться. Перед ними перпендикулярно к алькову располагался длинный коридор. С левой стороны, на расстоянии от них эхом по коридору разносились голоса, спокойные и веселые. Палаццо Веккьо, во многом был похож на Здание Капитолия в Соединенных Штатах, был и достопримечательностью и правительственным офисом. В этот час голоса, которые они слышали, наиболее вероятно принадлежали гражданским сотрудникам, которые суетились, входя и выходя из офисов, и готовились к рабочему дню.

Лэнгдон и Сиенна медленно двинулись в направлении коридора и выглянули из-за угла. Конечно же, в конце коридора был атриум, в котором приблизительно дюжина правительственных сотрудников рассредоточились вокруг, потягивая утренний эспрессо и беседуя с коллегами перед работой.

- Фреска Вазари, - прошептала Сиенна, - ты сказал, что она находится в Зале Пятисот?

Лэнгдон кивнул и указал через переполненный атриум на портик, который открывал вход в каменный зал. - К сожалению, надо пройти через этот атриум.

- Ты уверен?

Лэнгдон кивнул. - Нам никогда не удастся пройти незамеченными.

- Они - государственные служащие. Мы им не интересны. Просто иди как будто имеешь к этому отношение.

Сиенна потянулась и мягко поправила пиджак Лэнгдона от Бриони и его воротник. - Ты выглядишь очень солидно, Роберт. - Она одарила его скромной улыбкой, привела в порядок собственный свитер и отправилась вперед.

Лэнгдон поспешил за нею, они оба целеустремленно шагали к атриуму. Когда они вошли туда, Сиенна начала говорить с ним на быстром итальянском — что-то о субсидиях фермерам — неистово жестикулируя во время разговора. Они придерживались внешней стены, держась на расстоянии от других. К изумлению Лэнгдона ни один сотрудник не обратил на них никакого внимания.

Когда атриум был позади, они быстро направились в коридор. Лэнгдон вспомнил шекспировскую театральную афишу. Озорной Пак. - Ты - настоящая актриса, - прошептал он.

- Мне уже доводилось играть, - машинально ответила она до странности далёким голосом.

Еще раз Лэнгдон почувствовал, что в прошлом этой молодой женщины было больше душевной боли, чем он себе представлял, и он испытал нарастающее чувство раскаяния в том, что впутал ее в эту передрягу. Он напомнил себе, что единственный выход в такой ситуации - просто пережить это.

Продолжай двигаться через туннель … и молись выйти к свету.

Когда они приблизились к галерее, Лэнгдон с облегчением понял, что с его памятью все в порядке. На маленькой табличке со стрелкой на углу была указующая надпись: SALONE DEI CINQUECENTO(ит.). Зал Пятисот, подумал Лэнгдон, гадая, какие ответы их там ожидали. Правду можно увидеть только глазами смерти. Что это могло значить?

- Возможно, помещение пока заперто, - предупредил Лэнгдон, когда они подошли к углу. Хотя Зал пятисот обычно посещают туристы, дворец в то утро ещё не был для них открыт.

- Ты слышишь это? - спросила Сиенна, резко останавливаясь.

Лэнгдон слышал. Из-за самого угла раздавалось громкое жужжание. Успокойте меня, что это не комнатный беспилотник. Лэнгдон осторожно выглянул за угол портика. В трёх десятках метров была на удивление простая деревянная дверь, которая вела в Зал пятисот. К досаде, прямо перед ними тучный хранитель музея вымученными кругами толкал перед собой электрополотёр.

Привратник.

Внимание Лэнгдона привлекли три знака на пластмассовой табличке у двери. Доступные к расшифровке куда менее опытному специалисту по символике, это были общеизвестные перечёркнутая видеокамера, перечёркнутая чашка и ещё парочка угловатых фигур - мужчины и женщины.

Лэнгдон взял инициативу на себя, быстрым шагом направившись к хранителю и перейдя на трусцу по мере приближения. Сиенна бросилась за ним, чтобы поддержать.

Хранитель посмотрел с удивлением. - Господа?! - И протянул руки, чтобы остановить Лэнгдона и Сиенну.

Лэнгдон с усилием улыбнулся мужчине - скорее, даже, сморщился - и указал на знаки у двери. - Туалет (ит.), - произнёс он сдавленным голосом. Это не было вопросом.

Хранитель музея мгновение поколебался, собираясь отказать им в просьбе, но в конце концов, видя, как Лэнгдон изображает перед ним недомогание, сочувственно кивнул и дал им знак проходить.

Когда они достигли двери, Лэнгдон быстро подмигнул Сиенне. - Сочувствие - универсальный язык.

ГЛАВА 35

Когда-то Зал Пятисот был самым большим залом в мире. Он был построен в 1494 году, чтобы предоставить зал для заседаний всему Consiglio Maggiore — Великому Совету республики ровно для пятисот участников — из чего зал почерпнул свое название. Несколько лет спустя, по воле Козимо I, зал был отремонтирован и существенно увеличен. Козимо I, самый влиятельный человек в Италии, выбрал в качестве куратора и архитектора проекта великого Джорджио Вазари.

Проявив исключительную изобретательность, Вазари заметно приподнял имевшуюся крышу, позволив естественному свету проникать внутрь через высоко расположенные фрамуги с четырёх строн помещения, что создавало элегантно организованное пространство для демонстрации лучших во Флоренции образцов архитектуры, скульптуры и живописи.

Пол этой комнаты всегда притягивал взгляд Лэнгдона, мгновенно сообщая, что это было необычное помещение. Каменный паркет малинового цвета, покрытый черной сеткой, придавал двадцати тысячам квадратных футов пространства атмосферу солидности, глубины и баланса.

Лэнгдон медленно перевел взгляд на дальнюю стену комнаты, где шесть динамических скульптур - Подвиги Геракла - были выстроены вдоль стены как боевая фаланга. Лэнгдон намеренно проигнорировал неоднократно опороченных Геракла и Диомеда, чьи обнаженные тела слились в нелепом поединке, включавшем в себя креативное "сжатие пениса", которое всегда вызывало у Лэнгдона раздражение.

Гораздо приятней на вид была захватывающая скульптура Микеланджело "Дух свободы", стоявшая справа и возвышающаяся в центральной нише южной стены. Высотой почти девять футов скульптура предназначалась для гробницы ультраконсервативного Папы Юлия II - Папы Ужасного (ит.) - правление которого Лэнгдон всегда считал ироничным, учитывая точку зрения Ватикана на гомосексуализм. Статуя изображала Томмазо Кавальери, молодого человека, в которого Микеланджело был влюблен большую часть своей жизни и которому посвятил более трехсот сонетов.

- Не могу поверить, что никогда не бывала здесь, - прошептала Сиенна рядом, ее голос внезапно стал спокойным и почтительным. - Так … красиво.

Лэнгдон кивнул, вспоминая свой первый визит в эту комнату - по случаю грандиозного концерта классической музыки с участием всемирно известной пианистки Мариель Кеймель. Хотя этот большой зал первоначально был предназначен для частных политических встреч и аудиенций великого герцога, сейчас в нем чаще выступали известные музыканты, лекторы и проводились торжественные ужины - от историка искусств Маурицио Серачини до усеянного звездами, черно-белого праздничного открытия Музея Гуччи. Лэнгдон иногда задумывался, как бы себя чувствовал Козимо в своем строгом частном зале вместе с директорами и моделями.

Теперь Лэнгдон поднял глаза на огромные фрески, украшающие стены. Их невероятная история содержала в себе неудачную экспериментальную технику живописи Леонардо да

Винчи, результатами которой стал “разрушающийся шедевр”. Здесь также находилось художественное “сражение”, возглавленное Пьером Содерини и Макиавелли, которые столкнули друг с другом двух титанов эпохи возрождения - Микеланджело и Леонардо - командуя ими в создании фресок на противоположных стенах той же комнаты.

Сегодня, однако, Лэнгдон больше интересовался другой исторической загадкой зала.

Ищи и найдешь(ит.).

- Какую из них написал Вазари? - спросила Сиенна, просматривая фрески.

- Почти все, - ответил Лэнгдон, зная, что во время реконструкции зала Вазари и его помощники перекрасили почти все в нем, от оригинальных стенных фресок до тридцати девяти кессонных панелей, украшающих его знаменитый “подвесной” потолок.

- Но эта фреска там, - сказал Лэнгдон, указывая на картину вдалеке справа, - та, на которую мы пришли посмотреть — “Битва при Марчиано” Вазари.

Сцена военного сражения была безусловно огромной — почти 17 метров в длину и высотой почти в три раза больше. Картина выполнена в кирпичных оттенках коричневого и зеленого цвета — внушительная панорама солдат, лошадей, копий и знамен, вступивших в битву на широком холме.

- Вазари, Вазари, - прошептала Сиенна. - И в ней где-то спрятано его секретное сообщение?

Кивнув, Лэнгдон искоса посмотрел на верхнюю часть огромной фрески, пытаясь найти нужный зеленый флаг, на котором Вазари изобразил свое мистическое послание - CERCA TROVA. - Его почти невозможно разглядеть отсюда без бинокля, - сказал Лэнгдон, добавив, - но в верхней части середины фрески, если ты посмотришь чуть ниже двух фермерских домов на склоне холма, увидишь крошечный зеленый флаг и…

- Я вижу надпись! - сказала Сиенна, указывая на сектор в правом верхнем углу, точно в нужном месте.

Лэнгдон бы хотел иметь молодые зоркие глаза.

Вдвоем они подошли ближе к возвышающейся фреске, и Лэнгдон смотрел на ее великолепие. Наконец, они были здесь. Единственной проблемой было то, что теперь Лэнгдон не был уверен, почему они были здесь. Несколько долгих секунд он стоял в молчании, уставившись на детали шедевра Вазари.

Если я потерплю неудачу…то повсюду будет смерть.

Позади них со скрипом открылась дверь, из-за которой выглянул нерешительный хранитель с полотером в руках. Сиенна дружелюбно помахала ему. Хранитель секунду посмотрел на них, затем закрыл дверь.

- У нас не так много времени, Роберт. - Тебе нужно подумать. Эта фреска тебе о чём-нибудь говорит? Хоть о чём-то напоминает?

Лэнгдон внимательно разглядывал хаотичные сцены сражений, расположенные над ними.

Правду можно увидеть только глазами смерти.

Лэнгдон предположил, что на фреске есть труп, мертвые глаза которого смотрят на какую-то другую подсказку на картине…или, возможно, даже на что-то в комнате. К сожалению, Лэнгдон понимал, что на фреске дюжины таких тел, ни одно из которых не заслуживает особого внимания, даже с глазами направленными куда угодно.

Можно ли увидеть правду только глазами смерти?

Он попытался в воображении нарисовать соединительные линии между трупами, надеясь, что получится фигура, но ничего не получалось.

Голова Лэнгдона снова запульсировала, когда он отчаянно погрузился в глубины своей памяти. Где-то там, седоволосая женщина продолжала шептать: “Ищи и найдешь”.

- Найдешь что? - Лэнгдону хотелось кричать.

Он заставил себя закрыть глаза и медленно выдохнуть. Он покрутил плечами несколько раз и попытался освободиться от всех сознательных мыслей, надеясь на интуицию.

Очень жаль. (англ. Very sorry).

Вазари.

Cerca trova.

Правду можно увидеть только глазами смерти.

Он изнанкой чувствовал, что точно находится в нужном месте. И хотя толком не знал, зачем, у него было ясное ощущение, что он в двух шагах от того, чтобы найти то, зачем он сюда пришёл.

Агент Брюдер уставился рассеянным взглядом на красные бархатные панталоны с туникой на музейном стенде и еле слышно проклинал всё. Его группа наблюдения и захвата обшарила всю галерею костюмов, а Лэнгдон с Сиенной всё никак не находились.

Тоже мне, группа наблюдения и захвата, злобно подумал он. С каких это пор ГНЗ обводят вокруг пальца преподаватели колледжей? Куда чёрт возьми, они делись?!

- Все выходы перекрыты, - уверял один из его людей. - Им негде больше быть, как оставаться в Садах.

Хотя это и выглядело логичным, Брюдера донимало ощущение, что Лэнгдон с Сиенной нашли какой-то другой выход.

- Снова запускайте вертолёт наблюдения, - резко скомандовал Брюдер. - И скажите местным властям расширить зону поиска за пределами стен. - Будь оно всё проклято!

Когда его люди бросились исполнять, Брюдер схватил телефон и позвонил главному. - Это Брюдер, - сказал он. - Боюсь, у нас серьёзная проблема. Точнее, их несколько.

ГЛАВА 36

Правду можно увидеть только глазами смерти.

Сиена повторила себе слова, продолжая осматривать каждый дюйм жестокой сцены сражения Вазари, надеясь что-нибудь заметить.

Она видела глаза смерти повсюду.

Какие из них мы ищем?

Она размышляла, относятся ли глаза смерти к гниющим трупам, распространившим по всей Европе Черную Смерть.

По крайней мере, это объяснило бы маску чумы …

Ни с того, ни с сего Сиенне пришла на ум детская считалка:

У розочек кольца.
В карманах цветы.
Пепелящее солнце.
Тихо падаешь ты.

Когда-то в Англии школьницей ей нравилось произносить этот стишок, пока ей не сказали, что он из времен великой чумы в Лондоне - 1665 года. Полагают, что розочками названы прыщи на коже, вокруг которых образовывались кольца, указывавшие, что человек

заразился. Заболевшие обычно набивали карманы мелкими цветочками, пытаясь заглушить запах разложения собственного тела, как и вонь, стоявшую в городе, где ежедневно умирали сотни жертв чумы, тела которых затем сжигались. Отсюда "испепеление" и "падение".

- За любовь Господа, - внезапно выпалил Лэнгдон, повернувшись к противоположной стене.

Сиенна присмотрелась. - Что-то не так?

- Так назывался предмет живописи, который здесь раньше выставлялся. "Во имя любви Господней".

Сиенна в недоумении наблюдала, как Лэнгдон спешно пересек комнату в направлении маленькой стеклянной двери и попытался ее открыть. Он прислонился лицом к стеклу, сложив руки в виде чаши вокруг глаз, и заглянул внутрь.

Что бы Лэнгдон не искал, Сиенна надеялась, что он поторопится; только что вновь появился хранитель, на этот раз его подозрение усилилось при виде Лэнгдона, разгуливающего по комнате и подглядывающего в закрытую дверь.

Сиенна добродушно помахала хранителю ручкой, но мужчина пристально окинул её холодным взглядом и затем скрылся.

Студиоло.

Уютная крошечная комната без окон была расположена за стеклянной дверью, точно напротив скрытых слов cerca trova в Зале Пятисот. Спланированная Вазари, как секретный кабинет для Франческо I, прямоугольная Студиоло поднималась к округлому, сводчатому потолку, который дарил ощущение, что находишься внутри огромного сундука с сокровищами.

Интерьер подобающе сиял предметами красоты. Стены и потолок украшали более тридцати редких картин, висящиее так близко друг к другу, что практически не оставляли свободного места на стене. "Падение Икара"..."Аллегория человеческой жизни"..."Прометей получает от Природы сверкающий камень"

Лэнгдон заглянул через стекло в поражающее воображение помещение и прошептал про себя: - Глаза смерти.

Лэнгдон впервые побывал в Студиоло во время частного тура потайных ходов несколько лет назад и был поражен таким богатством скрытых дверей, лестниц и проходов, изрешетивших палаццо, включая несколько спрятанных за картинами в Студиоло.

Однако, потайные ходы не интересовали Лэнгдона. Вместо этого он вспомнил о смелом произведении современного искусства, которое он однажды здесь увидел - "За любовь Господа" - неоднозначное изделие Дэмьена Херста, вызвавшее бурю негодования, когда было выставлено внутри великого "Студиоло" Вазари.

Выполненный в натуральную величину череп человека из цельной платины был полностью покрыт более чем восемью тысячами сверкающих, аккуратно выложенных бриллиантов. Эффект был поразительным. Пустые глазницы черепа излучали свет и энергию, создавая тревожное совмещение противоположных символов - жизни и смерти...красоты и ужаса. Хотя бриллиантовый череп Херста уже давно был убран из Студиоло, воспоминание о нем натолкнуло Лэнгдона на одну мысль.

Глаза смерти, вспомнил он. Череп явно подходит под это, правда?

Тема черепов постоянно повторялась в произведении "Ад" Данте. Наиболее известная - это жестокое наказание графа Уголино в самом нижнем кругу ада, где он был приговорен вечно грызть череп порочного архиепископа.

Так что, нам череп искать?

Лэнгдон знал, что загадочный Студиоло был построен по примеру "кунсткамеры". Почти все картины в нем держались на незаметных петлях, образуя потайные стенные шкафы, в

которых герцог хранил различные, интересующие его, предметы - редкие образцы минералов, красивые перья, прекрасную окаменелую ракушку наутилуса и даже, как утверждают, берцовую кость монаха, украшенную измельченным вручную серебром.

К сожалению, Лэнгдон подозревал, что все предметы из шкафов уже давно убраны, и он никогда не слышал о каком-либо черепе, выставленном здесь, кроме произведения Херста.

Его мысли прервал громкий хлопок дверью на другой стороне зала. Оживленные щелкающие звуки шагов спешно приближались через выставочный зал.

- Синьор, - послышался разгневанный голос. - Этот зал закрыт! (ит.)

Лэнгдон обернулся и увидел идущую к нему служительницу музея. Невысокая, с короткими каштановыми волосами, она явно была ещё и беременна. Она решительно направлялась к ним, постукивая пальцем по часам и что-то выкрикивая о том, что зал пока закрыт. Когда подошла, встретилась взглядом с Лэнгдоном и тут же отшатнулась, прикрыв рукой рот от потрясения.

- Профессор Лэнгдон! - воскликнула она со смущённым видом. - Извините меня! Не знала, что вы здесь. С возвращением!

Лэнгдон замер.

Он был совершенно уверен, что этой женщины никогда в жизни не видел.

ГЛАВА 37

- Еле узнала вас, профессор! - восторженно заговорила женщина по-английски с акцентом, приближаясь к Лэнгдону. - Из-за вашего костюма. - Она искренне улыбнулась и одобряюще кивнула, глядя на костюм от Бриони на Лэнгдоне. - Такой шикарный. Вы прямо как итальянец.

Губы Лэнгдона совсем высохли, но он смог вежливо улыбнуться присоединившейся к ним женщине. - Доброе…утро, - запнулся он. - Как вы?

Она засмеялась, поддерживая свой живот. - Совсем без сил. Маленькая Каталина толкалась всю ночь. - Женщина озадаченно осмотрела комнату. - Дуомино не говорил, что вы вернетесь сегодня. Он ведь с вами?

Дуомино? Лэнгдон понятия не имел о чем она.

Женщина, видимо, заметила его замешательство и успокаивающе хихикнула. - Все в порядке, все во Флоренции его так называют. Он не против. - Она осмотрелась вокруг. - Это он впустил вас?

- Да, он, - сказала Сиенна, подходя с другой стороны зала, - но у него встреча за завтраком. Он сказал, что вы не будете против, если мы останемся, чтобы осмотреться. - Сиенна с энтузиазмом протянула руку. - Я - Сиенна. Сестра Роберта.

Женщина более чем официально пожала руку Сиенне. - Я - Марта Альварес. А вам повезло - иметь в качестве личного гида профессора Лэнгдона.

- Да, - Сиенна закатила глаза, едва скывая свой восторг. - Он такой умный!

Наступила неловкая пауза, пока женщина изучала Сиенну. - Забавно, - сказала она, - Я не вижу семейного сходства. Кроме, возможно, вашего роста.

Лэнгдон почувствовал, что вот-вот все рухнет. Сейчас или никогда.

- Марта, - прервал Лэнгдон, надеясь, что правильно услышал имя, - мне неудобно беспокоить вас, но…я полагаю, вы догадываетесь, зачем я здесь.

- Вообще-то, нет, - ответила она, прищурив глаза. - Я в жизни никогда не догадаюсь, что вы можете здесь делать.

Пульс Лэнгдона участился, наступила неловкая тишина, и он понял, что его афера скоро потерпит полный провал. Неожиданно Марта широко улыбнулась и громко засмеялась.

- Профессор, я же шучу! Конечно же, я догадываюсь, зачем вы здесь. Честно говоря, я не знаю, почему вы находите все это таким увлекательным, но так как вы и Дуомино провели там вчера почти целый час, то предполагаю, что вы вернулись показать это своей сестре?

- Точно… - Он овладел собой. - Все именно так. Я бы с удовольствием показал Сиенне, если это не…затруднит вас.

Марта посмотрела на балкон второго этажа и пожала плечами. - Без проблем. Я как раз сейчас направляюсь наверх.

Сердце Лэнгдона заколотилось, когда он посмотрел на балкон второго этажа в задней части зала. “Я был там вчера вечером?” Он ничего не помнил. Но знал, что балкон, в дополнение к тому, что находился на той же высоте, что и слова cerca trova, также служил входом в музей палаццо, который Лэнгдон посещал, когда был здесь.

Марта уже собралась вести их по залу, но сделала паузу, как будто передумала. - В самом деле, профессор, вы уверены, что не хотите показать вашей любимой сестре что-нибудь менее мрачное?

Лэнгдон не знал как реагировать.

- Мрачное? - спросила Сиенна. - Что же это? Он мне не рассказывал.

Марта скромно улыбнулась и посмотрела на Лэнгдона. - Профессор, вы хотите, что бы я рассказала или вы сделаете это сами?

Лэнгдон тут же использовал свой шанс. - Пожалуйста, Марта, почему бы вам не рассказать ей.

Марта повернулась к Сиенне, теперь она говорила очень медленно. - Я не знаю рассказывал вам брат или нет, но мы поднимаемся в музей, чтобы посмотреть на очень необычную маску.

Глаза Сиенны немного расширились. - Какую маску? Одну из тех уродливых масок чумы, которые носят на карнавалах?

- Почти угадали, - сказала Марта, - но это не маска чумы. Совсем другой вид маски. Так называемая посмертная маска.

Лэнгдон громко выдохнул от такого открытия, и Марта сердито посмотрела на него, явно полагая, что он чрезмерно драматично попытался запугать свою сестру.

- Не слушайте брата, - сказала она. - Посмертные маски были обычной практикой в 1500-х. По сути это просто гипсовый слепок чьего-то лица, сделанный через несколько мгновений после смерти этого человека.

Посмертная маска. Впервые с момента пробуждения во Флоренции все прояснилось. “Ад” Данте…cerca trova…смотреть сквозь глаза смерти. Маска!

Сиенна спросила: - Чье же лицо использовали для слепка маски?

Лэнгдон положил руку на плечо Сиенны и ответил так спокойно, насколько это было возможно. - Известного итальянского поэта. Его звали Данте Алигьери.

ГЛАВА 38

Средиземноморское солнце яркими лучами освещало палубу Мендасиума, качавшегося на волнах Адриатики. Чувствуя усталость, хозяин осушил второй стакан виски и безучастно посмотрел в окно своего офиса.

Новости из Флоренции не радовали.

Возможно, это объяснялось тем, что он впервые за очень долгое время принял алкоголь. Однако, он чувствовал себя сбитым с толку и до удивления бессильным … как будто у его судна были неисправны двигатели и оно бесцельно дрейфовало по волнам.

Ощущение было незнакомым для хозяина. В его мире всегда существовал надежный компас - протокол - и он всегда указывал правильный путь. Протокол позволял ему принимать трудные решения, не оглядываясь назад.

По инструкциям следовало отказаться от услуг Вайенты, и хозяин принял это решение без колебаний. Разберусь с ней как только нынешний кризис разрешится.

Существовал протокол, требующий чтобы хозяин знал как можно меньше обо всех его клиентах. Он давно решил, что у Консорциума нет этической ответственности судить их.

Предоставлять услуги.

Доверять клиенту.

Не задавать вопросов.

Подобно директорам большинства компаний, хозяин просто предлагал услуги, рассчитывая, что они будут осуществлены в рамках закона. В конце концов, Вольво не несла ответственности за то, что мамаши учеников носились на скорости по школьной территории, также как и компанию Делл нельзя считать ответственной, если кто-то использовал один из их компьютеров, чтобы взломать банковский счет.

Теперь, когда все запуталось, хозяин проклинал про себя того проверенного агента, который предложил этого клиента Консорциуму.

- Поддержка ему потребуется небольшая, а деньги легкие, - утверждал агент. - Это замечательный человек, светило в своей сфере и необычайно состоятельный. Ему просто нужно исчезнуть на год или два. Он хочет купить какое-то время для уединения, чтобы поработать над важным проектом.

Хозяин согласился без долгих раздумий. Долгосрочная перемена места жительства всегда была легким доходом, а он доверял чутью агента.

Как и ожидалось, эта работа приносила легкие деньги.

То есть, до прошлой недели.

Теперь из-за хаоса, созданного этим человеком, хозяин наматывал круги вокруг бутылки виски и считал дни, когда его обязанности перед этим клиентом закончатся.

На его столе зазвонил телефон, и хозяин увидел, что снизу звонит Ноултон, один из его главных помощников.

- Да, - ответил он.

- Сэр, - начал Ноултон, с выражением неудобства в голосе. - Очень бы не хотелось беспокоить вас этим, но мы завтра должны загрузить видео в СМИ.

- Да, - ответил хозяин. - Оно готово?

- Да, но я подумал, что, может быть, вы захотите предварительно просмотреть его перед закачкой.

Хозяин сделал паузу, озадаченный комментарием. - Видео упоминает наше название или компрометирует нас в некотором роде?

- Нет, сэр, но его содержание вызывает беспокойство. Клиент появляется на экране и говорит -

- Прекрати немедленно, - приказал хозяин, потрясенный, что его старший помощник позволил себе такое вопиющее нарушение протокола. - Содержание несущественно. Что бы там ни говорилось, это видео будет опубликовано, с нашей помощью или без нее. Клиент мог сам легко загрузить его в сеть, но он нанял нас. Он заплатил нам. Он доверяет нам.

- Да, сэр.

- Тебя наняли на работу не в качестве кинокритика, - предостерегал хозяин. - И наняли для выполнения обязательств. Так что, делай свою работу.

Вайента все еще ждала на Понте Веккьо, сканируя своим острым зрением сотни лиц на мосту. Она была внимательна и чувствовала, что Лэнгдон все еще здесь не проходил, но звук беспилотника умолк, очевидно, указывая, что потребность в наблюдении исчезла.

Значит, Брюдер все-таки поймал его.

Она стала невольно оценивать безрадостную перспективу расследования в Консорциуме. Или хуже того.

Вайента снова живо представила себе тех двух агентов, с которыми уже расстались… она никогда больше о них не слышала. Они просто перешли на другую работу, убеждала она себя. Тем не менее, она подумала, не следует ли ей просто уехать и исчезнуть среди холмов Тосканы, и используя свои навыки, начать строить новую жизнь.

Но долго ли я смогу от них скрываться?

Благодаря бесчисленным заданиям она усвоила не понаслышке, что Консорциум устанавливал за тобой наблюдение, и тогда частная жизнь становилась иллюзией. Это был только вопрос времени.

- Неужели моя карьера действительно так закончится? - размышляла она, будучи все еще не готова признать, что ее двенадцатилетний срок пребывания в Консорциуме закончится после серии неудачных провалов. В течение года она бдительно наблюдала за потребностями зеленоглазого клиента Консорциума. Это не моя вина, что он сам себя подтолкнул к смерти… и я, похоже, падаю вместе с ним.

Ее единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы одурачить Брюдера … но она знала с самого начала, что у нее мало шансов.

Вчера вечером у меня был шанс, но я потерпела неудачу.

Когда Вайента с неохотой возвратилась к своему мотоциклу, она внезапно услышала звук вдали … знакомое пронзительное жужжание.

Она с недоумением посмотрела наверх. К ее удивлению беспилотник только что вновь поднялся в воздух, на сей раз около самого дальнего конца Дворца Питти. Вайента наблюдала, как крошечный аппарат делал отчаянные круги над дворцом.

Появление дрона могло значить только одно.

Они все еще не поймали Лэнгдона.

Где он, черт возьми?

Пронзительный звук наверху заставил доктора Элизабет Сински очнуться. Беспилотник снова взлетел? Но я думала …

Она переместилась на заднем сиденье фургона, где тот же самый молодой агент все еще сидел около нее. Она снова закрыла глаза, борясь с болью и тошнотой. Впрочем, главным образом, она боролась со страхом.

Время истекает.

И хотя ее враг покончил жизнь самоубийством, она все еще видела в своих снах его силуэт, читающий лекции в темном зале Совета по Международным отношениям.

Кто-нибудь обязательно предпримет смелые действия, объявил он, сверкая зелеными глазами. Если не мы, то кто? Если не сейчас, то когда?

Элизабет знала, что у нее был шанс и ей следовало остановить его прямо тогда.Она никогда не забудет, как умчалась с той встречи и исчезла в лимузине, направляясь через Манхэттен в международный аэропорт имени Джона Кеннеди. В стремлении узнать, кто черт возьми этот маньяк, она вытащила свой сотовый телефон, чтобы посмотреть на неожиданный снимок, который успела тогда сделать.

Когда она увидела фотографию, то громко выдохнула. Доктор Элизабет Сински точно знала, кто этот человек. Хорошие новости состояли в том, что за ним будет очень легко следить. Дурные - в том, что он был гением в своей области — он принял решение быть весьма опасным человеком.

Ничто не является более творческим … и более разрушительным, чем … блестящий ум с определенной целью.

Через тридцать минут по прибытии в аэропорт, она позвонила в свой офис и разместила фамилию этого человека в биотеррористических списках наблюдения всех соответствующих агентств на земле — ЦРУ, Центров по контролю и профилактике заболеваний США, Европейского центра по профилактике и контролю над заболеваемостью и всех их дочерних организаций во всем мире.

Это - все, что я могу сделать, пока не вернусь в Женеву, подумала она.

Усталая, она подошла к стойке регистрации со своим небольшим чемоданом и вручила представителю авиакомпании свой паспорт и билет.

- О, доктор Сински, - сказала служащая с улыбкой. - Очень приятный джентльмен оставил для вас сообщение.

- Простите? - Элизабет не предполагала, что кто-то имел доступ к информации о ее полете.

- Такой высокий, - сказала служащая, - с зелеными глазами.

Элизабет буквально уронила свою сумку. Он здесь? Как?! Она обернулась, оглядываясь на лица позади себя.

- Он уже уехал, - сказала сотрудница, - но он просил передать вам это. - Она вручила Элизабет сложенный лист бумаги.

Дрожа, Элизабет развернула бумагу и прочитала написанную от руки записку.

Это была известная цитата из работы Данте Алигьери.

“Самые жаркие уголки в аду

оставлены для тех,

кто сохраняет свой нейтралитет

во времена величайших нравственных переломов.”

ГЛАВА 39

Марта Альварес устало посмотрела на крутую лестницу, которая вела из Зала Пятисот в музей второго этажа.

- Я смогу(ит.), - сказала она себе. - Я сделаю это.

Как администратор по искусству и культуре в Палаццо Веккьо, Марта поднималась по этой лестнице бесчисленное множество раз, но с некоторых пор, будучи беременной более чем на восьмом месяце, она считала этот подъем слишком уж обременительным.

- Марта, может быть нам лучше поехать на лифте? - Роберт Лэнгдон выглядел озабоченным и показал жестом на маленький служебный лифт поблизости, который во дворце установили для посетителей с ограниченными возможностями.

Марта улыбнулась с благодарностью, но покачала головой. - Как я говорила тебе вчера вечером, мой доктор говорит, что разминка полезна для ребенка. Кроме того, профессор, я знаю, что вы боитесь замкнутого пространства.

Лэнгдон, казалось, был сильно поражен ее комментарием. - Ах, да. Я забыл, что упоминал об этом.

Забыл, что он упоминал это? Марта удивилась. Это было меньше чем полдня назад, и мы обсуждали в подробностях случай из детства, который стал причиной страха.

Вчера вечером, пока болезненно тучный спутник Лэнгдона, Дуомино, поднимался на лифте, Лэнгдон сопровождал Марту пешком. В пути Лэнгдон поделился с нею ярким воспоминанием, как в детстве попал в заброшенный колодец, что заставило его почувствовать почти изнурительный страх перед ограниченным пространством.

Сейчас младшая сестра Лэнгдона шла впереди и ее светлый "конский хвостик" болтался за ее спиной. Лэнгдон и Марта постепенно поднимались, несколько раз делая остановки, чтобы она могла отдышаться. - Я удивлена, что вы снова хотите увидеть маску, - сказала она. - Если говорить обо всех экспонатах во Флоренции, эта вещица кажется наименее интересной.

Лэнгдон уклончиво пожал плечами. - Я вернулся, главным образом, чтобы Сиенна увидела маску. Спасибо, между прочим, что снова позволили нам войти.

- Конечно.

Репутации Лэнгдона было вполне достаточно вчера вечером, и это убедило Марту открыть для него галерею. Но факт, что он был в сопровождении Дуомино означал, что у нее действительно не было выбора.

Игнацио Бузони — человек, известный как Дуомино — был чем-то вроде знаменитости в культурном мире Флоренции. Давний директор музея Домского собора, Игнацио курировал все аспекты самого видного исторического места Флоренции — Дуомо — массивный, красно-куполообразный собор, который доминировал и над историей и над горизонтом Флоренции. Его страсть к архитектурному памятнику, масса тела почти в четыреста фунтов и постоянно красное лицо, обусловили появление добродушного прозвища Дуомино — "небольшой купол."

Марта не знала, каким образом Лэнгдон познакомился с Дуомино, но тот накануне вечером позвонил ей и сказал, что хочет привести посетителя посмотреть в частном порядке посмертную маску Данте. Когда оказалось, что тот загадочный посетитель - известный американский специалист по символике, искусствовед-историк Роберт Лэнгдон, Марту воодушевила возможность сопроводить этих двух видных людей в галерею палаццо.

Теперь, когда они достигли вершины лестницы, Марта положила руки на бедра, глубоко дыша. Сиена была уже почти около перил балкона, глядя вниз на Зал Пятисот.

- Моя любимая точка просмотра зала, - Марта задыхалась. - Ты получаешь совершенно другую точку зрения на фрески. Я предполагаю, что ваш брат рассказывал о таинственном сообщении, скрытом в одной из фресок? - Она указала.

Сиенна с энтузиазмом кивнула.

Пока Лэнгдон пристально осматривал зал, Марта наблюдала за ним. В свете окон бельэтажа она не могла не заметить, что Лэнгдон выглядел не так замечательно, как вчера вечером. Ей понравился его новый костюм, но он был небритым, и его лицо казалось бледным и утомленным. Кроме того, его волосы, которые вчера вечером были густыми и пышными, выглядели спутанными этим утром, как будто ему необходимо было принять душ.

Марта вернулась к фреске прежде, чем он поймал ее пристальный взгляд. - Мы стоим почти на той высоте, где написаны слова cerca trova, - сказала Марта. - Можно увидеть слова невооруженным глазом.

Сестра Лэнгдона, казалось, была равнодушна к фреске. - Раскажите мне о посмертной маске Данте. Почему она именно здесь, в Палаццо Веккьо?

Что брат, что сестра, подумала Марта с тихим неудовольствием, всё ещё недоумевая, чем их тах увлекла эта маска. С другой стороны, история с маской Данте была странной,

особенно, с учётом недавних событий, и не один Лэнгдон проявил к ней почти маниакальный интерес. - Так расскажите мне, что вы знаете о Данте?

Очаровательная молодая блондинка пожала плечами. - Только то, что все в школе проходят. Данте - итальянский поэт, известный, прежде всего, тем, что написал "Божественную комедию", в которой описывается воображаемое путешествие в ад.

- Отчасти верно, - ответила Марта. - В своей поэме Данте в конечном счёте выходит из ада, следует в чистилище и в конце концов попадает в рай. Если когда-нибудь прочтёте "Божественную комедию", то увидите, что его путешествие делится на три части - ад, чистилище и рай. - Марта жестом показала им идти вслед за ней по балкону ко входу в музей. - Однако, причина, по которой маска находится в Палаццо Веккьо, с "Божественной комедией" никак не связана. Она связана с реальной жизнью. Данте жил во Флоренции и любил её так, как только можно вообще любить какой-нибудь город. Он был очень знаменитым и влиятельным флорентийцем, но в системе политической власти был раскол, а Данте поддержал не ту сторону, и его за это выслали - выставили за пределы городских стен и запретили ему когда-либо возвращаться.

Марта остановилась, чтобы отдышаться, когда они приблизились к входу музея. Она снова положила руки на бедра, отклонилась назад и продолжала говорить. - Некоторые люди утверждают, что изгнание Данте - причина, по которой его посмертная маска выглядит настолько печальной, но у меня есть другая теория. Я в некотором роде романтик, и думаю, что печальное лицо больше имеет отношение к женщине по имени Беатриче. Видите ли, Данте всю свою жизнь отчаянно любил молодую женщину по имени Беатриче Портинари. Но к сожалению, Беатриче вышла замуж за другого человека, который считал, что Данте должен жить не только без своей любимой Флоренции, но также и без женщины, которую он так глубоко любил. Его любовь к Беатриче стала центральной темой в Божественной Комедии.

- Интересно, - сказала Сиенна тоном, по которому ясно было, что она совсем не слушала. - И всё же, я так и не уяснила себе, ну почему посмертную маску хранят здесь, в палаццо?

Марта сочла настойчивость молодой женщины необычной и граничащей с невежливостью. - Так вот, - продолжала она, продвигаясь вперед, - когда умер Данте, ему все еще был запрещен въезд во Флоренцию, и его тело было похоронено в Равенне. Но учитывая, что его настоящая любовь, Беатриче, была похоронена во Флоренции, и что Данте так любил Флоренцию, возвращение его посмертной маски сюда можно воспринимать как дань памяти этому человеку.

- Понятно, - сказала Сиенна. - А почему выбрали конкретно это здание?

- Палаццо Веккьо - старейший символ Флоренции и во времена Данте он был в самом центре города. К тому же, в соборе есть знаменитая картина с изображением Данте, изгнанного и стоящего за пределами городских стен, причем на фоне виднеется любимая им башня палаццо. Во всяком случае, сохраняя маску здесь, мы ощущаем, будто Данте, наконец, позволили вернуться домой.

- Это хорошо, - сказала Сиенна, казалось она была удовлетворена. -Спасибо.

Марта подошла к двери музея и постучала три раза. - Это я, Марта! С добрым утром!

Связка ключей загрохотала внутри и дверь открылась. Пожилой охраннник устало улыбнулся ей и проверил часы. - ? un po' presto(ит.),- сказал он с улыбкой. Немного рановато.

В оправдание, Марта показала жестом на Лэнгдона, и охранник тут же просиял. - Синьор! С возвращением! (ит.) Снова рад вас видеть!

- Спасибо(ит.), - ответил Лэнгдон дружелюбно, когда охранник жестом указал им всем зайти внутрь.

Они прошли через небольшое фойе, где охранник отключил систему обеспечения безопасности и затем открыл вторую, более тяжелую дверь. Когда дверь распахнулась, он шагнул в сторону, и сделал рукой широкий жест. - Добро пожаловать в музей(ит.)!

Марта благодарно улыбнулась и повела своих гостей внутрь.

Пространство, которое составляло этот музей, было первоначально разработано как правительственные учреждения, которые подразумевали достаточно просторное, широко открытое пространство галереи, это был лабиринт из небольших комнат и коридоров, которые окружали половину здания.

- Посмертная маска Данте за углом, - сказала Марта Сиенне. - Она экспонируется в узком пространстве, называемом коридором(ит.), который является по существу просто проходом между двумя комнатами большего размера. Маска находится в старинном кабинете напротив боковой стены, и остается невидимой, пока вы не подойдете к ней. Поэтому многие посетители проходят мимо маски, даже не замечая ее!

Лэнгдон теперь зашагал быстрее, устремив взор вперед, как будто маска имела некоторую странную власть над ним. Марта подталкивала Сиенну и шептала, - Очевидно, вашего брата не интересуют другие наши экспонаты, но, пока вы здесь, вы не должны пропустить бюст Макиавелли или глобус (лат. «карта мира») в Зале Карт.

Сиенна вежливо кивнула и продолжала идти, глядя прямо перед собой. Марта едва поспевала за ней. Когда они дошли до третьего зала, она немного отстала и в конце концов резко остановилась.

- Профессор? - недоумевая, позвала она. - Может, вы захотите показать сестре… что-то в этой галерее… а потом уже мы посмотрим его маску?

Лэнгдон обернулся с рассеянным видом, будто вернувшись в реальность после какого-то отвлечённого размышления. - Что, простите?

Марта, запыхавшись, указывала на ближайший музейный стенд. - Один из самых ранних… печатных оттисков “Божественной комедии”?

Когда Лэнгдон наконец увидел, что Марта прикасается ко лбу и пытается отдышаться, он огорчился. - Марта, простите меня! Конечно, да, мельком взглянуть на текст было бы замечательно.

Лэнгдон поторопился назад, разрешая Марте отвести их к старинной витррине. Внутри была потрепанная книга в кожаном переплете, открытая на изысканно оформленном титульном листе: Божественная комедия: Данте Алигьери.

- Невероятно, - с удивлением произнёс Лэнгдон. - Я узнаю титульное изображение. Не знал, что у вас есть оригиналы издания Нюмайстера.

Ещё как знали, озадаченно подумала Марта. Я же вам вчера вечером показывала!

- В середине XV века, - сбивчиво объяснял Лэнгдон Сиенне, - Иоганн Нюмайстер впервые издал эту работу печатным способом. Было напечатано семьсот экземпляров, но только с десяток сохранилось до наших дней. Это большая редкость.

Теперь Марте казалось, что Лэнгдон прикидывается, чтобы порисоваться перед младшей сестрой. Профессору явно не шла такая нескромность, ведь в научных кругах у него была иная репутация.

- Этот экземпляр арендован у библиотеки Св. Лаврентия, - Марта решила кое-что предложить. - Если вы с Робертом там не были, вам стоит там побывать. Там шикарная лестница, спроектированная Микеланджело, которая ведёт в первый в мире читальный зал. Раньше книги буквально приковывали к месту, чтобы никто не мог их унести. И разумеется, многие книги существовали в единственом в мире экземпляре.

- Потрясающе, - сказала Сиенна, вглядываясь вглубь музейных залов. - А к маске - сюда идти?

Что за спешка? Марте требовалась минута-другая, чтобы восстановить дыхание. - Да, но вам было бы интересно услышать об этом. - Она указала через альков на маленькую лестницу, которая исчезала где-то на потолке. - Она ведет к смотровой площадке на балках, где вы сможете, собственно говоря, посмотреть сверху на известный подвесной потолок Вазари. Я с удовольствием подожду вас здесь, если вы хотели бы —

- Марта, ну пожалуйста, - вставила Сиенна. - Мне очень хочется увидеть маску. А времени у нас маловато.

Марта озадаченно уставилась на симпатичную, молодую женщину. Ей очень не нравилась новая мода незнакомцев, называющих друг друга по именам. Я - Синьора Альварес, тихо проворчала она. И я делаю вам одолжение.

- Хорошо, Сиенна, - сказала Марта кратко. - Маска прямо вон там.

Марта больше не тратила времени впустую и не предлагала Лэнгдону и его сестре информативные комментарии, пока они пробирались к маске сквозь запутанную анфиладу комнат галереи. Вчера вечером Лэнгдон и Дуомино провели почти полчаса в узком andito, рассматривая маску. Марта, заинтригованная мужским любопытством к экспонату, спросила, связано ли их восхищение так или иначе с необычной серией событий, окружавших маску в прошлом году. Лэнгдон и Дуомино были уклончивы и не дали настоящего ответа.

Теперь, когда они приблизились к andito, Лэнгдон начал объяснять сестре простой процесс создания посмертной маски. Марта была рада слышать совершенно точное описание, в отличие от его липового заявления, что он ранее не видел редкую музейную копию "Божественной Комедии".

- Вскоре после смерти, - описывал Лэнгдон, - покойного выкладывали на стол и смазывали его лицо оливковым маслом. Потом слой влажного гипса затвердевал на коже, покрывая все — рот, нос, веки — от линии волос вниз к шее. После затвердевания, гипс легко снимается и используется в качестве формы, в которую заливают новый гипс. Этот затвердевший гипс превращается в совершенно подробную и точную копию лица покойного. Практика особенно широко применялась для увековечивания облика выдающихся людей и гениев — Данте, Шекспира, Вольтера, Тассо, Китса — им всем сделали посмертные маски.

- Ну наконец-то, мы на месте, - объявила Марта, когда все трое вышли из прохода. Она сделала шаг в сторону и жестом пригласила сестру Лэнгдона зайти первой. - Маска на витрине у стены слева от вас. Только у нас к вам просьба оставаться за пределами ограждения.

- Спасибо. - Сиенна зашла в узкий коридор, подошла к музейному стенду и заглянула внутрь. Глаза у неё тут же расширились и она оглянулась на брата с выражением ужаса на лице.

Такую реакцию Марта видела тысячи раз; посетителей зачастую начинало трясти, и первый взгляд на маску вызывал у них неприятие - мрачное выражение морщинистого лица Данте, его крючковатый нос и закрытые глаза.

Лэнгдон последовал за Сиенной, встал рядом и заглянул в витрину. Он сразу же отстранился, а на лице появилось то же выражение удивления.

Марта простонала: - Ну, это уже слишком (ит.). - Она вошла за ними, и вглядевшись в витрину, также громко выдохнула. - О, Боже мой (ит.)!

Марта Альварес ожидала увидеть знакомую посмертную маску Данте, но вместо этого она увидела только лишь красную атласную обивку витрины и крючок, на котором обычно висела маска.

Марта прикрыла рот рукой и в ужасе уставилась на пустую витрину. Она задышала учащённо и схватилась за один из столбиков ограждения. Наконец, она оторвала взгляд от пустого шкафчика и развернулась в направлении ночных охранников у главного входа.

- Маска Данте! - заорала она как сумасшедшая. - Маска Данте исчезла! (ит.)

ГЛАВА 40

Марта Альварес дрожала перед пустым шкафом-витриной. Она надеялась, что тяжесть, распространившаяся вдоль ее живота, была вызвана паникой, а не схватками.

Маска Данте украдена!

Два охранника прибыли по тревоге в andito, увидели пустую витрину и перешли к действию. Один помчался в соседнюю диспетчерскую комнату, чтобы получить доступ к видеозаписи с камеры видеонаблюдения за прошлую ночь, а другой в это время только что закончил звонить в полицию с сообщением о грабеже.

- Полиция будет здесь через двадцать минут! - сказал охранник Марте, как только повесил трубку.

- Venti minuti(ит.)?! - вопрошала она требовательно. Двадцать минут?! - У нас кража одного из самых известных экспонатов!

Охранник объяснил, что большая часть городской полиции в настоящее время занята намного более серьезным делом, и они пытаются найти доступного сотрудника, который бы смог приехать и составить протокол.

- Che cosa potrebbe esserci di pi? grave?!(ит.) - возмущалась она. Что может быть еще серьезней?

Лэнгдон и Сиенна обменялись тревожными взглядами, и Марта ощущала, что ее два гостя страдали от переизбытка чувств. Не удивительно. Они просто зашли взглянуть на маску, а теперь стали свидетелями кражи самого известного экспоната. Вчера вечером, так или иначе, кто-то получил доступ к галерее и украл посмертную маску Данте.

Марта знала, что в музее есть более ценные предметы, которые могли украсть, и попыталась сосчитать, сколько раз ей так везло. А ведь это первая кража за всю историю музея. Я даже не знаю правил поведения в данной ситуации!

Марта внезапно почувствовала слабость, и снова схватилась за одну из стоек.

Оба охранника галереи были озадачены, поскольку они перечислили Марте свои точные действия и события прошлой ночи: Около десяти часов Марта вошла с Дуомино и Лэнгдоном. Некоторое время спустя тройка вышла вместе. Охранники повторно заперли двери, включили сигнализацию, и насколько они знали, никто не входил и не выходил из галереи с того момента.

- Ну не может такого быть! - Тут Марта выругалась по-итальянски. - Когда вчера вечером мы втроём уходили, маска была в шкафчике, так что явно с тех пор кто-то побывал в галерее!

Охранники с недоумённым видом выставили на обозрение свои ладони. - Мы никого не видели! (ит.)

Теперь, когда на подходе была полиция, Марта двинулась в направлении комнаты наблюдения со скоростью, на которую только способно было её тело в состоянии беременности. Лэнгдон и Сиенна машинально последовали за ней.

Видео с камер наблюдения, подумала Марта. Оно уж точно нам покажет, кто здесь был вчера вечером!

Через три квартала, на Понте Веккьо, Вайента двигалась в тени, когда пара полицейских проникла в толпу, опрашивая прохожих с фотографиями Лэнгдона.

Когда полицейские приблизились к Вайенте, у одного из их заревела рация — рутинный сигнал всем постам от диспетчерской службы. Сообщение прозвучало на итальянском языке

и было кратким, но Вайента уловила суть: Любой свободный офицер в области Палаццо Веккьо должен доложить об этом и прибыть, чтобы снять показания в музее палаццо.

Офицеры едва шевельнулись, но уши Вайенты навострились.

Музей Палаццо Веккьо?(ит.)

Катастрофа прошлой ночи — фиаско, которое почти разрушило ее карьеру — произошло в переулках недалеко от Палаццо Веккьо.

Полицейский сигнал шел со статическими помехами на итальянском языке и был в основном неразборчивым, за исключением двух слов, которые ясно выделялись: имя Данте Алигьери.

Ее тело немедленно напряглось. Данте Алигьери?! Наверняка это не было совпадением. Она развернулась в направлении Палаццо Веккьо и определила местонахождение его зубчатой башни, возвышающейся над крышами соседних зданий.

Что же произошло в музее? спросила она себя. И когда?!

Если не вдаваться в детали, Ваейнта достаточно долго была оперативным аналитиком и понимала, что совпадения случаются гораздо реже, чем большинство людей может себе представить. Музей Палаццо Веккьо…и Данте? Это как-то связано с Лэнгдоном.

Вайента с самого начала подозревала, что Лэнгдон вернется в старый город. Только это имело смысл - Лэнгдон был прошлой ночью в старом городе, когда все началось.

Сейчас, при свете дня, Вайента хотела знать, вернулся ли Лэнгдон к Палаццо Веккьо, чтобы найти то, что искал. Она была уверена, что он не пересекал мост, ведущий в старыйу город. Существовало множество других мостов, но, казалось, добраться до них пешком, было невозможно.

Она заметила внизу лодку с командой из четырех человек, плывущую по воде под мостом. На корпусе была надпись SOCIET? CANOTTIERI FIRENZE / ФЛОРЕНТИЙСКИЙ КЛУБ ГРЕБЛИ. Отличительные красно-белые весла лодки поднимались и опускались совершенно синхронно.

Может быть Лэнгдон использовал лодку? Это казалось маловероятным, но все же что-то подсказывало ей, что полицейские сводки, касающиеся Палаццо Веккьо, были тем самым сигналом, на который стоит обратить внимание.

- Выключите все камеры, per favore! - закричала женщина на английском с акцентом.

Вайента повернулась и увидела, как вычурный оранжевый помпон болтается на палке, так гид женского пола пыталась провести своих похожих на выводок утят туристов через мост Понте Веккьо.

- Над вами самый большой шедевр Вазари! - воскликнул гид с натренированным энтузиазмом, поднимая помпон в воздух и указывая в направлении наверх.

Вайента прежде не заметила его, но там, казалось, выступало вторым этажом сооружение, которое протянулось вдоль верхушек магазинов как узкая квартира.

- Коридор Вазари, - так называют его путеводители. - Его длина почти километр и он обеспечивал семье Медичи безопасный проход между Дворцом Питти и Палаццо Веккьо.

Глаза Вейенты расширились, когда она направилась в подобное туннелю сооружение. Она слышала о проходе, но очень мало знала о нем.

Он ведет к Палаццо Веккьо?

- Немногие избранные с ВИП-связями, - продолжал гид, - могут получить доступ к коридору даже сегодня. Это - захватывающая картинная галерея, которая простирается полностью от Палаццо Веккьо до северо-восточного угла Садов Боболи.

Все, что потом сказал охранник, Вайента не слышала.

Она тут же бросилась к своему мотоциклу.

Глава 41

Швы на голове Лэнгдона снова запульсировали, когда он и Сиенна вошли в крошечную диспетчерскую с Мартой и двумя охранниками. Тесное пространство было не чем иным как переделанной раздевалкой с множеством жужжащих жестких дисков и компьютерных мониторов. Воздух внутри нагрелся от духоты и пах несвежим сигаретным дымом.

Лэнгдон почувствовал, что стены немедленно сомкнулись вокруг него.

Марта села перед видеомонитором, который уже был включен и показывал зернистое черно-белое изображение andito, снимая над дверью. Отметка времени на экране указывала, что вчерашние видеозаписи датированы серединой утра — точно двадцать четыре часа назад — очевидно непосредственно перед тем, как музей открылся и задолго до прибытия в тот вечер Лэнгдона и таинственного Дуомино.

Охранник быстро прокрутил видео, и Лэнгдон наблюдал, как быстро прибывал поток туристов в andito, перемещаясь в поспешном судорожном движении. С этой точки маска не просматривалась, но было все еще ясно, что она в витрине, поскольку туристы неоднократно останавливались, внимательно рассматривали или фотографировали перед уходом.

Пожалуйста, быстрее, думал Лэнгдон, зная, что полиция шла по их следу. Он размышлял, может ли он и Сиенна просто извиниться и бежать. Но они должны посмотреть это видео: независимо от того, что на этой записи, это поможет ответить на множество вопросов и понять что, черт возьми, происходит.

Видео продолжалось, теперь быстрее, и послеполуденные тени начали заполнять комнату. Туристы входили и выходили, наконец толпы начали редеть, а затем резко исчезли полностью. Судя по отметке, времени прошло 1700 часов, свет в музее погас, и все стихло.

Пять часов вечера. Время закрытия.

- Увеличьте скорость, - распорядилась Марта, наклонившись вперед в своем кресле и глядя на экран.

Охранник проматывал видео, отметка времени быстро менялась, пока внезапно, около десяти вечера в музее вновь не замерцали огни.

Охранник быстро замедлил запись и снова запустил ее на обычной скорости.

Мгновение спустя знакомые очертания беременной Марты Альварес появились на экране. Она шла вслед за Лэнгдоном, который предстал, одетый в похожий на твид Харриса пиджак от Кемберли, густого цвета хаки и его собственные кожаные туфли из кордовской кожи. Он даже увидел мельком свои часы с Микки-Маусом, выглядывающие из-под рукава во время ходьбы.

Это я … до того, как в меня стреляли.

Лэнгдону показалось очень тревожным смотреть на то, что он делал, абсолютно ничего помня об этом. Я был здесь прошлым вечером…и видел посмертную маску? Каким-то образом, между “сейчас” и “тогда” он успел потерять свою одежду, часы Микки Мауса и два дня своей жизни.

По мере просмотра видео они с Сиенной пристроились позади Марты и охранников, чтобы было видно получше. Пошли беззвучные кадры, на которых Лэнгдон с Мартой подходят к музейному стенду и с восхищением разглядывают маску. Пока они этим заняты, дверной проём позади них перекрывает широкая тень, и в кадр попадает болезненно-тучный мужчина. Он в светло-коричневом костюме, с дипломатом и еле вписывается в дверь. Его живот выпирает так, что беременная Марта в сравнении с ним показалась бы стройной.

Лэнгдон сразу узнал мужчину. Игнацио?!

- Это - Игнацио Бузони, - прошептал Лэнгдон на ухо Сиенне. - Директор музея Опера-дель-Дуомо. Я знаком с ним в течение нескольких лет. Только я никогда не слышал, что его называют Дуомино.

- Подходящее прозвище, - тихо ответила Сиенна.

В прошедшие годы Лэнгдон консультировался у Игнацио по находкам, связанным с Домским собором и его историей - он был редким специалистом по базилике - но казалось, посещение Палаццо Веккьо было за пределами полномочий Игнацио. С другой стороны, Игнацио Бузони, будучи влиятельной фигурой в мире флорентийских изящных искусств, вдобавок был энтузиастом и исследователем Данте.

Вполне авторитетный источник информации о посмертной маске Данте.

Снова сосредоточившись на видео, Лэндон увидел, как Марта терпеливо дожидается у задней стены прохода, а они с Игнацио, перегнувшись через ограждение, пытаются как можно ближе разглядеть маску. Пока мужчины занимались её обследованием и обсуждением, время истекало и видно было, как Марта у них за спиной явно посматривает на часы.

Лэнгдон сожалел, что записи наблюдения были без звука. О чём это мы разговариваем с Игнацио? И что ищем?!

Сразу после этого, как видно было на записи, Лэнгдон перешагнул через ограждение и присел перед самым стендом, приблизив лицо к стеклу на расстояние считанных дюймов. Марта тут же вмешалась, явно убеждая его в чём-то, и Лэнгдон с виноватым видом отступил.

- Извините, что я проявила такую строгость, - сказала Марта, снова заглядывая ему через плечо. - Но как я говорила, музейный стенд старинный и очень уязвимый. Владелец маски настаивает на том, чтобы мы не позволяли посетителям заходить за столбики ограждения. Он даже нашему персоналу не позволяет в своё отсутствие отпирать витрину.

Потребовалась пара секунд, чтобы осознать её слова. Владелец маски? Лэнгдон полагал, что маска - собственность музея.

Сиенна тоже выглядела удивленной и немедленно вмешалась. - Значит, музей не владеет маской?

Марта отрицательно покачала головой и перевела взгляд на экран. - Один богатый покровитель предложил нам, что он приобретёт посмертную маску Данте из нашей коллекции и при этом оставит её здесь в постоянной экспозиции. Он предложил почти целое состояние, и мы с радостью согласились.

- Погодите, - сказала Сиенна, - Он заплатил за маску… и позволил вам оставить её у себя?

- Это обычная практика, - пояснил Лэнгдон. - Филантропическое приобретение - один из способов для благотворителей оказать музею крупную материальную поддержку, не регистрируя подарок в форме пожертвования.

- Благотворитель был человек необычный, - сказала Марта. - Подлинный исследователь Данте, и всё же, немного… как бы это сказать… фанатик, что ли?

- Так кто же он? - допытывалась Сиенна; в её обычном тоне сквозило нетерпение.

- Кто? - Марта нахмурилась, вглядываясь в экран. - Ну так вы могли недавно прочесть о нём в новостях - это швейцарский миллиардер Бертран Зобрист.

Лэнгдон весьма смутно припоминал это имя, Сиенна же схватила руку Лэнгдона и сильно её сжала - с таким видом, будто увидела привидение.

- Ну, точно… - запинаясь, заговорила Сиенна, мертвенно побледнев. - Бертран Зобрист. Известный биохимик. В молодости он сделал состояние на патентах в области биологии. - Она остановилась, сглотнув комок в горле. Наклонилась к Лэнгдону и прошептала. - По существу, это Зобрист придумал термин “генное манипулирование”.

Лэнгдон понятия не имел о том, что такое "генное манипулирование", но в этом был порочный круг, особенно в свете недавно выплеснувшихся образов, среди которых были чума и смерть. Его интересовало, откуда Сиенна знает так много о Зобристе - от своей начитанности в области медицины… или, может, оттого, что оба они в детстве были вундеркиндами. Может, знающие люди следят за трудами друг друга?

- Впервые я услышала о Зобристе несколько лет назад, - объясняла Сиенна, - когда он сделал в прессе несколько весьма провокационных заявлений о росте народонаселения. - Она остановилась, помрачнев лицом. - Зобрист предложил "уравнение Апокалипсиса от перенаселения".

- Что, извини?

- По сути, это математическое обоснование тому, что население Земли растёт, люди стали жить дольше, а наши природные ресурсы на исходе. Уравнение предсказывает, что при нынешней тенденции развития нет иного исхода, как апокалиптический коллапс человеческого сообщества. Зобрист открыто предсказал, что род человеческий не продержится и одного столетия… если только не произойдет чего-либо вроде массового вымирания. - Сиенна тяжело вздохнула и встретилась взглядом с Лэнгдоном. - Вообще-то, Зобриста уже цитировали, приводя его фразу, что "лучшее, что когда-либо случалось с Европой - это Чёрная смерть."

Лэнгдон глядел на неё в ужасе. Волосы у него на шее встали дыбом, в сознании вновь вспышкой промелькнул образ маски чумы. Он уже всё утро пытался преодолеть ощущение, что его нынешняя проблема связана с маской чумы… но это ощущение становилось всё более и более навязчивым.

Мнение Бертрана Зобриста о Черной смерти как лучшем, что когда-нибудь произойдет с Европой было, конечно, ужасно, и все же Лэнгдон знал, что многие историки вели хронику долгосрочной социально-экономической выгоды массового вымирания, которое произошло в Европе в 1300-ых. До чумы перенаселенность, голод и экономические трудности определили Средневековье. Внезапное наступление Черной смерти, в то время ужасающей, эффективно "сократило человеческое стадо," создавая изобилие еды и возможность, которая, согласно многим историкам, была основным катализатором наступления Ренессанса.

Когда Лэнгдон представил себе знак бактериологической опасности на капсуле, в которой была модифицированная карта дантовского ада, его поразила леденящая душу мысль: зловещий минипроектор кто-то ведь соорудил… и Бертран Зобрист - биохимик и фанатичный поклонник Данте - логично теперь предположить, что это мог сделал он.

Основоположник генного манипулирования. Лэнгдон почувствовал, что фрагменты разрезной головоломки теперь укладывались на свои места. К сожалению, общая картина вырисовывалась всё более страшной.

- Промотайте вперёд отсюда, - велела Марта охраннику; похоже, ей хотелось пропустить просмотр на нормальной скорости промежутка времени, когда Лэнгдон с Игнацио Бузони изучали маску - чтобы выяснить, кто же потом проник в музей и похитил её.

Охранник нажал кнопку ускоренного просмотра, и метка времени на экране стала быстро меняться.

Три минуты… шесть минут… восемь минут.

На экране было видно, как Марта стоит позади мужчин, всё чаще меняя положение и пытаясь переместить свой вес, и периодически поглядывает на часы.

- Извините, что мы так долго разговаривали, - сказал Лэнгдон. - Это явно доставило вам неудобства.

- Я сама виновата. - ответила Марта. - Вы оба настаивали, чтобы я пошла домой и вас потом выпустили охранники, но мне это показалось невежливым.

Неожиданно Марта исчезла с экрана. Охранник замедлил видео до нормальной скорости.

- Все правильно, - сказала Марта. - Я помню как ходила в туалетную комнату.

Охранник кивнул и снова потянулся к кнопке ускоренной перемотки вперед, но прежде чем он нажал ее, Марта схватила его за руку. - Подождите!(ит.)

Она подняла голову и в замешательстве уставилась на монитор.

Лэнгдон тоже увидел это. Что за ерунда?!

На экране Лэнгдон только что залез в карман своего твидового пиджака и вытащил пару хирургических перчаток, которые он теперь надевал на руки.

Одновременно, Дуомино встал позади Лэнгдона, всматриваясь в коридор, по которому несколькими мгновениями раньшее с трудом прошла в туалетную комнату Марта. Через минуту тучный человек кивнул Лэнгдону, как будто давая понять, что путь свободен.

Что, черт побери, мы делаем?!

Лэнгдон наблюдал за собой на видео. Его рука в перчатке потянулась, коснулась края дверцы шкафа … и затем, очень осторожно, потянула назад, пока старинный стержень не переместился, и дверь, покачиваясь, медленно не открылась … демонстрируя посмертную маску Данте.

Марта Альварес с испугом вздохнула и поднесла руки к своему лицу.

Разделяя ужас Марты, Лэнгдон наблюдал, абсолютно не веря своим глазам, как он забрался в витрину, аккуратно взял посмертную маску Данте обеими руками и вытащил ее.

- Боже, спаси меня! - вскрикнула Марта, с трудом вставая на ноги и обернувшись лицом к Лэнгдону. - Что он сделал? Почему?

Прежде, чем Лэнгдон смог ответить, один из охранников неожиданно выхватил черную беретту и нацелил пистолет непосредственно в грудь Лэнгдона.

Боже!

Роберт Лэнгдон уставился в упор на дуло пистолета охранника и почувствовал, как крошечная комната сжимается вокруг него. Марта Альварес уже стояла, и сверкая глазами, смотрела на него так, как будто ее предали. Сзади на мониторе, Лэнгдон теперь держал маску на свету и изучал ее.

- Я достал её только посмотреть, - упирался Лэнгдон, уповая на то, чтобы так и оказалось. - Игнацио уверил меня, что вы не стали бы возражать!

Марта не отвечала. У неё был ошеломлённый вид, она явно ломала голову, почему Лэнгдон ей лгал. Да и в самом деле, с чего бы Лэнгдону стоять и преспокойно смотреть, как проигрывается запись, если он знал, что на ней обнаружится?

Мне и в голову не приходило, что я открывал витрину!

- Роберт, - шепнула Сиенна. - Смотри! Ты кое-что нашёл! - Сиенна по-прежнему была прикована к происходящему на экране, в стремлении получить ответ на все вопросы, несмотря на их затруднительное положение.

На экране Лэнгдон теперь держал маску поднятой кверху и направлял её на источник света; внимание его, очевидно, притягивало что-то интересное с обратной стороны экспоната.

С этого ракурса камеры было видно, как на долю секунды поднятая маска заслонила лицо Лэнгдона так, что мёртвые глазницы Данте совместились с его глазами. Он вспомнил изречение - истину можно увидеть только глазами смерти - и почувствовал озноб.

Лэнгдон не мог понять, что он тогда разглядывал на обратной стороне маски, но в это мгновение на видео, когда он поделился своим открытием с Игнацио, этот тучный мужчина

подскочил, тут же нащупал в кармане свои очки и стал вглядываться снова… и снова. Он энергично замотал головой и принялся возбуждённо расхаживать по помещению.

Внезапно оба мужчины подняли глаза, явно услышав что-то в коридоре - скорее всего, это Марта возвращалась из уборной. Лэнгдон поспешно вытащил из кармана большой полиэтиленовый пакет с застёжкой, в который поместил посмертную маску, потом бережно передал его Игнацио, а тот с видимой неохотой уложил пакет в свой портфель. Лэнгдон быстро закрыл старинную застеклённую дверцу теперь уже пустующей витрины, и двое мужчин бодро зашагали по залу, чтобы встретить Марту прежде, чем она смогла бы обнаружить пропажу.

Оба охранника уже уверенно наводили свои пистолеты на Лэнгдона.

Марта нетвердо стояла на ногах, хватаясь за стол для поддержки. - Я не понимаю! - бормотала она. - Вы и Игнацио Бузони украли посмертную маску Данте?!

- Нет! - настаивал Лэнгдон, блефуя как только умел. - На тот вечер у нас было разрешение от владельца на вынос маски из здания.

- Разрешение от владельца? - спросила она. - От Бертрана Зобриста!?

- Да! Г-н Зобрист позволил нам исследовать некоторые знаки на обороте маски! Мы встретились с ним вчера днем!

Взгляд Марты пронзил его словно кинжал. - Профессор, я совершенно уверена, что вы не встречались с Бертраном Зобристом вчера днем.

- Мы, безусловно, встречались —

Сиенна положила свою руку на его запястье и остановила Лэнгдона. - Роберт … - Она мрачно вздохнула. - Шесть дней назад Бертран Зобрист бросился с вершины башни Бадиа всего в нескольких кварталах отсюда.

Глава 42

Вайента оставила мотоцикл чуть севернее Палаццо Веккьо и пешком приближалась к нему по периметру площади Синьории. Пройдя извилистый путь между наружными скульптурными группами лоджии Ланци, она не могла не заметить, что все фигуры навевают вариацию одной темы: демонстрация физического превосходства мужчин над женщинами.

Похищение сабинянок.

Похищение Поликсены.

Персей с головой горгоны Медузы.

Очень мило, подумала Вайента, надвигая на глаза кепку и пробираясь сквозь утреннюю толпу ко входу во дворец, который ещё только готовился принять первых за день туристов. По всем признакам, у Палаццо Веккьо было самое обычное для этого места оживление.

Полиции нет, подумала Вайента. По крайней мере, пока.

Она застегнула молнию куртки до самой шеи, убедившись, что оружие надежно скрыто, и вошла через главный вход. Следуя указателям Музея Палаццо, она прошла мимо двух декоративных атриумов и взобралась по массивной лестнице на второй этаж.

Поднявшись, она снова прокрутила в голове полицейскую сводку.

Музей Палаццо Веккьо… Данте Алигьери.

Лэнгдон должен быть здесь.

Музейные указатели привели Вайенту в огромную, эффектно украшенную галерею — Зал Пятисот — где поток туристов смешался, восхищаясь колоссальными фресками на стенах. Вайента не собиралась рассматривать картины и быстро определила местонахождение другого музейного указателя в дальнем правом углу комнаты в направлении лестницы.

Проходя через зал, она заметила группу университетских парней, собравшихся вокруг единственной скульптуры. Они смеялись и фотографировали.

На табличке было написано: Геракл и Диомед.

Вайента оглядела статую и ахнула.

Скульптура изображала двух героев греческой мифологии — обоих совершенно голых — сошедшихся в борцовском поединке. Геркулес держал Диомеда вверх тормашками, готовясь бросить его, в то время как Диомед плотно схватил член Геркулеса, как будто говоря:

- Ты уверен, что хочешь бросить меня?

Вайента вздрогнула. Говорили про то, как подержать кого-то за яйца.

Она отвела взгляд от специфической статуи и быстро поднялась по лестнице в музей.

Она оказалась на высоком балконе, который выходил в зал. Приблизительно дюжина туристов ждала снаружи у входа в музей.

- Открытие задерживается, - сообщил один благодушно настроенный турист, оторвавшись от своей видеокамеры.

- Не знаете, почему? - спросила она.

- Нет, но пока мы ждём, столько красоты можно увидеть! - Мужчина показал рукой вниз на широкое пространство Зала пятисот.

Вейента подошла к краю и заглянула в просторный зал под ними. Внизу только что прибывший полицейский, совсем не привлекая внимания, неспешно прошел через зал по направлению к лестнице.

Он пришел, чтобы снять показания, сообразила Вайента. Человек уныло поднимался вверх по лестнице демонстрируя, что это был обычный ответный вызов — совсем не похоже на хаотический поиск Лэнгдона у Порта Романа.

Если Лэнгдон здесь, то почему здание не прочёсывают?

Либо Вайента ошибочно посчитала, что Лэнгдон здесь, либо местная полиция и Брюдер ещё не сложили два плюс два.

Когда офицер поднялся по лестнице на самый верх и неторопливо пошёл ко входу в музей, Вайента невзначай отвернулась и сделала вид, что смотрит в окно. Учитывая, что от неё отказались и что у хозяина руки длинные, она не могла рисковать тем, чтобы её узнали.

- Подождите! (ит.) - послышался откуда-то крик.

Сердце Вайенты замерло, когда офицер остановился прямо у неё за спиной. Голос, как она поняла, исходил из его переговорной рации.

- Attendi i rinforzi!(ит.) - повторил голос.

Ждать подкрепления? Вайента почувствовала, как только что что-то изменилось.

Только сейчас, выглянув в окно, Вайента заметила, как далеко в небе увеличивается в размерах чёрный объект. Он летел в направлении Палаццо Веккьо со стороны садов Боболи.

Беспилотник, догадалась Вайента. Значит, Брюдер в курсе. И направляется сюда.

***

Уполномоченный Консорциума Лоуренс Ноултон все еще корил себя за звонок хозяину. Он ведь знал, что не стоит предлагать хозяину просмотреть видео клиента перед завтрашней загрузкой его в сеть для прессы.

Содержание не имеет значения.

Условия контракта превыше всего.

Ноултон ещё не забыл мантры, которые втолковывают начинающим исполнителям, когда они приступают к выполнению задач организации. Не рассуждать. А исполнять.

Он нехотя поставил ту красную флешку в очередь на следующее утро, не понимая, какой толк будет прессе от этого странного послания. За это хоть заплатят?

Ну конечно, заплатят. Это ведь от Бертрана Зобриста.

Зобрист был не только поразительно успешной фигурой в мире биологии и медицины, на прошлой неделе он ещё и в новости попал по причине самоубийства. Это девятиминутное видео станет своего рода посланием из могилы, и его мрачная загробная сущность сделает для зрителей почти невозможным взять да выключить его.

Это видео разойдётся повсюду за первые минуты с момента публикации.

Глава 43

Марта Альварес кипела от злости, когда вышла из тесной комнаты наблюдения, оставив Лэнгдона и его грубую младшую сестру под дулом пистолета с охранниками. Она подошла к окну, посмотрела вниз на площадь Синьории и с облегчением увидела полицейскую машину, припаркованную у входа.

Как раз вовремя.

Марта все еще не могла понять, почему такой уважаемый человек в своей профессии как Роберт Лэнгдон, используя в своих интересах предложенную ею профессиональную любезность, так ужасно обманул ее и украл бесценный экспонат.

А Игнацио Бузони помогал ему? Немыслимо!

Намереваясь высказать свое мнение Игнацио, Марта вытащила сотовый телефон и набрала офис Дуомино, который находился на несколько кварталов дальше музея Опера-дель-Дуомо.

На линии раздался гудок.

- Офис Игнацио Бузони, - ответил знакомый женский голос.

Марта была вежлива с секретарем Игнацио, но не в настроении для светской беседы. - Евгения, это Марта. Я бы хотела поговорить с Игнацио.

На линии была странная пауза, а потом неожиданно секретарь разразилась истерическими рыданиями.

- Что происходит? - спросила Марта. - Что случилось?

Евгения, глотая слёзы, рассказала Марте: как только она пришла в офис, узнала, что ночью у Игнацио случился тяжелый сердечный приступ, это было в переулке у Домского собора. Около полуночи он вызвал скорую, но врачи не успели вовремя приехать. Бузони умер.

У Марты чуть ноги не подкосились. Утром она слышала в новостях, что ночью умер какой-то городской чиновник, но ей и в голову не приходило, что это Игнацио.

- Евгения, послушайте меня (ит.), - настаивала Марта, пытаясь поспокойнее объяснить ей, что она только что видела на записи с камер в Палаццо - посмертная маска Данте похищена Игнацио и Робертом Лэнгдоном, которого сейчас держат под прицелом пистолета.

Марта толком не знала, какой реакции она ждёт от Евгении, но уж точно не такой, какую услышала.

- Роберто Лэнгдон!? - допытывалась Евгения. - Sei con Langdon ora?! Так вы сейчас с Лэнгдоном?!

Похоже, до Евгении не всё доходило. - Да, но маска…

- Devo parlare con lui! - почти выкрикнула Евгения. - Мне нужно с ним поговорить.

***

В комнате наблюдения у Лэнгдона голова раскалывалась от наставленных на него охранниками стволов. Резко открылась дверь, и вошла Марта Альварес.

Сквозь открытую дверь Лэнгдон рассышал удалённое жужжание беспилотника за пределами дворца, его зловещий стрекот сопровождался нараставшим воем сирен. Они выяснили, где мы.

- Прибыла полиция, (ит.) - сказала Марта охранникам, послав одного из них проводить представителей власти в музей. Другой остался сзади, по-прежнему наставив ствол пистолета на Лэнгдона.

К удивлению Лэнгдона, Марта протянула ему телефон. - С вами кое-кто хочет поговорить, - сказала она загадочным тоном. - Вам нужно вынести его отсюда, чтобы связь заработала.

Группа переместилась из душной диспетчерской в галерею снаружи, где солнечный свет лился сквозь большие окна, открывающие захватывающий вид на площадь Синьории. Лэнгдон чувствовал себя свободнее вне замкнутого пространства, хотя его все еще держали под прицелом.

Марта жестом указала ему подойти к окну и вручила телефон.

Лэнгдон недоумевая взял его и приложил к уху. - Да? Роберт Лэнгдон слушает.

- Синьор, - робко заговорила женщина на нескладном английском. - Я Евгения Антонуччи, секретарь Игнацио Бузони. Вы и я встречаться вчера вечером, когда вы прибыть его офис.

Лэнгдон ничего не помнил. - Да?

Мне жаль вам это сообщить, но Игнацио - он той ночью умирать от инфаркт.

Лэнгдон покрепче сжал телефон. Игнацио Бузони мёртв?!

Женщина уже всхлипывала, голос её стал совсем печальным. - Игнацио позвонил мне до того, как он умирать. Он оставил мне послание и сказал, чтобы вы его обязательно услышали. Я его вам включу.

Лэнгдон услышал какой-то шелест, а несколько мгновений спустя, слабый, с прерывистым дыханием голос Игнацио Бузони достиг его ушей.

- Евгения, - человек задыхался и явно испытывал боль. - Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы это сообщение услышал Роберт Лэнгдон. Мои дела плохи. Не думаю, что дотяну до офиса. - Игнацио застонал, и последовало долгое молчание. Когда он вновь заговорил, его голос был слабее. - Роберт, надеюсь, вам удалось выбраться. Меня и сейчас преследуют… а я… я совсем плох. Пытаюсь добраться до врача, но… - Последовала ещё одна долгая пауза, как будто Дуомино собирался с последними силами, а потом… - Роберт, послушайте внимательно. То, что вы ищете, надёжно спрятано. Врата для вас открыты, но вам нужно поспешить. Рай, номер двадцать пять. - Он довольно долго молчал и потом произнёс: - С Богом.

На этом послание заканчивалось.

У Лэнгдона заколотилось сердце, и он понял, что только что присутствовал при последних словах умирающего. То, что эти слова были адресованы ему, только усугубляло его беспокойство. Рай, номер двадцать пять. Врата мне открыты? Лэнгдон прикидывал. Какие врата он имеет в виду?! Единственное, что имело хоть какой-то смысл, это утверждение Игнацио, что маска спрятана в надёжном месте.

Евгения снова взяла трубку. - Профессор, вы поняли, о чём речь?

- Отчасти да.

- Я могу чем-нибудь помочь?

Лэнгдон долго обдумывал этот вопрос. - Удостоверьтесь, что нас никто больше не слышит.

- Даже полиция? Скоро прибудет детектив, чтобы принять у меня заявление. - Лэнгдон напрягся. Он смотрел на охранника, который нацелил на него оружие. Потом быстро повернулся к окну и понизив голос, торопливо зашептал:

- Евгения … это покажется странным, но для пользы Игнацио, мне нужно, чтобы вы удалили это сообщение и не упоминали полиции, что говорили со мной. Это вам ясно? Ситуация очень сложная и —

Лэнгдон почувствовал, как ствол оружия упирался ему в бок и обернулся, увидев вооруженного охранника неподалеку. Лэнгдон протянул свободную руку, требуя телефон Марты.

На линии повисла длинная пауза, и Евгения наконец сказала:

- Г-н Лэнгдон, мой босс доверял вам … и я тоже буду.

Потом она повесила трубку.

Лэнгдон возвратил телефон охраннику. - Игнацио Бузони мертв, - сказал он Сиенне. - Он умер от сердечного приступа вчера вечером после того, как покинул музей. - Лэнгдон сделал паузу. - Маска в безопасности. Игнацио спрятал ее прежде, чем он умер. И я думаю, что он оставил мне подсказку о том, где найти ее. - Рай 25.

Надежда вспыхнула в глазах Сиенны, но когда Лэнгдон обернулся к Марте, она посмотрела скептически.

- Марта, - сказал Лэнгдон. - Я смогу возвратить вам маску Данте, но вы должны позволить нам уйти. Немедленно.

Марта громко рассмеялась. - Не ждите от меня этого! Вы - тот, кто украл маску! Полиция уже на подходе —

- Г-жа Альварес, - громко прервала Сиенна. - Мне очень жаль, но мы говорили неправду(ит.).

Лэнгдон удивился. Что делает Сиенна?! Он понял ее слова. Г-жа Альварес, я сожалею, но мы не были честны с вами.

Марта также была поражена словами Сиенны, хотя по большому счету ее шок вызвал тот факт, что Сиенна внезапно свободно заговорила на беглом итальянском языке.

- Innanzitutto, non sono la sorella di Robert Langdon(ит.), - заявила Сиенна извиняющимся тоном. Во-первых, я не сестра Роберта Лэнгдона.

Глава 44

Марта Альварес неуверенно отошла назад и сложила руки, изучая молодую блондинку, стоящую перед ней.

- Мне очень жаль(ит.), - продолжала Сиенна говорить на свободном итальянском языке. - Le abbiamo mentito su molte cose(ит.). - Мы лгали вам о многих вещах.

Охранник был в таком же недоумении как Марта, хотя он не отступал со своей позиции.

Теперь Сиенна говорила быстро, все еще на итальянском. Она рассказала Марте, что работает в больнице во Флоренции, куда доставили Лэнгдона прошлой ночью с пулевым ранением в голову. Она объяснила, что Лэнгдон не помнит событий, из-за которых он оказался здесь, и что он удивлен видеозаписью камер наблюдения так же, как и Марта,

- Покажи ей свое ранение, - приказала Лэнгдону Сиенна.

Когда Марта увидела швы под спутанными волосами Лэнгдона, она села на подоконник и на несколько секунд закрыла лицо руками.

За прошедшие десять минут Марта узнала не только, что посмертную маску Данте украли во время ее дежурства, но и то, что ворами оказались уважаемый американский преподаватель и заслуживающий доверия ее флорентийский коллега, который был уже мертв. Кроме того, молодая Сиенна Брукс, которую Марта считала наивной американской

сестрой Роберта Лэнгдона, доктор по профессии и она призналась во лжи … на беглом итальянском языке.

- Марта, - сказал Лэнгдон глубоким и понимающим голосом. - Я знаю, в это сложно поверить, но я действительно вообще не помню прошлую ночь. Я не имею ни малейшего понятия, почему мы с Игнацио взяли маску.

По его глазам Марта поняла, что он говорит правду.

- Я верну вам маску, - сказал Лэнгдон. - Поверьте моему слову. Но я не смогу вернуть ее, если вы не позволите нам уйти. Ситуация сложная. Вы должны позволить нам уйти, сейчас же.

Несмотря на желание вернуть бесценную маску, у Марты не было намерения позволить кому бы то ни было уйти. Где полиция?! Она смотрела вниз на одинокую патрульную машину на площади Синьории. Казалось странным, что полицейские еще не прибыли в музей. Марта также услышала странное гудение вдалеке — казалось, что кто-то пользовался бензопилой. И этот звук становился громче.

Что это?

Тон Лэнгдона теперь звучал умоляюще. - Марта, ты знаешь Игнацио. Он никогда не стал бы забирать маску без серьезного основания. Посмотри вот на эту большую фотографию. Владелец маски, Бертран Зобрист, был очень странным человеком. Мы считаем, что он может быть замешан в чем-то ужасном. У меня нет времени, чтобы объяснять все это, но я прошу тебя доверять нам.

Марте оставалось только смотреть изумленным взглядом. Ничего из сказанного, казалось, не имело вообще никакого смысла.

- Г-жа Альварес, - сказала Сиенна, уставившись на Марту каменным взглядом. - Если вы заботитесь о своем будущем и вашем ребенке, тогда вы должны позволить нам уйти прямо сейчас.

Марта сложила руки, прикрывая свой живот, ничуть не обрадовавшись скрытой угрозе ее будущему ребенку.

Пронзительный гул снаружи определенно становился громче, и когда Марта выглянула из окна, она не увидела источник шума, но заметила кое-что другое.

Охранник тоже увидел это, его глаза расширились.

Внизу на площади Синьории толпа разошлась, чтобы освободить дорогу для длинной вереницы патрульных машин, которые прибыли без сирен, в сопровождении двух черных фургонов, которые притормозили на стоянке у входа во дворец. Оттуда выскочили солдаты в черной униформе с автоматами и побежали ко дворцу.

Марта почувствовала прилив страха. Кто это, черт побери?!

Охранник тоже встревожился.

Пронзительный гудящий звук внезапно прорвался из ниоткуда, и Марта отпрянула в напряжении, когда увидела маленький вертолет, появившийся в поле зрения за окном.

Штуковина летала на расстоянии не дальше десятка метров, чуть ли не разглядывая людей в помещении. Это был небольшой летательный аппарат в метр длиной, с установленным впереди чёрным цилиндром. Цилиндр был направлен прямо на них.

- Оно собирается стрелять! - закричала Сиенна. - Sta per sparare! Всем лечь! Tutti a terra!(ит.) Она опустилась на колени ниже подоконника, и Марта похолодела от ужаса, когда инстинктивно подчинилась команде. Охранник тоже рухнул ниц, машинально нацеливая пистолет на этот механизм.

Неловко распластавшись у подоконника, Марта увидела, что Лэнгдон остался стоять, странным взглядом уставившись на Сиенну, явно не веря, что есть какая-то опасность.

Сиенна пробыла на полу всего мгновение, потом снова вскочила, схватила за руку Лэнгдона и потащила его в направлении коридора. Через мгновение они вместе бежали ко главному входу здания.

Охранник опустился на колени и принял стойку снайпера, направив ствол вдоль коридора на удаляющуюся пару.

- Не стрелять! (ит.) - приказала им Марта. - Им не уйти. (ит.)

Лэнгдон с Сиенной скрылись за углом, и Марта понимала, что пройдёт несколько секунд, и эти двое столкнутся с представителями власти, подходящими с другого направления.

***

- Скорее! - торопила Сиенна, бросившись вместе с Лэнгдоном по пути, которым они пришли. Она надеялась, что они успеют добраться до главного входа прежде, чем об их бегстве предупредят полицию, но сознавала, что шансы на это близки к нулю.

Очевидно, подобные сомнения были и у Лэнгдона. Без предупреждения он резко остановился на пересечении коридоров. - Так мы точно не выберемся.

- Идём! - Сиенна настойчивым жестом звала его за собой. - Роберт, не будем же мы здесь просто стоять!

У Лэнгдона был растерянный вид, он смотрел налево, вдоль коридора, который, как оказалось, упирался в маленькую, слабо освещённую комнату. Стены этой комнаты были увешаны старинными картами, а в центре её стоял массивный железный глобус. Лэнгдон оглядел огромный металлический шар и медленно закивал, потом всё решительнее.

- Сюда, - объявил Лэнгдон, бросившись к железному глобусу.

- Роберт! - Сиенна послушалась вопреки своей рассудительности. Коридор явно вел вглубь музея и уводил от входа.

- Роберт, - изумилась она, наконец, догнав его. - Куда ты нас ведёшь?!

- Через Армению, - ответил он.

- Что?

- Армению, - повторил Лэнгдон, глядя прямо перед собой. - Доверься мне.

***

Стоя этажом ниже, затаившаяся среди перепуганных туристов на балконе Зала пятисот Вайента опустила голову, когда мимо неё прорывались в музей агенты брюдеровкой ГНЗ. Внизу по залу разносился звук хлопающих дверей - это полиция блокировала территорию.

Если Лэнгдон действительно здесь, то он в ловушке.

К сожалению, Вайента тоже.

Глава 45

Обшитый деревянными панелями из дуба теплых оттенков и с кесонными деревянными потолками, зал географических карт был весьма далек от мощного камня и ошукатуренного интерьера Палаццо Веккьо. Первоначально гардеробная в здании, это большое пространство, содержащее десятки стенных шкафов и застеклённых шкафчиков, ранее использовалось для хранения мелких ценностей великого герцога. На сегодняшний день стены были украшены картами — пятьюдесятью тремя цветными рисунками, раскрашенными вручную по коже — изображая мир таким, каким он был извесетн в 1550-ых.

Над этой внушительной коллекцией карт доминировал массивный глобус, стоящий в центре зала. Известная как Mappa Mundi, сфера высотой почти два метра была самым большим вращающимся глобусом в свое время. Говорили, что повернуть ее можно почти без усилий одним прикосновением пальца. Сегодня же глобус служил скорее в качестве последней остановки туристов, которые, преодолев длинную анфиладу комнат, достигали тупика, где им предстояло обогнуть глобус и отправиться в обратный путь.

Лэнгдон и Сиенна, тяжело дыша, прибыли в Зал Карт. Перед ними величественно поднялся огромный глобус Mappa Mundi, но Лэнгдон даже не посмотрел на него, его взгляд вместо этого был обращен на внешние стены комнаты.

- Нам нужно найти Армению! - сказал Лэнгдон. - Карту Армении!

Определенно пришедшая в замешательство от его просьбы, Сиенна поспешно отошла к правой стене комнаты в поисках карты Армении.

Лэнгдон тут же принялся таким же образом искать по левой стене, наметив себе путь по периметру комнаты.

Аравия, Испания, Греция …

Каждая страна изображалась в мельчайших подробностях, учитывая, что рисунки были сделаны более пятисот лет назад, в то время, когда большая часть мира уже была нанесена на карту или исследована.

Где Армения?

По сравнению с его обычно яркой, живой памятью, воспоминания Лэнгдона о пребывании здесь во время "тура тайных ходов" несколько лет назад были туманными, в немалой степени благодаря второму стакану Гайя Неббиоло, которым он наслаждался с обеда до самого тура. Знаменательно, что слово nebbiolo означало "небольшой туман." Несмотря на это, Лэнгдон теперь отчетливо вспомнил, как им показали единственную карту в этой комнате — Армении — карту, которая обладала уникальным свойством.

Я знаю, что она здесь, думал Лэнгдон, продолжая осматривать бесконечную на вид череду карт.

- Армения! - заявила Сиенна - Сюда!

Лэнгдон развернулся в направлении, где она стояла - на дальний правый угол комнаты. Поспешил туда, и Сиенна указала на карту с выражением вопроса на лице: "Ну нашли мы карту Армении - что дальше?"

Лэнгдон знал, что объясняться им некогда. Вместо объяснения он подошёл, обхватил массивную деревянную раму и потянул её на себя. Вся карта повернулась внутрь комнаты вместе с большим фрагментом стены и обшивки, обнажив скрытый проход.

- Ну хорошо, - сказала Сиенна, явно проникшись впечатлением. - Армения так Армения.

Немедля Сиенна направилась в проход, смело погружаясь в темноту. Лэнгдон последовал за ней и быстро втянул за собой открывшуюся часть стены.

Несмотря на туманность воспоминаний об экскурсии по тайным ходам, Лэнгдон хорошо помнил об этом проходе. Он и Сиенна только что попали в своего рода зазеркалье - Палаццо Невидимка - тайный мир, существовавший в стенах Палаццо Веккьо, секретные владения, доступные только правящему герцогу и его приближенным.

Лэнгдон ненадолго остановился в дверном проеме и осмотрелся на новом месте — бледный каменный коридор, освещенный только слабым естественным светом, который проникал в ряд освинцованных окон. Проход длиной приблизительно около пятидесяти метров спускался к деревянной двери.

Он повернул теперь влево, где узкая восходящая лестница была заблокирована оградительной цепью. Над лестницей висела предупредительная табличка: USCITA VIETATA.

Лэнгдон направился к лестнице.

- Нет! - предупредила Сиенна. - там написано "Выхода нет".

- Спасибо, - сказал Лэнгдон с кривой улыбкой. - Я умею читать по-итальянски.

Он отцепил цепь, поднес ее к потайной двери, и быстро использовал ее для остановки вращающейся стены — продевая цепь через ручку двери и вокруг соседнего крепления, таким образом, дверь невозможно было открыть с другой стороны.

- О, - сказала Сиенна смущенно. - Неплохая мысль.

- Надолго это их не задержит, - сказал Лэнгдон. - Но нам и не потребуется много времени. Следуй за мной.

***

Когда карта Армении, наконец, с грохотом открылась, агент Брюдер и его люди устремились по узкому коридору следом, двигаясь к деревянной двери в дальнем конце. Когда они прорвались, Брюдер почувствовал, как встречный поток холодного воздуха коснулся его, и был на мгновение ослеплен ярким солнечным светом.

Он выбрался к внешнему проходу, который тянулся вдоль крыши палаццо. Взглядом он проделал путь, который заканчивался непосредственно у другой двери, на расстоянии приблизительно в пятьдесят метров, и повторно вел в здание.

Брюдер поглядел налево от прохода, где как гора поднималась высокая, сводчатая крыша Зала Пятисот. Невозможно пересечь. Брюдер повернулся теперь вправо, где проход был ограничен отвесным откосом, который резко упирался внизу в глубокую светлую стену. Мгновенная смерть.

Его взгляд был направлен вперед. - Нам сюда!

Брюдер и его люди помчались вдоль прохода ко второй двери, а в это время наверху как стервятник кружился беспилотник.

Когда Брюдер и его люди проникли через дверной проем, они все вдруг резко остановились, натыкаясь друг на друга.

Они стояли в крошечном каменном помещении, у которого не было выхода кроме двери, через которую они только что вошли. Одинокий деревянный стол стоял напротив стены. Гротескные фигуры, изображенные на фресках потолка, казалось, с насмешкой уставились на них сверху.

Это был тупик.

Один из людей Брюдера приблизился к стене и пробежал глазами пояснительный плакат. - Постойте, - сказал он. - Написано, что здесь есть finestra (окно, ит.) - что-то вроде потайного окна?

Брюдер огляделся вокруг, но потайного окна не увидел. Он подошёл и сам прочитал написанное.

Очевидно, это пространство когда-то было личным кабинетом герцогини Бьянки Каппелло и включало секретное окно — una finestra segreta — через которое Бьянка могла тайно наблюдать, как ее муж произносит речи внизу в Зале Пятисот.

Брюдер снова внимательно осмотрел комнату, теперь определяя местонахождение маленького покрытого решеткой отверстия, осторожно скрытого в боковой стене. Они выбрались через него?

Он проверял и исследовал отверстие, которое, казалось, было слишком маленьким для человека размером с Лэнгдона. Брюдер прижал лицо к сетке и всмотрелся внутрь, убеждаясь наверняка, что никто не избежал этого пути; с другой стороны решетки был крутой спад прямо вниз на несколько ярусов, до этажа Зала Пятисот.

Куда, черт возьми, они делись?!

Брюдер вернулся в крошечное каменное помещение, он почувствовал как огромное разочарование растет внутри него. В редкое мгновение безудержных эмоций агент Брюдер отбросил назад голову, и раздался бешеный рев.

В столь малом пространстве это прозвучало оглушительно.

Далеко внизу, в Зале Пятисот, туристы и полицейские все вздрогнули и уставились на решетчатое отверстие высоко в стене. Судя по звукам, личный кабинет герцогини теперь использовался для содержания в клетке дикого зверя.

***

Сиенна Брукс и Роберт Лэнгдон стояли в полной темноте.

Несколькими минутами ранее Сиенна наблюдала, как Лэнгдон умно использовал цепь, чтобы закрыть вращающуюся карту Армении, затем повернулся и побежал.

К ее удивлению, однако, вместо того, чтобы направиться вниз по коридору, Лэнгдон поднялся по крутой лестнице, на которой была табличка USCITA VIETATA.

- Роберт! - прошептала она в смущении. - На табличке написано "Нет выхода"! И кроме того, я думала, что мы хотели спуститься!

Мы так и сделаем, - сказал Лэнгдон, оборачиваясь через плечо. - Но иногда нужно подняться …, чтобы потом спуститься. - Он ободрительно ей подмигнул. - Помнишь пупок сатаны?

О чем он говорит? Сиенна быстро бежала за ним, чувствуя себя растерянно.

Ты когда-нибудь читала "Инферно"?

Да…но мне было семь лет.

Мгновение спустя до нее дошло. - А, пупок сатаны! - сказала она. - Теперь я вспомнила.

Потребовалась минута, но Сиенна наконец-то поняла, что Лэнгдон ссылается на финал "Ада" Данте. В этих песнях, чтобы избежать ада, Данте должен спуститься по волосатому животу массивного сатаны, и когда он достигает пупка сатаны — предполагаемого центра земли — сила тяжести внезапно меняет направления, и Данте, чтобы спуститься вниз к чистилищу … внезапно, приходится взбираться наверх.

В памяти Сиенны после прочтения "Ада" осталось лишь разочарование от наблюдения за абсурдными действиями силы тяжести в центре земли; очевидно гений Данте не включал понимание физики векторных сил.

Они достигли вершины лестницы, и Лэнгдон открыл одинокую дверь, которую они обнаружили там. На ней была надпись: Зал архитектурных моделей(ит.).

Лэнгдон провел ее внутрь, закрывая и запирая за собой дверь.

Комната была небольшой и простой, и содержала серию витрин, которые демонстрировали деревянные модели Вазари архитектурного дизайна интерьеров палаццо. Сиена едва заметила модели. Однако, она заметила, что у комнаты не было ни дверей, ни окон, и, как стало ясно … никакого выхода.

- В середине 1300-ых, - прошептал Лэнгдон, - Герцог Афинский пришел к власти и построил во дворце этот потайной запасной выход на случай, если он подвергнется нападению. Он называется лестницей Герцога Афинского, и ведет к крошечному аварийному люку в переулке. Если мы сможем добраться туда, никто не увидит, что мы выходим. - Он указал на одну из моделей. - Посмотри. Видишь там сбоку?

Он привел меня сюда, чтобы показать модели?

Сиенна бросила тревожный взгляд на миниатюру и увидела, что тайная лестница спускается от вершины дворца вниз до уровня улицы, украдкой прячась между внутренними и внешними стенами здания.

- Я вижу лестницу, Роберт, - сказала Сиенна раздражительно, - но она находится на противоположной стороне дворца. Мы никогда не доберемся туда!

- Немножечко терпения, - сказал он с кривой усмешкой.

Внезапный шум, донесшийся снизу, дал им понять, чточерез карту Армении только что проникли. Они стояли неподвижно и слушали поступь солдат, уходящих вниз по коридору. И

ни один из них не догадался, что тот, кого они преследуют, поднимется еще выше … особенно по крошечной лестнице с табличкой НЕТ ВЫХОДА.

Когда звуки внизу стихли, Лэнгдон с уверенностью зашагал через выставочный зал, пробираясь мимо витрин и направляясь непосредственно к стенду, похожему на большой буфет у дальней стены. Шкаф был квадратным, шириной около метра и такой же высотой. Без колебания Лэнгдон схватился за ручку и распахнул дверь.

Сиенна отскочила с удивлением.

Пространство, представшее внутри, оказалось глубоким проемом … как будто дверца шкафа была дверью в другой мир. За ней была только чернота.

- Иди за мной, - сказал Лэнгдон.

Он захватил одинокий фонарь, который висел на стене около отверстия. Затем с удивительным проворством и силой, профессор подтянулся и исчез в кроличьей норе.

Глава 46

La Soffita, подумал Лэнгдон. Самый эффектный чердак на земле.

Воздух внутри был затхлым и пахло стариной. Как будто за века частички штукатурки стали такими мелкими и легкими, что теперь отказывались оставаться на месте и повисали в пространстве. Огромное помещение скрипело и стонало, вызывая у Лэнгдона ощущение того, что он только что забрался в брюхо живого чудовища.

Найдя подходящую опору в виде широкой горизонтальной перекладины, он сразу же поднял свой фонарик, и луч света прорезал темноту.

Перед ним уходил вдаль казавшийся бесконечным тоннель, состоящий из деревянной сети треугольников и прямоугольников, которые образовались на пересечении балок, столбов, свай и других структурных элементов. Вместе они составляли невидимый скелет Зала Пятисот.

Огромное чердачное пространство Лэнгдон видел во время своей затуманенной Неббиоло экскурсии по тайным ходам. В стене было проделано смотровое окно с закрывающейся дверцей, через которое посетители могли осмотреть модель каркаса чердака, а потом взглянуть в глубину, вооружившись фонариком, и увидеть саму структуру.

Теперь, когда Лэнгдон оказался действительно внутри помещения, он удивился, как архитектура по форме напоминала старинный новоанглийский амбар - традиционное сочетание центральных несущих стропил с брусьями и остроконечный конек.

Сиенна тоже пролезла через отверстие и с растерянным видом пристроилась на балке рядом с ним. Лэнгдон светил фонариком во все стороны, чтобы показать ей это необычное место.

Смотреть отсюда в глубину чердака было все равно, что вглядываться в длинную последовательность равнобедренных треугольников, телескопически уходящую в перспективе к далекому невидимому завершению. Полов на чердаке не было - только голые поддерживающие балки, напоминающие огромные

железнодорожные шпалы.

Лэнгдон, говоря приглушенным голосом, указал прямо вниз на длинную шахту. - Это пространство непосредственно над Залом Пятисот. Если мы сможем добраться в другой конец, я знаю, как достигнуть лестницы Герцога Афинского.

Сиенна бросила скептический взгляд на лабиринт балок и опор, которые простирались перед ними. Единственный очевидный способ продвинуться через каморку состоял в том, чтобы перепрыгнуть между распорками, как дети через железнодорожные пути. Распорки были большими — каждая состояла из многочисленных лучей, связанных вместе с широкими железными зажимами в единственную мощную несущую опору — достаточно большую, чтобы

балансировать на ней. Проблема, однако, состояла в том, что расстояние между распорками было слишком большим, чтобы перепрыгнуть через них благополучно.

- Я ни за что не смогу перепрыгнуть между теми балками, - прошептала Сиенна.

Лэнгдон сомневался, что тоже сможет, и тогда падение обернется верной смертью. Он направил фонарь вниз через открытое пространство между распорками.

Внизу на расстоянии восьми футов была подвешена покрытая пылью однородная поверхность, поддерживаемая железными прутьями - некое подобие настила, которое простиралось так далеко, насколько они могли видеть. Несмотря на солидный вид, Лэнгдон знал, что настил в основном состоял из пыльной эластичной ткани. Это была "обратная сторона" подвесного потолка Зала Пятисот - растянувшаяся гладь деревянного кесонного перекрытия, обрамляющая тридцать девять холстов Вазари, каждый из которых располагался горизонтально, напоминая форму лоскутного одеяла.

Сиенна указала на пыльное пространство внизу. - Мы можем спуститься туда и пройти?

Нет, если ты не хочешь провалиться сквозь холст Вазари в Зал Пятисот.

- Вообще-то, у меня есть идея получше, - сказал спокойно Лэнгдон, не желая ее напугать. Он принялся опускать распорку к центральной опоре чердака.

В дополнение к осмотру комнаты архитектурных моделей через смотровое окно, во время своего предыдущего визита Лэнгдон пешком исследовал чердак, войдя через дверной проем в другом конце каморки. Если ослабленная вином память не подводила его, крепкий дощатый настил тянулся по всей главной балке чердака, предоставляя туристам доступ к большой смотровой площадке в центре пространства.

Однако, приблизившись к центру распорки, он обнаружил настил не таким уж похожим на тот, который он помнил из тура.

Сколько Неббиоло я выпил в тот день?

Вместо крепкой, подходящей для туристов конструкции, он увидел кучу раскиданных досок, лежащих перпендикулярно балкам и образовывавших простейший мостик - больше похожий на канатную дорогу, чем на мост.

Видимо, прочная туристическая дорожка, начинавшаяся с другой стороны, шла только до центральной смотровой площадки. Оттуда туристы, очевидно, возвращались тем же путем. А эта не очень продуманная балансирная балка, с которой столкнулись Лэнгдон и Сиенна, наиболее вероятно была здесь размещена, чтобы инженеры могли обслуживать оставшееся пространство чердака с этой стороны.

Похоже на наказание у пиратов - пройти с завязанными глазами по доске, перекинутой с борта корабля в море, - сказал Лэнгдон, с сомнением оглядывая узкие доски.

Сиенна невозмутимо пожала плечами. - Не опаснее, чем Венеция в сезон наводнения.

Лэнгдон понял, о чем она. В его самом последнем исследовательском путешествии в Венецию, площадь Святого Марка была на фут погружена в воду, и ему пришлось идти от отеля Даниели до базилики по деревянным доскам, брошенным между шлакоблоками и перевернутыми ведрами. Конечно же, перспектива промочить туфли сильно отличалась от падения сквозь шедевр эпохи Возрождения навстречу смерти.

Оттолкнув эти мысли, Лэнгдон ступил на узкую доску с ложной уверенностью, которая, как он надеялся, сможет удержать Сиенну от вероятно скрываемого волнения. Тем не менее, несмотря на уверенный вид, его сердце чуть не выскочило из груди, когда он начал идти по первой доске. Достигнув середины, доска прогнулась под его весом, зловеще скрипя. Он ускорился и наконец добрался до другой стороны и относительно безопасной второй опоры.

Выдохнув, Лэнгдон повернулся, чтобы осветить путь Сиенне, а также попытаться сказать пару лестных слов, в которых она, возможно, нуждалась. Очевидно, она не нуждалась. Как только луч осветил доску, она проскользнула по ней с необычайной ловкостью. Балка едва

прогнулась под ее стройным телом, и уже через секунду она присоединилась к нему на другой стороне.

Воодушевленный, Лэнгдон повернулся и шагнул на следующую доску. Сиенна подождала пока он перейдет и повернется, чтобы посветить ей, затем она проследовала за ним и стала рядом. Следуя устойчивому ритму, они продвигались вперед - два силуэта, движущиеся один за другим с помощью света единственного фонаря. Где-то внизу, потрескивающий звук полицейской рации донесся до них сквозь тонкий потолок. Лэнгдон позволил себе слабо усмехнуться. Мы парим над Залом Пятисот, невесомые и невидимые.

- Итак, Роберт, - прошептала Сиенна. - Ты говорил, что Игнацио сказал тебе, где найти маску?

- Он сказал … но в некотором закодированном виде. - Лэнгдон быстро объяснил, что Игнацио очевидно не хотел выбалтывать местоположение маски на автоответчик, и поэтому, он поделился информацией более загадочным способом. - Он сослался на рай, который я понимаю как намек на заключительную часть “Божественной Комедии”. Его точные слова были “Рай Двадцать пять”.

Сиена скользнула взглядом вверх. - Он, наверное, имел в виду Песнь Двадцать пять.

- Согласен, - сказал Лэнгдон. Песнь была неким аналогом главы и восходила к словесному обычаю “пения” эпических поэм. Божественная комедия состояла из ста песен, разделенных на три части.

Ад, песнь 1-34

Чистилище, песнь 1-33

Рай, песнь 1–33

Рай, песнь двадцать пятая, подумал Лэнгдон, сожалея, что память у него не настолько цепкая, чтобы вспомнить весь текст, хотя бы приблизительно. Нам нужно найти экземпляр книги.

- И вот еще что, - продолжал Лэнгдон. - Последнее, что сказал мне Игнацио: “Ворота открыты для тебя, но ты должен поспешить.” Он сделал паузу, оглядываясь на Сиенну. - Песнь Двадцать пять, вероятно, ссылается на определенное место здесь во Флоренции. Очевидно, где-нибудь с воротами.

Сиенна нахмурилась. - Но в этом городе, вероятно, есть десятки ворот.

- Да, вот почему мы должны прочитать Песнь Двадцать пять из “Рая”. - Он обнадеживающе ей улыбнулся. - Не знаешь ли ты случайно всю Божественную Комедию наизусть?

Она ответила ему немым взглядом. - Четырнадцать тысяч строк архаичного итальянского языка, который я читала ребенком? - Она покачала головой. - У вас что-то с памятью, профессор. Я - просто доктор.

Они спешили, и Лэнгдон счел печальным, так или иначе, что Сиенна, даже после всего того, через что они прошли вместе, очевидно все еще предпочитала не говорить правды о своем исключительном интеллекте. Она - просто доктор? Лэнгдон чуть было на засмеялся. Самый скромный доктор на земле, подумал он, вспоминая вырезки, которые он читал о ее особых навыках — навыки, которые, к сожалению, но не удивительно, не включали фотографическую память одной из самых длинных эпических поэм в истории.

Они продвигались в тишине и пересекли еще несколько балок. Наконец, впереди Лэнгдон увидел знакомый силуэт в темноте. Смотровая площадка! Сомнительный настил, по которому они шли, вел непосредственно к намного более крепкой конструкции с поручнями. Поднявшись на площадку, они смогли бы продвинуться вдоль прохода к выходу с чердака через дверной проем, который, как помнил Лэнгдон, был очень близко к лестнице Герцога Афинского.

Когда они приблизились к площадке, Лэнгдон мельком взглянул на потолок, подвешенный на два с половиной метра ниже. До сих пор все люнетты под ними был похожими. Ближайшая люнетта, однако, была массивной — намного больше, чем остальные.

Апофеоз Козимо I, подумал Лэнгдон .

Эта огромная, круглая люнетта была самой драгоценной картиной Вазари - центральная люнетта во всем Зале Пятисот. Лэнгдон часто показывал слайды этой работы своим студентам, указывая на ее сходство с Апофеозом Вашингтона в американском Капитолии - скромное напоминание, что зарождющаяся Америка позаимствовала у Италии далеко не только понятие республики.

Однако, сегодня Лэнгдон был заинтересован в том, чтобы пройти мимо Апофеоза, нежели изучать его. Он ускорил шаг и, слегка повернув голову назад, прошептал Сиенне, что они уже почти пришли.

После этого, его правая нога попала в центр доски и наполовину оказалась на краю. Его лодыжка подвернулась, и Лэнгдон, спотыкаясь, но продолжая двигаться, наклонился вперед, пытаясь сделать очередной шаг, чтобы восстановить равновесие.

Но было слишком поздно.

Он сильно ударился коленями о балку, отчаянно вытянув вперёд руки в попытке дотянуться до поперечной перекладины. Переносной фонарь с грохотом полетел в разделявшее их тёмное пространство и приземлился на холст, который поймал его подобно сетке. Ноги Лэнгдона провалились, слегка развернув его в безопасное положение на следующей балке, ибо та, что была под ним, отпала, обрушившись восемью футами ниже на деревянное обрамление холста "Апофеоза" Вазари.

Звук отозвался эхом на чердаке.

Лэнгдон в ужасе кое-как встал на ноги и обернулся в сторону Сиенны.

В тусклом свете оброненного фонаря, лежавшего внизу на холсте, Лэнгдон увидел, что Сиенна стоит на балке позади него, теперь в ловушке, ибо поперечного схода с неё не было. Глаза её выражали то, о чём Лэнгдон уже знал. Шум упавшей балки почти наверняка их выдал.

Взгляд Вейенты метнулся наверх к декоративному потолку.

- Крысы на чердаке? - нервно пошутил человек с видеокамерой, когда звук отразился внизу.

Великоваты крысы, подумала Вайента, уставившись на круговую живопись в центре потолка. Из стыков между панелями потолка просочилось небольшое облако пыли, и Вайента могла поклясться, что видит в холсте выпуклость… даже как будто кто-то упирается в него с обратной стороны.

- Может, кто-то из полицейских уронил оружие со смотровой площадки, - сказал мужчина, оглядывая выпуклость в холсте. - Что они, по вашему, ищут? Все это как-то подозрительно.

- Смотровая площадка? - допытывалась Ваейента. - Туда действительно можно подняться?

- Конечно. - Он жестом показал на вход в музей. - Только за этой дверью - еще одна, которая ведет вверх, на площадку на чердаке. Вы можете увидеть работу кисти Вазари. Это невероятно.

Внезапно в Зале Пятисот вновь эхом отразился голос Брюдера. - Ну и где этот ад, в который они отправились?!

Его слова, как и мучительный вопль до этого, раздавались из-за колосниковой решётки, расположенной высоко на стене слева от Вайенты. Брюдер очевидно был в комнате за решеткой … скрытый ярус под комнатным декоративным потолком.

Вайента снова обратила внимание на выпуклость в холсте наверху.

На чердаке крысы, подумала она. Пытаются найти выход.

Она поблагодарила человека с камерой и быстрым шагом направилась ко входу в музей. Дверь была закрыта, но по поведению офицеров, снующих туда и обратно, она догадалась, что она не заперта.

Разумеется, предчувствия ее не обманули.

Глава 47

СНАРУЖИ на базарной площади, среди хаоса прибывающей полиции, человек средних лет стоял в тенях лоджии Ланци и наблюдал за происходящим с большим интересом. На нем были очки Plume Paris, шейный платок с узором пейсли и крошечная золотая сережка-гвоздик в одном ухе.

Наблюдая за волнением, он поймал себя на том, что снова царапает свою шею. Человек страдал от сыпи, которая, казалось, ухудшалась, проявляясь маленькими прыщами по линии подбородка, шее, щекам, и над глазами.

Когда он мельком взглянул на ногти, то увидел, что они были в крови. Он вынул свой носовой платок и вытер пальцы, также примакивая кровавые прыщи на шее и щеках.

Когда он закончил, то обратил свой пристальный взгляд на два черных фургона, припаркованных возле палаццо. В ближайшем фургоне на заднем сиденье находились два человека.

Один из них был вооруженным солдатом в черном.

Другой была пожилая, но очень красивая седая женщина с синим амулетом.

Солдат выглядел так, как будто готовит подкожный шприц.

В фургоне доктор Элизабет Сински рассеянно посмотрела на палаццо, размышляя, как эта ситуация ухудшилась до такой степени.

- Госпожа, - произнес низкий голос рядом с ней.

Она неуверенно повернулась к солдату, сопровождающему ее. Он схватил ее за предплечье и держал шприц наготове. - Просто не шевелитесь.

Острый удар иглы пронзил ее плоть.

Солдат закончил инъекцию. - А теперь снова поспите.

Когда ее глаза закрылись, можно поклясться, она увидела стоящего в тени человека, изучающего ее. Он носил дизайнерские очки и шейный платок. На его лице была красная сыпь. На мгновение она подумала, что знает его, но когда в следующий раз открыла глаза, человек исчез.

Глава 48

В темноте чердака Лэнгдон и Сиенна теперь были разделены двадцатью футами открытого пространства. В восьми футах под ними упавшая балка застряла на деревянной раме, держащей холст “Апофеоз” Вазари. Все еще светящийся огромный фонарь лежал на самом холсте, создавая маленькое углубление, как камень на батуте.

- Балка позади тебя, - прошептал Лэнгдон. - Можешь перетащить ее до этой распорки?

Сиенна оглядела балку. - Не выйдет, иначе другой её конец упадет на холст.

Лэнгдон в той же мере этого опасался; меньше всего им нужно было протаранить холст Вазари штуковиной размером два на шесть футов.

- Придумала, - сказала Сиенна, двинувшись вдоль балки, ведущей к боковой стене. Лэнгдон продолжал идти по свету фонарика; ставить ногу с каждым шагом было все опаснее - по мере того, как они удалялись от упавшего переносного фонаря. Когда добрались до боковой стены, они уже были почти в полной темноте.

- Там, - прошептала Сиенна, указывая на мрак внизу. - На краю каркаса. Нужно приставить ее к стене. Это поможет мне удержаться.

Не успел Лэнгдон воспротивиться, как Сиенна уже спускалась с перекладины по опорным рейкам, как по лестнице. На краю деревянной панели потолка она приостановилась. Та чуть хрустнула, но удержалась. Медленно продвигаясь вдоль стены, Сиенна направлялась к Лэнгдону, будто идя по карнизу высотного здания. Панель опять хрустнула.

Тонок лед, подумал Лэнгдон. Оставайся возле берега.

Когда Сиенна прошла полпути в направлении перекладины, на которой во мраке стоял Лэнгдон, он вдруг снова ощутил надежду, что они и в самом деле успеют отсюда выбраться.

Неожиданно где-то в темноте хлопнула дверь, и он услышал звук приближающихся по переходу шагов. Тут же появился луч света от фонаря, который шарил вокруг, с каждой секундой приближаясь. Надежды Лэнгдона таяли. Кто-то к ним шёл, передвигаясь по основному переходу и отрезая им путь к бегству.

- Сиенна, продолжай идти, - прошептал он, действуя инстинктивно. - Двигайся вдоль стены. В дальнем конце есть выход. Смотри на меня.

- Нет! - быстро прошептала Сиенна. - Роберт, вернись!

Но Лэнгдон уже двигался обратно по распорке к главной балке чердака, оставив Сиенну одну в темноте, перемещавшуюся вдоль боковой стены восемью футами ниже него.

Лэнгдон добрался до центра чердака, и в тот же момент безликий силуэт с фонарем в руках достиг возвышающейся смотровой площадки. Человек остановился у низкого ограждения и направил луч фонаря вниз, прямо в глаза Лэнгдона.

Сияние было ослепительным, и Лэнгдон сразу же сдался, подняв руки вверх. Он еще никогда не чувствовал себя настолько уязвимым - балансируя высоко над Залом Пятисот, ослепленный ярким светом.

Лэнгдон ждал выстрела или приказания, но повисло молчание. Через мгновение луч света переместился с его лица и начал исследовать темноту позади него, очевидно в поисках чего-то…или кого-то. Когда свет перестал бить в глаза, Лэнгдон разглядел силуэт человека, преградившего ему путь к побегу. Это была худая женщина, одетая во все черное. У него не было сомнений, что под ее кепкой были волосы в виде шипов.

Мышцы Лэнгдона инстинктивно напряглись, когда его сознание наполнилось образами доктора Маркони, умирающего на полу больницы.

Она нашла меня. Она здесь, чтобы закончить свою работу.

Перед Лэнгдоном вспыхнуло изображение греческих ныряльщиков, заплывших по глубокому туннелю далеко за точку невозврата, а затем столкнувшихся с каменным тупиком.

Убийца снова направила луч фонаря в глаза Лэнгдону.

- Мистер Лэнгдон, - прошептала она. - Где ваш друг?

Лэнгдон почувствовал озноб. Эта убийца здесь и она убьет нас обоих.

Он сделал вид, что смотрит на Сиенну, повернув голову через плечо в сторону темноты, из которой они пришли. - Она здесь ни при чем. Тебе нужен я.

Лэнгдон молился, чтобы Сиенна уже добилась успеха, продвигаясь вдоль стены. Если бы она смогла прокрасться за пределами смотровой площадки и незаметно пересечь дощатый настил в центре позади женщины с шипастыми волосами, то достигла бы нужной двери.

Убийца снова подняла фонарик и обшарила пустой чердак позади него. На мгновение яркий свет перестал бить в глаза, и Лэнгдон заметил во тьме силуэт позади неё.

О Боже, нет!

Сиенна и впрямь проделывала путь по перекладине в сторону центрального перехода, но к сожалению, она шла всего в десяти метрах от их преследовательницы.

Сиенна, нет! Ты слишком близко! Она услышит тебя!

Луч света вновь ослепил Лэнгдона.

- Послушайте меня внимательно, профессор, - прошептала убийца. - Если хотите жить, предлагаю вам довериться мне. Моя операция отменена. У меня нет причин что-либо против вас предпринимать. Мы с вами сейчас на одной стороне, и возможно, я знаю, как вам помочь.

Лэнгдон почти не слушал, мысленно занятый Сиенной, которая в данный момент, едва заметная в профиль, неслышно взбиралась на проход за смотровой площадкой, в непосредственной близости к этой женщине с пистолетом.

Беги! Он желал ей этого. Выбирайся отсюда, черт подери!

Однако, к тревоге Лэнгдона, Сиенна стояла на своем, и присев на корточки в тени, наблюдала в тишине.

***

Глаза Вайенты прощупывали темноту позади Лэнгдона. Куда она, чёрт возьми, делась? Они, что, разделились?

Вайенте необходимо было найти способ удержать эту пару беглецов подальше от лап Брюдера. В этом моя единственная надежда.

- Сиенна?! - отважилась Вайента на гортанный шёпот. - Если слышишь меня, слушай внимательно. Ты же не хочешь, чтобы тебя сцапали те люди внизу. Они церемониться не станут. Я знаю путь отхода. Могу тебе помочь. Доверься мне.

- Это вам довериться? - вспылил Лэнгдон голосом настолько громким, чтобы его было слышно любому поблизости. - Вы же убийца!

Сиенна где-то рядом, поняла Вайента. Лэнгдон говорит это для неё… пытаясь предупредить.

Вайента попыталась снова. - Сиенна, ситуация сложная, но я могу вас отсюда вывести. Прикинь варианты. Вы в ловушке. У вас нет выбора.

- Есть у неё выбор - громко сказал Лэнгдон. - И у неё хватит ума держаться от вас подальше.

- Всё переменилось, - настаивала Вайента, - и у меня нет больше причин что-то с вами сделать.

- Вы убили доктора Маркони! И полагаю, вы же стреляли и в меня.

Вайента поняла, что этот человек точно не поверит, что она не собирается убивать его.

Время для разговора закончено. Мне нечего сказать, чтобы убедить его.

Без колебания она потянулась к своему кожаному пиджаку и извлекла пистолет с глушителем.

Сиенна оставалась неподвижной в тени и присела скорчившись в проходе, не более, чем в десяти ярдах позади женщины, которая только что противостояла Лэнгдону. Даже в темноте было понятно, что это женский силуэт. К ужасу Сиенны она размахивала тем же самым оружием, которое использовала при убийстве доктора Маркони.

Она будет стрелять, уловила Сиенна по жестам этой женщины.

Достаточно уверенно женщина сделала два угрожающих шага в сторону Лэнгдона, остановившись у низких перил, примыкающих к смотровой площадке над “Апофеозом” Вазари. Убийца сейчас подобралась к Лэнгдону так близко, как только могла. Она подняла пистолет и направила его прямо в грудь Лэнгдона.

- Боль будет недолгой, - сказала она, - но выбора у меня нет.

Сиенна машинально отреагировала.

Неожиданное покачивание досок под ногами Вайенты заставило ее немного повернуться во время выстрела. Нажимая на курок, она поняла, что не попадет в Лэнгдона.

Кто-то приближался к ней сзади.

И довольно быстро.

Вайента развернулась на месте, направив оружие в сторону нападавшего. Блеск светлых волос мелькнул во тьме, когда кто-то столкнулся с ней на полном ходу. Снова раздался приглушенный выстрел, но нападавший присел ниже дула пистолета, чтобы применить мощный силовой прием.

Земля ушла из-под ног, и Вайента животом упала на низкое ограждение смотровой площадки. Пока туловище перекатывалось по перилам, она размахивала руками, пытаясь ухватиться за что-нибудь, чтобы не упасть. Но было слишком поздно. Она перелетела через край.

Вайента летела сквозь темноту, готовая упасть на пыльный пол, расположенный на восемь футов ниже площадки. Странно, но все-таки ее приземление оказалось мягче, чем она воображала…как будто она упала в тканевый гамак, который теперь провис под ее весом.

Плохо понимая, что происходит, Вайента лежала на спине, уставившись вверх на нападавшего. Сиенна Брукс смотрела на нее вниз через ограждение. Ошеломленная Вайента открыла рот, чтобы заговорить, но внезапно под ней раздался звук разрыва.

Ткань, удерживающая ее вес, порвалась.

Вайента снова упала.

На этот раз она падала в течение трех долгих секунд, рассматривая потолок, покрытый прекрасной живописью. Картина прямо над ней - массивный круглый холст, изображающий Козимо I, окруженного херувимами на небесном облаке - теперь имела зубчатую черную дыру прямо в центре.

Затем со стремительной скоростью весь мир Вайенты погрузился во мрак.

Высоко над ней, не веря своим глазам, Роберт Лэнгдон смотрел сквозь разорванный “Апофеоз” в объемное пространство под собой. На каменном полу Зала Пятисот неподвижно лежала женщина с шипастыми волосами, темная лужа крови быстро растеклась вокруг ее головы. Она все еще сжимала пистолет в руке.

Лэнгдон поднял глаза на Сиенну, которая уставилась вниз, потрясенная мрачной сценой. Сиенна пребывала в явном шоке. - Я не хотела…

- Ты вовремя среагировала, - прошептал Лэнгдон. - Она уже приготовилась меня убить.

Снизу, через порванный холст просочились крики тревоги.

Лэнгдон мягко отвел Сиенну подальше от перил. - Нам надо идти.

Глава 49

В потайном кабинете герцогини Бьянки Каппелло агент Брюдер услышал отвратительный глухой стук, сопровождаемый растущим волнением в Зале Пятисот. Он помчался к решетке в стене и всмотрелся сквозь нее. Потребовалось несколько секунд, чтобы оценить происходящее внизу на изящном каменном полу.

Беременный администратор музея стояла рядом с ним около решетки, немедленно прикрыв рот рукой в немом ужасе при виде происходящего внизу — распластавшаяся фигура, окруженная испуганными туристами. Когда пристальный взгляд женщины медленно поднялся вверх к потолку Зала Пятисот, послышалось огорченное всхлипывание. Следуя за ее пристальным взглядом, Брюдер поднял глаза к круглому потолочному кессону — он увидел живописный холст с огромной дырой по центру.

Он повернулся к женщине. - Как нам подняться туда!?

В другом конце здания Лэнгдон и Сиенна, затаив дыхание, спустились с чердака и рванули через дверной проем. За несколько секунд Лэнгдон нашел маленький альков, ловко скрытый позади темно-красного занавеса. Он отчетливо помнил о нем благодаря туру потайных ходов.

Лестница герцога Афинского.

Звуки бегущих шагов и криков, казалось, звучали теперь со всех сторон, и Лэнгдон знал, что у них мало времени. Потянув занавес в сторону, он и Сиенна выскользнули на маленькую лестницу.

Без слов они начали спускаться по каменной лестнице. Проход представлял из себя пугающе узкий серпантин ступеней. Чем ниже они спускались, тем становилось труднее. Лэнгдон почувствовал, как будто стены сближаются и норовят раздавить его. Но, к счастью, им не нужно было идти дальше.

Цокольный этаж.

Пространство около нижней площадки лестницы было крошечной каменной палатой, и хотя выход из нее осуществлялся через одну из самых маленьких дверей на земле, это была желанная картина. Дверь приблизительно в четыре фута высотой была изготовлена из тяжелой древесины с железными заклепками и тяжелым внутренним засовом.

- Я слышу шум улицы за дверью, - прошептала Сиенна, по-прежнему выглядевшая потрясенной. - Что с той стороны?

- Виа делла Нинна, - ответил Лэнгдон, представив толпы идущих пешеходов. - Но там может быть полиция.

- Они не узнают нас. Они будут искать блондинку и темноволосого мужчину.

Лэнгдон странно на нее посмотрел. - Абсолютно таких же как мы…

Сиенна покачала головой, тень грустных мыслей пробежала по ее лицу. - Я не хотела, чтобы ты видел меня такой, Роберт, но к сожалению сейчас я выгляжу именно так. - Вдруг Сиенна потянулась к своим светлым волосам и схватилась за них рукой. Когда она дернула, все волосы в одно мгновение соскочили с ее головы.

Лэнгдон отшатнулся из-за того, что Сиенна, оказывается, носит парик и из-за того, что без него она кажется гораздо старше. Сиенна Брукс была абсолютно лысой, ее голый череп был гладким и бледным, как у онкологического больного после курса химиотерапии. Она, ко всему прочему, еще и болела?

- Я знаю, - сказала она. - Это длинная история. А сейчас наклонись. - Она подняла парик, явно намереваясь надеть его на голову Лэнгдона.

Она серьезно? Лэнгдон без особого энтузиазма наклонился, и Сиенна натянула светлый парик на его голову. Парик едва налезал, но она приладила его на голове как можно лучше. Затем она отступила и оценивающе на него посмотрела. Не вполне удовлетворенная, она потянулась к его галстуку и ослабила узел. Затем приподняв, надела петлю галстука на лоб, подтянула, словно бандану, обезопасив от соскакивания с его головы неудачно сидящий парик.

Сиенна теперь принялась за себя, закатывая наверх штанины брюк и спуская носки вниз к лодыжкам. Она встала, и на ее губах сияла насмешка. Прекрасная Сиенна Брукс теперь превратилась в коротко стриженного панк-рокера. Преображение прежней шекспировской актрисы было потрясающим.

- Помни, - сказала она, - в девяноста процентах случаев человека выдает язык тела. Поэтому, когда ты идешь, иди как стареющий рокер.

Стареющий - это я могу, подумал Лэнгдон. А вот рокер - не уверен.

Прежде, чем Лэнгдон попытался оспорить эту точку зрения, Сиенна отперла крошечную дверь и толкнула ее вперед. Она нырнула вниз и вышла на булыжную мостовую

переполненной улицы. Лэнгдон последовал за ней, и почти на четвереньках появился в дневном свете.

Кроме нескольких удивленных взглядов при виде неподходящей пары, появившейся из крошечной двери на уровне фундамента Палаццо Веккьо, никто не обратил на них внимания. Мгновение, и Лэнгдон с Сиенной двинулись на восток, смешавшись с толпой.

Человек в очках Plume Paris почесывал свою кровоточащую кожу, пробираясь сквозь толпу, и следовал на безопасном расстоянии вслед за Робертом Лэнгдоном и Сиенной Брукс. Несмотря на умелую маскировку, он узнал появившихся из крошечной двери на Via della Ninna и немедленно понял, кем они были.

Он следовал за ними несколько кварталов, еле переводя дыхание. Его грудь пронзила сильная боль, вынуждая его делать неглубокие вдохи. Ощущение было таким, как будто его ударили в грудь.

Стиснув зубы от боли, он вновь переключил внимание на Лэнгдона и Сиенну и продолжил следовать за ними по улицам Флоренции.

Глава 50

Утреннее солнце высоко поднялось, отбрасывая длинные тени в узких улочках, которые извивались между зданиями старой Флоренции. Владельцы магазинов начали поднимать защитные металлические решетки магазинов и баров, и воздух был наполнен ароматами утреннего кофе эспрессо и свежеиспеченных круассанов.

Несмотря на ноющее чувство голода, Лэнгдон продолжал двигаться. Я должен найти маску … и увидеть то, что скрыто на обороте.

Пока Лэнгдон вел Сиенну на север по узкой улице Виа дей Леони, ему было нелегко привыкнуть к виду ее лысой головы. Радикально изменившаяся внешность напоминала, что он едва знает ее. Они направлялись в сторону Пьяцца дель Дуомо - площади, где Игнацио Бузони был найден мертвым после совершения своего последнего телефонного звонка.

- Роберт, - успел сказать Игнацио перед смертью. - То, что ты ищешь, благополучно спрятано. Ворота открыты для тебя, но ты должен поспешить. Рай Двадцать пять. Бог в помощь.

Рай двадцать пять, повторял про себя Лэнгдон, все еще озадаченный тем, что Игнацио Бузони помнил текст Данте достаточно хорошо, чтобы ссылаться на определенную песню, даже не задумавшись. Очевидно, что-то в этой песне запомнилось Бузони. Как бы то ни было, Лэнгдон понимал, что выяснит это, как только достанет копию текста, что он мог легко сделать в любом из местных магазинов.

Голова под париком длиной до плеч начала чесаться, и хотя он чувствовал себя несколько нелепым в этой маскировке, он вынужден был признать, что импровизированный стиль Сиенны оказался эффективным приемом. Никто не обращал на них внимания, даже полицейские подкрепления, только что устремившиеся мимо них к Палаццо Веккьо.

Сиенна несколько минут молчаливо шла рядом с ним, и Лэнгдон бросил на нее взгляд, убеждаясь, что с ней все в порядке. Казалось, в мыслях она была далеко отсюда, вероятно пытаясь осознать факт, что недавно убила женщину, преследовавшую их.

- Даю лиру, чтобы узнать, о чем ты думаешь, - слегка рискнул он, в надежде отвлечь ее мысли от образа женщины с шипастыми волосами, лежащей мертвой на полу палаццо.

Сиенна не сразу оставила свои размышления. - Я думаю о Зобристе, - сказала она. - Пытаюсь вспомнить все, что я о нем знаю.

- И?

Она пожала плечами. - Большую часть я знаю из скандального эссе, написанного им несколько лет назад. Мне оно врезалось в память. Среди медицинского сообщества оно разнеслось подобно вирусу. - Она вздрогнула. - Прости, плохо подобрала слово.

Лэнгдон мрачно хмыкнул. - Продолжай.

- В его эссе фактически говорилось, что человеческая раса находится на грани исчезновения, и если не произойдет никаких катастрофических событий, которые снизят рост численности населения, то наш вид не протянет и ста лет.

Лэнгдон повернулся и уставился на нее. - Всего лишь одного столетия?

- Довольно суровое утверждение. Прогнозируемый период времени был значительно короче предыдущих подсчетов, но он был подкреплен некоторыми очень мощными научными данными. Он приобрел много врагов, объявив, что все врачи должны прекратить медицинскую практику, так как увеличение продолжительности жизни человека только усугубляет проблему перенаселения.

Теперь Лэнгдон понял, почему статья получила столь широкое распространение в медицинской среде.

- Неудивительно, - продолжала Сиенна, - Зобрист был немедленно атакован со всех сторон - политиками, духовенством, Всемирной организацией здравоохранения - всеми теми, кто высмеивал его, выставляя сумасшедшим фаталистом, который просто сеет панику. Особенно они обиделись на его утверждение, что сегодняшняя молодежь, если она выберет размножение и хотела бы иметь потомство, без преувеличения будет свидетелем конца человеческой расы. Зобрист проиллюстрировал свою точку зрения Часами Судного дня, которые показывают, что если принять все время существование человечества на Земле за один час… мы все сейчас находимся на последней секунде.

- Я буквально видел эти часы онлайн, - сказал Лэнгдон.

- Да, верно, и это в самом деле вызвало такой шум. Однако, еще большего противостояния Зобрист добился своим заявлением, что его достижения в области генной инженерии в будущем могли бы помочь использовать их не для лечения болезни, а скорее для ее создания.

- Что?!

- Да, он утверждал, что его технологии должны быть использованы для ограничения роста популяции путем создания такого гибрида вируса, который наша современная медицина была бы не в силах излечить.

Лэнгдон почувствовал возрастающую тревогу, когда в его мозгу всплывали странные картинки. Однажды выпущенный гибрид "авторского вируса" будет невозможно остановить.

- За несколько коротких лет, - говорила Сиенна, - Зобрист прошел путь от всеобщего любимца медицинского мира до абсолютного изгоя. Проклятого. - Она остановилась, взгляд сострадания появился на ее лице. - На самом деле, вполне естественно, что он сорвался и покончил с собой. Но еще печальнее то, что его утверждение, вероятно, было верным.

Лэнгдон чуть не упал. - Извини, но ты думаешь, он прав?

Сиенна с важным видом пожала плечами. - Роберт, говоря чисто с научной точки зрения — следуя логике, а не чувствам — я могу без всякого сомнения сказать, что без каких-либо радикальных перемен конец нашего вида близок. И наступит очень быстро. Это будет не огонь, не сера, не апокалипсис и не ядерная война…это будет полный коллапс, вызванный ростом численности населения планеты. Расчеты неоспоримы.

Лэнгдон напрягся.

- Я изучила значительную часть биологии, - сказала она, - для любого вида вполне нормально исчезнуть в результате перенаселения его среды обитания. Представь колонию надводных водорослей, обитающих в крошечном лесном водоеме, пользующихся превосходным сочетанием его питательных веществ. Без надлежащего контроля они размножаются так бурно, что вскоре полностью покрывают поверхность водоема, заслоняя лучи солнца, и таким образом, препятствуют приросту питательных веществ в пруду. Лишив

свою среду обитания всего возможного, водоросли быстро погибают и исчезают без следа. - Она тяжело вздохнула. - Похожая судьба может с легкостью ждать и человечество. Намного раньше и быстрее, чем кто-либо из нас может представить.

Лэнгдон чувствовал себя сбитым с толку. - Но… это же невозможно.

- Не только невозможно, Роберт, но и немыслимо. Человеческий разум имеет защитный механизм, отвергающий все факты, которые оказывают на мозг слишком большое давление. Он называется отрицанием.

- Я слышал об отрицании, - беспечно съязвил Лэнгдон, - но не знал, что оно существует.

Сиенна закатила глаза. - Остроумно, но поверь мне, оно очень реально. Отрицание - важная часть защитного механизма человека. Без него мы бы в ужасе просыпались каждое утро, представляя все болезни, от которых можем умереть. Вместо этого, разум блокирует наши насущные страхи, фокусируя на проблемах, с которыми мы можем справиться - например, придти на работу вовремя или заплатить налоги. Если появляются более мощные страхи, мы пренебрегаем ими, сосредотачиваясь на простых задачах и ежедневных мелочах.

Лэнгдон вспомнил недавнее интернет-исследование студентов в одном из университетов Лиги плюща, которое показало, что даже пользователи с высоким интеллектом инстинктивно склонны к отрицанию. Согласно тесту, подавляющее большинство студентов университета после просмотра неутешительных новостей о таянии ледников или исчезновении видов быстро переходили на страницу с чем-то обыденным, что избавляло их разум от страхов; фаворитами стали спортивные события, забавные видео с котами и сплетни о знаменитостях.

- В древней мифологии, - предположил Лэнгдон, - отрицающий герой считался окончательным проявлением высокомерия и гордыни. Наивысшее проявление человеческой гордыни - полагать себя неуязвимым к опасностям мира. Данте ясно дал понять, разоблачая гордыню как худший из семи смертных грехов … и наказание за нее лежит в самом глубоком круге ада.

Сиенна на минуту задумалась и продолжила. - Статья Зобриста обвинила многих мировых лидеров в радикальном отрицании…в том, что они порятали свои головы в песок. Особенно критичен он был по отношению к Всемирной организации здравоохранения.

- Бьюсь об заклад, вполне успешно.

- Они отреагировали, сравнив его с религиозным фанатиком, который стоит на углу улицы и держит табличку с надписью “Конец Света близок”.

- На Гарвардской площади есть несколько таких.

- Да, и все мы игнорируем их, потому что ни один из нас не может представить, что это случится. Но поверь, если это не укладывается в нашей голове … вовсе не значит, что этого не произойдет.

- Ты прямо как сторонница Зобриста.

- Я сторонница истины, - с убеждением ответила она, - даже если трудно её принять.

Лэнгдон притих на мгновение, снова почувствовав странную изоляцию от Сиенны, и попытался понять необычное сочетание в ней страсти и отчужденности.

Она посмотрела на него со спокойным выражением лица. - Роберт, послушай, я не говорю, что Зобрист прав в том, что чума, уничтожающая половину человечества, решит проблему с перенаселением. И не говорю, что следует прекратить лечение больных. Речь идет о том, что нынешний путь - весьма простая формула разрушения. Рост населения - это геометрическая прогрессия, оказавшаяся в системе конечного пространства и ограниченных ресурсов. Конец наступит быстро. Это будет не похоже на медленный расход бензина…а скорее на съезд с обрыва.

Лэнгдон хмыкнул, пытаясь переварить только что услышанное.

- Кстати говоря, - добавила она, хмуро указывая вверх по правую сторону от них, - Я почти уверена, что Зобрист спрыгнул вон оттуда.

Лэнгдон поднял голову и увидел, что они как раз проходили мимо строгого каменного фасада музея Барджелло, расположенного справа от них. За ним клиновидный шпиль башни Бадиа возвышался над окружающими постройками. Он посмотрел на верхушку башни, размышляя, почему Зобрист спрыгнул. И он надеялся, что, черт возьми, этого не было, потому, что тот совершил что-то ужасное и не хотел сталкиваться с грядущими событиями.

- Критики Зобриста, - сказала Сиенна, - с ехидством отмечают парадоксальность того, что многие из разработанных им генных технологий серьёзно увеличивают прогнозируемую продолжительность жизни.

- Что только усугубляет проблему перенаселения?

- Вот именно. Зобрист однажды публично заявил, что хотел бы запихнуть джинна обратно в бутылку и отменить свой вклад в увеличение продолжительности человеческой жизни. Я полагаю, это убедительная риторика. Чем дольше мы живём, тем больше наших ресурсов расходуется на поддержание пожилых и больных.

Лэнгдон кивнул. - Я читал, что в Штатах порядка 60 процентов расходов на здравоохранение идёт на помощь пациентам в последние полгода их жизни.

- Это так, и в то время как наш рассудок говорит, что это безумие, сердца отвечают: "Пусть бабушка поживёт как можно дольше".

Лэнгдон кивнул. - Конфликт между Аполлоном и Дионисом - легендарная дилемма в мифологии. Извечная битва между разумом и сердцем, которые редко хотят одного и того же.

Лэнгдон слышал об отсылках к мифологии, которые теперь использовались на встречах анонимных алкоголиков, чтобы описать алкоголика, уставившегося на стакан со спиртным - его мозг знал, что оно ему навредит, но сердцем он страстно желал покоя, которое оно ему принесет. Очевидно, идея звучала так: Не чувствуйте себя одинокими - даже боги враждовали.

- Кто нуждается в агатузии? - неожиданно прошептала Сиенна.

- Что, прости?

Сиенна подняла глаза. - Я наконец вспомнила заголовок эссе Зобриста. Оно называлось: "Кто нуждается в агатузии?"

Лэнгдон никогда не слышал слова агатузия, но догадывался, что оно, вероятно, образовано из корней греческих слов - агатос и тузия. - Агатузия…должно быть "подходящая жертва"?

- Почти. Фактически это означает "самопожертвование во имя общего блага". - Она сделала паузу. - Также известно как самоубийство с благой целью.

Лэнгдон безусловно встречал данный термин раньше - в первый раз, когда обанкротившийся отец покончил с собой, чтобы семья получила его страховку, и во второй - когда раскаявшийся серийный убийца, убил себя в страхе, что не сможет контролировать свое влечение убивать.

Однако, самый ужасный пример Лэнгдон помнил из романа "Бегство Логана" 1967 года, изображавшим будущее общество, в котором каждый с радостью соглашался совершить самоубийство по достижении двадцати одного года - таким образом, полностью насладившись юностью, люди не представляли угрозы своей численностью или старостью для ограниченных ресурсов планеты. Если Лэнгдон правильно помнил, в киноверсии Бегства Логана "конечный возраст" был повышен с двадцати трех до тридцати. Без сомнений в попытке сделать фильм более приемлемым для самой ключевой для сборов группы населения в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти.

- Итак, Эссе Зобриста… - сказал Лэнгдон. - Я не уверен в названии. “Кто нуждается в агатузии?” Это сарказм? И кто нуждается в самоубийстве с благой целью? Все мы?

- Вообще говоря нет, название - игра слов.

Лэндон покачал головой, не увидев её.

- Кто (WHO) нуждается в самоубийстве - здесь WHO (ВОЗ) - аббревиатура Всемирной организации здравоохранения. В своём очерке Зобрист выступил против директора ВОЗ доктора Элизабет Сински, которая работает там давно и, по мнению Зобриста, не принимает всерьёз необходимость контроля за ростом народонаселения. В его статье говорилось, что ВОЗ пошло бы на пользу, если бы Элизабет Сински покончила с собой.

- До чего же он всё близко к сердцу принимал.

- Такова участь гениев, предполагаю я. Зачастую, люди с особенным интеллектом способны к концентрации сильнее других и делают это за счет эмоциональной зрелости.

Лэнгдон представил увиденную ранее статью о маленькой Сиенне, одаренном ребенке с IQ 208 баллов и сверх способностями ума. Лэнгдон задумался, что если, говоря о Зобристе, она неким образом имела ввиду себя; ему также было любопытно узнать, как долго она решит хранить свою тайну.

Впереди себя Лэнгдон обнаружил ориентир, который искал. После пересечения Виа Дей Леони, Лэнгдон привел ее к перекрестку крайне узкой улицы - больше похожей на переулок. Знак над головой гласил ВИА ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ.

- Звучит так, как будто ты много знаешь о человеческом мозге, - сказал Лэнгдон. - Это было твоей специальностью в медицинской школе?

- Нет, просто много читала об этом, когда была ребенком. Я заинтересовалась наукой о мозге, потому что у меня были кое-какие…медицинские причины.

Лэнгдон с любопытством взглянул на нее в надежде, что она продолжит.

- Мой мозг… - спокойно сказала Сиенна. - Он развивался отлично от других детей, и это вызвало некоторые…проблемы. Я долгое время пыталась понять, что со мной не так, и в процессе много узнала о неврологии. - Она поймала взгляд Лэнгдона. - И да, отсутствие волос связано с моим заболеванием.

Лэнгдон отвел глаза, смутившись того, что спросил.

- Не беспокойся об этом, - сказала она. - Я научилась жить с этим.

Пока они двигались под прохладным воздухом тенистой дорожки, Лэнгдон обдумывал все, что успел узнать о Зобристе и его тревожных философских взглядах.

Ему не давал покоя один вопрос. - Эти солдаты, - начал Лэнгдон. - Те, которые пытаются нас убить. Кто они? Это не имеет смысла. Если Зобрист запускает потенциальную чуму, нет ли кого-нибудь, кто работает над тем, чтобы остановить ее распространение?

- Не обязательно. Зобрист, может, и отверженный в медицинском сообществе, но у него, по всей вероятности - легион адептов его идеологии - людей, которые считают, что такое выборочное уничтожение - неизбежное зло для сохранения всей планеты. Всех, кого мы знаем, эти солдаты пытаются убедить, что взгляды Зобриста осуществимы.

Персональная армия учеников Зобриста? Лэнгдон рассматривал такую возможность. Общеизвестно, что в истории были многочисленные отдельные фанатики и целые секты, члены которых убивали себя в угоду каким-то сумасшедшим идеям, верили, что их лидер - Мессия, что космический корабль ждет их за луной, и что Судный День неизбежен. Спекуляции о контроле за количеством жителей на Земле были, по крайней мере, основаны на научных данных, но все же что-то в этих солдатах по-прежнему не давало Лэнгдону покоя.

- Я просто не могу поверить, что целая группа подготовленных солдат сознательно согласится убивать невинных людей… все время опасаясь, что они могут заразиться и умереть сами.

Сиенна бросила на него озадаченный взгляд. - Роберт, как ты думаешь, что делают солдаты, когда идут на войну? Они убивают невинных людей под страхом собственной смерти. Все возможно, если люди верят в какую-то цель.

- Цель? Распространение чумы?

Сиенна глянула на него. Ее коричневые глаза исследовали Лэнгдона. - Роберт, цель - не распространение чумы… а спасение мира. Она помолчала. - Один из пассажей эссе Бертрана Зобриста о том, что множество людей интересуется вполне очевидным гипотетическим вопросом. Я хочу, чтобы ты на него ответил.

- Что за вопрос?

- Зобрист спросил своих последователей: Если бы вы могли измениться настолько, что были в силах беспорядочно убить половину населения Земли, вы бы сделали это?

- Конечно нет.

- Ну ладно. А если бы тебе сказали, что если прямо сейчас не нажмёшь эту кнопку, род человеческий исчезнет за следующее столетие? - Она выждала. - Ты бы её нажал? Даже если бы это означало вероятную гибель друзей, родственников и, может быть, себя самого?

- Сиенна, я в принципе не смог бы…

- Вопрос гипотетический, - сказала она. - Ты готов был бы убить половину человечества сегодня ради спасения нашего вида от исчезновения?

Лэнгдон сильно встревожился из-за жуткой темы, которую они обсуждали и был рад увидеть знакомый красный баннер, висевший на фасаде каменного здания.

- Смотри, - сообщил он, указывая перед собой. - Мы пришли.

Сиенна покачала головой. - О чем я и говорила. Отрицание.

Глава 51

Дом Данте располагался на Виа Санта-Маргерита и легко распознавался благодаря большому баннеру, висящему в переулке у каменного фасада: ДОМ-МУЗЕЙ ДАНТЕ.

Сиенна с неуверенностью посмотрела на баннер. - Мы пойдем в дом Данте?

- Не совсем, - сказал Лэнгдон. - Данте жил за углом. Это скорее музей … Данте. - Лэнгдон осмелился однажды войти туда из любопытства, интересуясь произведениями искусства, которые оказались всего лишь репродукциями известных работ со всего мира, связанных с Данте. И все же было интересно увидеть их все, собранные под одной крышей.

Сиенна внезапно посмотрела с надеждой. - И ты думаешь, что у них экспонируется старинный экземпляр “Божественной Комедии”?

Лэнгдон засмеялся. - Нет, но я знаю, что у них есть магазин подарков, который продает огромные постеры со всем текстом “Божественной комедии” Данте, напечатанным мелким шрифтом.

Она выглядела слегка потрясенной.

- Я знаю. Но это лучше чем ничего. Единственная проблема состоит в том, что у меня зрение не в порядке, поэтому тебе придется прочитать мелкий шрифт.

- Закрыто(ит.), - выкрикнул старик, увидев, что они приближаются к двери. - Выходной день.

Закрыто на шабат? Лэнгдон внезапно почувствовал себя сбитым с толку. Он посмотрел на Сиенну. - Разве сегодня … понедельник?

Она кивнула. - Флорентийцы предпочитают отдыхать в понедельник.

Лэнгдон застонал, внезапно вспомнив необычный еженедельный календарь города. Поскольку доход от туристов приходился в большей степени на выходные, многие флорентийские торговцы приняли решение переместить христианский "день отдыха" с воскресенья на понедельник, чтобы в результате шабат не сократился слишком сильно.

К сожалению, Лэнгдон понял, что также отпал и другой вариант: the Paperback Exchange ("Книгообмен") — один из любимых флорентийских книжных магазинов Лэнгдона — в котором определенно были в наличии копии "Божественной Комедии".

- Есть другие идеи? - спросила Сиенна.

Лэнгдон какое-то время подумал и наконец кивнул. - Есть место как раз за углом, где собираются любители Данте. Держу пари, что у кого-нибудь там есть экземпляр, который мы можем позаимствовать.

- Оно, вероятно, тоже закрыто, - предупредила Сиенна. - Почти во всех местах в городе шабат передвинут с воскресенья на понедельник.

- В этом месте даже не мечтают о таком, - ответил Лэнгдон с улыбкой. - Это - церковь.

В пятидесяти метрах позади них, скрываясь среди толпы, человек с кожной сыпью и золотой сережкой облокотился на стену, наслаждаясь этим шансом отдышаться. Его дыхание ничуть не становилось лучше, и сыпь на его лице было почти невозможно проигнорировать, особенно чувствительную кожу над глазами. Он снял свои очки Plume Paris и мягко протер рукавом глазницы, пытаясь не повредить кожу. Когда он снова надел свои очки, то увидел, что его жертва продолжала двигаться. Вынуждая себя, он продолжал идти за ними, стараясь дышать потише.

Несколько кварталов позади Лэнгдона и Сиенны, в Зале Пятисот, Агент Брюдер склонился над изувеченным телом слишком хорошо знакомой женщины с ирокезом, которая лежала теперь, распростершись на полу. Он встал на колени и вынул ее пистолет, для безопасности осторожно удаляя патрон, прежде чем передать его одному из своих людей.

Беременная Марта Альварес, музейный администратор, стояла сбоку. Она только что дала Брюдеру короткий, но пугающий отчет о том, что произошло с Робертом Лэнгдоном с той предыдущей ночи … включая единственную информацию, которую Брюдер все еще пытался понять.

Лэнгдон утверждал, что у него амнезия.

Брюдер вытащил телефон и набрал номер. На другом конце линии звонок прозвучал три раза, прежде чем ответил его босс, сигнал был отдаленным и неустойчивым.

- Да, агент Брюдер? Говорите.

Брюдер говорил медленно, убедившись, что каждое его слово поняли. - Мы все еще пытаемся определить местонахождение Лэнгдона и девушки, но все пошло по-другому. - Брюдер сделал паузу. - И если это - правда … то все меняется.

Хозяин шагал по своему офису, борясь с искушением выпить еще виски, вынужденный столкнуться с этим растущим кризисом в лоб.

Никогда в своей карьере он не предавал интересы клиента и не нарушал соглашение, и он не намеревался делать это теперь. В то же самое время он подозревал, что, возможно, запутался в сценарии, цель которого отличалась от того, что он первоначально вообразил.

Один год назад известный генетик Бертран Зобрист приехал на борт Мендасиума и попросил зону безопасности, в которой можно работать. Тогда хозяин предполагал, что Зобрист работает над секретной медицинской процедурой, патентование которой увеличит обширное состояние Зобриста. Это было не впервые, когда услугами Консорциума пользовались параноидальные ученые и инженеры. Они предпочитали работать в полной изоляции, чтобы препятствовать краже своих ценных идей.

Помня об этом, хозяин принял клиента и не удивился, когда узнал, что люди во Всемирной организации здравоохранения начали искать его. И при этом он не усомнился, когда сама директор ВОЗ — доктор Элизабет Сински — казалось, поставила для себя личную цель определить местонахождение их клиента.

Консорциум всегда сталкивался с влиятельными противниками.

По договору Консорциум выполнил соглашение с Зобристом, не задавая никаких вопросов, сводя на нет усилия Сински найти его на протяжении всего контракта ученого.

Почти на всем протяжении.

Меньше чем за неделю до истечения контракта Сински каким-то образом определила местонахождение Зобриста во Флоренции и приблизилась, беспокоя и преследуя его, пока тот не совершил самоубийство. Впервые в своей карьере, хозяин не обеспечил защиту, на которую согласился, и это беспокоило его … наряду с причудливыми обстоятельствами смерти Зобриста.

Он совершил самоубийство … чтобы его не схватили?

Что, черт возьми, защищал Зобрист?

После его смерти Сински конфисковала предмет из банковской ячейки Зобриста, и теперь Консорциум вынужден лицом к лицу вступить в сражение с Сински во Флоренции — взяться за поиск сокровища по высокой ставке…

Найти что?

Хозяин почувствовал, как его взгляд инстинктивно тянется к книжной полке и тяжелому тому, подаренному ему Зобристом с безумным взглядом две недели назад.

“Божественная комедия”.

Хозяин достал книгу, отнес ее назад к столу и с тяжелым глухим стуком уронил ее. Дрожащими пальцами он открыл обложку на первой странице и снова прочитал надпись.

Мой дорогой друг, спасибо, что помогли мне найти путь.

Мир также благодарит вас.

Первое, о чем подумал хозяин, он и я никогда не были друзьями.

Он прочитал надпись еще три раза. Потом он обратил взгляд на ярко-красный круг, который его клиент небрежно начертил на календаре, выделяя завтрашнюю дату.

Мир благодарит вас?

Он повернулся и долгим взглядом пристально смотрел на горизонт.

В тишине он думал о видео и слышал голос помощника Ноултона, когда тот в прошлый раз звонил по телефону. Я думал, что вы захотите просмотреть это прежде, чем загрузить … содержание довольно тревожное.

Звонок все еще беспокоил хозяина. Ноултон был одним из его лучших помощников, и обращение с такой просьбой было на него не похоже. Он отлично понимал в чем дело, предлагая не принимать во внимание протокол.

После возвращения на полку “Божественной Комедии” хозяин подошел к бутылке виски и опрокинул в себя полстакана.

Он вынужден был принять очень трудное решение.

Глава 52

Известный как Храм Данте, святилище святой Марии Антиохийской было больше похоже на часовню, чем на церковь. Крошечный, однокомнатный молитвенный домик был широко известным прибежищем для ценителей Данте, почитавших это место как священную землю, на которой произошло два ключевых события из жизни поэта.

Согласно преданию, именно в этой церкви в возрасте девяти лет Данте впервые увидел Беатриче Портинари - женщину, в которую он влюбился с первого взгляда и из-за которой его сердце страдало всю оставшуюся жизнь. К великому сожалению Данте, Беатриче вышла замуж за другого, а затем скончалась в юном возрасте двадцати четырех лет.

А также именно в этой церкви, несколько лет спустя Данте женился на Джемме Донати - женщине, которая даже по мнению великого писателя и поэта Боккаччо, не годилась в жены Данте. Несмотря на наличие детей, они были мало привязаны друг к другу, и после изгнания Данте, ни один из супругов не проявил стремления увидеться с другим.

Любовь не покидала Данте на протяжении всей его жизни и навсегда сохранится в его сердце память о покойной Беатриче Портинари, которую он едва знал. И все же воспоминания о ней так будоражили его, что ее призрак стал для него музой, вдохновлявшей его на самые великие произведения.

Известный сборник поэзии Данте - Новая жизнь (ит.) - переполнен лестными стихами о “благословенной Беатриче”. Более почитаемая “Божественная комедия” представляет Беатриче в роли не иначе как спасительницы, которая ведет его через Рай. В обеих работах Данте стремится к своей недосягаемой женщине.

Сегодня Храм Данте стал святыней для всех людей с разбитым сердцем, которые страдают от неразделенной любви. Могила юной Беатриче находится внутри него, а ее простая гробница стала местом паломничества поклонников Данте и несчастных влюбленных.

Этим утром, пока Лэнгдон и Сиенна продвигались через старую Флоренцию к церкви, улицы продолжали сужаться до тех пор, пока не стали чуть больше, чем хваленые пешеходные тротуары. Как только в этих лабиринтах появлялась случайная машина и пока она проезжала, прохожие были вынуждены прижиматься вплотную к зданиям.

- Церковь находится как раз за углом, - сказал Лэнгдон Сиенне, надеясь, что туристы внутри смогут им помочь. Он знал, что теперь их шансы встретить доброго самаритянина повысились, так как Сиенна получила свой парик обратно в обмен на пиджак Лэнгдона, и они оба вернулись к своему нормальному виду, превратившись из рокера и скинхеда… в профессора колледжа и аккуратно подстриженную молодую женщину.

Лэнгдон еще раз обрадовался тому, что похож сам на себя.

Когда они зашли в еще более узкий переулок - Виа дель Престо - Лэнгдон тщательно исследовал несколько дверных проемов. Вход в церковь всегда было сложно обнаружить, так как строение было очень маленьким, невзрачным и зажатым между двумя другими зданиями. Любой мог пройти мимо него, даже не заметив. Как ни странно, часто церковь можно было найти, используя не глаза…а уши.

Одной из особенностей святилища святой Марии Антиохийской было то, что там часто проводились концерты, а когда концерты не были запланированы, в церкви звучали записи, благодаря чему посетители могли наслаждаться музыкой в любое время.

Как и ожидалось, спустившись вниз по узкой улице, они услышали тихие звуки музыкальной записи, которые становились все громче, пока он и Сиенна не оказались перед неприметным входом. Единственной приметой того, что это то самое место, был крошечный знак - полная противоположность яркому красному баннеру музея Данте - скромно сообщавший, что это церковь Данте и Беатриче.

Когда Лэнгдон с Сиенной ступили с улицы в мрачные покои храма, воздух стал прохладнее, а музыка громче. Внутри всё было устроено просто и строго, было… не так просторно, как это запомнилось Лэнгдону. Там была всего горстка туристов, которые общались, записывались в журнал посетителей, просто тихо сидели на скамьях, слушая музыку, или разглядывали любопытную коллекцию произведений искусства.

За исключением запрестольного образа, посвященного Богоматери, кисти Нери ди Бичи, практически вся оригинальная живопись в этой часовне была заменена современными картинами, что представляли двух знаменитостей - Данте и Беатриче - причина, по которой многие посетители искали эту неприметную молельню. Большинство картин изображали тоскующий взгляд Данте во время его известной первой неожиданной встречи с Беатриче, и тогда, по его собственному признанию, он мгновенно влюбился. Картины существенно отличались по качеству, и большинство, на вкус Лэнгдона, казались вульгарными и не к месту. На одном из изображений, Данте в своем красном колпаке, казалось, позаимствовал что-то от Санта Клауса. Несмотря на это, основная тема - тоскующий взгляд поэта на свою музу, Беатриче, - не оставляла никаких сомнений в том, что это была церковь мучительной любви - неосуществленной, неразделенной и недосягаемой.

Лэнгдон инстинктивно повернулся налево и взглянул на скромную могилу Беатриче Портинари. Это была первая причина, по которой люди посещали эту церковь, хотя и не столько для того, чтобы увидеть саму могилу, сколько - известный предмет позади нее.

Плетеную корзину.

Этим утром, как и всегда, простая плетеная корзина находилась за могилой Беатриче. И сегодня, как всегда, она была переполнена свернутыми бумажными карточками - написанными от руки письмами посетителей к самой Беатриче.

Беатриче Портинари стала своего рода ангелом-хранителем неудачливых влюблённых, и по давней традиции можно было оставлять в корзине для Беатриче рукописные молитвы в надежде на то, что она вмешается и встанет на сторону написавшего - возможно, вдохновит кого-то на проявление к нему большей любви или поможет найти настоящую любовь, или, возможно, даст силы забыть о покинувшем его предмете любви.

Много лет назад Лэнгдон, в муках собирая научный материал для книги по истории живописи, останавливался в этом храме, чтобы оставить в корзине записку с мольбой к музе Данте послать ему не любовь истинную, а вдохновение, подобное тому, что подвигло Данте на его монументальный труд.

Воспой во мне, Муза, моими устами поведай былое…

Начальная строка гомеровской Одиссеи казалась достойной мольбой, и Лэнгдон втайне верил, что его послание действительно вызвало божественное вдохновение Беатриче, так как по возвращении домой он написал книгу с необычной легкостью.

- Простите! - неожиданно громко выкрикнула Сиенна. - Вы слышите меня? (ит.) Я обращаюсь ко всем.

Лэнгдон повернулся и увидел, как Сиенна обращается к туристам, которые разбрелись по церкви и теперь смотрели на неё с несколько встревоженным видом.

Сиенна всем мило улыбалась и спрашивала на итальянском, нет ли случайно у кого-нибудь Божественной комедии Данте. После странных взглядов и покачиваний головой, она спросила на английском, но все так же безуспешно.

Женщина постарше, прибиравшая у алтаря, резко зашипела на Сиенну и подняла палец к губам, призывая соблюдать тишину.

Сиенна обернулась к Лэнгдону и нахмурилась, словно спрашивая: - И что теперь?

Настойчивое обращение Сиенны ко всем подряд было не совсем то, что Лэнгдон имел в виду, но он должен был признать, что ожидал лучшего результата. В предыдущие визиты Лэнгдон не видел недостатка в туристах, читающих "Божественную комедию" в этом священном месте и явно наслаждавшихся полным погружением в переживания Данте.

Но не сегодня.

Лэнгдон направил взгляд на пожилую пару, сидящую в передней части церкви. Лысая голова старика была наклонена вперед, подбородком к груди; понятно, что им овладел сон.

Женщина рядом с ним казалась очень бодрой, из-под ее седых волос свисали провода белого цвета от наушников-капелек.

Проблеск надежды, подумал Лэнгдон, двигаясь вдоль прохода, пока не оказался рядом с парой. Лэнгдон надеялся, что характерные белые наушники тянулись вниз к iPhone на коленях женщины. Заметив, что за ней наблюдают, она подняла глаза и вынула наушники.

Лэнгдон понятия не имел, на каком языке она говорит, но глобальное распространение iPhone, iPad и iPod привело к созданию универсальной, понятной для всех терминологии, такой же как символы мужчины и женщины, украшающие туалетные комнаты по всему миру.

- iPhone? - спросил Лэнгдон, глядя на ее устройство.

Старая женщина сразу же оживилась, гордо кивая. - Такая умная игрушка, - прошептала она с британским акцентом. - Ее мне дал мой сын. Я прослушиваю свою электронную почту. Вы можете в это поверить? Я прослушиваю почту. Это маленькое сокровище читает ее для меня. Это так помогает при моем старческом зрении.

- У меня такой же, - сказал Лэнгдон с улыбкой, садясь рядом с ней как можно осторожнее, чтобы не разбудить ее мужа. - Но каким-то образом я потерял его вчера вечером.

- О, как печально! А вы не пробовали функцию "найди свой iPhone"? Мой сын говорит…

- Как глупо, я не никогда не пользовался этой функцией. - Лэнгдон застенчиво посмотрел на нее и, сомневаясь, рискнул. - Боюсь показаться навязчивым, вы не будете сильно возражать, если я отдолжу ваш iPhone ненадолго? Хотел кое-что найти в сети. Это бы мне очень помогло.

- Конечно! - Она сняла наушники и вручила ему устройство. - Никаких проблем! Сочувствую.

Лэнгдон поблагодарил ее и взял телефон. Пока она лепетала о том, как ужасно она будет себя чувствовать, если потеряет свой iPhone, Лэнгдон открыл окно поиска Google и нажал кнопку микрофона. Когда раздался одиночный сигнал, Лэнгдон ввел запрос в поисковую строку.

- Данте, Божественная комедия, Рай, Песнь двадцать пятая.

Женщина выглядела удивленной, очевидно намереваясь узнать об этой функции. Как только на небольшом экране начали появляться результаты поиска, Лэнгдон взглянул украдкой на Сиенну, которая листала какие-то печатные материалы возле корзины с письмами к Беатриче.

Недалеко от нее, мужчина в галстуке стоял на коленях в тени и сосредоточенно молился, низко наклонив голову. Лэнгдон не мог видеть его лица, но почувствовал укол грусти из-за одинокого человека, который, вероятно, потерял любимую и пришел сюда в поисках утешения.

Лэнгдон снова сфокусировался на айфоне и тут же нажал ссылку цифровой копии Божественной комедии - находившейся в свободном доступе, так как это был публичный домен. Когда страница открылась прямо на песне 25, ему пришлось признать, что он поражен развитием технологий. Не стоит быть снобом в отношении обычных книг, подумал он про себя. У электронных есть свои плюсы.

Пока старая женщина наблюдала за ним с некоторой озабоченностью и рассказывала что-то про высокую скорость интернета за рубежом, Лэнгдон понял, что его окно возможностей продлится недолго, и принялся внимательно изучать веб-страницу перед собой.

Текст был мелкий, но тусклый свет в часовне сделал изображение на экране более четким. Лэнгдону нравилось периодически натыкаться на перевод Мандельбаума - популярное современное толкование старого американского профессора Аллена

Мандельбаума. За свой великолепный перевод Мандельбаум был удостоен высшей итальянской награды - президентского креста Ордена звезды итальянской солидарности. В то время как менее публичная поэзия, чем вариант Лонгфеллоу, перевод Мандельбаума более понятный.

Сегодня я внесу ясность в поэзию, думал Лэнгдон, надеясь быстро разыскать в тексте указание на определенное место во Флоренции - место, где Игнацио спрятал посмертную маску Данте.

Крохотный экран айфона показывал всего лишь шесть строчек за раз и как только Лэнгдон начал читать, он вспомнил отрывок. Во введении к Песни 25 Данте ссылается на Божественную комедию, принесшей ему физические страдания и выражает надежду, что все-таки его божественная поэма сможет преодолеть волчью жестокость изгнания, которая отделяла его от его настоящей Флоренции.

ПЕСНЬ XXV

Коль в некий день поэмою священной,

Отмеченной и небом и землей,

Так что я долго чах, в трудах согбенный,

Смирится гнев, пресекший доступ мой

К родной овчарне, где я спал ягненком,

Немил волкам, смутившим в ней покой, —

И хотя строфа напоминала о том, что прекрасная Флоренция была домом, к которому стремился Данте во время написания Божественной комедии, Лэнгдон не увидел никакого указания на конкретное место в городе.

- Что вы знаете о плате за передачу данных? - прервала его женщина и посмотрела на свой iPhone с внезапным беспокойством. - Я просто помню, что мой сын говорил мне быть осторожнее с использованием интернета за границей.

Лэнгдон уверил ее, что это всего лишь на минуту и предложил заплатить ей, но почувствовал, что даже в этом случае она никогда не позволит ему прочитать все сто строк Песни 25.

Он быстро прокрутил вниз до следующих шести строк и продолжил читать.

В ином руне, в ином величьи звонком

Вернусь, поэт, и осенюсь венцом

Там, где крещенье принимал ребенком;

Затем что в веру, души пред Творцом

Являющую, там я облачился

И за нее благословлен Петром.

Лэнгдон небрежно повторил этот отрывок, явно намекая на политическую сделку, предложенную Данте его противниками. Согласно истории, "волки", которые изгнали Данте из Флоренции, сказали ему, что он сможет вернуться в город, только если согласится испытать публичный позор - предстать около своей купели перед всей паствой одетым лишь в дерюгу в знак своей вины.

В отрывке, который только что прочитал Лэнгдон, Данте отказался от сделки, объявив, что если даже он вернется в свою купель, то будет носить не робу осужденного, а лавровый венок поэта.

Лэнгдон поднял указательный палец, чтобы прокрутить текст дальше, но женщина внезапно возразила, протягивая свою руку к айфону, очевидно, желая забрать его.

Лэнгдон едва слышал ее. За секунду до того, как он коснулся экрана, его взгляд наткнулся уже во второй раз на ту же строчку текста.

Вернусь, поэт, и осенюсь венцом

Там, где крещенье принимал ребенком;

Лэнгдон уставился на слова, ощущая, что из-за сильного желания найти в тексте упоминание определенного места, он почти пропустил ясный намек в самых первых строчках.

Там, где крещенье при…

Флоренция являлась родиной одной из самых знаменитых купелей в мире, которая более семисот лет использовалась для совершения обрядов очищения и крещения молодых флорентийцев — и среди них, Данте Алигьери.

Лэнгдон немедленно воскресил в памяти изображение здания, содержащего купель. Это было эффектное, восьмиугольное здание, которое во многих отношениях было восхитительнее, чем сам Дуомо. Теперь он задумался, все ли прочитал из того, что следовало прочитать.

Могло ли это здание быть местом, которое упоминал Игнацио?

Лэнгдона осенило, и прекрасное изображение из памяти материализовалось — захватывающее множество бронзовых дверей — сияющих и блестящих на утреннем солнце.

Я понял, что хотел мне сказать Игнацио.

Все долгие сомнения испарились через мгновение, когда он понял, что Игнацио Бузони был тем единственным человеком во Флоренции, который смог бы отпереть те двери.

Роберт, ворота открыты для тебя, но следует поторопиться.

Лэнгдон возвратил iPhone пожилой женщине и тепло ее поблагодарил.

Он помчался к Сиенне и взволнованно прошептал, - Я знаю, о каких воротах говорил Игнацио! О воротах Рая!

Сиенна посмотрела с сомнением. - Ворота рая? Не те, которые… на небесах?

- Вообще-то, да, - сказал Лэнгдон, изображая кривую улыбку и двигаясь к двери, - если ты понимаешь, где искать, то Флоренция - небеса.

Глава 53

Вернусь, поэт…

Там, где крещенье принимал ребенком;

Слова Данте эхом отдавались в сознании Лэнгдона, когда он вёл Сиенну в северном направлении по узкому проходу, известному под именем Студийного переулка. Они были близки к месту назначения, и с каждым шагом Лэнгдон ощущал всё большую уверенность, что они на правильном пути и оторвались от своих преследователей.

Ворота открыты для тебя, но следует поторопиться.

Приближаясь к концу похожего на ущелье переулка, Лэнгдон услышал слабый звук энергичного гудения. Внезапно стены, окружавшие их со всех сторон, исчезли, и они оказались на открытом пространстве.

Площадь Дуомо.

Площадь со сложной сетью сооружений являлась древним религиозным центром Флоренции. Но на сегодняшний день она больше походила на туристический центр, переполненная экскурсионными автобусами и толпами посетителей, теснившихся у знаменитого кафедрального собора Флоренции.

Прибыв с южной стороны площади, Лэнгдон и Сиенна стояли лицом к собору, покрытому снаружи ослепительным зеленым, розовым и белым мрамором. Он захватывал дух как своими размерами, так и художественностью исполнения конструкции. Казалось, собор простирался в обоих направлениях на невероятное расстояние, почти равное по всей длине монументу Вашингтона, лежащему на боку.

Несмотря на отказ от традиционного черно-белого камня филигранной работы в пользу необычайно яркого сочетания цветов, строение было полностью выполнено в готическом стиле - образцово, надежно и долговечно. Надо признаться, во время первой поездки во Флоренцию Лэнгдон счел архитектуру практически безвкусной. Однако, последующие путешествия он часами изучал строение, очарованный, как ни странно, его необычайным эстетическим эффектом, и наконец оценил его удивительную красоту.

Дуомо - или более формально, собор Санта Мария дель Фьоре - в дополнение к тому, что обеспечил прозвищем Игнацио Бузони, долгое время считался не только духовным сердцем Флоренции, но и центром трагедий и интриг. В его изменчивом прошлом было все, от длинных и порочных дебатов в отношении столь презираемой фрески Вазари, расположенной под куполом…до горячо обсуждаемых соисканий архитектора, который мог бы закончить сам купол.

Филиппо Брунеллески в конечном итоге заключил выгодный контракт и завершил купол - крупнейший в своем роде на тот момент - и по сей день скульптура Брунеллески изображает, как он сидит снаружи Палаццо дей Каноничи и с довольным видом смотрит вверх на свой шедевр.

Этим утром, как только Лэнгдон устремил свой взгляд к знаменитому покрытому красной черепицей куполу, являющемуся архитектурным подвигом своей эпохи, он вспомнил время, когда по глупости решил подняться наверх. Тогда он открыл для себя, что подъем по узкой, забитой туристами лестнице был для него таким мучительным, как не происходило ни в одном замкнутом пространстве, где он когда-либо оказывался. Даже в этом случае Лэнгдон был благодарен за испытание, которое вынес, поднимаясь "на Купол Брунеллески," так как это вдохновило его прочитать интересную книгу Росса Кинга с тем же самым названием.

- Роберт? - сказала Сиенна. - Ты идешь?

Лэнгдон отвел взгляд от купола, осознавая, что стоит как вкопанный, любуясь архитектурой. - Прости, я увлекся.

Они продолжили движение, придерживаясь периметра площади. Собор сейчас был справа от них, и Лэнгдон заметил, как поток туристов, проверявших свой список обязательных к посещению мест, хлынул из его боковых выходов.

Впереди безошибочно угадывались очертания кампанилы - второго из трех сооружений в соборном ансамбле. Общеизвестная как колокольня Джотто, она, вне всякого сомнения, принадлежала собору, что находился за ней. Украшенный тем же розовым, зеленым и белым облицовочным камнем, квадратный шпиль поднимался ввысь на головокружительную высоту в триста футов. Лэнгдона поражало, что это стройное сооружение оставалось неподвижным на все века, несмотря на землетрясения и плохую погоду, особенно учитывая, насколько тяжелой была его верхняя часть, которая удерживала более чем двадцать тысяч фунтов колоколов.

Сиенна быстро шла рядом с ним, ее глаза нервно поглядывали в небо в поисках беспилотника, но его нигде не было видно. Толпа была довольно плотная, даже в этот ранний час, а Лэнгдон почему то считал для себя обязательным находиться в гуще ее.

Приближаясь к кампаниле, они прошли мимо ряда художников-карикатуристов, стоящих у своих мольбертов с красочными зарисовками - подросток на скейтборде, девочка с лошадиными зубами и с клюшкой для лакросса в руках, молодожены, целующиеся на единороге. Лэнгдона в какой-то степени забавляло, что такая деятельность была разрешена на той же священной мостовой, где в детстве ставил свои мольберты Микеланджело.

Быстро обогнув основание колокольни Джотто, Лэнгдон с Сиенной повернули направо, выйдя прямо на открытое пространство площади перед собором. Здесь были самые густые толпы - туристы со всего мира наводили камеры своих телефонов вверх, на живописный главный фасад.

Лэнгдон едва взглянул вверх, приметив меньшее здание, что только что попало в поле зрения. Напротив центрального входа в собор находилось третье сооружение, завершающее соборный ансамбль.

И его любимое.

Баптистерий Святого Иоанна Крестителя.

Украшенный таким же как у собора многоцветным облицовочным камнем и полосатыми колоннами, баптистерий отличался от здания большего размера своей поразительной формой — идеальным восьмиугольником. Восьмигранная структура, по утверждениям некоторых напоминающая слоеный торт, состояла из трех различных ярусов, которые поднимались к невысокой белой крыше.

Лэнгдон знал, что восьмиугольная форма не имела никакого отношения к эстетике, в отличии от символизма. В христианстве цифра восемь означала возрождение и создание заново. Восьмиугольник был зрительным напоминанием о шести днях, во время которых Бог создал небо и землю, седьмом дне - субботе и восьмом, во время которого христиане "возрождались" или "воссоздавались" через крещение. Восьмиугольник стал общим символом для купелей во всем мире.

По мнению Лэнгдона баптистерий был одним из самых поразительных зданий Флоренции, но он всегда считал его расположение немного несправедливым. Находясь где-нибудь в другом месте земли, баптистерий непременно стал бы центром внимания. Здесь, однако, в тени двух колоссальных родных братьев, баптистерий производил впечатление пасынка.

Еще не войдя внутрь, Лэнгдон, рисуя в воображении, вспомнил о потрясающей мозаике в интерьере, которая была столь великолепна, что издавна поклонники считали потолок баптистерия напоминающим само небо. Если ты знаешь, где искать, перефразировал Лэнгдон для Сиенны, то Флоренция - это небеса.

За прошедшие столетия это восьмигранное святилище стало местом крещения неисчислимого множества выдающихся людей - и среди них был Данте.

Вернусь, поэт…

Там, где крещенье принимал ребенком;

Из-за высылки Данте так и не позволили вернуться к этому святому месту, где его крестили - тем не менее, Лэнгдон ощущал растущую надежду на то, что посмертная маска Данте после череды невероятных событий, произошедших прошлой ночью, в результате нашла путь к месту его устремлений.

Баптистерий, подумал Лэнгдон. Должно быть там Игнацио спрятал маску перед смертью. Лэнгдон вспомнил отчаянное телефонное сообщение Игнацио, и на пугающее мгновение, представил, как тучный человек, схватившись за грудь, покачиваясь, метнулся через базарную площадь в переулок и сделал последний телефонный звонок после того, как благополучно спрятал маску в баптистерии.

Ворота открыты для тебя.

Взгляд Лэнгдона остановился на баптистерии, когда он и Сиенна пробирались сквозь толпу. Сиенна двигалась теперь с таким ловким рвением, и Лэнгдон, чтобы не отстать, вынужден был почти бежать. Даже издалека он видел, как массивные главные двери баптистерия блестели на солнце.

Лоренцо Гиберти потребовалось более двадцати лет, чтобы закончить сделанные вручную из позолоченной бронзы двери размером более пятнадцати футов высотой. Они были украшены десятью замысловатыми панелями с искусными библейскими фигурами такого качества, что Джорджио Вазари назвал двери "бесспорно прекрасными во всех отношениях и … самым прекрасным из всех когда-либо созданных шедевров."

Благодаря восторженной оценке Микеланджело двери получили название, которое сохранилось до сегодняшних дней. Микеланджело объявил их столь прекрасными, что им вполне подошло название … Врата Рая.

Глава 54

Библия в бронзе, подумал Лэнгдон, восхищаясь великолепными дверями перед ними.

Блестящие Врата Рая Гиберти состояли из десяти квадратных панелей, каждая из которых изображала важную сцену из Ветхого Завета. Начиная с Райского Сада и заканчивая Моисеем и храмом короля Соломона, рассказ Гиберти в виде рельефных изображений был представлен в двух вертикальных колонках по пять групп в каждой.

Огромное количество отдельных сюжетов породило на протяжении веков что-то вроде соревнования за популярность среди историков искусств и художников, начиная от Боттичелли и заканчивая современными критиками, выражавшими свое предпочтение "самой красивой панели". По всеобщему согласию, победителем было "Благословение Исааком Иакова" - центральная панель в левой колонке - выбранная, как утверждали, из-за впечатляющего количества художественных приемов, использованных при ее создании. Однако Лэнгдон подозревал, что настоящей причиной ее преобладания было то, что Гиберти написал на ней свое имя.

Несколькими годами ранее Игнацио Бузони с гордостью показал Лэнгдону эти двери, застенчиво сообщая, что после пятисот лет наводнений, вандализма и загрязнения воздуха позолоченные двери были без лишнего шума заменены точными копиями, а оригиналы хранятся в безопасности в Музее Опера дель Дуомо для реставрации. Из вежливости Лэнгдон не сказал, что в курсе того, что они любуются подделками, и в действительности, эти копии были вторыми "подделками" ворот работы Гиберти, которые встретил Лэнгдон - первые он нашел случайно: исследуя лабиринты кафедрального собора Грейс в Сан-Франциско, он обнаружил, что копии Врат Рая Гиберти служат центральным входом в собор с половины двадцатого века.

Стоя перед шедевром Гиберти, Лэнгдон обратил внимание на прикрепленный поблизости короткий информационный плакат. Простая фраза на итальянском языке поразила его.

La peste nera. Фраза означала "Черная Смерть". Боже мой, подумал Лэнгдон, она везде, куда бы я ни повернулся. Как гласил плакат, двери были построены "по обету" во славу Божию, как проявление благодарности за то, что Флоренция как-то пережила чуму.

Лэнгдон снова заставил себя взглянуть на Врата Рая, услышав, как опять эхом в его сознании отдаются слова Игнацио. Для тебя эти ворота открыты, но нужно поспешить.

Несмотря на обещание Игнацио, ворота, разумеется, были закрыты, как и во все другие дни, кроме древних религиозных праздников. Обычно туристы входили в баптистерий с другой стороны - через северную дверь.

Сиенна встала на цыпочки около него, пытаясь увидеть что-нибудь сквозь толпу. - Нет ни дверной ручки, ни замочной скважины, - сказала она. - Ничего.

По правде говоря, подумал Лэнгдон, зная Гиберти, можно предположить, что он не собирался портить свой шедевр чем-то мирским, наподобие дверной ручки. - Двери распашные. Они закрываются изнутри.

Сиенна на мгновение задумалась, морща губы. - Итак, отсюда… никто не догадается, закрыты двери, или нет.

Лэнгдон кивнул. - Я надеюсь, Игнацио учел это.

Он прошел несколько шагов направо и осмотрел северную сторону строения - гораздо менее привлекательную дверь - в которую входили туристы - где экскурсовод со скучающим

видом курил сигарету и в ответ на вопросы туристов неизменно указывал на знак у входа: ОТКРЫТО 13.00-17.00 (ит.)

Их откроют еще через несколько часов, с удовлетворением подумал Лэнгдон. И пока там никто не побывал.

Инстинктивно он взглянул на часы и еще раз убедился, что Микки Маус пропал.

Когда он вернулся, Сиенна присоединилась к группе туристов, фотографирующих сквозь прутья железной ограды, установленной в нескольких футах перед Вратами Рая и не подпускающей туристов слишком близко к шедевру Гиберти.

Эти защитные ворота были сделаны из черного сварного железа, покрытого сверху колючей проволокой, выкрашенной золотой краской и напоминали простое ограждение здания, которое часто использовали для загородных домов. Информационный плакат, описывающий Врата Рая, был двусмысленно прикреплен не на самих впечатляющих бронзовых дверях, а на самых обычных защитных воротах.

Лэнгдон слышал, что размещение пояснительного плаката иногда путает туристов, и судя по всему, именно поэтому через толпу пробивалась полноватая женщина в модном костюме от Джуйси Кутюр. Она взглянула на табличку, хмуро оглядела кованые железные ворота и усмехнулась, - И это Врата Рая? Чёрт возьми, да они похожи на забор у меня дома! - И заковыляла обратно прежде, чем кто-либо успел ответить.

Сиенна потянулась вверх и ухватилась за ворота ограждения; невольно заглянув между прутьев, она увидела запорный механизм с обратной стороны.

- Смотри, - прошептала она, повернувшись к Лэнгдону с широко раскрытыми глазами. - Замок, висящий с той стороны, не защёлкнут.

Лэнгдон заглянул сквозь прутья и увидел, что она права. Замок был в закрытом положении, но при внимательном рассмотрении ему стало видно, что он явно не зафиксирован.

Ворота открыты для тебя, но следует поторопиться.

Лэнгдон поднял глаза ко Вратам Рая за ограждением. Если Игнацио и впрямь оставил незапертыми массивные ворота баптистерия, они должны просто распахнуться при нажиме. Однако, проблематично подойти к ним, не привлекая внимания людей на площади, среди которых, несомненно, полицейские и охранники Домского собора.

- Посмотрите! - внезапно закричала женщина поблизости. - Он собирается прыгнуть! - Ее голос был переполнен ужасом. - Там на колокольне!

Лэнгдон отвернулся от двери и увидел, что кричащей женщиной была… Сиенна. Она стояла в пяти ярдах, указывала на колокольню Джотто и кричала. - Там, наверху! Он собирается прыгнуть.

Все взгляды устремились ввысь, в поисках вершины колокольни. Неподалеку люди начали посматривать в их сторону, указывать и кричать друг другу.

- Кто-то собрался спрыгнуть?!

- Где?

- Я не вижу его!

- Вон там, слева?!

Всего через несколько секунд люди по всей площади ощутили панику и поддались призыву, уставившись на колокольню. С энергией огня, пожирающего поле высохшей травы, на площадь хлынула волна страха, и вот уже вся толпа задирала шеи, устремив взгляды вверх и указывая туда же.

Вирусный маркетинг, подумал Лэнгдон, зная, что у него есть лишь мгновение для действия. Он немедленно схватился за ограждение из кованного железа и толкнул его. Как

только Сиенна вернулась к нему, они скользнули сквозь небольшое пространство, оказавшись по ту сторону ограды. Когда ворота закрылись за ними, они повернулись лицом к пятнадцатифутовым бронзовым дверям. Надеясь, что понял Игнацио правильно, Лэнгдон прислонился плечом к одной из сторон массивной двойной двери и сильно уперся ногами.

Ничего не произошло, а потом мучительно медленно громоздкая махина пришла в движение. Двери открыты! Врата Рая повернулись, раскрывшись на один фут, и Сиенна, не теряя времени, боком протиснулась через них. Лэнгдон последовал её примеру, боком пробравшись через узкий проем во тьму баптистерия.

Оказавшись там, они развернулись и вместе толкнули дверь в обратном направлении, быстро закрыв массивные врата с характерным глухим звуком. Тут же исчезли шум и хаос улицы, осталась одна лишь тишина.

Сиенна указала на длинную деревянную балку на полу у их ног, которая была установлена в скобы по обе стороны двери, чтобы сработать в качестве баррикады. - Игнацио, должно быть, снял ее для тебя, сказала она.

Вместе они подняли балку и вставили ее обратно в скобы, фактически закрыв Ворота Рая… и благополучно закрывшись изнутри.

Долгое время Лэнгдон и Сиенна стояли в тишине, прислонившись к двери, и восстанавливали дыхание. В сравнении с шумом на площади снаружи, внутри баптистерия было спокойно, как на небесах.

За пределами баптистерия Святого Иоанна человек в очках Plume Paris и галстуке Пейсли продвигался через толпу, игнорируя беспокойные взгляды тех, кто заметил его кровавую сыпь.

Он только что достиг бронзовых дверей, в которых так умело исчезли Роберт Лэнгдон и его белокурая спутница; даже снаружи он слышал глухой стук дверей, закрытых изнутри.

Здесь было не войти.

Атмосфера на площади медленно возвращалась в привычное русло. Туристы, только что глазевшие вверх в ожидании, потеряли всякий интерес. Никто не прыгал. Все двинулись дальше.

Сыпь на теле человека стала сильно зудеть. Кончики его пальцев сильно раздулись и потрескались. Он засунул руки в карманы, чтобы уберечься от царапин. Его грудь продолжала пульсировать, когда он начал осматривать восьмиугольник в поисках другого входа.

Едва он зашел за угол, как почувствовал резкую боль в районе адамова яблока и понял, что снова чешется.

Глава 55

Легенда гласит, что, войдя в баптистерий Святого Иоанна, невозможно не посмотреть вверх. Несмотря на то, что он бывал здесь много раз, Лэнгдон почувствовал необъяснимую тягу пространства и поднял глаза к потолку.

Высоко, высоко наверху, поверхность восьмиугольного свода баптистерия растянулась более чем на двадцать пять метров поперек. Свод блестел и мерцал, как будто был сделан из тлеющих углей. Его полированная янтарно-золотая поверхность неравномерно отражала рассеянный свет больше чем от миллиона эмалевых плиток — крошечных незалитых раствором мозаичных частей, вырезанных вручную из гладкой кварцевой глазури — которые были выложены в виде шести концентрических колец, на которых были изображены сцены из Библии.

Добавляя абсолютного драматизма к блестящей верхней части зала, естественный свет проникал в темное пространство через центральное отверстие в вершине купола — почти также как в Пантеоне Рима — и с помощью целого ряда высоких, маленьких, глубоко

расположенных окон, которые бросали лучи света настолько концентрированные и плотные, что казались почти твердыми, как структурные лучи, падающие под постоянно меняющимися углами.

Когда Лэнгдон прошел с Сиенной глубже в зал, он оказался под легендарной мозаикой - с многоуровневыми изображениями рая и ада, очень похожими на описанные в "Божественной комедии".

Данте видел это ребенком, подумал Лэнгдон. Вдохновение свыше.

Лэнгдон теперь устремил пристальный взгляд на центральную часть мозаики. Наверху, непосредственно над главным алтарем выросла высотой восемь метров фигура Иисуса Христа, председательствующего на суде над спасенными и проклятыми.

По правую руку от Иисуса праведники получили в награду вечную жизнь.

По левую руку, при этом, грешников били камнями, жарили на крюках и поедали всевозможные существа.

Пыткой было наблюдать за колоссальным мозаичным изображением сатаны в виде адского, поедающего людей животного. Лэнгдон всегда вздрагивал, когда видел эту фигуру, которая больше чем семьсот лет назад уставилась на молодого Данте Алигьери, ужаснула его и в конечном итоге вдохновила на наглядное изображение того, что скрывалось в последнем круге ада.

На пугающей мозаике наверху был изображен рогатый дьявол, который, стоя лицом вперед, поедал человека. Ноги жертвы свисали изо рта сатаны и напоминали болтающиеся ноги наполовину ушедших под землю грешников в рвах порока у Данте.

- Lo 'mperador del doloroso regno(ит.), - подумал Лэнгдон, вспоминая текст Данте.

- Мучительной державы властелин…

Из ушей сатаны выползали две массивные, извивающиеся змеи, тоже поедающие грешников, производя впечатление, что у сатаны три головы, точно как описал его Данте в заключительной песни Ада. Лэнгдон перебирал в памяти и вспоминал фрагменты образов Данте.

У него было три лица … с трех подбородков лилась кровавая пена … три рта, как мельницы … перемалывали сразу трех грешников.

Дьявольское зло было тройным, понимал Лэнгдон, и имело символическое значение: это уравновешивало его с тройной славой Святой Троицы.

Пока Лэнгдон разглядывал ужасное изображение, он пытался вообразить эффект, который мозаика возымела на юного Данте, который год за годом посещал службу в этой церкви и видел, что сатана смотрит на него всякий раз, когда он молится. Этим утром, однако, у Лэнгдона было неприятное чувство, что дьявол смотрит прямо на него.

Он быстро направил свой пристальный взгляд вниз на балкон баптистерия на втором этаже и постоянную галерею — одинокая область, из которой женщинам разрешали смотреть крещения — и затем вниз к подвесной могиле Антипапы Джона XXIII, его тело, покоилось высоко на стене, напоминая пещерного человека или предмет, ловко парящий в руках фокусника.

Наконец, он пристально посмотрел на декоративный плиточный пол, который, как полагали многие, содержал ссылки на средневековую астрономию. Его взгляд двигался сквозь запутанные черно-белые узоры, пока не достиг самого центра зала.

Вот оно, думал он, зная, что видит то самое место, где в последней половине тринадцатого столетия крестили Данте Алигьери. - Вернусь, поэт…Там, где крещенье принимал ребенком, - продекламировал Лэнгдон, и его голос отозвался эхом в пустынном месте. - Вот оно.

Сиенна выглядела обеспокоенной, когда оглядывала место в центре пола, куда показывал Лэнгдон. - Но … здесь ничего нет.

- Больше нет, - ответил Лэнгдон.

На мозаичном полу остался лишь большой красновато-коричневый восьмиугольник. Эта необычайно простая, восьмигранная фигура ясно нарушала узор более декоративно украшенного пола и напоминала о большом, заделанном отверстии, которое, фактически, когда-то здесь было.

Лэнгдон быстро объяснил, что изначально крестильные купели в баптистерии были огромными восьмиугольными бассейнами, расположенными прямо в центре этого зала. Если современные купели обычно стояли на возвышении, то ранние больше соответствовали буквальному значению слова купель - "источник" - в данном случае глубокий водный бассейн, в который погружали участвующих в крещении. Лэнгдон хотел бы знать, как отдавались в этой каменной палате крики испуганных детей, которых буквально погружали с головой в громадный бассейн с ледяной водой, что когда-то стоял в центре.

- Крещения здесь были холодными и страшными, - сказал Лэнгдон. - Истинные обряды посвящения. Даже опасные. Предположительно однажды Данте кинулся в купель, чтобы спасти тонущего ребенка. В любом случае оригинальную купель закрыли в какой-то момент в шестнадцатом столетии.

Сиенна начала осматривать помещение с заметным волнением. - Но если крестильной купели Данте больше нет… где же Игнацио спрятал маску?!

Лэнгдон понимал ее тревогу. В этой огромной палате было достаточно укромных мест - за колоннами, статуями, внутри ниши, на алтаре, даже наверху.

Несмотря на это, Лэнгдон весьма уверенно обернулся и стал лицом к двери, через которую они только что вошли. - Мы начнем отсюда, - сказал он, указывая на место напротив стены, как раз справа от Врат Рая.

На приподнятой платформе, позади декоративных ворот, был установлен высокий шестиугольный постамент, вырезанный из мрамора, который напоминал маленький алтарь или столик для службы. Внешняя сторона была украшена замысловатой резьбой, напоминающей перламутровую камею. На мраморной основе было установлено полированное деревянное покрытие диаметром около метра.

Сиенна выглядела неуверенно, когда проследовала за Лэнгдоном к постаменту. Когда они поднялись по ступеням и вошли в защитные ворота, Сиенна огляделась более внимательно и пораженно вздохнула, понимая, на что она смотрит.

Лэнгдон улыбнулся. Точно, это не алтарь и не стол. Полированное деревянное покрытие фактически являлось крышкой — покрытие для имеющей форму чаши структуры.

- Крестильная купель? - спросила она.

Лэнгдон кивнул. - Если бы Данте крестили сегодня, то это происходило бы в этой чаше прямо здесь. - Не тратя впустую времени, он сделал глубокий, решительный вздох и поместил свои ладони на деревянную крышку, чувствуя покалывание от нетерпения, и готовый снять ее.

Лэнгдон плотно схватил края покрытия и приподнял его с одной стороны, осторожно сдвигая крышку с мраморной основы и помещая ее на пол около купели. Потом он всмотрелся вглубь в темное, полое пространство более полуметра шириной.

Лэнгдон тяжело сглотнул при виде жуткого зрелища.

Из тени на него смотрело мертвое лицо Данте Алигьери.

Глава 56

Ищи и обрящешь.

Лэнгдон стоял у края купели и смотрел на бледно-желтую морщинистую посмертную маску, которая пристально и безучастно смотрела вверх. Крючковатый нос и выступающий вперёд подбородок были легко узнаваемы.

Данте Алигьери.

Безжизненное лицо было достаточно тревожным, и его расположение в купели казалось почти сверхъестественным. На мгновение Лэнгдон не поверил тому, что видит.

Маска … парит?

Лэнгдон наклонился ниже, пристально всматриваясь в пространство перед собой. Купель была в несколько футов глубиной - больше вертикальная скважина, чем мелкий бассейн - ее крутые стены уходили вниз к шестиугольному колодцу, заполненному водой. Странно, но маска казалась несколько отстраненной от купели… как по волшебству расположенная над поверхностью воды.

Лэнгдону потребовалось мгновение, чтобы понять, в чем причина иллюзии. По центру купели располагался вертикальный стержень, поднимающийся до половины пути и образующий некую металлическую платформу прямо над водой. Площадка казалась декоративным источником и, возможно, служила местом, куда клали ребенка, но сейчас использовалась как пьедестал, на который опиралась маска Данте на безопасном расстоянии над водой.

Ни Лэнгдон, ни Сиенна не произнесли ни слова, когда стояли бок о бок и вглядывались в резкие черты лица маски Данте Алигьери, плотно закрытой в специальном пакете с застежкой, как будто он был задушен.

На мгновение изображение лица, уставившегося на него из заполненного водой бассейна, напомнило Лэнгдону его собственные ужасные детские воспоминания о том, как он стоял на дне колодца, с отчаянием глядя ввысь.

Прокрутив мысли в голове, он аккуратно спустился и взял маску Данте с обеих сторон в месте, где располагались уши . Несмотря на то, что лицо было по современным меркам маленьким, древний гипс был прочнее, чем он ожидал. Лэнгдон медленно вынул маску из купели и поднял ее так, чтобы он и Сиенна могли ближе рассмотреть маску.

Даже через пластиковый пакет маска выглядела, как живая. Каждая морщинка и пятно на лице пожилого поэта были отражены с помощью сырого гипса. За исключением старой трещины внизу по центру маски, она была в превосходном состоянии.

- Переверни ее, - прошептала Сиенна. - Посмотрим что на обороте.

Лэнгдон уже делал это. Видео с камер слежения Палаццо Веккьо помогло Лэнгдону и Игнацио обнаружить нечто с другой стороны маски - что-то такое потрясающе интересное, что два человека, фактически, ушли из дворца с артефактом.

Проявляя исключительную осторожность, чтобы не уронить хрупкий гипсовый слепок, Лэнгдон перевернул маску лицом вниз и положил на правую ладонь с целью изучить тыльную сторону. В отличие от видавшего виды, текстурного лица внутренняя часть маски была гладкой и чистой. Так как маску не намеревались носить, ее обратную сторону полностью заполнили гипсом, придавая прочность хрупкому изделию, что в итоге привело к возникновению невыразительной, вогнутой поверхности, похожей на миску для супа.

Лэнгдон не знал, что хотел обнаружить на обороте маски, но уж наверняка не это.

Ничего.

Совсем ничего.

Просто гладкая, чистая поверхность.

Сиенна тоже почувствовала смущение. - Это чистый гипс, - прошептала она. - Но если здесь ничего нет, что же тогда видели вы с Игнацио?

Понятия не имею, подумал Лэнгдон, плотнее натягивая пластиковый пакет вокруг гипса, чтобы лучше разглядеть. Нет здесь ничего! С нарастающим беспокойством Лэнгдон поднял маску к лучу света и внимательно изучил ее. Наклонив предмет, чтобы лучше рассмотреть, на мгновение он решил, что, возможно, увидел легкое обесцвечивание вверху - линию, которая проходила горизонтально по внутренней поверхности лба Данте.

Естественное пятно? Или, может быть… что-то еще. Лэнгдон немедленно развернулся и указал на навесную мраморную панель на стене за ними. - Взгляни туда, сказал он Сиенне. - Посмотри, нет ли там полотенец.

Сиенна скептически глянула на него, но повиновалась, осторожно открыв скрытый стенной шкаф, который содержал три вещи - вентиль для контроля уровня воды в купели, регулятор подсветки купели и… кучу льняных полотенец.

Сиенна выглядела удивленной, но Лэнгдон, объездив достаточно церквей по всему миру, знал, что почти во всех купелях в непредвиденных ситуациях для священников предусмотрен удобный доступ к пеленальной ткани - непредсказуемость мочевого пузыря младенцев - всемирная угроза для крещения.

- Отлично, - сказал он, глядя на полотенца. - Возьми на секунду маску. - Он бережно передал маску Сиенне в руки и взялся за дело.

Сперва Лэнгдон снова поднял шестиугольную крышку и опустил ее обратно на купель, чтобы вернуться к маленькому, похожему на алтарь столику, который они заметили первым, когда вошли. Затем он схватил несколько льняных полотенец из шкафа и расстелил их как скатерть. И наконец, он включил подсветку купели, и светильник прямо над ними загорелся, освещая место крещения и ярко сверкая прямо над застеленной поверхностью.

Сиенна осторожно положила маску на купель, а Лэнгдон достал еще полотенца, которые использовал как перчатки, чтобы вынуть маску из пакета, стараясь не прикасаться к ней голыми руками. Мгновение спустя, посмертная маска Данте, незащищенная и открытая, лежала лицом вверх под ярким светом, подобно голове пациента под наркозом на операционном столе.

Драматичная текстура маски казалась еще более тревожной под лучами света - возрастные складки и морщины подчеркивал бесцветный гипс. Не теряя времени, Лэнгдон с помощью самодельных рукавиц перевернул маску и положил ее лицом вниз.

Оборотная сторона маски выглядела заметно менее состарившейся, чем лицевая - чистая и белая, а не тусклая и желтая.

Сиенна склонила голову набок с озадаченным видом. - Тебе не кажется, что это сторона новее?

Признаться, различие в цвете было более выразительным, чем представлял Лэнгдон, но эта сторона несомненно того же возраста, что и передняя. - Неравномерное старение, - сказал он. - Тыльная сторона маски была защищена витриной, поэтому не подверглась эффекту старения от солнечных лучей. - Лэнгдон отметил про себя, что нужно удвоить коэффициент своего солнцезащитного крема для загара.

- Постой, - сказала Сиенна, наклоняясь ближе к маске. - Смотри! На лбу! Это, должно быть, то, что вы видели с Игнацио.

Взгляд Лэнгдона быстро переместился по гладкой белой поверхности к тому же выцветшему пятну, которое он заметил ранее через пластиковый пакет - еле заметная линия символов, горизонтально пересекавших внутреннюю часть лба Данте. Однако, теперь под ярким светом, Лэнгдон ясно видел, что эти символы были не природным дефектом…они были созданы человеком.

- Это…письмо, - прошептала Сиенна, слова застряли в ее горле. - Но…

Лэнгдон изучил надпись на гипсе. Это была одна строчка букв, написанных рукой витиеватым почерком бледного коричневато-желтого цвета.

- И это все? - спросила Сиенна почти со злостью.

Лэнгдон почти не слышал ее. Интересно, кто это написал? Кто-то из эпохи Данте? Это казалось маловероятным. В таком случае исследователи истории искусств обнаружили бы эту надпись давным давно, во время регулярной чистки или реставрации, и она стала бы неотъемлемой частью сведений о маске. Лэнгдон же никогда о ней не слышал.

Намного более вероятный источник быстро материализовался в его мыслях.

Бертран Зобрист.

Зобрист был владельцем маски и, следовательно, имел личный доступ к ней в любое время. Он мог написать текст на ее обороте сравнительно недавно, а затем вернуть в античную витрину без чьего-либо ведома. Владелец маски, сказала им Марта, не разрешал нашим работникам даже открывать витрину в его отсутствие.

Лэнгдон быстро объяснил свою версию.

Казалось, Сиенна согласилась с его логикой, но перспектива явно ее беспокоила. - В этом нет смысла, - сказала она встревоженно. - Если даже Зобрист тайно написал что-то на обратной стороне посмертной маски Данте, и также побеспокоился о том, чтобы создать проектор с указанием на нее… тогда почему он не написал что-нибудь более значимое? Это же бессмыслица! Мы с тобой искали маску весь день и это все, что мы обнаружили?

Лэнгдон перевел свой взгляд на текст с обратной стороны маски. Рукописное послание было очень коротким - всего в семь знаков длиной - и по общему признанию выглядело абсолютно бессмысленным.

Разочарование Сиенны, конечно, понятно.

Однако, Лэнгдон почувствовал знакомую дрожь от неизбежного открытия и почти мгновенно понял, что эти семь букв скажут ему все необходимое о том, что им с Сиенной делать дальше.

Более того, он почувствовал слабый аромат, исходящий от маски - такой знакомый аромат, который объяснял, почему гипс с тыльной стороны маски был белее, чем спереди… и разница не имела ничего общего со старением или воздействием солнечного света.

- Я не понимаю, - сказала Сиенна. - Все буквы одинаковые.

Лэнгдон спокойно кивнул, изучив строчку текста — семь одинаковых букв, тщательно написанных каллиграфическим почерком на внутренней стороне лба Данте.

PPPPPPP

- Семь Р, - сказала Сиенна. - И что нам с этим делать?

Лэнгдон спокойно улыбнулся и посмотрел на нее. - Я предлагаю делать в точности то, что говорит нам это сообщение.

Сиенна смотрела с непониманием. - Семь Р - это … сообщение?

- Да, - сказал он с усмешкой. - И если ты изучала Данте, весьма понятное.

Снаружи баптистерия Святого Иоанна человек в галстуке вытер ногти своим носовым платком и приложил к прыщам на шее. Он попытался скрыть блеск в глазах, искоса глядя на свою цель.

Вход для туристов.

За дверьми утомленный экскурсовод в спортивной куртке курил сигарету и перенаправлял туристов, которые очевидно не могли понять график работы здания, который был написан по международному времени.

ОТКРЫТО 13.00-17.00(ит.)

Человек, покрытый сыпью, сверился с часами. Было 10:02 утра. Баптистерий был закрыт еще на несколько часов. Некоторое время он смотрел на экскурсовода, а затем решился. Он вытащил золотую сережку-гвоздик из уха и положил ее в карман. Затем открыл кошелек и проверил его содержимое. Помимо нескольких карт и пачки евро у него было более трех тысяч долларов США наличными.

К счастью, жадность была всеобщим грехом.

Глава 57

Peccatum … Peccatum … Peccatum …(лат.)

Семь букв P, написанных на обратной стороне посмертной маски Данте мгновенно направили мысли Лэнгдона к тексту “Божественной комедии”. На секунду он вернулся на сцену в Вене, представляя свою лекцию “Божественный Данте: Символы ада”.

- И вот мы спустились, - его голос отражался в динамиках, - пройдя через девять кругов ада к центру земли, встретившись лицом к лицу с самим Люцифером.

Лэнгдон переходил от слайда к слайду в серии изображений трехголового дьявола в различных произведениях искусства - Карта Ботичелли, мозаика флорентийского баптистерия и ужасный черный демон Андреа ди Чоне, мех которого был вымазан алой кровью его жертв.

- Вместе, - продолжил Лэнгдон, - мы спустились по волосатой груди Люцифера, развернулись как только гравитация поменяла направление и вышли из мрачного подземного мира…чтобы снова увидеть звезды.

Лэнгдон продолжил переключать слайды, пока не достиг изображения, которое он показывал ранее - знаковую картину Доменико ди Микелино, находящуюся внутри Дуомо, которая изображала Данте, одетого в красную мантию, стоящего за стенами Флоренции. - И если вы приглядитесь…то увидите эти звезды.

Лэнгдон указал на звездное небо, образовавшее свод над головой Данте. - Как видите, небеса созданы серией девяти концентрических сфер, окружающих землю. Девятиуровневая структура рая задумана, чтобы отразить и сбалансировать девять колец преисподней. И как вы уже, наверно, заметили, число девять является повторяющейся темой для Данте.

Лэнгдон сделал паузу, чтобы попить воды, позволив толпе отдышаться после томительного спуска и выхода из преисподней.

- Таким образом, пережив все ужасы ада, вы все, должно быть, очень обрадуетесь тому, что направляетесь в рай. К сожалению, в мире Данте не все так просто. - Он драматично вздохнул. - Чтобы добраться до рая мы все должны - в прямом и переносном смысле - взобраться на гору.

Лэнгдон указал на картину Микелино. На горизонте, позади Данте зрители увидели одинокую конусообразную гору, возвышающуюся к небесам. Закручиваясь по спирали, тропинка многократно - девять раз - описывала круг по горе, восходя все более сужающимися уступами к вершине. По тропе вверх, в мучениях с трудом поднимались обнаженные фигуры, претерпевая различные наказания по пути.

- Вот гора Чистилища, - объявил Лэнгдон. - И к сожалению, это изнурительное восхождение по девяти кругам - единственный маршрут между глубинами ада и блаженством рая. На этом пути вы видите кающиеся души, взбирающиеся вверх…и каждый из них платит соответствующую цену за свой грех. Завистливые должны подняться с полностью зашитыми глазами, чтобы ничего не желать; гордые должны нести огромные камни на своих спинах, чтобы согнуться и подчеркнуть свою скромность; прожорливые должны взобраться без пищи и воды, в результате страдая от мучительного голода, а похотливые должны пройти сквозь горящее пламя, чтобы очистить себя от жара страсти. - Он сделал паузу. - Но прежде, чем

вам окажут великую честь взобраться по этой горе и искупить свои грехи, вы должны поговорить с этим человеком.

Лэнгдон переключил слайд, изображавший крупный план картины Микелино, где крылатый ангел сидел на троне у подножия горы Чистилища. У ног ангела очередь кающихся грешников ждала разрешения подняться по тропе. Как ни странно, ангел держал в руках длинный меч, кончик которого, казалось, вонзился в лицо первого человека из очереди.

- Кто знает, - спросил Лэнгдон, - что делает этот ангел?

- Наносит удар по голове? - рискнул произнести чей-то голос.

- Нет.

Другой голос. - Наносит кому-то удар в глаз?

Лэнгдон покачал головой. - Кто-нибудь еще?

Голос из конца зала твердо ответил: - Пишет на его лбу.

Лэнгдон улыбнулся. - Кажется, кто-то все-таки знает Данте. - Он снова указал на картину. - Я понимаю, что это выглядит, словно ангел пронзает лоб бедного парня мечом, но это не так. Согласно тексту Данте, ангел, охраняющий чистилище, кончиком меча писал что-то на лбу прибывших. - И что же? - спросите вы.

Лэнгдон выдержал эффектную паузу. - Странно, однако он писал единственную букву… семь раз. Кто-нибудь знает, какую букву написал ангел семь раз на лбу Данте?

- P! - выкрикнул голос из толпы.

Лэнгдон улыбнулся. - Да. Букву P. P обозначает peccatum — по-латински "грех". И то, что она написана семь раз, символично по отношению к Septem Peccata Mortalia, также известным как —

- Семь смертных грехов! - выкрикнул кто-то еще.

- Правильно. Итак, только поднимаясь через все уровни чистилища, можно искупить свои грехи. При подъеме на каждый новый уровень ангел стирает одну букву P со лба, пока ты не достигнешь вершины и пока лоб не очистится от всех семи P … и твоя душа очистится от всех грехов. - Он моргнул. - По этой причине место называют чистилищем.

Лэнгдон отвлекся от своих мыслей и увидел, что Сиенна смотрит на него поверх купели. - Семь P? - спросила она, возвращая его к реальности и указывая вниз на посмертную маску Данте. - Ты говоришь, это сообщение? Указывающее нам, что делать?

Лэнгдон быстро объяснил дантовское видение Горы Чистилища, где буквы P представляют Семь Смертных Грехов и процесс очищения их со лба.

- Очевидно, завершил Лэнгдон, - Бертран Зобрист, как, фанатик Данте, был знаком с семью P и процессом очищения их со лба, как средством продвижения к раю.

Сиенна посмотрела с сомнением. - Ты думаешь, что Бертран Зобрист написал эти P на маске, потому что он хочет, чтобы мы … буквально стерли их с посмертной маски? Ты думаешь, мы это должны сделать?

- Я понимаю, что это —

- Роберт, даже если мы сотрем буквы, как это поможет нам?! В конечном итоге у нас будет просто абсолютно чистая маска.

- Может быть. - Лэнгдон обнадеживающе усмехнулся. - А может и нет. Я думаю, там нечто большее, чем кажется на первый взгляд. - Он указал вниз на маску. - Помнишь, я говорил тебе, что тыльная сторона маски была светлее из-за неравномерного старения?

- Да.

- Я, возможно, был неправ, - сказал он. - Цветовые различия кажутся слишком сильными для старения, и у текстуры на обороте есть шероховатости.

- Шероховатости?

Лэнгдон показал ей, что структура на обороте была намного более грубой, чем спереди … и также намного более абразивной, как наждачная бумага. - В мире искусства эту грубую структуру называют шероховатой, и живописцы предпочитают рисовать на поверхности, у которой есть шероховатости, потому что на ней лучше держится краска.

- Я не понимаю.

Лэнгдон улыбнулся. - Ты знаешь, что такое грунтовка?

- Конечно, живописцы используют ее для первичных холстов и… — Она резко остановилась, очевидно осознавая ее значение.

- Точно, - сказал Лэнгдон. - Они используют грунтовку, чтобы создать чистую белую шероховатую поверхность, и иногда замазать неудавшиеся картины, если хотят повторно использовать холст.

Теперь Сиенна выглядела взволнованной. - Ты думаешь, Зобрист покрыл обратную сторону маски грунтовкой?

- Этим объясняется шероховатость и более светлый цвет. И также понятно, почему он хочет, чтобы мы стерли семь Р.

Сиена выглядела озадаченной от этого последнего утверждения.

- Понюхай, - сказал Лэнгдон, поднося маску к ее лицу, как священник, предлагающий причастие.

Сиенна съежилась. - Грунтовка пахнет как мокрая собака?

- Не вся грунтовка. Обычная грунтовка пахнет как мел. А как мокрая собака - акриловая грунтовка.

- Значит…?

- Значит, она растворяется в воде.

Сиенна подняла голову, и Лэнгдон ощутил ход ее мыслей. Она медленно обратила свой пристальный взгляд на маску и затем внезапно обратно на Лэнгдона, ее глаза расширились. - Ты думаешь, там что-то есть под грунтовкой?

- Это многое объясняет.

Сиенна немедленно схватила шестиугольную деревянную крышку купели и немного сдвинула ее, глядя вниз на воду. Она схватила новое льняное полотенце и погрузила его в крестильную воду. Затем протянула капающую ткань Лэнгдону. - Ты должен сделать это.

Лэнгдон поместил маску лицом вниз на левую ладонь и взял влажное полотенце. Выжав избыток воды, он начал прикладывать влажную ткань ко внутренней части лба Данте, увлажняя область с семью каллиграфическими Р. После нескольких прикосновений указательным пальцем он повторно опустил ткань в купель и продолжил. Черные чернила начали размазываться.

- Грунтовка растворяется, - сказал он взволнованно. - И чернила вместе с ней.

Выполнив все это в третий раз, Лэнгдон начал говорить с набожной и мрачной монотонностью, которая эхом откликалась в баптистерии. - Через крещение Господь Иисус Христос освободил тебя от греха и привел тебя к новой жизни через воду и Святой Дух.

Сиенна уставилась на Лэнгдона, как на сумасшедшего.

Он пожал плечами. - Это, кажется соответствует моменту.

Она закатила глаза и вернулась к маске. Пока Лэнгдон продолжал применять воду, оригинальный гипс под грунтовкой стал видимым, его желтоватый оттенок больше соответствовал тому, что Лэнгдон ожидал от старинного экспоната. Когда последняя из букв Р исчезла, он подсушил область чистым полотном и держал маску так, чтобы Сиенна могла посмотреть.

Она громко выдохнула.

В точности, как Лэнгдон и ожидал, под грунтовкой действительно что-то скрывалось — второй слой каллиграфии — девять букв, написанных непосредственно на бледно-желтой поверхности исходного гипса.

На сей раз, однако, из букв сформировалось слово.

Глава 58

- “Одержимые”? - требовательно спросила Сиенна. - Я не понимаю.

Я не уверен, что думаю также. Лэнгдон изучал текст, который появился под буквами Р — отдельное слово, украшающее надписью внутреннюю часть лба Данте.

одержимые

- Как … одержимые дьяволом? - спросила Сиенна.

Возможно. Лэнгдон перевел взгляд на мозаику, где Люцифер поглощал несчастные души, у которых не было возможности очиститься от греха. Данте…одержимые? Казалось, это не имеет смысла.

- Должно быть что-то еще, - утверждала Сиенна, взяв маску из рук Лэнгдона и изучив ее более подробно. Через мгновение она начала кивать головой. - Да, посмотри на края слова…есть еще текст с обеих сторон.

Лэнгдон посмотрел снова и теперь увидел слабую тень дополнительного текста, проступившего сквозь влажную грунтовку, на каждом из концов слова “одержимые”.

Сиенна с нетерпением схватила тряпку и продолжила прикладывать ее вокруг слова, пока не появился новый текст, написанный плавным изгибом.

Вы, одержимые игрой ума

Лэнгдон тихо присвистнул.

- “Вы, одержимые игрой ума,

Постигнете сокрытое ученье

За пеленою странного стиха.”

Сиенна уставилась на него. - Что, прости?

- Одна из самых знаменитых строф “Ада” Данте, - с волнением сказал Лэнгдон. - Так Данте призывает своих смышленых читателей отыскать мудрость, скрытую в его таинственных стихах.

Лэнгдон часто цитировал именно эту строку, преподавая литературную символику; строка была столь же похожим сравнением, как ее автор, широко размахивающий руками и кричащий: “Эй, читатели! Здесь скрыт символический двойной смысл!”

Сиенна начала тереть заднюю часть маски, уже более энергично.

- Поосторожнее с этим! - призвал ее Лэнгдон.

- Ты прав, - объявила Сиенна, рьяно стирая грунтовку. - Остальная часть цитаты Данте здесь — точно, как ты ее вспомнил. - Она сделала паузу, чтобы опустить ткань назад в купель и ополоснуть ее.

Лэнгдон наблюдал с тревогой, поскольку вода в крестильной купели становилась мутной из-за растворяющейся грунтовки. Наши извинения Святой Иоанн, подумал он, неудобно, что эта священная купель используется в качестве раковины.

Вынутая из воды ткань капала. Сиенна только выкрутила ее, прежде чем поместить сырую ткань в центр маски, и размахивала ею вокруг, как будто она мыла суповую тарелку.

- Сиенна! - предупреждал Лэнгдон. - Она старинная —

- По всей обратной стороне есть текст! - объявила она, осматривая внутреннюю часть маски. - И он написан в … - Она сделала паузу, поворачивая голову влево и вращая маску вправо, как будто пытаясь читать боком.

- Написан в чем? - не видя что там, требовательно спросил Лэнгдон.

Сиенна закончила чистить маску и подсушивала ее свежей тканью. Затем она положилала маску перед ним, чтобы вдвоем изучить результат.

Когда Лэнгдон увидел внутреннюю часть маски, он внимательно ее просмотрел. Вся вогнутая поверхность была покрыта текстом и содержала около ста слов. Начиная сверху со строки - О вы, одержимые - текст продолжался единой, непрерывной линией … завиваясь вниз в правую сторону маски к основанию, где переворачивался вверх дном и продолжался сзади вдоль основания, возвращаясь к левой стороне маски к началу, где повторял похожий путь петлей слегка меньшего размера.

Путь текста устрашающе напоминал спиральную тропу Горы Чистилища к раю. Будучи специалистом по символогии Лэнгдон немедленно идентифицировал точную спираль. Симметричная Архимедова спираль с направлением по часовой стрелке. Он также отметил, что число оборотов от первого слова, О, к заключительному периоду в центре было знакомым числом.

Девять.

Едва дыша, Лэнгдон медленно и постепенно поворачивал маску, читая текст, который извивался внутри вокруг вогнутого шара, направляясь к центру.

- Первая строфа - Данте, почти дословно, - сказал Лэнгдон.

О вы, одержимые, взгляните …,

И всякий наставленье да поймет,

Сокрытое под странными стихами!

- А остальное? - настаивала Сиенна.

Лэнгдон покачал головой. - Я так не думаю. Написано в похожем стихотворном стиле, но я не считаю,что это текст Данте. Похоже, что кто-то подражает его стилю.

- Зобрист, - прошептала Сиенна. - Это должно быть он.

Лэнгдон кивнул. Это было столь же удачное предположение, как и любое другое. Зобрист, в конце концов, изменив “Карту Ада” Боттичелли, уже показал свою склонность к сотрудничеству с мастерами и изменению великих произведений искусства для удовлетворения своих потребностей.

- Остальная часть текста очень странная, - сказал Лэнгдон, снова вращая маску и читая внутри. - Он говорит об … оторванных головах лошадей … вырывающих кости слепых. - Он проскользил взглядом вперед к заключительной строчке, которая была написана в узком кругу в самом центре маски. Он с испугом вдохнул. - И также упоминает “кроваво-красные воды.”

Брови Сиенны выгнулись. - Точно так же, как в твоих видениях седой женщины?

Лэнгдон кивнул, ломая голову над текстом. Кроваво-красные воды … лагуны, которая не отражает звезд?

- Посмотри, - сказала она шепотом, перечитывая через его плечо и указывая на отдельное слово, пройдя часть пути по спирали. - Определенное местоположение.

Глаза Лэнгдона нашли слово, которое он пропустил при первом просмотре. Это было название одного из самых захватывающих и уникальных городов в мире. Лэнгдон похолодел, понимая также, что это был город, в котором Данте Алигьери, как известно, заразился смертельной болезнью, которая убила его.

Венеция.

Лэнгдон и Сиенна, молча, изучали загадочные стихи несколько секунд. Поэма была тревожной и жуткой, а также сложной для расшифровки. Упоминание слов дож и лагуна укрепили мнение Лэнгдона, что поэма была отсылкой к Венеции - уникальному итальянскому

городу на воде, состоящему из сотен взаимосвязанных лагун и веками управляемому венецианским главой государства, известным как дож.

На взгляд, Лэнгдон не мог уловить, куда именно в Венеции указывает поэма, но, казалось, она определенно призывала следовать ее предписаниям.

Поднесите свое ухо к земле, прислушиваясь к звуку капающей воды.

- Она указывает под землю, - сказала Сиенна, читая вместе с ним.

Лэнгдон сделал неловкий поклон, читая следующую строку.

Следуйте вглубь затонувшего дворца…ибо здесь, в темноте, вас ждет хтоническое чудовище.

- Роберт? - спросила Сиенна тревожно. - Что за чудовище?

- Хтоническое, - ответил Лэнгдон. - Х - глухая. Означает "обитающий под землей".

Прежде, чем Лэнгдон продолжил, громкое лязганье тяжелого засова отразилось эхом в баптистерии. Вход для туристов, очевидно, просто отперли снаружи.

- Спасибо(ит.), - сказал человек с сыпью на лице. Огромное спасибо.

Экскурсовод баптистерия взволнованно кивнул, пряча в карман пятьсот долларов наличными, и огляделся по сторонам, убедившись, что никто его не видит.

- Cinque minuti, - напомнил экскурсовод, незаметно распахнув незапертую на засов дверь достаточно широко, чтобы человек с сыпью проскользнул внутрь. Гид закрыл дверь, запирая человека внутри и блокируя все звуки снаружи. Пять минут.

Изначально гид отказался проявить милосердие к человеку, который утверждал, что проделал весь путь от Америки, чтобы помолиться в Баптистерии Святого Иоанна в надежде излечить свою ужасную болезнь кожи. Однако, в конце концов, он проявил сочувствие, без сомнения, усиленное предложением пятисот долларов за пять минут наедине в баптистерии…в сочетании с растущим страхом, что этот на вид заразный человек будет стоять рядом с ним следующие три часа, пока строение не откроется.

Теперь, бесшумно передвигаясь по восьмиугольному святилищу, человек ощутил, что его глаза рефлекторно поднимаются вверх. Ах, ты черт! Такого потолка он в жизни не видел. Трехголовый демон уставился прямо на него, и он тут же опустил свой взгляд на пол.

Пространство оказалось пустым.

Где они, черт возьми?

Мужчина изучил комнату, и его взгляд упал на главный алтарь. Это был массивный прямоугольный блок из мрамора, посаженный в нишу позади ограждения из колонн и гирлянд, не позволявший зрителям подходить близко.

Алтарь был единственным укрытием во всей комнате. Кроме того, одна из гирлянд слегка покачивалась…как будто ее только что потревожили.

Лэнгдон и Сиенна в тишине сидели за алтарем. Они едва успели собрать грязные полотенца и привести в порядок купель, прежде чем скрыться из виду за главным алтарем, прихватив посмертную маску. План состоял в том, чтобы прятаться здесь, пока комната не наполнится туристами, и затем незаметно выйти сквозь толпу.

Северная дверь баптистерия определенно только что открылась - по крайней мере, на мгновение - потому что Лэнгдон слышал звуки доносившиеся с площади, но затем также внезапно закрылась, и все утихло.

Теперь, сидя в тишине, Лэнгдон слышал единственный набор шагов, перемещавшихся по каменному полу.

Гид? Проверяет комнату перед ее открытием для туристов позже сегодня?

У него не было времени погасить светильник над купелью, и он представил, что если экскурсовод заметит. Очевидно, нет. Шаги приближались в их сторону, и остановились перед алтарем, у гирлянды, которую они только что перепрыгнули.

Наступила длительная тишина.

- Роберт, это я, - прозвучал мужской сердитый голос. - Я знаю, что ты там. Выбирайся и объясни мне, что происходит.

Глава 59

Нет смысла притворяться, что меня здесь нет.

Лэнгдон жестом показал Сиенне скрыться благополучно с глаз долой, держа посмертную маску Данте, которую он вновь запечатал в пакет.

Затем медленно, Лэнгдон встал. Стоя как священник позади алтаря баптистерия, Лэнгдон пристально посмотрел на своего единственного прихожанина. У незнакомца, столкнувшегося с ним, были светло-каштановые волосы, дизайнерские очки и ужасная сыпь на лице и шее. Он нервно царапал свою раздраженную шею, его опухшие глаза блестели как кинжалы от замешательства и гнева.

- Вы не хотите объяснить мне, какого черта вы здесь делаете, Роберт? - потребовал он, переступая через добычу и продвигаясь к Лэнгдону. У него был американский акцент.

- Конечно, вежливо ответил Лэнгдон. - Но прежде скажите мне, кто вы такой.

Человек ненадолго остановился, глядя с недоверием. - Что вы сказали?

Лэнгдон почувствовал что-то неуловимо знакомое в глазах этого человека… и в его голосе, может быть. Я встречал его… когда-то, где-то. Лэнгдон спокойно повторил свой вопрос. - Пожалуйста, скажите, кто вы такой и откуда я вас знаю?

Человек вскинул свои руки в недоверии. - Джонатан Феррис? Всемирная организация здравоохранения? Парень, который полетел в Гарвардский университет и подобрал тебя!?

Лэнгдон пытался осознать то, что он услышал.

- Почему вы не вызвали меня?! - настаивал этот человек, продолжая почёсывать шею и щеки, которые были с покраснением и в волдырях. - И кто, чёрт возьми, та женщина, с которой вы при мне сюда зашли? Это на неё вы теперь работаете?

Сиенна встала рядом с Лэнгдоном и тут же взяла инициативу на себя. - Доктор Феррис. Я Сиенна Брукс. Тоже врач. Работаю здесь, во Флоренции. Профессора Лэнгдона вчера вечером ранили выстрелом в голову. У него ретроградная амнезия, и он не знает ни кто вы, ни что с ним происходило в последние два дня. Я здесь чтобы ему помогать.

Когда слова Сиенны отдались эхом в пустующем баптистерии, человек тряхнул головой от удивления, будто смысл её слов до него не доходил. От изумления заколебавшись, он отшатнулся на шаг назад, оперевшись на одну из колонн.

- О, … Боже мой, - запинался он. - Это объясняет все.

Лэнгдон наблюдал, как с лица человека испарился гнев.

- Роберт, - прошептал вновь пришедший, - мы думали вы… - Качая головой, он будто пытался расставить всё на свои места. - Мы думали вы переметнулись… что они могли вам заплатить… или угрожать… Мы правда не знали!

- Я единственная, с кем он говорил, - сказала Сиенна. - Он только помнит, что очнулся вчера вечером в моей больнице в окружении людей, которые пытались его убить. Кроме того, у него были ужасные видения - трупы, жертвы чумы, и какая-то женщина с серебристыми волосами и амулетом змеи, говорящая ему…

- Элизабет! - выпалил человек. - Это доктор Элизабет Сински! Роберт, именно она наняла вас помочь нам!

- Если это она, - сказала Сиенна, - я полагаю, вы знаете, что она в беде. Мы видели её в грузовике с солдатами, и было похоже что её накачали наркотиками.

Человек медленно кивнул, закрывая глаза. Его веки выглядели опухшими и красными.

- Что случилось с вашей кожей? - спросила Сиенна.

Он открыл глаза. - Простите?

- Ваша кожа? Похоже, что вы подхватили что-то. Вы больны?

Человек выглядел озадаченным, и хотя, вне всякого сомнения, вопрос Сиенны был прямолинейным и граничил с грубостью, Лэнгдону хотелось спросить то же самое. Учитывая то количество упоминаний о чуме, с которыми он столкнулся сегодня, красная, покрытая волдырями кожа выглядела чудовищно.

- Я в порядке, - ответил человек. - Виной всему гостиничное мыло. У меня страшная аллергия на сою, а большинство этих ароматизированных итальянских мыл основаны на сое. А проверить ума не хватило.

Сиенна вздохнула с облегчением, ее плечи, расслабились теперь. - Слава Богу вы не ели его. Контактный дерматит вызывает анафилактический шок.

Они неуклюже рассмеялись.

- Скажите мне, - рискнула Сиенна, - имя Бертран Зобрист вам о чем-нибудь говорит?

Человек замер, и выглядел так, как будто он лицом к лицу столкнулся с трехголовым дьяволом.

- Мы полагаем, что только что нашли сообщение от него, - сказала Сиенна. - Оно указывает на некое место в Венеции. Это вам ни о чем не говорит?

Глаза человека теперь выглядели дикими. - Боже, да! Абсолютно! Куда оно указывает!?

Сиенна уже набрала воздуху, явно готовая выложить этому человеку всё о спиралевидном стихе, который они с Лэнгдоном только что обнаружили на маске, но Лэнгдон инстинктивно взял её руку, намекая помалкивать. Этот человек явно выглядел как их единомышленник, но после сегодняшних сыбытий что-то изнутри подсказывало Лэнгдону никому не доверять. Более того, галстук этого мужчины показался знакомым, и ему казалось, что тот вполне мог оказаться тем самым человеком, которого они ранее выдели за молитвой в маленьком храме Данте. Может, он шёл за нами?

- Как вы нашли нас здесь? - требовательно спросил Лэнгдон.

Человек по-прежнему выглядел растерянным из-за того, что Лэнгдон не помнит некоторых вещей. - Роберт, вы звонили мне прошлой ночью, чтобы сказать, что назначили встречу с директором музея по имени Игнацио Бузони. Потом вы исчезли. Вы никогда не звонили. Когда я услышал, что Игнацио Бузони был найден мертвым, я забеспокоился. Я был здесь, разыскивая тебя, все утро. Я видел активность полиции снаружи Палаццо Веккьо и пока пытался понять, что произошло, случайно увидел, как вы выползали из крошечных дверей с… - Он посмотрел на Сиенну, очевидно, не зная, как ее назвать.

- Сиенна, - представилась она. - Брукс.

- Извините… с доктором Брукс. Я следил за вами, чтобы понять, какого черта вы делали.

- Я видел тебя в церкви Керчи молящегося. Не так ли?

- Да! Я пытался выяснить, что вы делаете, но это не имело никакого смысла. Вы казались вышедшим из церкви, как член группы и я последовал за вами. Когда я увидел, что вы крадетесь в баптистерий, я решил, что пора вам противостоять. Я заплатил экскурсоводу, чтобы остаться на несколько минут в одиночестве.

- Смелый шаг, - заметил Лэнгдон, - если вы предполагали, что я могу обернуться.

Человек покачал головой. - Что-то подсказало мне, что вы никогда бы так не сделали. Профессор Роберт Лэнгдон? Я знал, что было некое другое толкование. Но амнезия? Невероятно. Я бы никогда не предположил этого.

Человек с сыпью начал нервно чесаться. - Слушайте, у нас только пять минут. Мы должны убираться отсюда сейчас же. Если я нашел вас, то люди, которые пытаются убить вас, тоже могут найти. Происходит много такого, чего вы не понимаете. Нам нужно в Венецию. Немедленно. Хитрость будет в том, чтобы покинуть Флоренцию незамеченными. Люди,которые схватили доктора Сински… которые преследуют вас… у них глаза повсюду. - Он двинулся к двери.

Лэнгдон стоял на своем, собираясь получить ответы на свои вопросы. - Кто эти солдаты в черных костюмах? Почему они пытаются убить меня?

- Долгая история, - сказал человек, - я объясню по дороге.

Лэнгдон нахмурился, ему не очень понравился этот ответ. Он знаком показал Сиенне и отвел ее в сторону, разговаривая с ней приглушенным тоном. - Ты доверяешь ему? Что ты думаешь?

Сиенна посмотрела на Лэнгдона, как будто он был сумасшедшим, и спросила. - Что я думаю? Я думаю, что он из Всемирной организации здравоохранения! Я думаю, что он - наш лучший вариант для получения ответов!

- А сыпь?

Сиена пожала плечами. - Это точно, как он сказал — острый контактный дерматит.

- А если это не то, что он сказал? - прошептал Лэнгдон. - Если это … что-то другое?

- Что-то другое? - Она недоверчиво посмотрела на него. - Роберт, это не чума, если ты об этом. Ради всего святого, он врач. Если бы у него была смертельная болезнь, и он бы знал об инфекции, то не мог бы безрассудно заражать мир.

- А что, если он не знает, что у него чума?

Сиенна скривила губы, задумавшись на мгновение. - Тогда я боюсь, что ты и я уже обмануты … наряду со всеми в общем смысле.

- Ты знаешь, над твоим врачебным тактом можно немного поработать.

- Просто быть честным. - Сиенна вручила Лэнгдону пакет с посмертной маской. - Ты можешь нести нашего маленького друга.

Когда они вдвоем возвратились к доктору Феррису, то заметили, как он заканчивал какой-то тайный телефонный звонок.

- Я просто позвонил своему водителю, - сказал человек. - Он встретит нас впереди у — Резко прервавшись, доктор Феррис уставился вниз на руку Лэнгдона и впервые увидел мертвое лицо Данте Алигьери.

- Иисусе! - выкрикнул Феррис, отшатнувшись. - Что это, черт возьми, такое?!

- Длинная история, - ответил Лэнгдон. - Объясню по пути.

Глава 60

Нью-йоркский редактор Джонас Фокмен проснулся от звонка линии домашнего офиса. Он перевернулся на спину и проверил часы: 4:28.

В мире книгоиздания ночные чрезвычайные ситуации были так же редки как ночной успех. Расстроенный Фокмен выскользнул из кровати и поспешил по коридору в свой офис.

- Алло? - Голос на линии был знакомым глубоким баритоном. - Джонас, слава Богу ты дома. Это - Роберт. Я надеюсь, что не разбудил тебя.

- Конечно, ты разбудил меня! Сейчас четыре утра!

- Извини, я за границей.

Что они в Гарварде не знают о часовых поясах ?

- У меня кое-какие проблемы, Джонас, и мне нужна поддержка. - Голос Лэнгдона звучал напряженно. - Понадобилась твоя корпоративная карта Нет Джетс.

- Нет Джетс? - Фокмен недоверчиво засмеялся. - Роберт, мы книгоиздатели. У нас нет доступа к частным самолетам.

- Мы оба знаем, что ты лжешь, мой друг.

Фокмен вздохнул. - Хорошо, позволь мне перефразировать. У нас нет доступа к частным самолетам для авторов томов по религиозной истории. Если ты хочешь написать "Пятьдесят оттенков иконографии", мы можем поговорить.

- Джонас, сколько бы не стоил полет, я заплачу тебе. Обещаю. Я когда-либо нарушал обещания?

Разве ты не пропустил крайний срок сдачи в прошлый раз на три года? Однако Фокмен почувствовал безотлагательность тона Лэнгдона. - Скажи мне, что происходит. Я попытаюсь помочь.

- У меня нет времени объяснять, но мне действительно нужно, чтобы ты сделал это для меня. Это - вопрос жизни и смерти.

Фокмен работал с Лэнгдоном достаточно долго, и был знаком с его специфическим чувством юмора, но он не слышал и тени шутки в тревожном тоне Лэнгдона в тот момент. Человек весьма серьезен. Фокмен выдохнул и решился. Руководитель моей финансовой службы замучает меня. Тридцать секунд спустя Фокмен записывал детали определенного запроса на полет Лэнгдона.

- Все в порядке? - спросил Лэнгдон, очевидно ощущая колебание редактора и удивление относительно деталей запроса.

- Да, я просто думал, что ты в Штатах, - сказал Фокмен. - Я удивлен, что ты в Италии.

- Да и я тоже, - сказал Лэнгдон. - Еще раз спасибо, Джонас. Сейчас я направляюсь в аэропорт.

Американский операционный центр Нет Джетс расположен в Колумбусе, Огайо, с круглосуточной группой поддержки полета по требованию.

Сервисный представитель владельца Деб Киэр только что приняла звонок от небольшого корпоративного заказчика в Нью-Йорке. - Одну минуту, сэр, - сказала она, регулируя наушники и печатая на терминале. - Технически это считается европейским полетом Нет Джетс, но я смогу помочь вам в этом вопросе. - Она быстро перевела Нет Джетс на европейскую систему, настроенную на Пасу-де-Аркуш, Португалия, и проверила текущее расположение их самолетов в самой Италии и вокруг нее.

- Хорошо, сэр, - сказала она, - похоже, что есть самолет Citation Excel, базирующийся в Монако, который мы сможем направить во Флоренцию чуть менее чем через час. Это устроит г-на Лэнгдона?

- Будем надеяться, - ответил представитель издательства несколько устало и немного раздраженно. - Мы признательны за это.

- Рада помочь, - сказала Деб. - А г-н Лэнгдон хотел бы полететь в Женеву?

- Очевидно.

Деб продолжала печатать. - Все в порядке, - сказала она наконец. - Г-ну Лэнгдону пришло подтверждение из Тассиньяно, авиационного агентства в Лукке, которая приблизительно в пятидесяти милях к западу от Флоренции. Он будет отбывать в одиннадцать двадцать утра по местному времени. Г-н Лэнгдон должен быть в агентстве за десять минут до взлета. Вы не запрашивали наземный транспорт, никакого питания на борту,

и вы дали мне информацию о его паспорте, таким образом, у нас есть все данные. Будет что-нибудь еще?

- Новая работа? - он сказал со смехом. - Спасибо. Вы были очень любезны.

- Рада была помочь. Спокойной ночи. - Деб закончила звонок и возвратилась к экрану, чтобы закончить резервирование. Она ввела данные паспорта Роберта Лэнгдона и собиралась продолжить, когда на экране высветился сигнал тревоги. Деб прочитала сообщение, и ее глаза расширились от удивления.

Должно быть, ошибка.

Она снова попыталась ввести данные паспорта Лэнгдона. Снова выскочило мерцающее предупреждение. Такое же предупреждение появилось бы и на компьютере любой авиакомпании мира, попытайся Лэнгдон заказать билет на самолёт.

Деб Киэр на мгновение застыла, не веря в произошедшее. Она знала, что Нет Джетс очень серьезно относится к частной информации клиентов, и всё же, это предупреждение перекрывало все их внутренние порядки относительно личной конфиденциальности.

Деб Киэр немедленно позвонила руководству.

Агент Брюдер захлопнул свой мобильный телефон и начал собирать своих людей назад в фургоны.

- Лэнгдон в движении, - объявил он. - Он садится в частный самолет на Женеву. Взлет менее чем через час из аэропорта Лукки, в пятидесяти милях к западу. Если мы поторопимся, то сможем добраться туда прежде, чем он взлетит.

В тот же самое время арендованный Фиат седан мчался на север по Виа деи Панзани, оставляя площадь Дуомо и пробиваясь к флорентийскому вокзалу Санта-Марии Новеллы.

На заднем сиденье, низко пригнувшись, расположились Лэнгдон и Сиенна, а доктор Феррис сидел впереди с водителем. Резервирование Нет Джетс было идеей Сиенны. При благополучных обстоятельствах это направило бы по ложному следу, и позволило бы троим из них благополучно пройти через Флорентийский вокзал, который иначе был бы несомненно напичкан полицией. К счастью до Венеции было два часа езды поездом, и на местных поездах не требовалось никакого паспорта.

Лэнгдон посмотрел на Сиенну, которая, казалось, изучала доктора Ферриса с беспокойством. Человек страдал от очевидной боли, он тяжело дышал и как будто испытывал неудобство при каждом вдохе.

Я надеюсь, что она права насчет его болезни, подумал Лэнгдон, оглядывая сыпь человека и представляя все микробы, витающие вокруг в тесном небольшом автомобиле. Даже кончики его пальцев выглядели опухшими и красными. Лэнгдон подавил беспокойство в своих мыслях и выглянул в окно.

Подъезжая к вокзалу, они миновали гранд-отель Бальони, в котором часто проводились конференции по живописи, ежегодно посещаемые Лэнгдоном. При виде его Лэнгдон осознал, что ему предстоит такое, чего он в жизни не делал.

Я покидаю Флоренцию, так и не зайдя взглянуть на Давида.

Молча извинившись перед Микеланджело, Лэнгдон обратил свой взор на вокзал впереди… а мысли - на Венецию.

Глава 61

Лэнгдон собирается в Женеву?

Доктор Элизабет Сински чувствовала себя все хуже и хуже, неловко раскачиваясь на заднем сиденье фургона, который теперь мчался из Флоренции, направляясь на запад к частному аэродрому за пределами города.

Ехать в Женеву не имеет никакого смысла, говорила Сински себе.

Единственная связь с Женевой заключалась в том, что там находилась штаб-квартира ВОЗ. Лэнгдон ищет меня там? Но это бессмыслеено, учитывая то, что он знает, что я здесь, во Флоренции.

Другая мысль внезапно возникла у нее.

Господи… неужели Зобрист наметил в жертвы Женеву?

Зобрист был человеком, настроенным на символику, и создание “эпицентра” в штабе Всемирной организации здравоохранения по общему признанию было некоторой элегантностью по отношению к ней, учитывая сражение в течение года с Сински. С другой стороны, если Зобрист искал восприимчивую температуру вспышки для чумы, Женева не годилась для этого. Относительно других столиц город был географически изолирован и довольно холодным в это время года. Большинство эпидемий пустило корни в переполненной, более теплой среде. Женева располагалась на высоте более чем тысячу футов над уровнем моря, и едва ли была подходящим местом для начала пандемии. Независимо от того, насколько Зобрист презирает меня.

Так что оставался вопрос - зачем туда едет Лэнгдон? Странное место назначения для поездки американского профессора пополнило собой перечень его эксцентричных выходок, начавшихся прошлым вечером, и несмотря на все усилия, Сински тщетно пыталась найти им разумное объяснение.

На чьей он стороне?

Хотя Сински знала Лэнгдона всего пару дней, обычно она умела уловить характер человека, и ей не верилось, что такой, как Лэнгдон польстился бы на деньги. И тем не менее, вчера вечером он порвал договорённости с нами. А теперь он напоминал вышедшего из подчинения агента. Может его как-нибудь убедили, что в извращённых деяниях Зобриста есть какой-то смысл?

Мысль заставила ее похолодеть.

Нет, уверяла она себя. Его репутация мне хорошо известна; он выше этого.

Сински познакомилась с Лэнгдоном за четыре дня до этого вечера, было это в салоне переоборудованного транспортного самолёта С-130, который для Всемирной организации здравоохранения служил передвижным координационным центром .

Чуть позже семи вечера самолёт приземлился на аэродроме Хенском, не дальше 25 километров от Кембриджа, штат Массачусетс. Сински толком не знала, чего ожидать от знаменитого учёного, с которым она связалась по телефону, но была приятно удивлена, когда он уверенным шагом поднялся по трапу в хвостовую часть самолёта и поприветствовал её неподдельной улыбкой.

- Доктор Сински, я полагаю? - Лэнгдон твердо пожал ей руку.

- Профессор, считаю за честь встретиться с вами.

- Для меня тоже честь. Спасибо за все, что вы делаете.

Лэнгдон оказался рослым мужчиной, с приятной наружностью и низким голосом. Сински невольно предположила, что его тогдашний наряд - твидовый пиджак, широкие брюки цвета хаки и ботинки без шнурков - объяснялся тем, что он так ходит на занятия - это было объяснимо, ведь его буквально без предупреждения перехватили с кампуса. И ещё он он выглядел моложе и стройнее, чем она предполагала, что лишь напоминало самой Элизабет о её возрасте. Она чуть ли не в матери ему годилась.

Она устало улыбнулась. - Спасибо, что пришли, профессор.

Лэнгдон указал на помощника, не обладающего чувством юмора, которого Сински послала его забрать. - Ваш друг не оставил мне выбора.

- Хорошо. За это я ему плачу.

- Красивый амулет, - сказал Лэнгдон, глядя на ее ожерелье. - Лазурит?

Сински кивнула и глянула на свой амулет из голубого камня, выполненного в виде змеи, обвивающей вертикальный жезл. - Современный символ медицины. Уверена, вы знаете, что он называется кадуцей.

Внезапно Лэнгдон поднял глаза, словно собирался ей что-то сказать.

Она ждала. Да?

Очевидно, поразмыслив о своем порыве, он вежливо улыбнулся и сменил тему. - Итак, почему я здесь?

Элизабет указала жестом на импровизированную зону для совещаний вокруг стола из нержавеющей стали. - Садитесь, пожалуйста. Мне нужно, чтобы вы кое-что посмотрели.

Лэнгдон неторопливо направился к столу, и Элизабет отметила, что хотя профессор во виду и заинтригован грядущей встречей, в нём совсем не заметно настороженности. Явно человек самодостаточный. Она подумала, сохранит ли он свой безмятежный вид, узнав, зачем его сюда пригласили.

Дав Лэнгдону устроиться, Элизабет затем без вводных слов продемонстрировала предмет, который она со своей группой конфисковала из депозитной ячейки банка во Флоренции менее двенадцати часов назад.

Лэнгдон изучал маленький резной цилиндр в течение долгого времени, прежде чем кратко изложить ей то, что она уже и так знала. Объект был древней цилиндрической печатью, которая могла использоваться для графики. На нем было ужасно отвратительное изображение трехголового сатаны, а также единственное слово: saligia.

- Saligia, - сказал Лэнгдон, - латинское мнемоническое обозначение для —

- Семи смертных грехов, - сказала Элизабет. - Да, мы искали его.

- Хорошо… - голос Лэнгдона был озадаченным. - Есть какие-то причины, почему вы хотели мне это показать?

- Вообще-то есть, - Сински взяла у него цилиндр и стала сильно его трясти, гоняя взад-вперёд шарик генератора.

Лэнгдон, похоже, был озадачен её действиями, но не успел он спросить, что она затевает, как торец цилиндра засветился и она направила его на гладкую пластину на стене переоборудованного самолёта.

Лэнгдон тихо присвистнул и повернулся к спроецированной картине.

- “Карта Ада” Боттичелли, - объявил Лэнгдон. - Основывается на аде Данте. Хотя я предполагаю, что вы, вероятно, уже знаете это.

Элизабет кивнула. Она и ее команда опознали картину с помощью Интернета, и Сински была удивлена, когда обнаружила, что картина принадлежит кисти Боттичелли, художнику известному прежде всего благодаря его светлым, идеализированным шедеврам “Рождение Венеры” и “Весна”. Сински любила оба эти творения, несмотря на то, что они изображали плодородие и создание жизни, что только напоминало ей о ее собственной трагической невозможности забеременеть - единственном значительном горе в ее успешной в остальном жизни.

- Я надеялась, - сказала Сински, - что вы сможете рассказать мне о символике, скрытой в этой картине.

Впервые за ночь Лэнгдон выглядел раздраженным. - Вот почему вы пригласили меня сюда? Я думал, вы сказали, что это крайняя необходимость.

- Не смешите меня.

Лэнгдон терпеливо вздохнул. - Доктор Сински, вообще-то, если вы хотите разузнать о конкретной картине, вам стоит связаться с музеем, в котором хранится оригинал. В этом

случае это Ватиканская апостольская библиотека. В Ватикане есть много прекрасных иконописцев, которые…

- Ватикан ненавидит меня.

Лэнгдон посмотрел с удивлением. - Вас тоже? Я думал, что я единственный.

Она грустно улыбнулась. - ВОЗ твердо уверена, что, распространение доступной контрацепции - один из ключей к всеобщему здоровью, как в борьбе с болезнями, передающимися половым путем, подобно СПИДу, так и для контроля за рождаемостью.

- А Ватикан считает иначе.

- Именно. Они потратили огромное количество сил и денег, убеждая третьи страны, что контрацепция - это зло.

- О да, - сказал Лэнгдон с понимающей улыбкой. - Кто, как не группа восьмидесятилетних мужчин, связанных обетом целибата, лучше расскажет миру, как заниматься сексом?

С каждой секундой профессор нравился Сински все больше и больше.

Она встряхнула цилиндр, чтобы перезарядить его и затем снова спроектировала изображение на стену. - Профессор, присмотритесь внимательнее.

Лэнгдон подошел к изображению, изучая его, затем придвинулся еще ближе. Внезапно он резко остановился. - Странно. Картина была изменена.

Это не заняло у него много времени. - Да, это так и я хочу, чтобы вы сказали мне, что означают эти изменения.

Лэнгдон затих, просматривая все изображение целиком, делая паузу, чтобы охватить взглядом десять букв, которые образовали слово catrovacer … и затем маска чумы … и также странная цитата по краю о “глазах смерти.”

- Кто это сделал? - спросил Лэнгдон. - Откуда она у вас?

- На самом деле, чем меньше вы знаете, тем лучше. Я лишь надеюсь, что вы сможете проанализировать эти изменения и сказать нам, что они означают. - Она указала на стол в углу.

- Здесь? Прямо сейчас?

Она кивнула. - Я знаю, что это навязчиво, но я даже не могу объяснить, насколько это важно для нас. - Она сделала паузу. - Возможно, это вопрос жизни и смерти.

Лэнгдон посмотрел на нее с беспокойством. - Для расшифровки этого может потребоваться время, но я полагаю, если это настолько важно для вас —

- Спасибо, - прервала его Сински прежде, чем он поменял свое мнение. - Есть кто-нибудь, кому надо позвонить?

Лэнгдон покачал головой и сказал, что планировал спокойно провести выходные в одиночестве.

Прекрасно. Сински подождала, пока он устроился за своим столом с проектором, бумагой, карандашом и ноутбуком с безопасной спутниковой связью. Лэнгдона глубоко озадачил вопрос, почему ВОЗ заинтересовалась видоизмененной живописью Боттичелли, но он покорно принялся за работу.

Доктор Сински полагала, что он будет изучать картину в течении нескольких часов без какого-либо результата, поэтому она устроилась, чтобы выполнить свою работу. Время от времени она слышала, как он трясет проектор и строчит в блокноте. Не прошло и десяти минут как Лэнгдон отложил карандаш и сказал: - Cerca trova.

Сински посмотрела вокруг. - Что?

- Cerca trova, - повторил он. - Ищи и обрящещь. Вот что значит этот код.

Сински поспешила и села рядом с ним, слушая с восхищением объяснение Лэнгдона, как уровни ада Данте расположились не в том порядке, и если поменять их в надлежащей последовательности, они образуют итальянскую фразу cerca trova.

Ищи и обрящешь? Сински удивилась. Это и есть послание этого помешанного ко мне? Фраза звучала, как прямой вызов. Беспокойные воспоминания о последних словах сумасшедшего во время их встречи в Совете по международным отношениям всплыли в ее голове: Как оказалось, наш танец уже начался.

- Вы побледнели, - сказал Лэнгдон, вдумчиво глядя на нее. - Я полагаю, это не то сообщение, которое вы ожидали?

Сински наморщила лоб, поправляя амулет на шее. - Не совсем так. Скажите мне … вы полагаете, что эта карта ада предлагает мне что-то искать?

- Да. Cerca trova.

- И она указывает, где мне искать?

Лэнгдон погладил свой подбородок, а другой член ВОЗ начала ходить вокруг, пытаясь осмыслить информацию. - Не явно … нет, хотя у меня есть довольно неплохая идея, где вы захотите начать.

- Скажите мне, - потребовала Сински более настойчиво, чем ожидал Лэнгдон.

- Ну хорошо, что вы думаете о Флоренции, Италия?

Сински стиснула зубы, прилагая все усилия, чтобы не реагировать. Ее сотрудникам, однако, это не удалось. Все они обменялись удивленными взглядами. Один схватил телефон и начал звонить. Другой поспешил через дверь в переднюю часть самолета.

Лэнгдон выглядел изумленным. - Это из-за того, что я сказал?

Безусловно, подумала Сински. - Что заставило вас назвать Флоренцию?

- Cerca trova, - ответил он, быстро излагая давнюю тайну, касающуюся фрески Вазари в Палаццо Веккьо.

Это Флоренция, подумала Сински, услышав уже достаточно. Очевидно, это не простое совпадение, что ее заклятый враг спрыгнул с крыши и разбился не далее чем в трех кварталах от Палаццо Веккьо во Флоренции.

- Профессор, - сказала она, - когда я показала вам свой амулет раньше и назвала его кадуцей, вы замолчали, словно хотели мне что-то сказать, но поколебавшись, кажется, изменили свое мнение. Что вы собирались мне сообщить?

Лэнгдон покачал головой. - Ничего. Это глупо. Иногда преподаватель во мне может быть немного самоуверенным.

Сински посмотрела ему в глаза. - Я спросила, потому, что хочу знать, что могу доверять вам. Что вы хотели сказать?

Лэнгдон сглотнул и прочистил горло. - Не то, чтобы это было важно, но вы сказали, что ваш амулет - это древний символ медицины, и это верно. Но когда вы назвали его кадуцей, вы допустили всеобщую ошибку. Кадуцей имеет две змеи вокруг жезла и крылья вверху. Ваш амулет состоит из одной змеи и не имеет крыльев. Этот символ называется..

- Жезл Асклепия.

Лэнгдон склонил голову от удивления. - Да. Именно.

- Я знаю. Я проверяла вашу правдивость.

- Прошу прощения?

- Мне было любопытно знать, скажете ли вы мне правду, несмотря на то, что она может поставить меня в неловкое положение.

- Звучит так, как будто я не прошел проверку.

- Не повторяйте своих ошибок. Полная честность - единственный путь, при котором вы и я сможем сотрудничать в этом вопросе.

- Сотрудничать? Разве мы не закончили?

- Нет, профессор. Мне необходимо, чтобы вы поехали во Флоренцию и помогли мне кое-что отыскать.

Лэнгдон смотрел с недоверием. - Сегодня вечером?

- Боюсь, что так. Я должна предупредить вас, что ситуация действительно критическая.

Лэнгдон покачал головой. - Не имеет значения, что вы мне скажете. Я не хочу лететь во Флоренцию.

- Также как и я, - сказала она хмуро. - Но, к сожалению, наше время истекает.

Глава 62

Полуденное солнце вспыхивало на гладкой крыше итальянского высокоскоростного поезда "Frecciargento". Он мчался на север, совершая изящную дугу через тосканские поля. Несмотря на путешествие вдаль от Флоренции со скоростью 174 мили в час, поезд "серебряная стрела" был почти бесшумным, его мягкий монотонный стук и мерное покачивание оказывали почти успокоительный эффект на тех, кто ехал на нем.

Для Роберта Лэнгдона последний час был расплывчатым.

Теперь, в салоне высокоскоростного поезда, Лэнгдон, Сиенна и доктор Феррис сидели в одном из частных, сидячих купе "Серебряной стрелы" — небольшом купе бизнес-класса, с четырьмя кожаными сиденьями и складным столом. Феррис арендовал все купе, используя свою кредитную карту, наряду с ассортиментом бутербродов и минеральной водой, на которую жадно набросились Лэнгдон и Сиенна после уборки туалета рядом с их частным купе.

Как только они втроем устроились для двухчасовой поездки на поезде в Венецию, доктор Феррис немедленно направил свой пристальный взгляд на посмертную маску Данте, которая лежала на столе между ними в закрытом пакете. - Мы обязательно должны выяснить, куда в Венеции приведет нас эта маска.

- И как можно быстрее, - добавила Сиенна с безотлагательностью в голосе. - Вероятно, это наша единственная надежда на предотвращение чумы Зобриста.

- Держи, - сказал Лэнгдон, защищая рукой маску. - Вы обещали, что, как только мы благополучно окажемся на борту этого поезда, вы ответите мне на некоторые вопросы о последних нескольких днях. До сих пор все, что я знаю, - то, что ВОЗ приняла меня на работу в Кембридже, чтобы помочь расшифровать версию карты Зобриста. Кроме этого, вы ничего не сказали мне.

Доктор Феррис неловко переместился и снова начал царапать сыпь на лице и шее. - Я вижу, что вы расстроены, - сказал он. - Я уверен, что это печально не помнить то, что произошло, но говоря с медицинской точки зрения… - Он посмотрел на Сиенну для подтверждения и затем продолжил. - Я настоятельно рекомендую вам не расходовать энергию, пытаясь вспомнить специфические особенности, которые вы не можете помнить. Жертвам амнезии лучше, чтобы забытое прошлое оставалось забытым.

- Оставить всё как есть!? - Лэнгдон ощутил растущее негодование. - Пропади оно пропадом! Мне нужны ответы на кое-какие вопросы! Ваша организация затащила меня в Италию, где в меня стреляли, и я потерял несколько дней жизни! Я хочу знать, что произошло!

- Роберт, - вмешалась Сиенна, ее спокойная манера говорить была очевидной попыткой успокоить его. - Доктор Феррис прав. Это определенно повредило бы твоему здоровью, внезапно перегружать тебя информацией. Подумай о крошечных обрывках, которые ты действительно помнишь — седая женщина, "ищи и обрящешь", корчащиеся тела с карты ада

— эти образы заполонили твое сознание чередой спутанных, не поддающихся контролю воспоминаний, которые почти вывели тебя из строя. Если доктор Феррис начнет подробно излагать события прошлых нескольких дней, то он почти наверняка всколыхнет и другие воспоминания, и твои галлюцинации могут повториться снова и снова. Ретроградная амнезия - серьезное заболевание. Вызов неуместных воспоминаний может чрезвычайно подорвать психику.

Об этом Лэнгдон не подумал.

- Должно быть, у вас сильное ощущение непонимания происходящего, - добавил Феррис, - но в данный момент нам нужен в неприкосновенности ваш рассудок - с тем, чтобы мы могли продвинуться дальше. Нам совершенно необходимо выяснить, что пытается сообщить маска.

Сиенна кивнула.

- Кажется, доктора сошлись во мнении, - мысленно отметил Лэнгдон.

Лэнгдон тихо сидел, пытаясь побороть чувство неопределенности. Это было странное ощущение: встретить абсолютно незнакомого человека и понимать, что на самом деле ты знаешь его несколько дней. Затем снова Лэнгдона посетила мысль, что в его глазах есть что-то знакомое.

- Профессор, - сочувственно сказал Феррис, - я вижу, что вы не уверены, стоит ли мне верить, и это можно понять, учитывая через что вы прошли. Одним из распространенных побочных эффектов амнезии является небольшая паранойя и недоверие.

Это имеет смысл, - подумал Лэнгдон, учитывая, что я не могу доверять даже собственному разуму.

- Говоря о паранойе, - пошутила Сиенна, явно пытаясь разрядить обстановку. - Увидев вашу сыпь, Роберт подумал, что вы подхватили черную чуму.

Опухшие глаза Ферриса расширились, и он рассмеялся вслух. - Эта сыпь? Поверьте мне, профессор, я бы не смог лечить чуму антигистамином, отпускаемым без рецепта. - Он вытащил маленький тюбик с лекарством из своего кармана и бросил его Лэнгдону. Конечно же, это был полупустой тюбик антиаллергического крема против зуда.

- Извините за это, - сказал Лэнгдон, чувствуя себя дураком. - Длинный день.

- Не беспокойтесь, - сказал Феррис.

Лэнгдон повернулся к окну, наблюдая, как блеклые тона итальянской провинции соединяются в спокойном коллаже. Виноградники и фермы встречались теперь всё реже, равнины сменились подножием гор Апеннинского полуострова. Скоро поезд будет пробираться извилистым горным перевалом, а потом опять снизится, прокладывая путь на восток, к Адриатическому морю.

Я направляюсь в Венецию, - подумал он. Искать чуму.

Этот странный день создавал у Лэнгдона впечатление, будто он движется через пейзаж с одними только раплывчатыми очертаниями, без каких-либо деталей. Похоже на сон. Ирония была в том, что от кошмара люди обычно пробуждаются… Лэнгдон же проснулся, чтобы увидеть кошмар.

- Лира за твои мысли, - прошептала Сиенна позади него.

Лэнгдон взглянул на неё, вымученно улыбнувшись. - Всё представляю себе, как я проснусь дома и окажется, что всё это дурной сон.

Сиенна скромно склонила голову. - И ты бы не скучал по мне, если бы проснулся и понял, что я была нереальной?

Лэнгдон вынужден был усмехнуться. - Да, действительно, я бы немного скучал по тебе.

Она погладила его колено. - Прекратите мечтать, профессор, и приступайте к работе.

Лэнгдон неохотно повернул глаза к морщинистому лицу Данте Алигьери, который безучастно смотрел со стола перед ним. Мягко, Лэнгдон поднял гипсовую маску и перевернул ее в руках, пристально вглядываясь в вогнутую внутреннюю сторону на первую строчку написанного по спирали текста:

“Вы, одержимые игрой ума…”

Лэнгдон сомневался, что в данный момент он был таким.

Тем не менее, он принялся за работу.

За триста километров впереди несущегося поезда, на якоре в Адриатическом море по-прежнему стояла яхта Мендасиум. Находившийся на одной из нижних палуб помощник Ноултон услышал тихий стук костяшек о стену своей застеклённой каюты и нажав кнопку под рабочим столом, превратил непрозрачное стекло в прозрачное. По ту сторону материализовалась невысокая смуглая фигура.

Хозяин.

Он выглядел мрачным.

Без единого слова он вошел, запер дверь каюты и щелкнул переключателем, который снова превратил стеклянную комнату в непрозрачную. От него пахло алкоголем.

- Видео, которое оставил нам Зобрист, - сказал хозяин.

- Вы уверены, сэр?

- Я хочу видеть его. Сейчас.

Глава 63

Роберт Лэнгдон наконец закончил расшифровывать и переносить спиральный текст с посмертной маски на бумагу, и они могли проанализировать его более тщательно. Сиенна и доктор Феррис столпились поблизости, стараясь помочь, а Лэнгдон приложил все усилия, чтобы не обращать внимание на продолжающееся почесывание Ферриса и его затрудненное дыхание.

Он в порядке, - сказал себе Лэнгдон, сосредотачивая свое внимание на стихе перед ним.

- Вы, одержимые игрой ума,

Постигнете сокрытое ученье

За пеленою странного стиха.

- Как я упоминал ранее, - начал Лэнгдон, - первая строфа поэмы Зобриста дословно взята из Дантового Ада - как предостережение читателю о том, что слова имеют более глубокий смысл.

Аллегорический труд Данте был столь насыщен скрытыми суждениями о религии, политике и философии, что Лэнгдон часто предлагал своим студентам изучать этого итальянского поэта так же серьёзно, как Библию - читая между строк и стремясь понять глубинный смысл.

- Исследователи средневековых аллегорий, - продолжал Лэнгдон, - обычно подразделяют предмет своего анализа на две категории: “текст” и “образ”, причём текст - это буквальное содержание труда, а образ - символическое послание.

- Хорошо, - с жаром сказал Феррис. - То, что поэма начинается с этих строк…

- Предполагает, - продолжила Сиенна, - что поверхностное прочтение может выявить только часть истории. Истинное значение может быть скрыто.

- Да, что-то вроде этого. - Лэнгдон снова посмотрел на текст и продолжил читать вслух.

- Ищи в Венеции предательского дожа,

Что обезглавливал мечом коней

Да кости вырывал слепым во смертном ложе.

- Что ж, - сказал Лэнгдон, - не уверен насчет лошадей без головы и костей слепца, но похоже, мы должны отыскать конкретного дожа.

- Могилу дожа… я полагаю? - спросила Сиенна.

- Или же статую или портрет? - ответил Лэнгдон. - Дожей уже как столетиями не существует.

Венецианские дожи были наподобие герцогов в других итальянских городах-державах, и более чем сотня их правили Венецией на протяжении тысячи лет, начиная с 697 года нашей эры. Их родословная прервалась в конце восемнадцатого века с завоеванием Наполеона, но их слава и власть до сих пор оставались предметом восхищения историков

- Как вам может быть известно, - сказал Лэнгдон, - две наиболее популярные туристические достопримечательности Венеции - Дворец дожей и Собор святого Марка - были построены дожами и для дожей. Многие из них похоронены прямо там.

- А знаешь ли ты, - спросила Сиенна, глядя на стих, - был ли дож, который считался особенно опасным?

Лэнгдон присмотрелся к проблемной строке. Искать в Венеции предательского дожа. - Не знаю ни одного, но в поэме ведь не слово "опасный", а "предательский". Есть разница, по крайней мере, в мире Данте. Предательство - один из семи смертных грехов - худший из них, по существу, за него наказывают в последнем, девятом круге ада.

По определению Данте, предательство направлено на того, кого любят. Известнейший в истории пример этого греха - предательство Иудой любимого им Иисуса, это деяние Данте считал столь гнусным, что отправил Иуду в самое глубинное ядро ада - место, названное Иудеккой, по имени его самого нечестивого обитателя.

- Хорошо, - сказал Феррис, - итак, мы ищем дожа, совершившего акт предательства.

Сиенна кивнула в знак согласия. - Это позволит нам ограничить перечень возможного. - Она остановилась, вглядываясь в текст. - Но вот следующая строка… о доже, отрубавшем коням головы? - она подняла глаза на Лэнгдона. - Был такой дож, что рубил головы лошадям?

Образ, который Сиенна пробудила в Лэнгдоне, напомнил ему жуткую сцену из "Крёстного отца". - Не припомню. Но согласно тому же тексту, он ещё "вырывал кости у слепых". - Тут он взглянул на Ферриса. - У вас ведь телефон с интернетом?

Феррис быстро достал телефон и показал распухшие прыщеватые кончики своих пальцев. - Пожалуй, мне трудно будет управиться.

- Я справлюсь, - сказала Сиенна, взяв его телефон. - Я поищу венецианских дожей, связанных с обезглавленными лошадьми и костями слепого. Она быстро начала печатать на крошечной клавиатуре.

Лэнгдон просмотрел поэму еще раз, и затем продолжил читать вслух.

Колени преклони ко злату в музеоне мест святых,

К земле прильни своим ты ухом

И слушай звук струящейся воды.

- Никогда не слышал слова "музеон" - сказал Феррис.

- Это старинное слово, означающее храм, оберегаемый музами, - ответил Лэнгдон. - Во времена древних греков музеон был местом, где просвещённые умы собирались обмениваться мыслями, обсуждать литературу, музыку и живопись. Первый музеон был построен Птолемеем в Александрийской библиотеке за много веков до рождества Христова, а затем появились сотни таких по всему миру.

- Доктор Брукс, - сказал Феррис, с надеждой глядя на Сиенну. - Вы не могли бы посмотреть, есть ли в Венеции музеоны?

- Вообще-то, их там дюжина, - сказал Лэнгдон с шутливой улыбкой. - Только теперь они называются музеями.

- А-а… - осознал Феррис, - надо понимать, нам придется копнуть в сети поглубже.

Сиенна всё набирала что-то на телефоне, без проблем делая одновременно и другое дело - ведя список. - Ладно, будем искать музей, где можно найти дожа, который отрубал лошадям головы и вырывал кости у слепых. Роберт, есть какой-то конкретный музей, где стоило бы поискать?

Лэнгдон уже раздумывал над наиболее известными музеями Венеции - Галереей академии, Ка'Реццонико, Палаццо Грасси, коллекцией Пегги Гуггенхайм, музеем Коррера - но, казалось, ни один из них не подходит под описание.

Он снова посмотрел на текст.

Колени преклони ко злату в музеоне мест святых,

Лэнгдон хитро улыбнулся. - В Венеции и впрямь есть один музей, который в точности подпадает под "музеон мест святых".

И Феррис, и Сиенна смотрели на него с ожиданием.

- Собор святого Марка, - сообщил он. - Самая большая церковь Венеции.

Феррис выглядел неуверенно. - Церковь - это музей?

Лэнгдон кивнул. - И Ватикан в том же смысле - музей. И вот ещё что, внутреннее убранство собора Св. Марка славится тем, что всё там украшено цельными золотыми плитками.

- Музеон с позолотой, - воскликнула Сиенна с искренним оживлением.

Лэнгдон кивнул, не сомневаясь, что собор святого Марка - тот позолоченный храм, что упоминается в стихах. Веками венецианцы называли его La Chiesa d'Oro - Золотой церковью - и Лэнгдон считал ее интерьер наиболее ослепительным среди всех церквей в мире.

- В стихах говорится: там "преклонить колени", - добавил Феррис. - А церковь вполне логичное место для этого.

Сиенна снова яростно печатала. - Я добавила собор в поиск. Должно быть, это то место, где нам необходимо искать дожа.

Лэнгдон знал, что они много чего найдут о дожах в соборе Св. Марка, который, по существу, был усыпальницей дожей. Вернувшись к тексту поэмы, он ощутил надежду.

Колени преклони ко злату в музеоне мест святых,

К земле прильни своим ты ухом

И слушай звук струящейся воды.

Струящаяся вода? представил Лэнгдон. Под собором Св. Марка есть вода? Дурацкий вопрос, подумал он. Вода есть под всем городом. Каждое здание в Венеции медленно погружается в воду и протекает. Лэнгдон представил базилику и попытался предположить, где внутри, став на колени, можно было услышать струящуюся воду. Ну, услышим мы ее…и что дальше?

Лэнгдон вернулся к поэме и закончил читать вслух.

Иди во глубь, в затопленный дворец.

Ведь там, во тьме, хтоничный монстр ждёт

Во глубине кроваво-красных вод

Лагуны, что не отражает звёзд.

- Хорошо, - сказал Лэнгдон, встревоженный представленными образами, - по всей видимости, мы следуем за струящейся водой…к какому-то затопленному дворцу.

Феррис беспокойно почесал лицо. - Что за хтоничный монстр?

- Подземный, - предположила Сиенна, пальцы которой все еще порхали над телефоном. - "Хтонический" означает " под землей".

- Частично верно, - сказал Лэнгдон. - Хотя это слово имеет еще один исторический подтекст - обычно оно связано с мифами и монстрами. Хтонические божества - это целая группа богов и монстров, к примеру Эринии, Геката и Медуза. Их так называют потому, что они проживают в подземном мире и ассоциируются с адом. - Лэнгдон замолчал. - Исторически, они вышли из-под земли и пришли в надземный мир, чтобы сеять хаос среди человечества.

Затем последовало длительное молчание, и Лэнгдон почувствовал, что они думают об одном и том же. Этим хтоничным монстром может быть только … чума Зобриста.

Ведь там, во тьме, хтоничный монстр ждёт

Во глубине кроваво-красных вод

Лагуны, что не отражает звёзд.

- В любом случае, - сказал Лэнгдон, пытаясь мыслить логически, - очевидно мы ищем подземное место, что, по крайней мере, объясняет последнюю строчку стиха: "лагуна, что не отражает звёзд"

- Верно подмечено, - сказала Сиенна, оторвав взгляд от телефона Ферриса. - Если лагуна находится под землей, в ней не отражается небо. Но есть ли в Венеции такие лагуны?

- Мне о них не известно, - ответил Лэнгдон. - Но в городе, построенном на воде, вероятно, возможностей не счесть.

- Что если эта лагуна внутренняя? - вдруг спросила Сиенна, глядя на обоих. - В поэме говорится о "тьме затопленного дворца". Ты ведь уже говорил, что Дворец дожей соединяется с базиликой, верно? Значит, в этих строениях есть многое из того, о чем упоминает поэма - музеон мест святых, дворец, связь с дожами - и всё это находится прямо в главной лагуне Венеции, на уровне моря.

Лэнгдон раздумывал об этом. - Думаешь, "затопленный дворец" - это Дворец дожей?

- Разве нет? В поэме нам сначала велят преклонить колени в базилике Св. Марка, затем последовать звуку струящейся воды. Может, звуки воды ведут к месту вблизи Дворца дожей. Это может быть затопленный фундамент или вроде того.

Лэнгдон много раз бывал во Дворце дожей и знал, что он огромен. Будучи протяжённой системой сооружений, этот дворец вмещал крупномасштабный музей и был поистине лабиринтом из служебных помещений, квартир и внутренних дворов, и с такой обширной сетью тюремных камер, что размещались они в нескольких зданиях.

- Возможно, ты права, - сказал Лэнгдон, - но поиск вслепую в этом дворце займет дни. Я предлагаю сделать в точности, как говорится в стихах. Сначала мы пойдем в собор святого Марка и найдем могилу или статую предательского дожа, а затем опустимся на колени.

- А потом? - спросила Сиенна.

- А потом, - сказал Лэнгдон, вздохнув, - будем вовсю молиться, чтобы услышать струящуюся воду… и она нас куда-нибудь да приведёт.

В наступившем молчании Лэнгдон вообразил озабоченное лицо Элизабет Сински таким, каким видел его в своих галлюцинациях, где она звала его с другого берега. Времени мало. Ищи и обрящешь! Интересно, где сейчас Сински, если с ней всё в порядке. Те солдаты в чёрном, вне сомнений, теперь уже осознали, что Лэнгдон с Сиенной ускользнули. Сколько времени им понадобится, чтобы до нас добраться?

Вернувшись взором к поэме, Лэнгдон стряхнул с себя накатившую было усталость. Он обратил внимание на последнюю стихотворную строку, и ему пришла в голову ещё одна мысль. Он сомневался, стоит ли её высказать. Лагуна, что не отражает звёзд. Вероятно, это

не имело отношения к их поискам, но всё же он решил этой мыслью поделиться. - Есть ещё одно соображение, достойное упоминания.

Сиенна оторвала взгляд от телефона.

- Три части Божественной комедии, - сказал Лэнгдон, - Ад, Чистилище и Рай - заканчиваются одним и тем же словом.

Сиенна выглядела удивленной.

- Что это за слово? - спросил Феррис.

Лэнгдон указал в конец переписанного им текста. - То самое слово, что и завершает эту поэму - "звёзды". - Он поднял посмертную маску Данте и указал в самый центр закрученного спиралью текста.

Лагуна, что не отражает звёзд.

- И ещё, - продолжал Лэнгдон, - в заключении "Ада" мы видим, как Данте прислушивается к звуку струящейся воды в расщелине, и идёт на него через проём … что позволяет ему выбраться из ада.

Феррис слегка побледнел. - Иисусе.

В тот самый момент купе пронзил оглушающий порыв воздуха - "Серябряная стрела" входила в горный туннель.

В наступившей темноте Лэнгдон закрыл глаза и попытался мысленно расслабиться. Может, Зобрист был и психопат, подумал он, но у него явно был утончённый взгляд на Данте.

Глава 64

Лоуренс Ноултон почувствовал, что волна облегчения нахлынула на него.

Хозяин решил просмотреть видео Зобриста.

Ноултон фактически нырнул за темно-красной флешкой и вставил ее в свой компьютер, готовый посмотреть ее вместе со своим боссом. Бремя причудливого девятиминутного сообщения Зобриста преследовала помощника, и он стремился, чтобы еще кто-нибудь посмотрел это.

Это больше не будет висеть на мне.

Ноултон задержал дыхание и нажал кнопку воспроизведения.

Экран потемнел, и звуки спокойного плеска воды заполнили каюту. Камера перемещалась сквозь красноватый туман подземной пещеры, и хотя хозяин не подавал виду, Ноултон ощутил, что он был столь же встревожен, сколь и изумлен.

Камера приостановила свое движение вперед и наклонилась вниз у поверхности лагуны, где погрузилась под воду, нырнув на несколько футов, чтобы показать полированную титановую пластину, прикрепленную к полу.

В ЭТОМ МЕСТЕ, В ЭТО ВРЕМЯ, МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА.

Хозяин слегка вздрогнул. - Завтра, - прошептал он, следя за датой. - И мы знаем, где может находиться "это место"?

Ноултон покачал головой.

Камера теперь сдвинулась влево, показывая под водой полиэтиленовый мешок со студенистой, желто-коричневой жидкостью.

- Что это, ради бога?! - хозяин выдвинул стул и уселся в нем, уставившись на колеблющийся пузырь, подвешенный как привязанный воздушный шар под водой.

Неловкое молчание повисло в комнате, по мере того как продолжалось видео. Скоро экран потемнел, и затем странная тень с клювообразным носом появилась на стене пещеры и начала говорить на своем загадочном языке.

Я Тень..

Уйдя под землю, я должен буду говорить с миром из глубин земли, заточенный в эту мрачную пещеру, где кроваво-красные воды собираются в лагуне, которая не отражает звезд.

Но это - мой рай … прекрасное чрево для моего хрупкого ребенка.

Ад.

Хозяин поднял голову и посмотрел. - Ад?

Ноултон пожал плечами. - Я же говорил, что это вызывает беспокойство.

Хозяин снова пристально смотрел на экран.

Тень с клювовидным носом продолжала говорить в течение нескольких минут, рассказывая о чуме, о необходимости чистки населения Земли, о своей выдающейся роли в будущем, о своей битве с непросвещенными душами, которые пытались его остановить и о тех немногих верных, кто понимает, что эти неотложные действия - единственный путь спасти планету.

Независимо от того, за что была война, Ноултон все утро задавался вопросом, может ли Консорциум бороться не на той стороне.

Голос продолжил.

Я подделал шедевр спасения, но до сих пор все мои усилия были вознаграждены не горном и лаврами, а лишь угрозой смерти.

Я не боюсь смерти… смерть превращает провидцев в мучеников… преобразуя благородные идеи в могущественное движение.

Иисус. Сократ. Мартин Лютер Кинг.

Скоро я присоединюсь к ним.

Шедевр, который я создал, это работа самого Господа… дар Того, кто наполнил меня разумом, орудиями и храбростью, необходимыми, чтобы выковать такое творение.

Теперь этот день наступает.

Ад спит подо мной, готовясь выпрыгнуть из своей водянистой утробы… под заботливым взглядом подземного чудовища и всех его фурий.

Несмотря на добродетель моих поступков, как и вы, я подвержен греху. Даже я повинен в наиболее опасном из семи грехов - в том единственном искушении, которого лишь немногие могут избежать.

В гордыне.

Записывая это самое сообщение, я поддался искушению Гордыни … и сделал все, чтобы мир узнал о моей работе.

А почему бы нет?

Человечество должно знать источник своего спасения… имя того, кто запечатал разверзшиеся врата ада навсегда!

С каждым часом последствия становятся все более неизбежными. Расчеты - такие же неумолимые, как закон притяжения - не подлежат обсуждению. Тот же экспоненциальный расцвет человеческой жизни, который чуть не уничтожил человечество, приведет к его освобождению. Красота живого организма - будь она благой или губительной - подчиняется закону Божьему по уникальному замыслу.

Плодитесь и размножайтесь.

И я сражаюсь с огнем… с помощью огня.

- Достаточно, - прервал хозяин с таким спокойствием, что Ноултон едва расслышал его.

- Сэр?

- Остановите видео.

Ноултон нажал на паузу воспроизведения. - Сэр, конец - фактически самая пугающая часть.

- Я достаточно увидел. - Хозяин выглядел больным. он несколько секунд расхаживал по кабине, а затем резко развернулся. - Нам нужно установить контакт с FS-2080.

Ноултон решил действовать.

FS-2080 было кодовое название одного из доверенных деловых партнеров хозяина - того самого партнера, который направил Зобриста в Консорциум как клиента. Хозяин в этот самый монент нисколько не сомневался, упрекая себя за то, что положился на мнение FS-2080; рекомендация Бертрана Зобриста как клиента внесла хаос в изящно структурированный мир Консорциума.

FS-2080 - причина этого кризиса.

Растущая цепь бедствий, окружающая Зобриста, казалось, только множилась, не просто для Консорциума, но вполне возможно … для всего мира.

- Нам необходимо раскрыть истинные намерения Зобриста, - провозгласил хозяин. - Я хочу точно знать, что он создал и реальна ли эта угроза.

Ноултон знал, что, если у кого-то есть ответы на эти вопросы, то это у FS-2080. Никто не знал Бертрана Зобриста лучше. Настало время для Консорциума, чтобы нарушить протокол и оценить, насколько безумна может быть организация, которая невольно поддерживала его в прошлом году.

Ноултон взвесил возможные последствия прямой связи с FS-2080. Простое инициирование контакта содержало определенный риск.

- Очевидно, сэр, - сказал Ноултон, - если вы обратитесь к FS-2080, то нужно будет сделать это очень деликатно.

Глаза хозяина вспыхнули от гнева, когда он вытащил свой сотовый телефон. - Деликатность оставим в прошлом.

Сидя со своими двумя попутчиками в частной каюте "Серебряной стрелы, человек в галстуке Пейсли и очках Plume Paris изо всех сил пытался не поцарапать ухудшающуюся сыпь. Боль в его груди, казалось, тоже усилилась.

Когда наконец поезд появился из туннеля, человек в упор смотрел на Лэнгдона, который медленно открыл глаза, очевидно отвлекаясь от далеких мыслей. Рядом с ним Сиенна начала следить за сотовым телефоном человека, пока поезд не помчался сквозь туннель, в то время как не было никакого сигнала.

Сиенна, казалось, стремилась продолжить интернет-поиск, но прежде, чем она добралась до телефона, он внезапно начал вибрировать, испуская серию отрывистых звуков.

Хорошо зная этот звонок, человек с сыпью сразу же схватил телефон и посмотрел на светящийся экран, прилагая все усилия, чтобы скрыть удивление.

- Извините, - сказал он, поднимаясь. - Больная мать. Нужно ответить.

Сиенна и Лэнгдон кивнули в знак понимания, когда мужчина извинился и вышел из купе, быстро двигаясь вдоль коридора по направлению к ближайшей уборной.

Человек с сыпью запер дверь уборной, отвечая на телефонный звонок. - Алло?

Голос на линии был серьезным. - Это - хозяин.

Глава 64

Лоуренс Ноултон почувствовал, что волна облегчения нахлынула на него.

Хозяин решил просмотреть видео Зобриста.

Ноултон фактически нырнул за темно-красной флешкой и вставил ее в свой компьютер, готовый посмотреть ее вместе со своим боссом. Бремя причудливого девятиминутного

сообщения Зобриста преследовала помощника, и он стремился, чтобы еще кто-нибудь посмотрел это.

Это больше не будет висеть на мне.

Ноултон задержал дыхание и нажал кнопку воспроизведения.

Экран потемнел, и звуки спокойного плеска воды заполнили каюту. Камера перемещалась сквозь красноватый туман подземной пещеры, и хотя хозяин не подавал виду, Ноултон ощутил, что он был столь же встревожен, сколь и изумлен.

Камера приостановила свое движение вперед и наклонилась вниз у поверхности лагуны, где погрузилась под воду, нырнув на несколько футов, чтобы показать полированную титановую пластину, прикрепленную к полу.

В ЭТОМ МЕСТЕ, В ЭТО ВРЕМЯ, МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА.

Хозяин слегка вздрогнул. - Завтра, - прошептал он, следя за датой. - И мы знаем, где может находиться “это место”?

Ноултон покачал головой.

Камера теперь сдвинулась влево, показывая под водой полиэтиленовый мешок со студенистой, желто-коричневой жидкостью.

- Что это, ради бога?! - хозяин выдвинул стул и уселся в нем, уставившись на колеблющийся пузырь, подвешенный как привязанный воздушный шар под водой.

Неловкое молчание повисло в комнате, по мере того как продолжалось видео. Скоро экран потемнел, и затем странная тень с клювообразным носом появилась на стене пещеры и начала говорить на своем загадочном языке.

Я Тень..

Уйдя под землю, я должен буду говорить с миром из глубин земли, заточенный в эту мрачную пещеру, где кроваво-красные воды собираются в лагуне, которая не отражает звезд.

Но это - мой рай … прекрасное чрево для моего хрупкого ребенка.

Ад.

Хозяин поднял голову и посмотрел. - Ад?

Ноултон пожал плечами. - Я же говорил, что это вызывает беспокойство.

Хозяин снова пристально смотрел на экран.

Тень с клювовидным носом продолжала говорить в течение нескольких минут, рассказывая о чуме, о необходимости чистки населения Земли, о своей выдающейся роли в будущем, о своей битве с непросвещенными душами, которые пытались его остановить и о тех немногих верных, кто понимает, что эти неотложные действия - единственный путь спасти планету.

Независимо от того, за что была война, Ноултон все утро задавался вопросом, может ли Консорциум бороться не на той стороне.

Голос продолжил.

Я подделал шедевр спасения, но до сих пор все мои усилия были вознаграждены не горном и лаврами, а лишь угрозой смерти.

Я не боюсь смерти… смерть превращает провидцев в мучеников… преобразуя благородные идеи в могущественное движение.

Иисус. Сократ. Мартин Лютер Кинг.

Скоро я присоединюсь к ним.

Шедевр, который я создал, это работа самого Господа… дар Того, кто наполнил меня разумом, орудиями и храбростью, необходимыми, чтобы выковать такое творение.

Теперь этот день наступает.

Ад спит подо мной, готовясь выпрыгнуть из своей водянистой утробы… под заботливым взглядом подземного чудовища и всех его фурий.

Несмотря на добродетель моих поступков, как и вы, я подвержен греху. Даже я повинен в наиболее опасном из семи грехов - в том единственном искушении, которого лишь немногие могут избежать.

В гордыне.

Записывая это самое сообщение, я поддался искушению Гордыни … и сделал все, чтобы мир узнал о моей работе.

А почему бы нет?

Человечество должно знать источник своего спасения… имя того, кто запечатал разверзшиеся врата ада навсегда!

С каждым часом последствия становятся все более неизбежными. Расчеты - такие же неумолимые, как закон притяжения - не подлежат обсуждению. Тот же экспоненциальный расцвет человеческой жизни, который чуть не уничтожил человечество, приведет к его освобождению. Красота живого организма - будь она благой или губительной - подчиняется закону Божьему по уникальному замыслу.

Плодитесь и размножайтесь.

И я сражаюсь с огнем… с помощью огня.

- Достаточно, - прервал хозяин с таким спокойствием, что Ноултон едва расслышал его.

- Сэр?

- Остановите видео.

Ноултон нажал на паузу воспроизведения. - Сэр, конец - фактически самая пугающая часть.

- Я достаточно увидел. - Хозяин выглядел больным. он несколько секунд расхаживал по кабине, а затем резко развернулся. - Нам нужно установить контакт с FS-2080.

Ноултон решил действовать.

FS-2080 было кодовое название одного из доверенных деловых партнеров хозяина - того самого партнера, который направил Зобриста в Консорциум как клиента. Хозяин в этот самый монент нисколько не сомневался, упрекая себя за то, что положился на мнение FS-2080; рекомендация Бертрана Зобриста как клиента внесла хаос в изящно структурированный мир Консорциума.

FS-2080 - причина этого кризиса.

Растущая цепь бедствий, окружающая Зобриста, казалось, только множилась, не просто для Консорциума, но вполне возможно … для всего мира.

- Нам необходимо раскрыть истинные намерения Зобриста, - провозгласил хозяин. - Я хочу точно знать, что он создал и реальна ли эта угроза.

Ноултон знал, что, если у кого-то есть ответы на эти вопросы, то это у FS-2080. Никто не знал Бертрана Зобриста лучше. Настало время для Консорциума, чтобы нарушить протокол и оценить, насколько безумна может быть организация, которая невольно поддерживала его в прошлом году.

Ноултон взвесил возможные последствия прямой связи с FS-2080. Простое инициирование контакта содержало определенный риск.

- Очевидно, сэр, - сказал Ноултон, - если вы обратитесь к FS-2080, то нужно будет сделать это очень деликатно.

Глаза хозяина вспыхнули от гнева, когда он вытащил свой сотовый телефон. - Деликатность оставим в прошлом.

Сидя со своими двумя попутчиками в частной каюте “Серебряной стрелы, человек в галстуке Пейсли и очках Plume Paris изо всех сил пытался не поцарапать ухудшающуюся сыпь. Боль в его груди, казалось, тоже усилилась.

Когда наконец поезд появился из туннеля, человек в упор смотрел на Лэнгдона, который медленно открыл глаза, очевидно отвлекаясь от далеких мыслей. Рядом с ним Сиенна начала следить за сотовым телефоном человека, пока поезд не помчался сквозь туннель, в то время как не было никакого сигнала.

Сиенна, казалось, стремилась продолжить интернет-поиск, но прежде, чем она добралась до телефона, он внезапно начал вибрировать, испуская серию отрывистых звуков.

Хорошо зная этот звонок, человек с сыпью сразу же схватил телефон и посмотрел на светящийся экран, прилагая все усилия, чтобы скрыть удивление.

- Извините, - сказал он, поднимаясь. - Больная мать. Нужно ответить.

Сиенна и Лэнгдон кивнули в знак понимания, когда мужчина извинился и вышел из купе, быстро двигаясь вдоль коридора по направлению к ближайшей уборной.

Человек с сыпью запер дверь уборной, отвечая на телефонный звонок. - Алло?

Голос на линии был серьезным. - Это - хозяин.

Глава 65

Размер уборной в “Серебряной стреле” был не больше, чем на коммерческом авиалайнере, там с трудом хватало места, чтобы развернуться. Человек с кожной сыпью закончил телефонный звонок хозяину и положил в карман свой телефон.

Земля сместилась, понял он. Весь пейзаж внезапно перевернулся, и ему потребовалось мгновение, чтобы сориентироваться.

Мои друзья теперь - мои враги.

Человек ослабил узел галстука Пейсли и уставился на свое прыщавое лицо в зеркале. Он выглядел хуже, чем он думал. При этом лицо мало волновало его, по сравнению с болью в груди.

Нерешительно, он расстегнул несколько пуговиц и открыл ворот рубашки.

Он обратил свой взгляд к зеркалу … и изучил голую грудь.

Боже.

Черная зона разрасталась.

Кожа в центре его груди была глубокого синевато-черного оттенка. Темная область вчера вечером была размером с мяч для гольфа, но теперь выросла до размеров апельсина. Он мягко коснулся нежной плоти и вздрогнул.

Торопливо, он снова застегнул свою рубашку, надеясь, что у него хватит сил для выполнения того, что он должен был сделать.

Следующий час будет иметь решающее значение, подумал он. Тонкая серия маневров.

Он закрыл глаза и собрался, подготавливая себя к тому, что должно было произойти. Мои друзья стали моими врагами, подумал он снова.

Он сделал несколько глубоких, болезненных вздохов, надеясь, что это поможет успокоить нервы. Он знал, что должен оставаться невозмутимым, если собирается сохранить свои намерения в тайне.

Внутреннее спокойствие необходимо для убедительной игры.

Человек был хорошо знаком с обманом, и все же его сердце теперь дико колотилось. Он сделал еще один глубокий, пульсирующий вздох. Ты обманывал людей в течение многих лет, напомнил он себе. Это обычное дело для тебя.

Стиснув зубы, он приготовился вернуться к Лэнгдону и Сиенне.

Мой последний спектакль, подумал он.

В качестве последней предосторожности, прежде чем выйти из уборной, он удалил батарею из своего сотового телефона, удостоверившись, что теперь устройство не работало.

Он выглядит бледным, подумала Сиенна, когда человек с сыпью повторно вошел в каюту и устроился на своем месте с огорченным вздохом.

- Все в порядке? - спросила Сиенна, действительно обеспокоившись.

Он кивнул. - Спасибо, да. Все хорошо.

Очевидно получив всю информацию, которой человек намеревался поделиться, Сиенна изменила тактику. - Мне снова нужен твой телефон, - сказала она. - Если ты не возражаешь, я хочу продолжить поиски информации о доже. Возможно мы сможем получить некоторые ответы, прежде чем навестим Св. Марка.

- Никаких проблем, - сказал он, вынимая телефон из кармана и глядя на дисплей. - О, черт. Моя батарея разрядилась во время того звонка. Похоже, что телефон теперь не работает. - Он поглядел на свои часы. - Скоро мы будем в Венеции. Нужно просто подождать.

На расстоянии пяти миль от побережья Италии, на борту Мендасиума, помощник Ноултон молча смотрел как хозяин метался по периметру каюты, как загнанное в клетку животное. После телефонного звонка хозяин ясно размышлял, и Ноултон прекрасно знал, что лучше не произносить ни звука, пока хозяин думал.

Наконец, сильно загорелый человек заговорил, его голос был как никогда напряженным, и Ноултон это почувствовал. - У нас нет выбора. Мы должны показать это видео доктору Элизабет Сински.

Ноултон сидел неподвижно, не желая выказывать удивление. Седому дьяволу? Тому, от кого мы помогали Зобристу скрываться весь год? - Хорошо, сэр. Я должен послать ей видео по электронной почте?

- Боже, нет! Рисковать, чтобы видео стало достоянием общественности? Тогда может случиться массовая истерия. Я хочу, чтобы доктора Сински доставили на борт этого судна, как можно скорее.

Ноултон смотрел с недоверием. Он хочет, чтобы директора ВОЗ доставили на борт Мендасиума? - Сэр, это нарушение конфиденциальности и очевидный риск —

- Выполняйте, Ноултон! НЕМЕДЛЕННО!

Глава 66

Направленный в окно ускоряющейся “Серебряной стрелы” взгляд FS-2080 поймал в стекле отражение Роберта Лэнгдона. Профессор все еще проводил коллективное обсуждение возможных решений загадки посмертной маски, которую составил Бертран Зобрист.

Бертран, промелькнуло в мыслях FS-2080. Боже, как мне его не хватает.

Боль потери еще не прошла. Ночь, которую встретили двое, все еще была подобна волшебной мечте.

Чикаго. Снежная буря.

Январь, шесть лет назад… но ощущение, будто вчера. Я пробираюсь между сугробами вдоль заснеженного Магнифисент-Майл, воротник поднят для защиты от ослепительной снежной белизны. Несмотря на холод, я говорю себе, что ничто не отвратит меня от цели путешествия. В этот вечер у меня шанс услышать речь великого Бертрана Зобриста… собственными ушами.

Мне довелось прочесть всё когда-либо написанное этим человеком и чудом достать один из пятисот билетов, отпечатанных к этому мероприятию.

И когда я оказываюсь в зале, окоченев от ветра, меня настигает приступ паники - оказывается в помещении почти пусто. Неужели доклад отменён?! В городе ужасные пробки из-за погоды… может, из-за этого Зобрист не смог сегодня приехать?

Потом появляется он.

На сцену выходит рослый элегантный мужчина.

Он высокий… до чего же высокий… с энергичными зелёными глазами, за которыми, похоже, кроются все загадки мира, во всей их глубине. Он окидывает взглядом пустующий зал - всего с десяток стойких приверженцев - и мне неудобно за то, что зал почти пуст.

Это Бертран Зобрист!

Наступает прекрасная тишина, когда он смотрит на нас с суровым выражением лица.

Затем он без предупреждения разражается смехом, поблескивая своими зелеными глазами. - К черту эту пустую аудиторию, - заявляет он. - Мой отель рядом. Идем в бар!

Раздаются одобрительные возгласы, и маленькая группа перебирается в бар отеля, где мы теснимся на большом диване и заказываем выпивку. Зобрист радует нас историями о своих исследованиях, его восхождении к славе и о будущем генной инженерии. Выпивка течет рекой, и темой разговора становится вновь обретенная страсть Зобриста к трансгуманистической философии.

- Я верю, что трансгуманизм - единственная надежда человечества на долгосрочное выживание, - проповедовал Зобрист, оттягивая в сторону рубашку, показывая всем татуировку “H+”, набитую на плече. - Как видите, я полностью предан идее.

У меня такое ощущение, будто я на частной встрече с рок-звездой. Невозможно было себе представить, что восхваляемый “генетический гений” окажется столь харизматичным и привлекательным при личной встрече. Всякий раз, как Зобрист направлял на меня взгляд, его зелёные глаза зажигали во мне совершенно неожиданное чувство… глубинного полового влечения.

По мере продолжения вечера, группа посетителей редеет, и гости, извиняясь, возвращаются к реальности. К полуночи я остаюсь сидеть с Бертраном Зобристом наедине.

- Спасибо вам за сегодняшний вечер, - говорю ему я, немного подвипивши. - Вы потрясающий учитель.

- Это лесть? - Зобрист улыбнулся и наклонился ниже, наши ноги соприкоснулись. - Я к вашим услугам.

Это заигрывание было явно неуместным, но вечером в отеле заснеженного Чикаго было такое ощущение, будто весь мир застыл.

- Так как насчёт этого? - говорит Зобрист. - По чуть-чуть у меня в номере?

Я в нерешительности, понимая, что выгляжу как загнанная прожекторами дичь.

Глаза Зобриста приветливо сверкнули. - Позвольте, угадаю. - прошептал он. - Вы никогда не встречались со знаменитым мужчиной.

Чувствую, что краснею, с трудом пытаясь скрыть прилив эмоций - смущение, возбуждение, страх. - Вообще-то, если честно, - говорю я ему, - у меня никогда не было контакта с мужчиной.

Зобрист улыбается, слегка приблизившись. - Не вполне понимаю, чего вы дожидались, но позвольте мне стать у вас первым.

В это мгновение все ложные страхи сексуального характера и разочарования детства исчезли, отлетев в заснеженную ночь.

Впервые в жизни у меня возникло страстное желание, не сдерживаемое стыдом.

Желание было непреодолимым.

Через десять минут мы оказались в номере Зобриста обнажёнными, в объятиях друг друга. Зобрист не спешил, его терпеливые руки будили ощущения, которых моё неопытное тело никогда в жизни не испытывало.

Это был мой выбор. Он меня не принуждал.

В коконе объятий Зобриста я чувствую, что все в мире правильно. Лежа там и глядя в окно на заснеженную ночь, я знаю, что буду следовать за этим человеком повсюду.

Поезд "Серебряная стрела" внезапно замедлился, что заставило FS-2080 вернуться от райских воспоминаний к унылому настоящему.

Бертран…тебя больше нет.

Их первая ночь вместе была первым шагом невероятного приключения.

Мы стали больше чем любовниками. Это было преклонением перед учителем.

- Мост Свободы (ит.) - сказал Лэнгдон. - Почти приехали.

Ответом FS-2080 был мрачный кивок - при взгляде на воды Венецианской лагуны вспомнилось, как однажды с Бертраном они катались здесь на гондоле… этот умиротворяющий образ ныне поглотило жуткое воспоминание о произошедшем неделю назад.

Он при мне спрыгнул с башни Бадиа.

Мои глаза были последними, которые он видел.

Глава 67

Самолет Citation Excel компании Нет Джетс подбросило в тяжелой зоне турбулентности при взлете из аэропорта Тассиньяно, и он направился в сторону Венеции. На борту доктор Элизабет Сински едва ли заметила тряску при взлете, она рассеянно гладила свой амулет и пристально смотрела из окна в пустое пространство.

Ей, наконец, перестали делать уколы, и сознание у Сински уже прояснялось. Рядом с ней на сидении пребывал в молчании агент Брюдер, вероятно, осмысливая странный поворот событий, о которых теперь стало известно.

Все вверх дном, подумала Сински, все еще не желая верить только что увиденному.

Тридцать минут назад они взяли штурмом маленький аэродром, чтобы перехватить Лэнгдона во время посадки на частный самолет, который он вызвал. Но вместо этого, однако, они обнаружили стоящую "Сессну 560XL" и двух пилотов Нет Джетс, мерящих шагами бетон и поглядывающих на часы.

Роберт Лэнгдон не появился.

Затем зазвонил телефон.

Когда раздался звонок, Сински была там же, где была весь день - на заднем сидении фургона. Агент Брюдер вошел в машину с ошеломленным видом и протянул ей свой телефон.

"Срочный вызов. Это вас, мэм"

- Кто это? - спросила она.

- Он только попросил меня передать вам, что у него есть для вас неотложная информация о Бертране Зобристе.

Сински схватила телефон. - Это - доктор Элизабет Сински.

- Доктор Сински, мы с вами никогда не встречались, но моя организация в течение последнего года отвечала за то, чтобы прятать Бертрана Зобриста от вас.

Сински села, вытянувшись в струнку. - Кем бы вы ни были, черт вас подери, вы укрываете преступника!

- Мы не сделали ничего противозаконного, но это не…

- Ещё как сделали, чёрт возьми!

Человек на другом конце провода продолжительно вздохнул, и заговорил спокойнее. - У нас с вами будет еще много времени для споров об этической стороне моих поступков. Я догадываюсь, что вы меня не знаете, но я немного разузнал о вас. Весь последний год господин Зобрист щедро платил мне за то, чтобы я держал вас и остальных подальше от него. Сейчас я нарушаю свои строгие правила, связываясь с вами. И тем не менее, я верю, что у нас нет другого выбора кроме как объединить наши усилия. Я боюсь, что Бертран Зобрист мог сделать что-то ужасное.

Сински не могла представить, кто бы это мог быть.

- Вы только сейчас начинаете это понимать?

- Да, именно так. Только сейчас. - Его тон был серьезным.

Сински попыталась прояснить ситуацию. - Кто вы такой?

- Тот, кто хочет помочь вам, пока не поздно. В моём распоряжении видеопослание, созданное Бертраном Зобристом. Он просил меня опубликовать его по всему миру… завтрашним днём. Думаю, вам нужно срочно его посмотреть.

- О чем там говорится?

- Не по телефону. Нам надо встретиться.

- Откуда мне знать, что вам можно доверять?

- Потому что я собираюсь рассказать вам, где Роберт Лэнгдон… и почему он действует таким странным образом.

Сински вздрогнула при упоминании имени Лэнгдона и с изумлением выслушала это странное объяснение. Похоже, этот человек весь прошлый год был соучастником её врага, и всё же, услышав подробности, Сински интуитивно поняла, что его словам нужно верить.

Мне остается только согласиться.

Объединив усилия, они смогли управлять “брошенной” “Сессной XL” авиакомпании Нет Джетс. Сински и солдаты были в костюмах и двигались по направлению к Венеции, куда, по словам этого человека, в этот момент прибывали на поезде Роберт Лэнгдон и его двое попутчиков. Было слишком поздно обращаться к местным властям, но человек на проводе заявил, что знает, куда направляется Лэнгдон.

Площадь Св. Марка? Сински похолодела, представив себе толпы в самом густонаселённом районе Венеции. - Откуда вам это известно?

- Не по телефону, - сказал человек. - Но вам следует знать, что Роберт Лэнгдон, не ведая того, путешествует вместе с весьма опасной персоной.

- С кем?! - допытывалась Сински.

- С одним из доверенных лиц Зобриста. - Человек тяжело вздохнул. - Которому я доверял. По наивности, конечно. От которого, я думаю, теперь может исходить серьёзная опасность.

Когда частный самолёт взял курс на венецианский аэропорт Марко Поло, унося Сински вместе с шестью солдатами, мысли её вернулись к Роберту Лэнгдону. Он потерял память? Странная новость, хотя и объясняющая некоторые вещи, заставила Сински ещё больше сожалеть о том, что она вовлекла видного учёного в эту критическую ситуацию.

Я не оставила ему выбора.

Когда почти два дня назад Сински наняла Лэнгдона, она даже не позволила ему вернуться домой за паспортом. Вместо этого она устроила ему проход без проверки в аэропорт Флоренции, как особому представителю Всемирной организации здравоохранения.

Когда C-130 поднялся в воздух и взял направление на восток через Атлантику, Сински поглядела на Лэнгдона, сидящего рядом, и заметила, что он нехорошо выглядит. Он пристально уставился на боковую стену корпуса без окон.

- Профессор, вы в курсе, что в этом самолёте нет иллюминаторов? До недавнего времени он был военно-транспортным.

Лэнгдон обернулся с побелевшим лицом. - Да, я заметил это, как только зашёл на борт. Не особенно хорошо чувствую себя в замкнутом пространстве.

- То есть, это вы как будто выглядываете в воображаемый иллюминатор?

Он застенчиво улыбнулся. - Да, что-то вроде того.

- Взгляните-ка лучше на это. - Она достала фотографию своего долговязого и зеленоглазого преследователя и положила перед ним. - Это Бертран Зобрист.

Сински уже успела рассказать Лэнгдону о своём противостоянии с Зобристом в Совете по международным отношениям, об одержимости этого человека "уравнением апокалипсиса от перенаселения", о его широко разошедшихся заявлениях о всемирном благе от Чёрной чумы и о самом зловещем - что он полностью выпал из поля зрения за последний год.

- Как можно при такой известности столь долго укрываться в тени? - спросил Лэнгдон.

- У него была большая поддержка. И профессиональная. Возможно даже, от зарубежного правительства.

- Какое же правительство станет сотрудничать в распространении чумы?

- Одно из тех, что пытаются раздобыть ядерные боеголовки на чёрном рынке. Не забывайте, что смертоносная чума - сильнейшее биохимическое оружие, и оно стоит целого состояния. Зобрист легко сумел бы обмануть партнёров, уверив их в том, что производить его намерен в ограниченных масштабах. Зобрист был бы единственным, кто имел бы хоть какое-то представление, на что способно его творение.

Лэнгдон погрузился в молчание.

- В любом случае, - продолжала Сински, - если не ради власти или денег, помогавшие Зобристу делали это разделяя его идеологию. У Зобриста отбою нет от учеников, готовых ради него на всё. Он был настоящей знаменитостью. И вообще, он ведь не так давно и в вашем университете делал доклад.

- В Гарварде?

Сински вынула ручку и написала на краешке фотографии Зобриста — букву H в сопровождении знака плюс. - Вы хорошо разбираетесь в символах, - сказала она. - Вы узнаете это?

H+

- H-плюс, - прошептал Лэнгдон, неопределенно кивая. - Конечно, несколько лет назад объявлениями был обклеен весь университетский городок. Я предполагал, что это какая-то конференция по химии.

Сински усмехнулась. - Нет, это были плакаты саммита 2010 года "Человечество-плюс" — одна из крупнейших встреч сторонников трансгуманизма за все время. H-плюс - символ движения трансгуманистов.

Лэнгдон поднял голову, как будто пытаясь осознать термин.

Трансгуманизм, - сказала Сински, - это такое направление мысли, с позволения сказать, философия, и оно быстро укореняется в научном сообществе. По существу, оно утверждает, что люди при помощи технологии должны выйти за пределы слабостей, свойственных человеческому телу. Иными словами, следующий шаг в эволюции человека должен состоять в том, чтобы мы стали биологически проектировать самих себя.

- Звучит устрашающе, - сказал Лэнгдон.

- Как и в случае любых перемен, вопрос касается только меры. Фактически, мы уже много лет вмешиваемся в собственный организм, разрабатывая вакцины, повышающие сопротивляемость детей определённым болезням - полиомиелиту, оспе, тифу. Разница в том,

что теперь, с открытиями Зобриста в области генной инженерии, мы учимся прививать наследуемый иммунитет, которые человек получит на уровне наследуемых генов, что сделало бы последующие поколения невосприимчивыми к данной болезни.

Лэнгдон выглядел испуганным.

- То есть человеческие существа подвергнутся существенной эволюции, которая сделает их устойчивыми, к примеру, к тифу?

- Это скорее управляемая эволюция, - поправила его Сински. - Обычно, эволюционный процесс - идет ли речь о двоякодышащей рыбе, отращивающей ноги, или об обезьяне, отращивающей большие пальцы, разводимые в разные стороны - занимает тысячелетия. Теперь мы можем внести радикальные генетические изменения за одно поколение. Сторонники технологии считают ее максимальным проявлением дарвиновского "выживания наиболее приспособленного" - люди становятся видом, который учится совершенствовать собственный эволюционный процесс.

- Звучит как попытка играть роль Бога, - ответил Лэнгдон.

- Я искренне соглашусь, - сказала Сински. - Зобрист, однако, как многие другие трансгуманисты, сильно настаивал на том, что эволюционное обязательство человечества - использовать все способности, имеющиеся в нашем распоряжении — зародышевую линию генетической мутации для одного — чтобы улучшиться как разновидность. Проблема состоит в том, что наша организация генетического материала походит на карточный домик — каждая часть связана и поддерживается множеством других — часто способами, которых мы не понимаем. Если мы пытаемся удалить единственную человеческую черту, мы можем заставить сотни других перемещаться одновременно, возможно с катастрофическими последствиями.

Лэнгдон кивнул. - В постепенном характере эволюции заложен глубокий смысл.

- Вот именно! - сказала Сински, чувствуя, что её восхищение профессором растёт ежеминутно. - Мы неумело вмешиваемся в процесс, который выстраивался целую вечность. Мы живём в опасное время. У нас буквально есть средства к тому, чтобы задействовать определённые последовательности генов так, что это сделало бы наших потомков более ловкими, энергичными, сильными и даже более умными - по существу, сверхрасой. Эти гипотетически "улучшенные" индивиды и есть то, что трансгуманисты называют пост-человеками, и некоторые верят, что в этом будущее нашего вида.

- Выглядит зловеще, как и евгеника, - ответил Лэнгдон.

От этого упоминания у Сински мурашки пошли по коже.

В 40-ых годах прошлого века нацистские ученые баловались технологией, которую они назвали евгеникой — попытка использовать элементарную генную инженерию, чтобы увеличить индекс рождаемости одних людей с определенными "желательными" генетическими признаками, уменьшая уровень рождаемости других с "менее желательными" этническими признаками.

Этническая чистка на генетическом уровне.

- Есть общие черты, - признала Сински, - и при этом трудно понять, как кто-то может спроектировать новый человеческий род. Существует много умных людей, которые полагают, что по отношению к нашему выживанию важно, что мы начинаем этот самый процесс. Один из спонсоров трансгуманистического журнала H+ описал зародышевую генную инженерию как "понятный следующий шаг," и утверждал, что это "воплощение истинного потенциала наших разновидностей". - Сински сделала паузу. - С другой стороны, в оправдание журнала, они также привели статью из журнала Discover, названную "Самая опасная идея в мире".

- Я думаю, что согласился бы с последним, - сказал Лэнгдон. - По крайней мере, с социокультурной точки зрения.

- Как так?

- Ну, я предполагаю, что генетические усовершенствования — во многом похожи на пластическую хирургию — стоят большого количества денег, правильно?

- Конечно. Не всякому по карману улучшить себя или своих детей.

- И это означает, что легализованные генетические улучшения немедленно создали бы мир имущих и неимущих. У нас уже есть растущая пропасть между богатыми и бедными, но генная инженерия создала бы расу суперлюдей, и … воспринимающих себя "недочеловеками". Вы думаете, людей беспокоит, что миром правит один процент ультрабогатых? Просто вообразите, если бы этот один процент также, вполне буквально, был превосходящей разновидностью — более умной, более сильной, более здоровой. Вполне подходящая ситуация для рабства или этнической чистки.

Сински улыбнулась симпатичному академику. - Профессор, вы очень быстро ухватили то, что станет, я верю, самой серьезной ловушкой генной инженерии.

- Что ж, я, возможно, ухватил это, но меня все еще беспокоит Зобрист. Выглядит так, будто все эти трангуманистические мысли - об улучшении человеческой породы, о том, чтобы сделать нас более здоровыми, излечить от смертельных болезней, продлить срок жизни. И все же взгляды Зобриста на перенаселение выглядят как благословение на убийство людей. Не кажется ли вам, что его идеи относительно трансгуманизма и перенаселенности противоречат друг другу?

Сински многозначительно вздохнула. Это был хороший вопрос, и, к сожалению, он имел ясный и неприятный ответ.

- Зобрист искренне верил в трансгуманизм как улучшение человечества как вида с помощью технологии, однако, он также верил, что наш вид вымрет раньше, чем будет иметь шанс сделать это. В действительности, если никто ничего не сделает, нас станет так много, что вид погибнет раньше, чем мы сможем оценить перспективы генной инженерии.

Глаза Лэнгдона расширились.

- Так значит Зобрист хотел сократить численность населения… чтобы выиграть больше времени?

Сински кивнула. - Однажды он описал, как попал в ловушку на корабле, численность пассажиров которого удваивалась каждый час, в то время, как он отчаянно пытался соорудить спасательную шлюпку, пока корабль не пошел ко дну из-за собственного веса. - Она помолчала. - Он отстаивал идею о том, чтобы выбросить половину людей за борт.

Лэнгдон поморщился.

- Подумать страшно.

- В самом деле. Не впадайте в заблуждение по этому поводу, - сказала она. - Зобрист твердо верил, что радикальное сдерживание роста населения однажды войдет в историю как великий акт героизма… момент, когда человечество выбрало выживание.

- Как я и говорил, это пугает.

- Даже более того, потому что Зобрист был не одинок в своих убеждениях. Когда он умер, то стал мучеником для многих людей. Я понятия не имею, с кем мы встретимся по прибытии во Флоренцию, но нам нужно быть осторожными. Мы будем не единственными, кто пытается найти эту чуму, и в целях вашей безопасности мы не позволим ни одной живой душе узнать, что вы ищете ее в Италии.

Лэнгдон рассказал ей о своем друге Игнацио Бузони, специалисте по Данте, который, как был уверен Лэнгдон, может привести его в Палаццо Веккьо в нерабочее время и показать картину, содержащую слова "cerca trova" из маленького проектора Зобриста. Бузони, возможно, сумеет помочь Лэнгдону понять смысл странной цитаты о глазах смерти.

Сински откинула назад свои длинные серебристые волосы и пристально посмотрела на Лэнгдона. - Ищите и обрящете, профессор. Время истекает.

Сински пошла в бортовое складское помещение и достала самый безопасный цилиндр для опасных веществ, который был у ВОЗ — модель с биометрической герметизирующей способностью.

- Дайте мне ваш большой палец, - сказала она, располагая контейнер перед Лэнгдоном.

Лэнгдон был удивлен, но подчинился.

Сински запрограммировала цилиндр так, чтобы Лэнгдон был единственным человеком, который мог открыть его. Потом она взяла небольшой проектор и благополучно поместила его внутрь.

- Считайте, что это портативный почтовый ящик с ключом, - сказала она с улыбкой.

- С символом биологической опасности? - Лэнгдон посмотрел с беспокойством.

- Это - все, что мы имеем. В этом есть и положительный момент, никому не захочется с этим связываться.

Лэнгдон извинился и удалился размять ноги и пошел в уборную. Пока его не было, Сински попыталась засунуть запечатанный цилиндр в карман его пиджака. К сожалению, он не влезал.

Он не может носить этот проектор у всех на виду. Она задумалась на мгновение, а затем вернулась в складское помещение за скальпелем и швейным набором. С точностью эксперта она сделала разрез в подкладке пиджака Лэнгдона и тщательно вшила скрытый карман, который был точно требуемого размера, чтобы скрыть биоцилиндр.

Когда Лэнгдон возвратился, она как раз делала заключительные стежки.

Профессор остановился и уставился, как будто она испортила Мону Лизу. - Вы взрезали подкладку моего твидового пиджака?

- Расслабьтесь, профессор, - сказала она. - Я - опытный хирург. Стежки довольно профессиональны.

Глава 68

Вокзал Санта-Лючия в Венеции - изящное, невысокое здание, выполненное из серого камня и бетона. Его фасад был разработан в современном, минималистском стиле, изящно лишенном каких бы то ни было обозначений, за исключением одного символа — крылатых букв FS — эмблемы государственной железнодорожной системы, Ferrovie dello Stato.

Поскольку станция расположена в самом западном конце Гранд-канала, пассажиры, прибывающие в Венецию, должны сделать всего лишь единственный шаг от станции, чтобы полностью погрузиться в характерные достопримечательности, запахи и звуки Венеции.

Первым, что производило впечатление на Лэнгдона, всегда был соленый воздух - чистый океанский бриз, приправленный ароматом белой пиццы, продаваемой уличными торговцами снаружи станции. Сегодня ветер дул с востока и принес также привкус дизельного топлива с длинной линии водных такси, стоящих без дела на забитых до отказа водах Гранд-Канала. Дюжины капитанов лодок размахивали руками и кричали туристам в надежде заманить кого-нибудь на свои такси, гондолы, речные трамваи и катера.

Хаос на воде, размышлял Лэнгдон, глядя на плавучую дорожную пробку. Как бы то ни было, затор, который сводил с ума в Бостоне, чувствовался необычным в Венеции.

На расстоянии броска камня, на другой стороне канала, купол Сан Симеоне Пикколо цвета иконной патины взметнулся к дневному небу. Церковь была одной из самых архитектурно эклектичных в Европе. Ее необычно крутой купол и круглый алтарь принадлежали к Византийскому стилю, тогда как мраморный пронаос с колоннами был спроектирован по типу классического греческого коридора на входе в римский Пантеон.

Главный вход был увенчан эффектным фронтоном с замысловатым мраморным рельефом, изображающим группу святых мучеников.

Венеция - музей под открытым небом, подумал Лэнгдон, его пристальный взгляд спустился к воде канала, которая плескалась у ступеней церкви. Музей, который медленно уходит под воду. Даже в этом случае, вероятность наводнения казалась несущественной по сравнению с угрозой, которая, как боялся Лэнгдон, теперь скрывалась под самим городом.

И никто не догадывался об этом …

Поэма с обратной стороны посмертной маски Данте все еще крутилась в голове Лэнгдона, и он задумался, куда же их заведут ее стихи. Копия поэмы лежала в его кармане, но саму гипсовую маску - по совету Сиенны - Лэнгдон завернул в газету и благоразумно поместил в индивидуальный запирающийся шкафчик на железнодорожной станции. Хотя это место было крайне неподходящим для такого ценного артефакта, все же закрыть ее в шкафчике было намного безопаснее, чем носить бесценную маску из гипса по городу, стоящему на воде.

- Роберт? - Сиенна шла впереди с Феррисом, указывая в сторону водного такси. - У нас мало времени.

Лэнгдон поспешил за ними, хотя как любитель архитектуры, он считал немыслимым, торопиться пересечь Гранд-канал. Нет ничего приятнее в Венеции, чем зайти на борт вапоретто №1 - маршрутного теплохода, основного вида общественного транспорта в городе - предпочтительно ночью, и, сидя спереди на открытом воздухе, наблюдать, как мимо проносятся освещенные соборы и дворцы.

Никаких вапоретто сегодня, подумал Лэнгдон. Теплоходы чрезвычайно медлительны, водное такси будет более быстрым вариантом. К сожалению, очередь к катеру снаружи железнодорожной станции выглядела бесконечной.

Феррис, по-видимому, не собирался ждать, поэтому быстро взял инициативу в свои руки. Щедрой пачкой купюр он подозвал водный лимузин - полированный венецианский кабриолет из южно-африканского красного дерева. Несмотря на чрезмерную элегантность судна, поездка должна была оказаться и скрытной и быстрой - около пятнадцати минут по Гранд-каналу к площади Св.Марка.

Их лодочник был поразительно красивым мужчиной в сшитом на заказ пиджаке от Армани. Он походил больше на кинозвезду, чем на шкипера, но это была, в конце концов, Венеция, берег итальянской элегантности.

- Маурицио Пимпони, - сказал мужчина, подмигивая Сиенне, и поприветствовал всех на борту. - Просекко? Лимончелло? Шампанское?

- Нет, спасибо, (ит.) - ответила Сиенна, наказывая ему на искромётном итальянском отвезти их к площади Св. Марка как можно быстрее.

- Ну конечно же! (ит.) - Маурицио снова подмигнул. - Моя лодка - самая быстрая во всей Венеции.

Пока Лэнгдон и компания устраивались на шикарных сиденьях у открытой кормы, Маурицио развернул лодочный мотор Вольво-Пента, умелыми манёврами отходя от берега. Затем повернул штурвал вправо и дал полный вперёд, выруливая своим судном в скоплении гондол и оставляя множество одетых в полосатые рубашки гондольеров потрясать кулаками, когда их лощеные чёрные посудинки подкидывало вверх-вниз его кильватерной струёй.

- Извините!(ит.) - выкрикнул Маурицио, извиняясь. - VIP-персоны!

Через несколько секунд Маурицио удалился от скопления лодок вблизи вокзала Санта-Лючия и уже нёсся в восточном направлении по Гранд-каналу. Когда они взяли разгон под изящными сводами Моста Босоногих, Лэнгдон почувствовал характерный и приятный аромат местного лакомства - “каракатицы по-чёрному” - это головоногий моллюск, приготовленный в

собственных чернилах. Запах доносился из-под навеса ресторанчиков, расположенных вдоль ближнего берега. Когда они зашли по каналу за поворот, стала видна огромная, с куполом, церковь Св. Иеремии.

- Святая Луция, - прошептал Лэнгдон, читая имя святой, написанное на стене храма. - Кости слепых.

- Что, извини? - Сиенна присматривалась с видимой надеждой, что Лэнгдон осознал что-то новое относительно загадочной поэмы.

- Ничего, - ответил Лэнгдон. - Одна странная мысль. Может, и нестоящая. - Он указал на церковь. - Видишь надпись? Там захоронена Святая Луция. Я иногда читаю лекции по живописи на тему о житиях святых - эта живопись отображает христианских святых - и мне сейчас пришло в голову, что Святая Луция - заступница слепых.

- Да, святая Луция! (ит.) - вмешался Маурицио, готовый услужить. - Святая всех слепых! А знаете ли вы эту историю? - лодочник оглянулся на них и воскликнул, заглушая шум моторов, - Луция была столь красива, что ей хотели обладать все мужчины. Поэтому Луция, чтобы остаться чистой перед Господом и сохранить свою девственность, взяла и вырезала себе глаза.

Сиенна издала стон. - Ничего себе поступок.

- В награду за эту её жертву, - добавил Маурицио, - Господь одарил Луцию ещё более красивыми глазами!

Сиенна взглянула на Лэнгдона, - Ибо он знает, что это без толку, верно?

- Пути Господни неисповедимы, - заметил Лэнгдон, представив мысленно с два десятка работ старых мастеров живописи, изображающих Святую Луцию, подносящую на блюде собственные глаза.

Хотя и существовало множество версий истории о Святой Луции, все они повествовали о том, как Луция вырезала свои будившие вожделение глаза и положила их на блюдо для страстного поклонника, дерзко заявив: "Вот то, чего ты так желал… что до остального, умоляю тебя, оставь меня в покое!" Жутковато то, что именно Святое писание подвигло Луцию на нанесение себе увечий, навсегда связав её со знаменитым наставлением Христа: "Если тебя соблазняет глаз твой, вырви его и брось прочь от себя."

"Вырывал", подумал Лэнгдон, в поэме было такое же слово.

Ищи в Венеции предательского дожа… что кости вырывал слепым.

Поразившись совпадению, он подумал: а что если в этом зашифровано указание на слепую Святую Луцию, и в поэме упоминание о ней?

- Маурицио, - закричал Лэнгдон, указывая на церковь Св. Иеремии. - Кости Святой Люсии находятся в этой церкви, так?

- Да, есть немного, - сказал Маурицио, умело выруливая одной рукой и оглядываясь на пассажиров без всякого интереса к водному движению впереди. - Но большей их части здесь нет. Святую Луцию так любили, что мощи её разошлись по храмам всего мира. Больше всех Святую Луцию любят, конечно же, венецианцы, и потому мы отмечаем…

- Маурицио! - крикнул Феррис. - Это Святая Луция слепая, а не ты. Смотри вперёд!

Маурицио простодушно рассмеялся и повернулся вперёд, едва успев благополучно увернуться от столкновения со встречной лодкой.

Сиенну интересовали мысли Лэнгдона. - Что ты пытаешься уяснить? Кто этот предательский дож, вырывавший слепым кости?

Лэнгдон скривил губы. - Точно не знаю.

Он быстро рассказал Сиенне и Феррису историю мощей Святой Луции, точнее, её костей, которая была одной из самых странных в житиях святых. Полагают, что когда Луция

отвергла ухаживания одного высокопоставленного поклонника, этот человек оговорил её и добился сожжения её на костре, и согласно легенде, тело отказывалось гореть. Поскольку её плоть была несгораемой, считалось, что мощи её имеют особую силу, и тот, кто ими владеет, будет жить необычайно долго и счастливо.

- Чудодейственные кости? - спросила Сиенна.

- Да, в это верили, потому-то её мощи и разошлись по всему миру. Уже два тысячелетия всесильные правители пытаются преодолеть старение и смерть, завладев костями Святой Луции. Её скелет похищался раз за разом, перевозился, делился на части - большее число раз, чем это было за всю историю с каким-либо другим святым. Её кости прошли через руки, по крайней мере, дюжины влиятельнейших людей мира.

- Включая, - осведомилась Сиенна, - "предательского дожа"?.

Искать в Венеции предательского дожа, который отрубал коням головы… и вырывал у слепых кости.

- Вполне возможно, - сказал Лэнгдон, теперь осознав, что Данте упоминал Святую Луцию вполне конкретно. Луция была одной из трех благословенных женщин - "тре донне бенедетте" - которые помогли призвать Вергилия на помощь Данте и этим вызволить его из потустороннего мира. Двумя другими женщинами были Дева Мария и возлюбленная Данте Беатриче; Святую Люцию Данте поместил во главу всей их компании.

- Если в этом ты не ошибаешься, - сказала Сиенна взволнованным голосом, - то тот самый предательский дож, что отрубал головы коням…

- … и украл кости Святой Луции, - довершил фразу Лэнгдон.

Сиенна кивнула. - И это должно значительно сократить наш список вариантов. - Она взглянула на Ферриса. - А телефон точно не работает? Мы бы могли в сети поискать на предмет…

- Совсем сдох, - сказал Феррис. - Только что проверял. Сожалею.

- Скоро будем на месте, - сказал Лэнгдон. - Я не сомневаюсь, что в базилике собора Св. Марка мы найдём ответы на некоторые вопросы.

Собор Св. Марка был единственным фрагментом всей головоломки, который казался Лэнгдону абсолютно ясным. Музеон мест святых. Лэнгдон рассчитывал на то, что в базилике раскроется личность загадочного дожа… и отталкиваясь от этого, если повезёт, выяснится, в каком именно дворце Зобрист решил пристроить свою чуму. "Ведь здесь, во тьме, хтоничный монстр ждёт."

Лэнгдон попытался извлечь из памяти какой-нибудь образ той чумы, но тщетно. Он часто задавался вопросом, как выглядел этот город во времена своего расцвета - до того, как чума ослабила его настолько, что он был завоёван турками, а потом и Наполеоном - в те времена, когда Венеция доминировала как торговый центр Европы. Во всех отношениях в мире не было города красивее, а его богатство и культура населения были несравненны.

По иронии судьбы, именно вкус населения к привозным предметам роскоши привёл его к гибели - смертоносная чума переносилась из Китая в Венецию с шерстью крыс, скрывавшихся на торговых судах. Та самая чума, что погубила немыслимых две трети населения Китая, прибыла в Европу и очень быстро скосила каждого третьего - в равной степени поражая молодого и старого, богатого и бедного.

Лэнгдон читал описания жизни в Венеции во время вспышек чумы. Из-за нехватки или отсутствия сухой земли, раздутые тела плавали в каналах, и в некоторых местах трупы так плотно прижимались друг к другу, что рабочие вынуждены были работать подобно катальщикам бревен и выталкивать тела в море. Казалось, что никакие молитвы не могли умиротворить чуму. Когда власти города поняли, что болезнь вызвана крысами, было слишком поздно, но в Венеции все же приняли закон, по которому все входящие суда должны

становиться на якорь на некотором расстоянии от берега на целых сорок дней перед тем как они смогут разгружаться. И с тех пор и до сегодняшнего дня, число сорок - quaranta по-итальянски - служило мрачным напоминанием о происхождении слова "карантин".

Их лодка неслась вперед по другому изгибу канала и красный праздничный навес трепыхался под легким бризом, отвлекая внимание Лэнгдона от мрачных мыслей о смерти на элегантную трехъярусную конструкцию слева по борту.

КАЗИНО ВЕНЕЦИИ: ЭМОЦИИ БЕЗ ГРАНИЦ.

Хотя Лэнгдон никогда не понимал значения слов на вывеске этого казино, красочный дворец в стиле эпохи Возрождения с шестнацатого века был неотъемлемой частью венецианского пейзажа. Когда-то это был частный особняк, а ныне здесь игровой зал для солидных людей, известный как то место, где в 1883 году от сердечного приступа скоропостижно умер Рихард Вагнер, вскоре после написания своей оперы "Парсифаль".

Справа от казино, на рустованном фасаде в стиле Барокко висела вывеска еще большего размера, на этот раз темно-синяя, которая гласила:

CA' PESARO: GALLERIA INTERNAZIONALE D'ARTE MODERNA.

Много лет назад Лэнгдон был внутри и видел шедевр Густава Климта "Поцелуй", предоставленный для выставки из Вены. Изображение обнимающихся влюбленных, выполненное Климтом из ослепительного листового сусального золота, зажгло в нем страсть к творчеству художника, и до сих пор Лэнгдон был обязан Ка' Пезаро в Венеции своим извечным вкусом к современному искусству.

Маурицио продолжил путь, двигаясь теперь быстрее по широкому каналу.

Впереди показался известный мост Риальто — промежуточный ориентир к площади св. Марка. Когда они приблизились к мосту, готовясь пройти под ним, Лэнгдон посмотрел наверх и увидел одинокую неподвижную фигуру, стоящую у перил и смотрящую на них с мрачным выражением лица.

Лицо было одновременно и знакомым, и пугающим.

Лэнгдон инстинктивно отпрянул.

Сероватое и удлиненное лицо с холодными мертвыми глазами и длинным крючковатым носом.

Лодка проскользила мимо зловещей фигуры, и Лэнгдон понял, что это был всего-навсего турист, хвастающийся недавней покупкой — одна из сотен масок чумы, продаваемых каждый день на соседнем рынке Риальто.

Однако, сегодня костюм не казался таким уж прекрасным.

Глава 69

Площадь Св. Марка находится в самой южной оконечности венецианского Гранд-Канала, где защищенный водный путь сливается с открытым морем. Надзор за этим рискованным пересечением ведется из строгой треугольной крепости Догана да Мар — Морского таможенного Офиса — чья пожарная вышка однажды охраняла Венецию против иностранного вторжения. В наше время башня была заменена массивным Золотым глобусом и погодным флюгером, изображающим богиню удачи, движение которой по ветру служит напоминанием направляющимся в океан морякам о непредсказуемости судьбы.

Маурицио вел лодку с гладкими бортами к концу канала, когда штормящее море зловеще открылось перед ними. Роберт Лэнгдон раньше уже неоднократно плавал этим путем, хотя и всегда на более крупном катере, и он чувствовал себя в сложном положении, когда их лимузин раскачивался.

Чтобы добраться до причалов на площади Святого Марка, их лодка должна была пересечь открытую лагуну, забитую до отказа сотнями кораблей - от шикарных яхт до

танкеров, частных парусных судов и массивных круизных лайнеров. Это выглядело так, словно они въезжали с деревенской дороги на восьмиполосную автомагистраль.

Сиенна выглядела так же неуверенно, глядя на возвышающийся на десятиэтажную высоту круизный лайнер, который в этот момент проходил перед ними на расстоянии всего каких-то трехсот ярдов. На палубах корабля толпились пассажиры, собравшиеся у самых перил и фотографирующие площадь Святого Марка с воды. В кильватере этого корабля выстроились три других в ожидании возможности проплыть мимо самой известной достопримечательности Венеции. Лэнгдон слышал, что в последние годы количество кораблей росло так быстро, что круизы проходили без конца весь день и всю ночь.

Стоя у руля, Маурицио изучил очередь из уходящих круизных лайнеров и затем взглянул налево на крытый навесом причал неподалеку.

- Я припаркуюсь у бара Гарри?

Он указал жестом на ресторан, известный изобретением коктейля "Беллини".

- Площадь Святого Марка в нескольких минутах ходьбы.

- Нет, везите нас до конца, - скомандовал Феррис, указывая через всю лагуну в направлении причалов Площади Святого Марка.

Маурицио добродушно пожал плечами.

- Как вам угодно. Держитесь крепче!

Двигатель увеличил обороты и лимузин стал прорезать крутые волны, вливаясь в одну из полос движения, отмеченных буйками. Проходящие круизные лайнеры выглядели как плавучие многоквартирные дома, их кильватерные волны подбрасывали другие лодки как пробки.

К удивлению Лэнгдона, дюжины гондол делали тот же маневр. Их узкие корпуса - примерно в сорок футов длиной и весом почти в тысячу четыреста фунтов - оказались удивительно устойчивыми в бурных водах. Каждое судно управлялось опытным гондольером, стоящим на мостике в левой части кормы в традиционной рубашке в черно-белую полоску и гребущим одним веслом, закрепленным на правом планшире. Даже в бурной воде, было очевидно, что каждая гондола по таинственным причинам накренена на левый борт - странность, которая, как знал Лэнгдон, была вызвана асимметрией в конструкции лодки; корпус каждой гондолы был искривлен вправо, по направлению от гондольера, чтобы компенсировать склонность лодки поворачивать налево из-за того, что гребля ведется с правой стороны.

Маурицио гордо показал на одну из гондол, когда они прошли мимо нее.

- Вы видели металлическую конструкцию спереди? - обратился он через плечо, показывая на резной элемент, выступающий на носу. - Это единственная металлическая деталь на гондоле - называется ferro di prua - носовое железо. Это визитная карточка Венеции!

Маурицио объяснил, что серповидное украшение, выступающее на носу каждой гондолы, имеет символический смысл. Изогнутая форма этого "ферро" символизирует Гранд-канал, его шесть зубьев обозначают шесть районов Венеции - "сестьери", а вытянутое лезвие стилизовано под головной убор дожа Венеции.

Опять этот дож, подумал Лэнгдон, и мысли его вернулись к стоящей перед ним задаче. Ищи в Венеции предательского дожа, что головы рубил коням… и кости вырывал слепым.

Лэнгдон бросил взгляд на береговую линию впереди, где небольшая рощица примыкала к краю воды. Над деревьями на фоне безоблачного неба возвышалась кирпичная башня колокольни собора Св. Марка, на вершине которой с головокружительной стометровой высоты взирал вниз золотой Архангел Гавриил.

В городе, где нет высотных зданий по причине тенденции к погружению, возвышающаяся колокольня собора Св. Марка служила навигационным ориентиром для всех решившихся двинуться по лабиринту венецианских каналов и переходов; заблудившийся путешественник мог всего одним взглядом вверх найти обратный путь к площади Св. Марка. Лэнгдон и сейчас считал невероятным, что в 1902 году эта башня рухнула, оставив на площади Св. Марка груду обломков. Примечательно, что единственной жертвой той катастрофы стала кошка.

Посетители Венеции могут ощутить атмосферу многих захватывающих достопримечательностей, и всё же, излюбленным местом Лэнгдона всегда была набережная Скьявони. Широкий каменный тротуар вдоль края воды был выложен в IX веке из осадочных пород и тянулся от старого Арсенала до самой площади Св. Марка.

Обрамлённая изящными кафе, элегантными отелями и строениями, среди которых даже домашняя церковь Вивальди, эта набережная начинала свой путь у Арсенала - старинных верфей Венеции - где воздух наполнял сосновый запах от кипящей древесной смолы, когда строители лодок густо смазывали свои бесшумные судёнышки, заделывая щели. Возможно, именно посещение этих верфей вдохновило Данте Алигьери ввести в свой Ад реки с кипящей смолой в качестве орудия истязаний.

Взгляд Лэнгдона сместился влево, окидывая набережную Скьявони вдоль кромки воды и остановившись на впечатляющем завершении этого пешеходного пути. На протяжении эпохи расцвета Венеции этот резкий переход гордо именовался "передовым краем цивилизации".

Ныне стометровая протяженность границы площади Св. Марка с морем была очерчена, как и всегда, не менее, чем сотней чёрных гондол, покачивающихся на привязи, их серповидные украшения поднимались и опускались на фоне мраморных построек вокруг площади.

Лэнгдону и сейчас казалось непостижимым, как этот крохотный город - размерами всего с два Центральных парка в Нью-Йорке - когда-то поднялся из моря и стал крупнейшей и богатейшей на западе империей.

Когда Маурицио подогнал лодку ближе, Лэнгдону стало видно, что главная городская площадь переполнена людьми. Наполеон когда-то окрестил площадь Св. Марка "европейской гостиной", и судя по всему, в этой "гостиной" шло мероприятие для слишком большого числа гостей. Вся площадь выглядела так, будто ещё немного, и она потонет от груза восхищённых посетителей.

- Боже мой, - прошептала Сиенна, глядя на толпы людей.

Лэнгдон точно не знал, почему это у неё вырвалось, то ли из страха, что Зобрист мог выбрать столь густонаселённое место для распространения чумы, то ли оттого, что она осознала весомость аргументов Зобриста об опасности перенаселения.

Венеция ежегодно принимала поразительное число туристов - по статистике, треть процента мирового населения - в 2000 году было порядка двухсот миллионов посетителей. При том, что с этого года население земли ежегодно росло на миллиард, город теперь стонал под тяжестью трёх миллионов гостей в год. Венеция, как и вся планета, имеет ограниченные размеры, и в какой-то момент больше не сможет ввозить достаточно продовольствия, избавляться от накоплений мусора, из-за нехватки спальных мест уже не сможет принимать всех желающих её посетить.

Феррис стоял поблизости, его взгляд был обращен не на материк, а к морю, он наблюдая за всеми прибывающими судами.

- С вами все в порядке? - спросила Сиенна, оглядывая его с любопытством.

Феррис резко обернулся . - Да, все прекрасно … просто думаю. - Он посмотрел вперед и обратился к Маурицио: - Причальте как можно ближе к площади Св. Марка.

- Нет проблем! - Водитель махнул рукой. - Две минуты!

В то время как лимузин поравнялся с площадью Св. Марка, справа от них величественно возвышался Дворец Дожей, доминируя над береговой линией.

Являясь прекрасным примером готической архитектуры Венеции, дворец был образцом сдержанной элегантности. При полном отсутствии башен и шпилей, обычно ассоциирующихся с Францией или Англией, он был задуман как массивная прямоугольная призма, что обеспечивало максимально возможную величину внутренней площади для размещения основного правительства дожей и вспомогательного персонала.

Со стороны океана можно наблюдать огромную поверхность дворца из белого известняка, которая могла бы выглядеть более властно, если бы не приглушающий эффект, создаваемый портиками, колоннами, лоджиями и четырехлистными перфорациями. Геометрические узоры из розового известняка, украшающие весь экстерьер, заставили Лэнгдона вспомнить испанский дворец Альгамбра.

Когда лодка подплыла ближе к причалу, Феррис, казалось, забеспокоился от скопления людей перед дворцом. Плотная толпа собралась на мосту, все участники которой указывали вниз на узкий канал, разделяемый двумя частями Дворца Дожей.

- На что они уставились? - нервно потребовал Феррис.

- Мост Вздохов (ит.), - ответила Сиенна. - Знаменитый мост в Венеции.

Лэнгдон посмотрел вниз на стеснённый водный проезд и увидел изящно отделанный крытый переход, по дуге соединяющий два здания. Мост Вздохов, подумал он, вспомнив один из любимых фильмов детства "Романтическое приключение", основанный на поверье, что если двое молодых влюблённых поцелуются под этим мостом на закате под звон колоколов собора Св. Марка, то они будут любить друг друга вечно. Эта глубоко романтичная фантазия осталась с Лэнгдоном навсегда. Конечно, не осталось боли от того, что в этом фильме снялась обожаемая им четырнадцатилетняя незнакомка по имени Дайэн Лейн, к которой у Лэнгдона тут же возникла мальчишеская влюблённость - влюблённость, которая, по правде сказать, у него так и не выветрилась.

Спустя много лет Лэнгдон с ужасом узнал, что Мост Воздыханий назван так не от вздохов страсти… а от вздохов несчастных. Оказалось, что закрытый переход служил для прохода между Дворцом дожей и дожеской тюрьмой, где заключённые чахли и умирали, и стоны от их мук эхом разносились через зарешеченные окна вдоль узкого канала.

Лэнгдон как-то раз посетил эту тюрьму и с удивлением узнал, что самыми страшными были не камеры на уровне воды, которые зачастую подтопляло, а те, что по соседству на верхнем этаже самого дворца, прозванные "пьомби" (освинцованные, ит.) - от покрытых свинцовыми плитками крыш - это делало их мучительно жаркими летом и до промерзания холодными зимой. Великий любовник Казанова однажды побывал затворником пьомби; обвинённый инквизицией в прелюбодеяниях и шпионаже, он выжил после пятнадцати месяцев заключения лишь потому, что бежал, обманув охранника.

- Поберегись! (ит.) - крикнул Маурицио гондольеру, когда их катер проскользнул к месту причала, которое ещё только освобождала гондола. Место он присмотрел у отеля Даниэли, всего в сотне метров от площади Св. Марка и Дворца дожей.

Маурицио набросил канат на столб для швартовки и спрыгнул на берег, как будто он пробовался на роль в приключенческом фильме. Как только он закрепил лодку, он повернулся и протянул руку вниз внутрь лодки, предлагая помочь пассажирам выйти.

- Спасибо, - сказал Лэнгдон, поскольку мускулистый итальянец помог ему выйти на берег.

Феррис последовал за ним, он выглядел неопределенно отвлеченным и снова поглядывал в сторону моря.

Сиенна выгрузилась последней. Дьявольски красивый Маурицио поднял ее на берег, он посмотрел на нее глубоким и пристальным взглядом, подразумевающим, что она могла бы прекрасно провести время, если бы угробила своих двух компаньонов и осталась на борту с ним. Сиенна, казалось, не заметила.

- Спасибо, Маурицио (ит.),- рассеянно сказала она, ее пристальный взгляд сосредоточился на близлежащем Дворце Дожей.

Затем, не замедляя шагов, она повела Лэнгдона и Ферриса в толпу.

Глава 70

Точно названный в честь одного из самых знаменитых путешественников в истории, международный аэропорт Марко Поло расположен в четырех милях к северу от площади Св. Марка на водах венецианской лагуны.

Благодаря роскоши частного путешествия по воздуху Элизабет Сински высадилась всего лишь на десять минут раньше и уже скользила через лагуну в футуристической черной моторной лодке — Дюбуа SR52 Черный дрозд — которую послал незнакомец, звонивший ранее.

Хозяин.

На Сински, которая просидела связанной на заднем сиденье фургона весь день, свежий воздух океана подействовал ободряюще. Она повернула лицо навстречу соленому ветру и распустила серебряную копну волос. Прошли почти два часа со времени ее последней инъекции, и она наконец почувствовала, что пришла в себя. Впервые с прошлой ночи, Элизабет Сински была сама собой.

Агент Брюдер сидел рядом с ней вместе с командой мужчин. Ни один из них не сказал ни слова. Если они и беспокоились по поводу этого необычного места сбора, то все равно знали, что их мнение никого не интересует; не они принимали решение.

Моторная лодка мчалась, и большой остров внезапно замаячил справа от них, его береговая линия была усеяна приземистыми кирпичными зданиями и дымовыми трубами. Мурано, поняла Элизабет, узнавая прославленные стекольные фабрики.

Не могу поверить, что вернулась, подумала она, испытывая острые муки печали. Замкнутый круг.

Когда-то, ещё учась в мединституте, она приезжала в Венецию с женихом, и они зашли в музей стекла Мурано. Там её жених высмотрел красивую фигурку ручной выдувки и простодушно заметил, что хочет повесить такую же когда-нибудь у колыбели их ребёнка. Переполненная чувством вины за то, что так долго хранила свою прискорбную тайну, Элизабет, наконец, откровенно рассказала ему об астме в детском возрасте и о злосчастном лечении глюкокортикоидами, которое разрушило её репродуктивную систему.

От её недостаточной честности или из-за её бесплодия охладело сердце молодого человека, Элизабет так и не узнала. Но неделей позже она покинула Венецию без обручального кольца.

Единственным напоминанием ей о той разбившей сердце поездке остался амулет из лазурита. Жезл Эскулапа был удачно выбран символом медицины - в данном случае медицина была с горьким привкусом - но с той поры она всегда его носила.

Мой драгоценный амулет, подумала она. Прощальный подарок от человека, который хотел, чтобы я родила ему детей.

В наше время венецианские острова не представляли для нее вообще никакой романтики, их изолированные деревни вызывали мысли не о любви, а о карантинных колониях, которые когда-то были основаны на них для обуздания Черной Смерти.

Поскольку моторная лодка “Черный дрозд” промчалась мимо острова Сан Пьетро, Элизабет поняла, что они направляются к массивной серой яхте, которая, казалось, была поставлена на якорь в глубоком канале и ожидала их прибытия.

Серое как пушечная бронза судно было похоже на нечто из американской военной программы о технике “стелс”. Название на корме не давало никакой подсказки относительно того, что это было за судно.

Мендасиум?

Судно вырисовывалось все яснее и яснее, и скоро Сински увидела одинокую фигуру на задней палубе — маленький, сильно загорелый, одинокий человек наблюдал за ними в бинокль. Когда моторная лодка достигла открытой задней причальной площадки Мендасиума, человек спустился по лестнице, чтобы поприветствовать их.

- Доктор Сински, добро пожаловать на борт. - Залитый солнцем человек вежливо пожал ее руку, его ладони, мягкие и гладкие, едва ли напоминали руки лодочника. - Я высоко ценю ваше прибытие. Следуйте за мной, пожалуйста.

Группа поднялась на несколько палуб, и Сински мельком увидела нечто похожее на оживленный офис открытого типа. Это странное судно было фактически набито людьми, но ни один из них не расслаблялся — они все работали.

Работали над чем?

Пока люди продолжали подниматься на судно, Сински услышала мощный шум двигателей, оставляющих позади глубокий пенный след, поскольку яхта снова набрала ход.

Куда мы идем? - с тревогой размышляла она.

- Я бы хотел поговорить с доктором Сински наедине, - сказал человек солдатам, делая паузу, чтобы взглянуть на Сински. - С вами все в порядке?

Элизабет кивнула.

- Сэр, - сказал Брюдер настойчиво, - я хотел бы рекомендовать доктору Сински пройти осмотр у вашего бортового врача. У нее были некоторые медицинские —

- Все хорошо, - прервала его Сински. - Действительно. Но все же, спасибо.

Хозяин на мгновение задержался глазами на Брюдере и затем указал на стол с едой и напитками, накрывавшийся на палубе. - Передохните. Силы вам ещё понадобятся. Скоро возвращаетесь на берег.

Без лишних церемоний хозяин повернулся к своему агенту спиной и проводил Сински в отдельную каюту с кабинетом, закрыв за собой дверь.

- Выпьете? - спросил он, указывая на бар.

Она отрицательно покачала головой, все ещё пытаясь оценить странную для себя окружающую обстановку. Кто этот человек? Чем он здесь занимается?

Теперь хозяин изучал свою гостью, опершись подбородком на сложенные пальцы. - Вам известно, что мой клиент Бертран Зобрист называл вас “седовласой дьяволицей”?

- У меня для него тоже узкий выбор эпитетов.

Человек не проявил никаких эмоций, подошёл к своему рабочему столу и указал на большую книгу. - Хочу, чтобы вы на это взглянули.

Сински подошла и посмотрела на переплёт. Дантовский Ад? Она вспомнила ужасающие образы смерти, которые продемонстрировал ей Зобрист при встрече в Совете по международным отношениям.

- Зобрист подарил мне это две недели назад. Здесь есть дарственная надпись.

Сински изучила рукописный текст на титульном листе. Это было подписано Зобристом.

Дорогой друг, спасибо за то, что помог мне найти путь.

Мир также благодарит тебя.

Сински почувствовала холод. - Какой путь вы помогли ему найти?

Понятия не имею. Точнее, не имел - ещё пару часов назад.

- А сейчас?

- Сейчас я сделал редкое исключение для своих правил… и вышел на вас.

Сински проделала долгий путь и не настроена была на разговор загадками. - Сэр, не знаю, кто вы такой и какой чертовщиной занимаетесь на этом корабле, но вы обязаны дать мне объяснение. Расскажите мне, зачем вы опекали человека, которого активно разрабатывала Всемирная организация здравоохранения.

Несмотря на разгорячённый тон Сински, человек ответил размеренным шёпотом. - Я понимаю, что наши с вами интересы сталкивались, но предлагаю забыть прошлое. Прошлое есть прошлое. У меня ощущение, что именно будущее требует нашего неотложного внимания.

С этими словами человек достал маленькую красную флешку и вставил её в компьютер, жестом предложив ей сесть. - Это видео сделал Бертран Зобрист. Он рассчитывал, что завтра я это распространю в его интересах.

Не успела Сински ответить, как экран компьютерного монитора померк и она услышала тихие звуки бурлящей воды. Из темноты начало вырисовываться изображение… внутренний вид заполненной водой пещеры… похоже на подземный пруд. Странно, но казалось, вода освещается изнутри… сверкая странным, малинового цвета свечением.

По мере опускания, камера стала наклоняться вниз и погрузилась в воду, фокусируясь на дно пещеры, покрытое осадочными породами. Ко дну была привинчена сверкающая прямоугольная пластина с надписью, датой и именем.

В ЭТОМ МЕСТЕ, В ЭТО ВРЕМЯ, МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА.

Дата была завтрашней. И подпись - Бертран Зобрист.

Элизабет Сински почувствовала дрожь. - Что это за место?! - потребовала она объяснений. - Где это место?!

В ответ хозяин проявил лишь немного эмоций — глубокий вздох разочарования и беспокойства. - Доктор Сински, - ответил он, - Я надеялся, что вы знаете ответ на этот самый вопрос.

На расстоянии мили от пешеходного пути набережной Скьявони морской пейзаж всегда понемногу менялся. Внимательно смотрящий увидел бы, как огромная серая яхта только что сбавила ход вблизи клочка суши к востоку. Теперь она направлялась к площади Св. Марка.

Это яхта Мендасиум - на FS-2080 накатил приступ страха.

Её серый корпус ни с чем не спутаешь.

Хозяин уже близко… а время на исходе.

Глава 71

Пробираясь через огромные толпы на Riva degli Schiavoni, Лэнгдон, Сиенна и Феррис держались края воды на пути к площади Св. Марка, достигнув ее самой южной границы, того конца, где базарная площадь выходила к морю.

В этом месте толпа туристов была почти непроницаема, создавая клаустрофобную давку вокруг Лэнгдона, поскольку многие стремились сфотографировать установленные здесь две массивные колонны, окаймляющие площадь.

Официальные ворота в город, подумал Лэнгдон иронически, зная, что еще до восемнадцатого столетия место также использовалось для публичных казней.

На одной из колонн он увидел причудливую статую, прославляющую Св. Теодора, гордо позирующего с убитым драконом, который всегда казался Лэнгдону намного больше похожим на крокодила.

На второй колонне возвышался встречающийся повсюду символ Венеции — крылатый лев. Везде в городе был заметен крылатый лев, гордо опирающийся лапой на открытую книгу, имеющую латинскую надпись Pax tibi Marce, evangelista meus (Мир тебе, Марк, мой евангелист). Согласно легенде, эти слова были произнесены ангелом по прибытию Св. Марка в Венецию, наряду с предсказанием, что его тело будет однажды покоиться здесь. Эта недостоверная легенда позже использовалась венецианцами, чтобы оправдать разграбление костей Св. Марка из Александрии для перезахоронения в базилике Св. Марка. По сей день крылатый лев считается символом города и виден почти с каждого угла.

Лэнгдон показал направо, мимо колонн, через площадь Св. Марка. - Если мы разойдемся, встречаемся у входа в базилику.

Другие согласились и быстро начали огибать края толпы, следуя на площадь вдоль западной стены Дворца Дожей. Знаменитые голуби Венеции, несмотря на законы, запрещающие кормить их, казалось, были живы и здоровы, некоторые клевали что-то у ног толпы, а другие нагло нападали на уличные кафе и грабили незащищенные корзины с хлебом, доставляя неприятности официантам в смокингах.

Эта великая базарная площадь, в отличие от большинства в Европе, была сформирована не в форме квадрата, а скорее в форме буквы L. Более короткая сторона — известная как пьяцетта — соединяла океан с базиликой Св. Марка. Впереди площадь под углом девяносто градусов поворачивала налево к своей длинной стороне, которая простиралась от базилики к музею Коррера. Странно, что площадь имела не прямолинейную форму, а была неправильной трапецией, существенно сужаясь в одном конце. От этой забавной иллюзии базарная площадь выглядела гораздо длиннее, чем на самом деле, эффект, который усиливался сеткой плиток, образцы которых обрисовывали в общих чертах оригинальные лотки уличных торговцев пятнадцатого столетия.

Когда Лэнгдон приблизился к углу площади, он увидел впереди на некотором расстоянии мерцающие синие стеклянные циферблаты часовой башни Св. Марка — те самые астрономические часы, с которых Джеймс Бонд сбросил злодея в фильме "Лунный гонщик".

Только в этот момент, когда он вошел на защищенную площадь, Лэнгдон осознал насколько уникален город.

Звуки.

Фактически без автомобилей или моторизованных средств передвижения любого вида, Венеция обладала блаженным отсутствием обычного городского движения, метро и сирен, оставляя звуковое пространство для выразительной, немеханической палитры человеческих голосов, воркования голубей и ритмичных скрипок, исполняющих серенаду постоянным зрителям в уличных кафе. Венеция не походила ни на какой другой столичный центр в мире.

Когда лучи вечернего солнца начали падать на собор Святого Марка с запада, бросая длинные тени на плиты площади, Лэнгдон взглянул на шпиль колокольни, которая возвышалась над ней, над старинным венецианским пейзажем. Верхняя крытая галерея башни была заполнена сотнями людей. Даже сама мысль о том, чтобы подняться туда, заставила его содрогнуться, и он опустил голову и продолжил двигаться сквозь человеческое море.

Сиенна легко поспевала в ногу с Лэнгдоном, но Феррис отстал, и она решила идти чуть медленнее, чтобы держать обоих мужчин в поле зрения. Но теперь, поскольку расстояние между ними выросло, она нетерпеливо оглянулась. Феррис ткнул себя в грудь, показывая, что его мучает одышка, и жестом предложил ей идти вперёд.

Сиенна подчинилась и быстро пошла вслед за Лэнгдоном, потеряв Ферриса из виду. Но, пока она прокладывала себе путь через толпу, щемящее чувство не отпускало её — странное подозрение, что Феррис отстаёт преднамеренно… словно пытается создать дистанцию между ними.

Привыкшая доверять своим инстинктам, Сиенна нырнула в нишу и выглянула из тени, осматривая толпу позади себя в поисках Ферриса.

Куда он делся?!

Было похоже, как будто он больше даже не пытался следовать за ними. Сиенна изучала лица в толпе, и наконец она увидела его. К ее удивлению Феррис остановился и низко присел, что-то печатая на своем телефоне.

На том же самом телефоне, про который он говорил мне, что у него разряжена батарея.

Внутренний страх охватил ее, и снова она знала, что должна доверять этому чувству.

Он лгал мне в поезде.

Сиенна наблюдала за ним и пыталась представить, что он делает. Тайно пишет кому-то? Занимается исследованиями за ее спиной? Пытается решить тайну стихотворения Зобриста раньше, чем это смогут сделать Лэнгдон и Сиенна?

Без всяких разумных объяснений, он откровенно лгал ей.

Я не могу доверять ему.

Сиенна раздумывала, должна ли она возмутиться и противостоять ему, но она быстро решила скрыться в толпе прежде, чем он разыскал ее. Она снова направилась в базилику в поисках Лэнгдона. Я должна попросить его больше ничего не раскрывать Феррису.

Она была всего в пятидесяти ярдах от базилики, когда почувствовала, как сильная рука схватилась за ее свитер сзади.

Она обернулась и оказалась лицом к лицу с Феррисом.

Человек с сыпью сильно задыхался, пробираясь сквозь толпу и пытаясь догнать ее. В нем было что-то безумное, чего Сиенна не замечала прежде.

- Извини, - сказал он, едва в состоянии дышать. - Я заблудился в толпе.

Мгновение Сиенна смотрела в его глаза, она знала.

Он что-то скрывает.

Когда Лэнгдон подошел к базилике Св. Марка, он с удивлением обнаружил, что за ним больше не следовали его два компаньона. Также удивительным для Лэнгдона было отсутствие очереди из туристов, ждущих, чтобы войти в церковь. С другой стороны Лэнгдон понял, что были поздние дневные часы в Венеции, время, когда большинство туристов (их энергия ослабевает от тяжелых обедов из пасты и вина) решило прогуляться до базарной площади или выпить кофе, а не пытаться впитать в себя больше истории.

Ожидая, что Сиенна и Феррис могут появиться в любой момент, Лэнгдон перевёл взгляд на вход в базилику. Иногда обвиняемый в том, что у него «сбивающее с толку обилие входов», нижний фасад здания был почти полностью занят фалангой из пяти утопленных подъездов, украшенных колоннами, сводчатыми арками, а широко раскрытые бронзовые двери, пожалуй, делали здание, по крайней мере, вполне доброжелательным.

Один из лучших в Европе образчиков византийской архитектуры, собор Св. Марка имел сугубо неяркий и причудливый внешний вид. В отличие от строгих серых башен Нотр-Дам и Шартра, он казался впечатляющим, но все же каким-то гораздо более приземленным. Большую в ширину, чем в высоту церковь покрывали пять округлых белых куполов, которые придавали ей воздушный, почти торжественный вид, что привело к сравнению собора Св. Марка с верхушкой из безе свадебного торта в нескольких путеводителях.

Высоко на самом верху крыши церкви, стройная статуя Святого Марка смотрела сверху вниз на площадь, носившую его имя. Его ноги покоились на вершине арки, украшенной гребнем, покрашенной в темно-синий цвет и покрытой золотыми звездами. На этом красочном фоне мерцал венецианский золотой крылатый лев - талисман города.

Тем не менее, одним из самых знаменитых сокровищ Святого Марка являлись статуи, расположенные ниже золотого льва — изображающие четырёх гигантских медных жеребцов — которые в данный момент сверкали в лучах предвечернего солнца.

Лошади Св. Марка.

Словно готовые в любой момент спрыгнуть на площадь, эти бесценные четыре изваяния, как и многие другие сокровища Венеции, были вывезены из Константинополя в качестве трофея во времена крестовых походов. Ещё одно трофейное произведение искусства выставлено пониже коней у юго-западного угла храма - высеченная из пурпурного порфира скульптура под названием "Тетрархи". Эта композиция широко известна тем, что лишилась ступни одной из фигур при грабительском вывозе её из Константинополя в тринадцатом веке. В 60-х годах прошлого века эта ступня чудесным образом нашлась в Стамбуле. Венеция подала прошение о получении недостающего фрагмента скульптуры, но турецкие власти ответили простым посланием: "Поскольку саму скульптуру вы похитили, мы оставляем себе ногу".

- Мистер, вы покупаете? - прозвучал голос женщины, заставив опустить взор Лэнгдона вниз.

Коренастая цыганка держала длинный шест, на котором висела коллекция из венецианских масок. Большинство из них были выполнены в популярном стиле Вольто - стилизованные, белые маски с полным лицом, которые часто надевали женщины во время карнавалов. Ее коллекцию также составляли игривые, закрывающие лицо не полностью маски Коломбина, несколько масок Баута с треугольным подбородком и Моретта без закрепляющих ленточек. Впрочем, несмотря на эти красочные изделия, внимание Лэнгдона захватила единственная, серовато-черная маска, висевшая сверху шеста, мертвенные глаза которой, казалось, уставились прямо вниз на Лэнгдона поверх длинного, крючковатого носа.

Врачеватель чумы. Лэнгдон отвратил взор, ему не нужно было напоминаний, чем он занимается в Венеции.

- Так покупаете? - повторила цыганка.

Лэнгдон вяло улыбнулся и помотал головой. - Очень красивые, но нет, спасибо. (ит.)

Когда женщина отошла, взгляд Лэнгдона последовал за зловещей маской чумы, всплывавшей поверх голов. Он тяжело вздохнул и снова поднял глаза к медным изваяниям на балконе второго этажа.

И тут его осенило.

Лэнгдон почувствовал, как неожиданно нагрянувшие элементы стремительно начинают стыковаться - кони собора Св. Марка, венецианские маски и награбленные сокровища из Константинополя.

- Боже мой, - прошептал он. - Вот оно!

Готовый перевод Inferno / Инферно (рабочее название): Глава 72

Роберта Лэнгдона пронзила мысль.

Лошади Св. Марка!

Эти четыре великолепных лошади — с их королевскими шеями и мощными хомутами — пробудили в Лэнгдоне внезапные и неожиданные воспоминания, одно из которых, как он теперь понял, содержало объяснение важного отрывка таинственного стихотворения, написанного на посмертной маске Данте.

Лэнгдон однажды побывал на свадебном приёме у знаменитостей на исторической конной ферме Раннимед в Нью-Хемпшире, за которой закрепился образ победителя Кентукского дерби Дэнсера. В числе щедро оплаченных развлечений, гостям представили выступление известной конной труппы "Под маской" - потрясающее зрелище, в котором всадники действовали в великолепных венецианских костюмах и масках "вольто интеро", полностью закрывающих лицо. У этой труппы были черные как смоль верховые кони фризской породы - крупнее их Лэнгдон никогда не видел. Обладая мощнейшим сложением, эти удивительные животные с топотом носились по полю, демонстрируя пульсирующие мускулы, шерсть на брюхе и метровые гривы, дико развевавшиеся позади длинной, грациозной шеи.

Красота этих существ произвела такое впечатление на Лэнгдона, что после возвращения домой он почитал о них в интернете и обнаружил, что порода когда-то была фаворитом у средневековых королей, использовалась в качестве боевых лошадей и спасена от исчезновения в последние годы. Первоначально известное как Эквус робустус, современное название породы, из фризского языка, было данью их родине Фрисланд, голландской провинции, которая была местом рождения блестящего графика М. К. Эшера.

Как оказалось, сильные тела ранних фризских лошадей вдохновили на создание здравой эстетики лошадей Св. Марка в Венеции. Согласно веб-сайту, лошади Св. Марка были так красивы, что они стали "художественными произведениями, исторически наиболее часто подверженными кражам."

Лэнгдон всегда полагал, что эта сомнительная честь принадлежала Гентскому Запрестольному образу и нанес быстрый визит на веб-сайт ARCA (The Association for Research into Crimes Against Art), чтобы подтвердить свою теорию. Ассоциация исследований преступлений против искусства не предложила категорической расстановки, но они действительно предлагали краткую историю беспокойной жизни скульптур как цель мародерства и грабежа.

Эти четыре медных коня были отлиты в четвёртом веке неизвестным греческим скульптором на острове Хиос, где оставались до тех пор, пока Феодосий II не вывез их в Константинополь для установки на Ипподроме. Потом при Четвёртом крестовом походе, когда войска венецианцев разграбили Константинополь, действующий дож потребовал, чтобы эти ценные статуи доставили оттуда морем в Венецию, что было почти подвигом при их весе и размерах. Кони прибыли в Венецию в 1254 году и были установлены перед фасадом собора Св. Марка.

Более половины тысячелетия спустя, в 1797 году Венецию завоевал Наполеон, который забрал коней себе. Они были доставлены в Париж и эффектным образом украсили вершину Триумфальной арки. И наконец, в 1815 году - после поражения Наполеона при Ватерлоо и его ссылки - кони были сняты с Триумфальной арки и доставлены на барже обратно в Венецию, где и были вновь установлены, уже на фронтальном балконе собора Св. Марка.

Хотя Лэнгдон и был неплохо знаком с историей этих лошадей, на сайте ARCA нашлись данные, которые его поразили.

Декоративные хомуты появились на шеях лошадей в 1204 году и сделали это венецианцы для облегчения транспортировки судном от Константинополя до Венеции, чтобы скрыть места, где были разъединены головы.

Дож приказал, чтобы отрезали головы лошадям Св. Марка? Это казалось Лэнгдону невероятным.

- Роберт, - раздался голос Сиенны.

Лэнгдон отвлекся от своих мыслей, повернулся и увидел, что Сиенна пробирается через толпу и Феррис рядом с ней.

- Лошади в стихотворении! - выкрикнул Лэнгдон взволнованно. - Я понял это!

- Что? - Сиена выглядела растерянной.

- Мы ищем предательского дожа, который отрубал головы лошадям!

- Да?

- Стихотворение не относится к живым лошадям. - Лэнгдон указал вверх на фасад Св. Марка, где луч яркого солнца освещал четыре медных статуи. - Оно относится к этим лошадям!

Готовый перевод Inferno / Инферно (рабочее название): Глава 73

На борту Мендасиума у доктора Элизабет Сински дрожали руки. Она смотрела видеофильм в кабинете хозяина, и хотя она видела некоторые ужасные вещи в своей жизни, это необъяснимое кино, которое сделал Бертран Зобрист до своего самоубийства, заставило ее до смерти похолодеть.

Она смотрела на экран, на котором дрожащая тень с клювообразным носом была спроецирована на мокрую стену подземной пещеры. Силуэт продолжал говорить, гордо описывая шедевр - произведение под названием Ад - которое должно спасти мир путем сортировки населения.

Бог спасет нас, думала Сински. - Мы должны …, - сказала она дрожащим голосом. - Мы должны найти это место под землей. Может быть, еще не слишком поздно.

- Продолжайте смотреть, - ответил хозяин. - Дальше происходит еще более странное.

Внезапно тень маски выросла на влажной стене, вырисовываясь прямо перед нею, пока фигура внезапно не превратилась в скелет.

Черт побери.

Сински уставилась на полностью экипированного врачевателя чумы — завернутого в черный плащ и в леденящей крючковатой маске. Лекарь подошел прямо к камере, его маска заполонила весь экран, создавая ужасающий эффект.

«Самые жаркие уголки в аду, - прошептала она, - оставлены для тех, кто во времена величайших нравственных переломов сохранял нейтралитет.»

Сински почувствовала гусиную кожу у себя на шее. Это была та же самая цитата из записки, которую Зобрист оставил для нее на стойке авиакомпании, когда она ускользнула от него в Нью-Йорке год назад.

- Я знаю, - продолжал врачеватель чумы, - некоторые называют меня чудовищем. - Он сделал паузу, и Сински почувствовала, что его слова обращены к ней. - Знаю, есть такие, кто считает меня бессердечным зверем, скрывающимся под маской. - Он опять замолчал, подходя ближе к камере. - Но я не безлик и не бессердечен.

С этими словами Зобрист стянул с себя маску и опустил капюшон плаща, обнажив лицо. Сински оцепенела, уставившись на знакомые зелёные глаза, которые в последний раз видела в затемнённом офисе Совета по международным связям. На этом видео в его глазах были те же огонь и страсть, но сейчас в них было что-то ещё - дикий энтузиазм сумасшедшего.

- Меня зовут Бертран Зобрист, - сказал он, уставившись на камеру. - И это моё лицо, открытое всему миру. Что касается души… если бы я мог вынуть своё пламенное сердце, как Господь у Данте для его возлюбленной Беатриче, вы бы увидели, что меня переполняет любовь. Глубочайшая любовь. Ко всем вам. И более всего - к одному существу.

Зобрист подошёл ещё ближе, заглядывая прямо в камеру и говоря нежным голосом, будто обращаясь к предмету своей любви.

- Любовь моя, - прошептал он, - мой драгоценный дар. Ты мой источник красоты, конец всех пороков, средоточие все видов добродетели, моё спасение. Это с тобой мы лежали рядом обнажёнными и благодаря тебе я преодолел бездну и обрёл силы на то, что я сделал.

Сински слушала с отвращением.

- Любовь моя, - продолжил Зобрист печальным шёпотом, отдающимся эхом в призрачной подземной пещере. - Ты моё вдохновение и мой проводник, мой Вергилий и моя Беатриче, всё в одном, и этот шедевр столь же твой, как и мой. Если ты и я, как несчастные влюбленные, никогда не коснёмся друг друга снова, я должен обрести покой, зная, что вверил будущее твоим нежным рукам. Моя работа внизу окончена. И сейчас для меня наступило время, чтобы вновь подняться в мир наверху … и вновь увидеть звёзды.

Зобрист замолчал, и спустя мгновение эхо в пещере повторило слово «звёзды». Затем, очень спокойно, Зобрист протянул руку и коснулся камеры, заканчивая передачу.

Экран погас.

- Подземное пространство, - сказал хозяин, отворачивая монитор. - Мы не узнали его. А вы?

Сински помахала головой. Я никогда не видела ничего похожего. Она думала о Роберте Лэнгдоне, надеясь, что он продвинулся дальше в расшифровке загадок Зобриста.

- Если это как-то поможет, - сказал хозяин, - я догадываюсь, в кого Зобрист был влюблен. - Он сделал паузу. - Его личное кодовое имя FS-2080.

Сински подпрыгнула. - FS-2080?! - Она уставилась на хозяина в шоке.

Хозяин также был поражен. - Это о чем-то вам говорит?

Сински скептически кивнула. - Вне всякого сомнения, да.

Сердце Сински колотилось. FS-2080. Хотя она не знала личности человека, она, безусловно, знала, что обозначало кодовое название. ВОЗ контролировал подобные кодовые названия в течение многих лет.

- Движение трансгуманистов, - сказала она. - Вы знакомы с ним?

Хозяин покачал головой.

- Говоря простым языком, - объясняла Сински, - трансгуманизм - философия, заявляющая, что люди должны использовать все доступные технологии для проектирования нашего собственного вида и сделать его более сильным. Естественный отбор.

Хозяин с видимым безразличием пожал плечами.

- По большому счету, - продолжала она, - движение трансгуманистов состоит из достойных доверия лиц - ответственных ученых, футуристов, провидцев - но, как и в большинстве движений, в него входит маленькая, но воинственная фракция, которая верит, что движение движется недостаточно быстро. Они апокалиптические мыслители, считающие, что конец близок и кто-то должен принять решительные меры, чтобы спасти будущее нашего вида.

- И я предполагаю, - сказал хозяин, - что Бертран Зобрист был одним из этих людей?

- Безусловно, - сказала Сински. - Лидер движения. Помимо того, что он был выдающимся интеллектуалом, он был еще и чрезвычайно харизматичным и сочинял статьи о судном дне, порождающие целый культ фанатиков трансгуманизма. Сегодня многие из его фанатичных учеников используют эти кодовые имена - все они имеют похожую форму, - две буквы и четырехзначный номер - например DG-2064, BA-2105 или тот, который вы сейчас упомянули.

- FS-2080.

Сиински кивнула. - Это может быть кодовым именем трансгуманиста.

- Числа и буквы имеют значение?

Сински двинулась к его компьютеру. - Откройте браузер. Я покажу вам.

Хозяин выглядел неуверенным, но подошел к компьютеру и запустил поисковую систему.

- Введите ‘FM 2030,’ - сказала Сински, устраиваясь позади него.

Хозяин напечатал FM-2030, и появились тысячи веб-страниц.

- Нажмите любую из них, - сказала Сински.

Хозяин выбрал верхнюю строку в результатах поиска, которая отсылала к странице Википедии, где красовалось фото симпатичного иранца Ферейдуна М. Эсфандиари, который характеризовался как писатель, философ, футурист и предвестник движения трансгуманизма. Родился в 1930 году. Указывалось, что он донёс идеи трансгуманизма до широких масс, кроме того, предсказал искусственное оплодотворение, генную инженерию и глобализацию.

Согласно Википедии, Эсфендиари смело заявил, что новые технологии позволят ему прожить до ста лет, редкого возраста для его поколения. Чтобы показать уверенность в будущей технологии, Ферейдун М. Эсфендиари взял кодовое имя FM-2030, состоявшее из комбинации инициалов его первого и второго имени и годом, в котором ему исполнилось бы сто лет. К сожалению, он скончался от рака поджелудочной железы в семидесятилетнем возрасте и не достиг своей цели, но в память о нем рьяные последователи трансгуманиста воздали должное FM-2030 и стали использовать его принципы присваивания имен.

Когда хозяин закончил читать, он встал, подошел к окну и безучастно смотрел на океан в течение долгого времени.

- Итак, - наконец прошептал он, как будто думая вслух. - Возлюбленный Бертрана Зобриста — этот FS-2080 — является, очевидно, одним из этих … трансгуманистов.

- Без сомнения, - ответила Сински. - Я сожалею, что не знаю точно, кто этот FS-2080, но —

- К этому я и веду, - прервал хозяин, все еще уставившись на море. - Зато я знаю. Точно знаю, кто это.

Готовый перевод Inferno / Инферно (рабочее название): Глава 74

Кажется сам воздух был пропитан золотом.

Роберт Лэнгдон посетил много великолепных соборов в своей жизни, но обстановка Кьеза д'Оро Св. Марка всегда казалась ему действительно исключительной. В течение многих столетий утверждалось, что просто от вдыхания воздуха собора Св. Марка можно стать богатым человеком. Заявление следовало понимать не только метафорически, но также и буквально.

Благодаря внутренней облицовке, состоящей из нескольких миллионов древних золотых плиток, множество частиц пыли, колеблющихся в воздухе, как говорили, фактически были пятнами золота. Эта находящаяся во взвешенном состоянии золотая пыль вместе с ярким солнечным светом, который проникал через большое западное окно, составляла волнующую атмосферу, помогающую верующим достигать и духовного богатства и, если они вдыхали глубоко, более мирского обогащения в виде золочения легких.

В этот час низкое солнце, проникающее через западное окно, распространилось по голове Лэнгдона как широкий, мерцающий веер или навес из сияющего шелка. Лэнгдону оставалось только набрать преисполненного благоговением дыхания, и он ощущал, что Сиенна и Феррис делают то же самое.

- Нам куда? - прошептала Сиенна.

Лэнгдон указал на ряд восходящих лестничных ступеней. Часть церковного музея была на верхнем уровне и представляла обширную выставку, посвященную лошадям Св. Марка, которая, как надеялся Лэнгдон, быстро укажет на личность таинственного дожа, который отрубил головы животным.

Когда они поднимались по лестнице, он видел, что Феррис снова боролся со своим дыханием, и Сиенна в течение нескольких минут ловила взгляд Лэнгдона. Выражение ее лица было предостерегающим, она осторожно кивала в сторону Ферриса и изрекла что-то,

чего Лэнгдон не мог понять. Прежде, чем он мог попросить у нее разъяснение, Феррис оглянулся, на долю секунды опоздав, поскольку Сиенна уже отвернула глаза и смотрела непосредственно на Ферриса.

- Вы в порядке, доктор? - невинно спросила она.

Феррис кивнул и стал подниматься быстрее.

Талантливая актриса, подумал Лэнгдон, но что она пыталась сказать мне?

Когда они добрались до второго уровня, их взору предстала вся базилика, расположившаяся под ними. Святилище было построено в форме Греческого креста, по внешнему виду скорее напоминающее квадрат, чем вытянутый прямоугольник собора Святого Петра или Нотр-Дам. С более коротким промежутком между притвором и алтарем, собор Св. Марка излучал мощь и надежность, а также чувство большей доступности.

Чтобы не казаться слишком доступным, алтарь церкви располагался позади экрана с колоннами и был увенчан внушительным распятием. Защищенный изящным балдахином, он имел один из самых ценных запрестольных образов в мире — знаменитый Pala d'Oro. Роскошный фон из позолоченного серебра, эта "золотая ткань" была тканью только в том смысле, что это была объединённая мозаика из предыдущих работ — прежде всего византийская эмаль — вся вплетенная в единственную готическую раму. Для украшения его были использованы приблизительно одна тысяча триста жемчужин, четыреста гранатов, триста сапфиров, а также изумруды, аметисты и рубины. Pala d'Oro, как полагали, наряду с лошадьми Св. Марка, был одним из самых прекрасных сокровищ в Венеции.

Образно говоря, слово "базилика" обозначало любую восточную церковь византийского стиля, возведенную как в Европе, так и на Западе. Будучи копией Юстиниановской базилики Святых апостолов в Константинополе, собор Святого Марка был построен действительно в восточном стиле, и путеводители часто предлагали его в качестве альтернативы турецких мечетей, многие из которых были византийскими соборами, превратившимися в молитвенные дома мусульман.

В то время как Лэнгдон никогда бы не счел собор Св. Марка заменой выдающимся мечетям Турции, он должен был признать, что его страсть к византийскому искусству может быть удовлетворена посещением тайной анфилады комнат, находящимся рядом с правым трансептом этой церкви, в которых скрыты так называемые Сокровища Св. Марка - роскошная коллекция из 283 драгоценных икон, ювелирных изделий и чаш, полученных во время разграбления Константинополя.

Лэнгдон был доволен тем, что днём в базилике оказалось спокойно. Бродили обычные толпы, но по крайней мере, можно было развернуться. Временами сливаясь с разными группами, Лэнгдон вёл Сиенну с Феррисом к западному окну, где посетители могли выйти и увидеть коней на балконе. Несмотря на уверенность Лэнгдона в том, что они сумеют распознать интересующего их дожа, он не совсем понимал, какой шаг им предпринять после этого. Выяснить, где он сам? Где его гробница? Его статуя? Для этого могла понадобиться помощь, учитывая, что на территории собора сотни скульптур - в склепах нижнего яруса и в крытых гробницах северного крыла.

Лэнгдон разыскал молодую женщину-экскурсовода, проводящую экскурсию, и вежливо прервал ее рассказ. - Извините меня, - сказал он. - Этторе Вио сегодня работает?

- Этторе Вио? - Женщина странно посмотрела на Лэнгдона. - Да, конечно, но(ит.) — Она резко остановилась, ее глаза засияли. - Lei e Robert Langdon, vero?!(ит.) - Вы - Роберт Лэнгдон, не так ли?

Лэнгдон терпеливо улыбнулся - Да, я (ит.). Возможно ли поговорить с Этторе?

- Да, да! - Женщина сказала своей туристической группе минуту подождать и поспешно ушла.

Лэнгдон и куратор этого музея Этторе Вио однажды вместе появились в коротком документальном фильме о базилике, и с тех пор они поддерживали отношения. - Этторе написал книгу о базилике, - пояснил Лэнгдон Сиенне. - Вернее, несколько книг.

Видимо, Сиенну странным образом всё ещё беспокоил Феррис, который шёл с ней рядом, когда Лэнгдон вёл всех к западному окну, из которого видны кони. Когда они подошли к окну, на фоне дневного солнца показались силуэты мускулистых крупов этих скульптур. Бродившие по балкону туристы с удовольствием разглядывали коней вблизи и любовались панорамой площади Св. Марка.

- Вон они! - воскликнула Сиенна, направлясь к двери, ведущей на балкон.

- Не совсем они, - ответил Лэнгдон. - Кони, которых мы видим на балконе, на самом деле - только копии. Настоящие кони собора Св. Марка содержатся в помещении, для сохранности и из соображений безопасности.

Лэнгдон повел Сиенну и Ферриса вдоль коридора к хорошо освещенному альковy, где такая же группа из четырех жеребцов, казалось, неслась к ним с заднего фона кирпичных сводчатых проходов.

Лэнгдон с восхищением указал на изваяния. - Вот оригиналы.

Всякий раз, как Лэнгдон видел этих коней вблизи, он невольно изумлялся строением и степенью детализации их мускулатуры. Обильные золотисто-зелёные отложения медных окислов, покрывавшие всю поверхность, только подчёркивали выразительность их рельефной кожи. Для Лэнгдона созерцание этих четырёх изваяний, сохраняемых в превосходном состоянии несмотря на их бурное прошлое, всегда было напоминанием о том, как важно оберегать великие произведения искусства.

- Их хомуты, - сказала Сиенна, указывая на декоративные нагрудники вокруг их шей. - Ты сказал, что они были добавлены? Чтобы скрыть шов?

Лэнгдон рассказал Сиенне и Феррису о странной детали “отрезанной головы”, про которую читал на веб-сайте ARCA.

- Очевидно, да, - сказал Лэнгдон, двигаясь к информационному плакату, прикрепленному поблизости.

- Роберто! - раздался позади них приветливый голос. - Ты меня обижаешь!

Обернувшись, Лэнгдон увидел Этторе Вио, общительного вида светловолосого мужчину в синем костюме с очками, подвешенными к шее на цепочке, который пробирался сквозь толпу. - Ты посмел приехать в мою Венецию и не позвонить мне?

Лэнгдон улыбнулся и пожал мужчине руку. - Мне нравится удивлять тебя, Этторе. Хорошо выглядишь. Это мои друзья, доктор Брукс и доктор Феррис.

Этторе поприветствовал их и чуть отошёл, окидывая взглядом Лэнгдона. - С врачами путешествуешь? Нездоровится? А одежда какова? Итальянцем становишься?

- Ни то, ни другое, - сказал Лэнгдон, давясь смехом. - Я приехал навести справки о лошадях.

Этторе явно был заинтригован. - Есть такое, чего знаменитый профессор ещё не знает?

Лэнгдон рассмеялся. - Мне нужно разузнать об отрубании этим коням голов при перевозке во времена крестовых походов.

У Этторе Вио был такой вид, будто Лэнгдон только что поинтересовался геморроем королевы. - Господи, Роберт, - зашептал он, - у нас такое не обсуждают. Если тебе нужны головы, покажу тебе знаменитую обезглавленную Карманьолу или…

- Этторе, мне нужно знать, какой венецианский дож отрубал эти головы?

- Такого никогда не было, - отбивался Этторе. - Я, конечно, слышал такие сказки, но в истории мало что указывает на то, чтобы какой-либо дож занимался…

- Этторе, ты уж развлеки меня, - сказал Лэнгдон. - По той сказке - который из дожей?

Этторе надел очки и осмотрел Лэнгдона. - Ну, если по сказке, то наших любимых коней вёз самый умный и вероломный дож.

- Вероломный?

- Ну да, дож, который всех втянул в крестовые походы. - Он выжидающе посмотрел на Лэнгдона. - Дож, который на казённые деньги отплыл в Египет… но перенаправил своё войско и разграбил вместо этого Константинополь.

Это уже похоже на предательство, подумалось Лэнгдону. - А как его звали?

Этторе помрачнел. - Роберт, я считал тебя исследователем всемирной истории.

- Да, но мир большой, а история длинная. Мне бы и намёк не помешал.

- Ну хорошо, тогда последняя наводка.

Лэнгдон запротестовал было, но понял, что это бесполезно.

- Твой дож прожил почти сто лет, - сказал Этторе. - Для тех времён - чудо. Суеверные приписывали причину его долголетия решительным действиям по обретению костей Святой Луции и возвращению их из Константинополя в Венецию. Святая Луция лишила себя глаз, чтобы…

- Он кости вырывал слепым! - выпалила Сиенна, взглянув на Лэнгдона, который только что подумал о том же.

Этторе странно посмотрел на Сиенну. - Если можно так выразиться, я предполагаю.

Феррис внезапно побледнел, как будто он еще не отдышался от длительной прогулки по площади и подъему вверх по лестнице.

- Должен добавить, - сказал Этторе, - что этот дож так любил святую Луцию потому, что сам был слепым. В возрасте девяноста лет он стоял на этой самой площади, не видя абсолютно ничего, и благословлял крестоносцев.

- Я знаю, кто это, - сказал Лэнгдон.

- Ну, я на это надеюсь! - ответил Этторе с улыбкой.

Поскольку, будучи эйдетиком, он лучше запоминал изображения, чем фразы, вырванные из контекста, осознание пришло к нему в виде произведения искусства - известной гравюры Густава Доре, изображающей морщинистого и слепого дожа с поднятыми над головой руками, который подбивал толпу присоединиться к Крестовому походу. Роберт ясно помнил название гравюры Доре - “Дандоло благословляет рыцарей”.

- Энрико Дандоло, - объявил Лэнгдон. - Дож, который жил вечно.

- Наконец-то!(ит.) - сказал Этторе. - Я боюсь, что твой ум постарел, мой друг.

- Так же как и я. Он здесь похоронен?

- Дандоло? - Этторе покачал головой. - Нет, не здесь.

- Где же? - спросила Сиенна. - Во Дворце дожей?

Этторе снял очки и ненадолго задумался. - Дайте мне немного времени. Дожей так много, что я не могу вспомнить..

Прежде, чем Этторе закончил, подбежал напуганный экскурсовод и отвел его в сторону, шепча что-то на ухо. Этторе напрягся и выглядел встревоженным, а затем немедленно поспешил к перилам, всматриваясь вниз в алтарь. Через минуту он возвратился к Лэнгдону.

- Я скоро вернусь, - крикнул Этторе, а затем поспешно удалился без всяких слов.

Озадаченный, Лэнгдон подошел к перилам и посмотрел. Что там происходит?

Сначала он вообще ничего не увидел, только беспорядочно слоняющихся туристов. И лишь через мгновение он понял, что многие посетители смотрели в одном и том же

направлении на главный вход, через который в церковь только что вошла внушительная группа одетых в черное солдат и рассредоточилась по всему притвору, блокируя все выходы.

Солдаты в черном. Лэнгдон почувствовал, как его руки на перилах напряглись.

- Роберт! - позвала Сиенна откуда-то сзади.

Лэнгдон сосредоточился на солдатах. Как они нашли нас?!

- Роберт! - позвала она более настойчиво. - Что-то не так! Помоги мне!

Лэнгдон вернулся от перил, озадаченный ее криками о помощи.

Куда она пошла?

Мгновение спустя, его глаза нашли и Сиенну и Ферриса. На полу перед лошадьми Св. Марка Сиенна склонилась на коленях над доктором Феррисом … который дергался в конвульсиях, хватаясь за грудь.

Готовый перевод Inferno / Инферно (рабочее название): Глава 75

- Я думаю, что у него сердечный приступ! - кричала Сиенна.

Лэнгдон поспешил туда, где лежал растянувшийся на полу доктор Феррис.

Человек задыхался, не в силах набрать дыхание.

Что с ним произошло?! Для Лэнгдона все достигло кульминации в одно мгновение. После прибытия солдат внизу и распростертым Феррисом на полу, Лэнгдон почувствовал себя на мгновение парализованным и не знал что предпринять.

Сиенна склонилась вниз над Феррисом, ослабила его галстук и расстегнула несколько верхних пуговиц его рубашки, чтобы ему легче дышалось. Но когда рубашка раскрылась, Сиенна отскочила и тревожно вскрикнула, закрывая рот рукой, и с потрясением уставилась на голую плоть его груди.

Лэнгдон тоже увидел это.

Кожа на груди Ферриса была глубоко обесцвечена. Выглядящее зловещим образом синевато-черное пятно размером с грейпфрут распространилось на его груди. Феррис выглядел так, как будто ему в грудь попало пушечное ядро.

- Внутренне кровотечение, - сказала Сиенна, испуганно глядя на Лэнгдона. - Неудивительно, что ему весь день было трудно дышать.

Феррис крутил головой, явно пытаясь говорить, но издавал лишь слабые хрипящие звуки. Вокруг начали собираться туристы, и Лэнгдон ощущал, что ситуация может выйти из-под контроля.

- Солдаты внизу, - предупредил Сиенну Лэнгдон. - Я не знаю, как они нас нашли.

Выражение удивления и страха на лице Сиенны быстро сменилось на гнев, и она снова пристально посмотрела на Ферриса. - Выходит, вы нам лгали?

Феррис попытался заговорить снова, но не смог издать и звука. Сиенна небрежно обыскала карманы Ферриса, достав его бумажник и телефон, которые опустила в свой карман, затем встала над ним с обвинительным взглядом.

Через секунду пожилая итальянская женщина уже продиралась сквозь толпу, сердито крича на Сиенну. - Вы ударили его в грудь! (ит.) - Она сделала резкое движение кулаком по собственной груди.

- Нет! - вышла из себя Сиенна. - Массаж сердца убьет его! Взгляните на его грудь! - Она повернулась к Лэнгдону. - Роберт, нам нужно убираться отсюда. Прямо сейчас.

Лэнгдон опустил взгляд на Ферриса, который отчаянно хлопал глазами, будто пытаясь что-то ему сообщить.

- Не можем же мы его так оставить! - с жаром сказал Лэнгдон.

- Поверь мне, - сказала Сиенна. - Это не сердечный приступ. И нам нужно уходить. Скорее.

Когда толпа приблизилась, туристы стали звать на помощь. Сиенна схватила руку Лэнгдона с удивительной силой и потащила его подальше от этого хаоса, к балкону, на свежий воздух.

На мгновение Лэнгдона ослепило. Низко опустившееся над западным концом площади Св. Марка солнце появилось непосредственно перед его глазами, заливая весь балкон золотистым светом. Сиенна повела Лэнгдона налево вдоль террасы второго этажа, двигаясь зигзагами между туристами, которые выходили наружу полюбоваться площадью и копиями Квадриги святого Марка.

Когда они проносились вдоль передней части базилики, лагуна была прямо перед ними. Взгляд Лэнгдона привлек странный силуэт на воде - суперсовременная яхта, похожая на некий футуристический военный корабль.

Не успел он даже задуматься, как они с Сиенной снова срезали налево, следуя по балкону, огибавшему юго-западный угол базилики, к "двери для объявлений" - ведущей к дополнительному переходу между базиликой и Дворцом Дожей - названной так потому, что дожи вывешивали на ней указы для народа.

Не сердечный приступ? Картина черно-синей груди Ферриса отпечаталась в памяти Лэнгдона, и он внезапно ощутил страх от перспективы услышать от Сиенны диагноз настоящей болезни мужчины. Более того, казалось, что-то изменилось, и Сиенна больше не доверяла Феррису. Может быть поэтому она пыталась поймать мой взгляд ранее?

Сиенна неожиданно остановилась и перегнулась через элегантный парапет, вглядываясь вдаль в уединенный угол площади Св. Марка под ними.

- Проклятье, - сказала она. - Мы на большей высоте, чем я думала.

Лэнгдон уставился на неё. - Ты рассчитывала, что мы спрыгнем?!

У Сиенны был испуганный вид. - Мы не можем допустить, чтобы они нас взяли, Роберт.

Лэнгдон повернулся к базилике, наблюдая за тяжелой дверью из кованого железа и стекла позади них. Туристы входили и выходили, и если предположения Лэнгдона были верными, войдя в эту дверь они попадут обратно в музей в дальнем конце церкви.

- Они блокируют все выходы, - сказала Сиенна.

Лэнгдон оценил их возможности к бегству и остановился на единственном варианте. - Кажется, я видел кое-что в здании, что решило бы нашу проблему.

Едва в состоянии постичь свои нынешние предположния, Лэнгдон вел Сиенну назад к базилике. Они прошли по периметру музея, пытаясь остаться вне поля зрения среди толпы, многие из которых теперь смотрели по диагонали через обширное открытое пространство центрального нефа на волнение, продолжающееся вокруг Ферриса. Лэнгдон шпионил за сердитой старой итальянкой, направляющей пару одетых в черное солдат на балкон, указывая на путь отступления Лэнгдона и Сиенны.

Мы должны поспешить, думал Лэнгдон, осматривая стены, и наконец обнаружил то, что искал возле большой выставки гобеленов.

Приспособление на стене было ярко-желтого цвета с красным предупреждающим стикером: ALLARME ANTINCENDIO.

- Пожарная сигнализация? - спросила Сиенна. - В этом твой план?

- С толпой мы сможем выскользнуть. - Лэнгдон потянулся вверх и взялся за рычаг сигнализации. Ничего не произошло. Действуя наспех и не подумав, он потянул слишком резко и увидел, как внутри механизма явно болтается стеклянный цилиндрик.

Сирен и паники, на что рассчитывал Лэнгдон, так и не последовало.

Только тишина.

Он снова потянул.

Ничего.

Сиенна уставилась на него как на сумасшедшего. - Роберт, мы в каменном соборе, забитом туристами! Думаешь, общедоступные щиты сигнализации станут подключать, если стоит одному хулигану…

- А как же! Законы о пожарной охране в США…

- Ты в Европе. У нас не столько юристов. - Она указала через плечо Лэнгдона. - И ещё у нас нет времени.

Лэнгдон повернулся к стеклянной двери, через которую они только что вошли и увидел двух солдат, забегающих внутрь с балкона, их тяжелый взгляд сканировал все вокруг. Лэнгдон узнал одного из тех мускулистых агентов, который стрелял в него на трайке, когда они убегали в квартиру Сиенны.

Воспользовавшись одной из немногих драгоценных возможностей, Лэнгдон и Сиенна незаметно проскользнули на закрытую спиральную лестницу, ведущую обратно на первый этаж. Достигнув лестничной площадки, они остановились в тени последнего пролета. По всему святилищу несколько солдат охраняли каждый выход, их взгляд внимательно прочесывал внутреннее пространство.

- Если выйдем за пределы лестницы, нас увидят, - сказал Лэнгдон.

- Дальше ступени спускаются вниз, - прошептала Сиенна, показывая жестом на вывеску ДОСТУП ЗАПРЕЩЕН, которая загородила лестницу. За вывеской ступени еще более узкой спиралью спускались в кромешную тьму.

Плохая идея, подумал Лэнгдон. Из подземной крипты нет выхода.

Сиенна уже переступила через вывеску и пробиралась вниз по спиральному туннелю, исчезая в пустоте.

- Здесь открыто, - прошептала снизу Сиенна.

Лэнгдон не был удивлён. Усыпальница собора Св. Марка отличалась от многих подобных мест тем, что служила ещё и часовней, где в присутствии мощей Св. Марка велись регулярные богослужения.

- Кажется, вижу дневной свет! - прошептала Сиенна.

Как это возможно? Лэнгдон попытался вспомнить предыдущие посещения этого священного подземного места и предположил, что Сиенна, вероятно, увидела lux eterna - электрический свет, оставшийся гореть над могилой Св. Марка в центре крипты. Хотя, из-за приближающихся сзади шагов Лэнгдону не осталось времени на размышления. Он быстро переступил через вывеску, убедившись, что не зацепил ее, и затем, поместив ладонь на грубую каменную стену, начал на ощупь пробираться по извилистому проходу, пока не исчез из виду.

Сиенна ждала его в нижней части лестницы. Крипта позади нее была едва различима в темноте. Это была маленькая и широкая подземная комната с пугающе низким каменным потолком, поддерживаемым древними колоннами и сводчатыми арками из кирпича. Вес всей базилики приходится на эти колонны, подумал Лэнгдон, уже страдая от клаустрофобии.

- Что я тебе говорила, - прошептала Сиенна, ее лицо освещалось слабым лучом естественного света. Она показала на несколько маленьких арочных фрамуг высоко на стене.

Осветительные колодцы, понял Лэнгдон, совсем позабыв про них. Колодцы - созданные, чтобы донести свет и свежий воздух в тесную крипту - переходили в глубокие шахты, опускающиеся вниз от поверхности площади Св. Марка. Оконные стекла были усилены плотным железным каркасом из пятнадцати запирающих колец, и даже если они открывались

изнутри, как подозревал Лэнгдон, то были высотой до плеч и, вероятно, плотно подогнаны. Если они каким-то образом и смогут преодолеть окно шахты, взобраться по ней будет невозможно, так как их глубина достигала десяти футов, и сверху они были накрыты тяжелой решеткой для безопасности.

В тусклом свете, просачивающимся сквозь колодцы, крипта Св.Марка напоминала лес, освещенный луной - густая роща похожих на стволы деревьев колонн, отбрасывающих длинные и крупные тени на землю. Лэнгдон направил свой взгляд в центр усыпальницы, где на могиле Св. Марка горело одинокое пламя. Человек, в честь которого названа базилика, покоился в каменном саркофаге за алтарем, перед которым стояли ряды из скамей для тех, кому повезло быть приглашенными, чтобы помолиться здесь, в сердце венецианского христианства.

Слабый свет внезапно замерцал около него и Лэнгдон повернулся и увидел, что Сиенна держит телефон Ферриса со светящимся экраном.

Лэнгдон оценивающе взглянул на Сиенну. - Вроде бы Феррис говорил, что у него села батарея!

- Он лгал, - сказала Сиенна, все еще набирая что-то на клавиатуре. - О многом. - Нахмурившись, она посмотрела на телефон и покачала головой. - Нет сигнала. Я думала, что попытаюсь найти местоположение могилы Энрико Дандоло. - Она поспешила к свету и держала телефон высоко над головой около окна, пытаясь поймать сигнал.

Энрико Дандоло, размышлял Лэнгдон, и прежде чем покинуть это место, едва успел получить шанс предположить, что это за дож. Несмотря на текущие неприятности, их визит в собор Св. Марка вполне сыграл свою роль - они выяснили имя дожа, который отрубал головы лошадям…и вырывал кости у слепых.

К сожалению, Лэнгдон понятия не имел, где находится гробница Энрико Дандоло, как и Этторе Вио, очевидно. Он знал каждый дюйм этой базилики…и, скорее всего, Дворца Дожей тоже. Тот факт, что Этторе сразу не определил местонахождение гробницы Дандоло, подсказал Лэнгдону, что эта могила находится далеко от собора Св. Марка и Дворца Дожей.

Так где же?

Лэнгдон посмотрел на Сиенну, стоявшую на скамье, которую она подвинула к одному из осветительных колодцев. Она отперла окно, распахнула его, и протянула телефон Ферриса в открытое пространство шахты.

Сверху с площади Св. Марка проникали звуки, и Лэнгдон внезапно задумался, что если все-таки есть какой-нибудь выход наружу. Он увидел несколько складных стульев возле скамей и предположил, что можно поднять один из них в световой колодец. Может быть, верхние решетки открываются изнутри?

Лэнгдон поспешил сквозь темноту к Сиенне. Он сделал только несколько шагов, когда сильный удар в лоб отбросил его назад. Падая на колени, он подумал на мгновение, что подвергся нападению. Он быстро понял, что ошибся и проклинал себя за это. Он не учел, что его шестифутовое тело далеко превышало высоту хранилищ, рассчитанных на средний человеческий рост более чем тысячу лет назад.

Когда он стоял на коленях там на твердом камне при свете звезд, он внимательно рассмотрел надпись на полу.

Санктус Маркус.

Он долгое время смотрел на нее. Его поразило не имя Святого Марка, а язык, на котором оно было написано.

Латынь.

После дневного погружения в современный итальянский язык Лэнгдон растерялся, увидев написанное на латыни имя Св. Марка. Это быстро напомнило ему о том, что мертвый язык был общепринятым языком в Римской империи во время смерти св. Марка.

Потом другая догадка пронзила Лэнгдона.

В начале тринадцатого столетия — времени Энрико Дандоло и Четвертого Крестового похода — в значительной степени языком власти считался латинский. Венецианского дожа, который принес великую славу Римской империи возвращением Константинополя, никогда не стали бы хоронить под именем Энрико Дандоло … вместо него использовалось латинское имя.

Энрико Дандоло(лат.).

И после этого, давно забытое воспоминание пронзило его как электрический удар. Когда он молился в часовне, к нему пришло откровение, и он знал, что это не было божественным вдохновением. Более вероятно, именно не что иное как визуальная подсказка зажгла его ум, и возникла внезапная связь. Из глубин памяти Лэнгдона внезапно всплыло латинское имя Дандоло … выгравированное на потертой мраморной плите, вмонтированной в декоративный кафельный пол.

Энрико Дандоло.

Лэнгдон едва мог дышать, вспоминая простой надгробный памятник дожа. Я был там. Точно, как обещало стихотворение, Энрико Дандоло был действительно похоронен в позолоченном музее — музеон святой мудрости — но это не базилика св. Марка.

Когда ему открылась истина, Лэнгдон медленно поднялся на ноги.

- Не могу поймать сигнал, - сказала Сиенна, и, спустившись вниз из светового колодца, подошла к нему.

- И не нужно, - выдавил Лэнгдон. - Ко злату в музеоне мест святых … - Он сделал глубокий вдох. - Я…совершил ошибку.

Сиенна побледнела. - Только не говори мне, что мы не в том музее.

- Сиенна, - прошептал Лэнгдон, чувствуя себя больным. - Мы находимся не в той стране.

Готовый перевод Inferno / Инферно (рабочее название): Глава 76

Около площади Св. Марка цыганка, продающая венецианские маски, решила отдохнуть, прислонившись к внешней стене базилики. Как всегда, она заняла свое любимое место — маленькую нишу между двумя металлическими решетками в тротуаре — идеальное место для установки ее тяжелого оборудования и любования заходящим солнцем.

Она была свидетелем многих событий на площади Св. Марка за эти годы, и все же странное явление, которое теперь привлекло ее внимание, происходило не на площади … оно случилось прямо под ней. Вздрогнув от громкого звука у ее ног, женщина всмотрелась вниз сквозь решетку в узкий колодец около десяти футов глубиной. Окно на дне было открыто, и складной стул показался на дне колодца, разворачиваясь напротив тротуара.

К удивлению цыганки следом за стулом появилась симпатичная женщина со светлым "конским хвостиком", которая очевидно поднималась изнутри и теперь карабкалась через окно в крошечное отверстие.

Блондинка встала на ноги и немедленно с удивлением посмотрела вверх, увидев, что цыганка уставилась на нее через решетку. Белокурая женщина подняла палец к губам и улыбнулась. Потом она развернула стул и поднялась на него, дотягиваясь до решетки.

Ты слишком маленькая, подумала цыганка. И что ты делаешь?

Белокурая женщина снова спустилась вниз со стула и стала переговариваться с кем-то в здании. Хотя ей едва хватало пространства, чтобы стоять в узком колодце около стула, она

теперь отступила в сторону, и второй человек — высокий, темноволосый мужчина в модном костюме — с усилием поднялся из подвала базилики в тесную шахту.

Он тоже посмотрел вверх через железную решетку, обратив свой взгляд на цыганку. Затем неуклюже переставляя ноги, он поменялся местами с белокурой женщиной и взобрался наверх на хрупкий стул. Он был повыше, и когда поднялся, то смог разблокировать предохранительный затвор под решеткой. Стоя на цыпочках, он положил руки на решетку и поднялся вверх. Решетка поднялась приблизительно на один дюйм, прежде чем он зафиксировал ее внизу.

- Можете ли вы подать нам руку? - обратилась блондинка к цыганке.

Дать ей руку? - удивилась цыганка, не намереваясь принимать никакого участия. - Что вы делаете?

Белокурая женщина вытащила мужской бумажник и извлекла купюру в сто евро, заманчиво размахивая ею. Сумма была больше, чем зарабатывал продавец на продаже масок за три дня. Не прочь поторговаться, она покачала головой и показала два пальца. Белокурая женщина вынула вторую купюру.

Не веря своему счастью, цыганка неохотно кивнула в ответ, пытаясь выглядеть безразличной, когда она присела вниз и схватилась за прутья решетки, глядя в глаза мужчины, и таким образом, они могли согласовывать свои усилия.

Поскольку человек снова поднимался, цыганка потянула решетку вверх, схватившись за нее руками, которые сильно окрепли, ведь ей годами приходилось таскать за собой оборудование. И решетка приподнялась наверх … наполовину. Когда она подумала, что у них получилось, внизу раздался грохот, и человек исчез, резко падая вниз в колодец, поскольку складной стул рухнул под ним.

Железная решетка мгновенно стала тяжелее в ее руках, и она подумала, что уронит ее, но обещание двухсот евро придало ей силы, и ей удалось приподнять решетку в сторону базилики, где она остановилась с громким лязгом.

Затаивши дыхание, цыганка всматривалась вниз в колодец на изгибы тел и сломанную мебель. Когда мужчина вернулся назад и отряхнулся, она наклонилась вниз и протянула руку в колодец за деньгами.

Женщина с “конским хвостом” с благодарностью кивнула и подняла над головой две банкноты. Цыганка потянулась вниз, но было слишком далеко.

Дай деньги мужчине.

Внезапно в шахте послышался шум — сердитые голоса, кричащие из базилики. Мужчина и женщина оба обернулись в страхе, отскакивая от окна.

Потом все обернулось хаосом.

Темноволосый человек взял инициативу на себя. Он присел вниз, подставил свои ладони и твердо приказал женщине поставить на них свою ногу. Она ступила, и он поднял ее вверх. Осмотрев сторону шахты и зажимая банкноты в зубах, чтобы высвободить руки, она выпрямилась, чтобы быстрее дотянуться до края. Человек перемещался все выше … выше … поднимая ее, пока она руками не зацепились за край.

С неимоверным усилием она поднялась и направилась к площади, как женщина поднимающаяся из бассейна. Она засунула деньги в руки цыганки, и немедленно обернувшись, встала на колени у края колодца, протягивая руку человеку внизу.

Было слишком поздно.

Сильные руки в длинных черных рукавах потянулись внутрь колодца, подобно трепещущим щупальцам голодного монстра, хватающего за ноги человека, и втянули его в окно.

- Беги, Сиенна! - закричал борющийся человек. - Скорей!

Цыганка с сожалением посмотрела ему в глаза … а затем все закончилось.

Человека грубо втащили вниз через окно и назад в базилику.

Белокурая женщина в шоке уставилась вниз, ее глаза наполнились слезами. - Прости меня, Роберт, - шептала она. И затем после паузы добавила - За все.

Мгновение спустя женщина устремилась прочь в толпу, она бежала вниз по узкой улице Merceria dell’Orologio и ее покачивающийся “конский хвостик”… исчез в сердце Венеции.

Готовый перевод Inferno / Инферно (рабочее название): Глава 77

Слабые звуки плеска воды мягко вернули Роберта Лэнгдона в сознание. Он почувствовал стерильный запах антисептиков, смешанный с соленым морским воздухом, и ощутил, как мир плавно покачивается под ним.

Где я?

Только недавно, казалось, он был вовлечен в смертельную схватку, и сильные руки тащили его из светового колодца назад в крипте. Теперь, как ни странно, он больше не чувствовал под собой холодный каменный пол собора Св. Марка … вместо этого, под ним был мягкий матрац.

Лэнгдон открыл глаза и огляделся вокруг — небольшая, опрятно выглядящая комната с единственным портальным окном. Покачивание продолжалось.

Я на корабле?

Последним воспоминанием Лэнгдона было то, как один из одетых в черное солдат прижал его к полу крипты и сердито прошипел ему - Не пытайтесь сбежать!

Лэнгдон дико закричал, взывая к помощи, а солдаты пытались заглушить его голос.

- Мы должны забрать его отсюда, - сказал один солдат другому.

Его напарник неохотно кивнул. - Обработай его.

Лэнгдон почувствовал, как сильные кончики пальцев умело исследовали артерии и вены на его шее. Затем определив местонахождение искомой точки на сонной артерии, пальцы начали оказывать твердое, сосредоточенное давление. В течение нескольких секунд взгляд Лэнгдона начал мутнеть, и он почувствовал, что ускользает, его мозгу не хватало кислорода.

Они убивают меня, подумал Лэнгдон. Прямо здесь около могилы Св. Марка.

Наступила чернота, но она казалась неполной … больше размытых серых оттенков, оттененных приглушенными формами и звуками.

Лэнгдон плохо сознавал, сколько прошло времени, но мир начинал снова обретать для него резкие очертания. Он понимал только, что находится в каком-то бортовом изоляторе. Стерильно чистая обстановка и запах изопропилового спирта вызывали странное ощущение дежа-вю - как будто Лэнгдон прошёл по замкнутому кругу, проснувшись, как и в предыдущую ночь, на странной больничной койке и с очень смутными воспоминаниями.

Мысли его сразу увело к Сиенне - что с ней сейчас. Ему всё ещё виделись обращенные на него сверху её карие глаза, полные сожаления и страха. Лэнгдон молил бога, чтобы она бежала и нашла безопасный путь из Венеции.

Мы не в той стране - Лэнгдон уже сказал ей об этом, к ужасу своему выяснив местоположение гробницы Энрико Дандоло. Таинственный “музеон мест святых” из поэмы был вовсе не в Венеции… а на краю света. В точности как и предупреждал текст Данте, сокрытый в поэме смысл был спрятан “за пеленою странного стиха”.

Лэнгдон намеревался объяснить все Сиенне, как только они выберутся из крипты, но у него не было ни единого шанса.

Она убежала, зная только, что я потерпел неудачу.

Лэнгдон почувствовал, как что-то напряглось в его животе.

Чума - все еще там … невероятно далеко.

За пределами изолятора, у входа послышались громкие шаги в тяжелой обуви, и повернувшись, он увидел мужчину, входящего в его помещение. Это был тот самый мускулистый солдат, что уложил его на пол усыпальницы. Глаза у него были холодные как лёд. Лэнгдону инстинктивно хотелось отпрянуть с его приближением, но бежать было некуда. Эти люди сделают со мной всё, что захотят.

- Где я?! - потребовал ответа Лэнгдон, пытаясь придать своему голосу как можно более вызывающий тон.

- На яхте, стоящей на якоре у берегов Венеции.

Лэнгдон разглядел зеленый медальон на униформе человека — земной шар, опоясанный буквами ECDC. Лэнгдон впервые видел эту эмблему или аббревиатуру.

- Нам нужна информация от вас, сказал солдат, - и у нас не слишком много времени.

- Почему я должен вам что-нибудь рассказывать? - спросил Лэнгдон. - Вы чуть не убили меня.

- И даже близко не собирались. Мы использовали технику удушения из дзюдо, называемую шиме-ваза. У нас не было намерений вредить вам.

- Сегодня утром вы стреляли в меня! - заявил Лэнгдон, ясно вспоминая лязг пули на крыле скоростного трайка Сиенны. - Ваша пуля чуть было не попала мне в позвоночник!

Глаза человека сузились. - Если бы я хотел прострелить твой позвоночник, то я бы сделал это. Я выстрелил единственный раз, пытаясь проколоть заднюю шину вашего мопеда, чтобы помешать вам сбежать. Я выполнял приказы установить контакт с вами и выяснить, какого черта вы действовали так беспорядочно.

Прежде, чем Лэнгдон смог полностью осознать его слова, еще два солдата проникли через дверь и направились к его кровати.

Между ними шла женщина.

Видение.

Призрачное и потустороннее.

Лэнгдон сразу узнал ее: это была женщина из его галлюцинаций. Она была красива, с длинными седыми волосами и голубым амулетом из лазурита. Так как раньше она появлялась среди ужасающего пейзажа из умирающих тел, Лэнгдону понадобилось мгновение, чтобы поверить, что она действительно стояла перед ним во плоти.

- Профессор Лэнгдон, - сказала женщина, с усталой улыбкой подходя к его постели. - Я рада, что с вами все в порядке. - Она села и измерила его пульс. - Я сообщила, что у вас амнезия. Вы помните меня?

Лэнгдон секунду изучал женщину. - Вы были…в моих видениях, хотя я не помню нашей встречи.

Она наклонилась к нему с чутким выражением лица. - Меня зовут Элизабет Сински. Я директор Всемирной организации здравоохранения, и наняла вас помочь мне найти…

- Чума, - вспомнил Лэнгдон. - Созданная Бертраном Зобристом.

Сински довольно кивнула. - Вы помните?

- Нет, я проснулся в больнице, имея при себе маленький проектор и видения, где вы говорите “ищите и обрящете”. Это то, что я пытался сделать, когда эти люди пытались убить меня. - Лэнгдон указал на солдат.

Мускулы одного из них напряглись, явно готовы среагировать, но Элизабет Сински успокоила его, махнув рукой.

- Профессор, - сказала она мягко, - я не сомневаюсь, что вы в замешательстве. Как человек, который втянул вас во все это, я в ужасе, от того, что вам пришлось пережить и рада, что сейчас вы в безопасности.

- В безопасности? - ответил Лэнгдон. - Я в плену на корабле! Так же, как и вы!

Седовласая женщина понимающе кивнула. - Боюсь, из-за вашей амнезии многие аспекты, о которых я расскажу, собьют вас с толку. Тем не менее, времени у нас мало, и слишком много людей нуждаются в вашей помощи.

Сински колебалась, словно не знала, как продолжить. - Прежде всего, - начала она, - вы должны понять, что агент Брюдер и его команда никогда не пытались вам навредить. Они следовали прямому приказу возобновить с вами связь любыми необходимыми способами.

- Возобновить? Я не..

- Пожалуйста, профессор, просто послушайте. Все прояснится. Я обещаю.

Лэнгдон устроился на больничной кровати, его мысли не успокаивались, а доктор Сински продолжала.

- Агент Брюдер и его люди - это группа наблюдения и захвата, которая работает под покровительством Европейского центра по предотвращению и контролю заболеваний (ЕЦКЗ).

Лэнгдон посмотрел на медальоны ЕЦКЗ на их униформе. Предотвращение и контроль заболеваний?

- Его группа, - продолжила она, - специализируется на выявлении и приостановлении угроз от инфекционных болезней. Собственно говоря, они - SWAT - подразделение для снижения высоких крупномасштабных рисков для здоровья населения. Вы были моей главной надеждой на обнаружение заразы, которую создал Зобрист, и когда вы исчезли, я дала задание группе наблюдения и захвата найти вас… Я вызвала их во Флоренцию, чтобы поддержать меня.

Лэнгдон был ошеломлен. - Эти солдаты работают на вас?

Она кивнула. - На условиях найма от ЕЦКЗ. Прошлой ночью, когда вы исчезли и прекратили звонить, мы подумали, что с вами что-то случилось. И только сегодня рано утром, когда наша команда техподдержки увидела, что вы проверяли ваш Гарвардский e-mail, мы поняли, что вы живы. Поэтому нашим единственным объяснением вашего странного поведения было то, что вы переметнулись на другую сторону… возможно, вам предложили больше денег, чтобы обнаружить заразу для кого-то другого.

Лэнгдон покачал головой. - Это нелепо!

- Да, такой ход событий казался маловероятным, но это было единственным логичным объяснением, а ставки столь высоки, что мы не могли рисковать. Конечно, мы и подумать на могли, что у вас амнезия. Когда наше техническое подразделение выяснило, что неожиданно был задействован ваш гарвардский адрес электронной почты, мы отследили IP-адрес компьютера во Флоренции и выехали. Но вы ушли от погони на мотоцикле вместе с женщиной, что усилило наши подозрения в том, что вы работаете уже на кого-то другого.

- Мы проехали мимо вас! - кашляя, произнес Лэнгдон. - Я видел вас на заднем сиденье фургона в окружении солдат. Я думал, вы пленница. Мне показалось, что вы в бреду, как будто они накачали вас наркотиками.

- Вы видели нас? - доктор Сински выглядела удивленной. - Отчасти, вы правы…они вкололи мне лекарство. - Она сделала паузу. - Но только потому, что я приказала им это сделать.

Теперь Лэнгдон был полностью сбит с толку. Она сказала им накачать себя наркотиками?

- Возможно вы не помните этого, - сказала Сински, - но как только наш самолет C-130 приземлился во Флоренции, давление изменилось, и со мной случился приступ позиционного пароксизмального головокружения - результат болезни Меньера, которой я страдала в

прошлом. Это временно и не серьезно, но у страдающих этим недугом настолько кружится голова и сильные приступы тошноты, что они едва могут держать голову прямо. В обычной ситуации я бы пошла в кровать и перетерпела сильную тошноту, но мы столкнулись с кризисом, вызванным Зобристом, поэтому я выписала себе ежечасные уколы метолкопрамида, чтобы не допустить рвоту. У этого лекарства есть серьезный побочный эффект: оно вызывает сильную сонливость, но это позволило мне хотя бы руководить операцией по телефону с заднего сиденья грузовика. Люди Брюдера хотели отвезти меня в госпиталь, но я приказала им не делать этого до тех пор, пока мы снова вас не привлечем. К счастью, головокружение окончательно прошло во время полета в Венецию.

Лэнгдон обессиленно упал на постель. Я весь день бегал от Всемирной организации здравоохранения - тех самых людей, которые наняли меня с самого начала.

- А теперь мы должны сосредоточиться, профессор, - заявила Сински настойчивым тоном. - Чума Зобриста…у вас есть какие-нибудь мысли, где она? - Она смотрела на него с выражением напряженного ожидания - У нас очень мало времени.

Далеко отсюда, хотел было сказать Лэнгдон, но что-то его остановило. Он взглянул на Брюдера, человека, утром стрелявшего в него и перед этим едва его не задушившего. Лэнгдону показалось, что почва столь стремительно уходит у него из-под ног, что он уже не знает, кому и верить.

Сински наклонилась к нему, ее лицо было более напряжено. - У нас сложилось впечатление, что эта зараза здесь, в Венеции. Верно? Скажите нам где, и я пошлю команду на берег.

Лэнгдон сомневался.

- Сэр! - нетерпеливо гаркнул Брюдер. - Очевидно, вы что-то знаете…скажите, где искать! Неужели вы не понимаете, что может произойти?

- Агент Брюдер! - сердито развернулась Сински к мужчине. - Достаточно, - сказала она, затем снова повернулась к Лэнгдону и спокойно заговорила. - Учитывая, через что вы прошли, вполне понятно, что вы сбиты с толку и не знаете, кому верить. Она замолчала, глядя ему в глаза. - Но времени в обрез и я прошу вас доверять мне.

- Лэнгдон может встать? - спросил новый голос.

Маленький, ухоженный человек с темным загаром появился в дверном проеме. Он изучил Лэнгдона с опытным спокойствием, но Лэнгдон увидел опасность в его глазах.

Сински жестом указала Лэнгдону встать. - Профессор, это человек, с которым я бы предпочла не сотрудничать, но ситуация настолько серьезна, что у нас нет выбора.

Неуверенно Лэнгдон перекинул ноги в кровати набок, встал вертикально и ему потребовалось мгновение, чтобы вернуть его баланс.

- Следуйте за мной, - сказал мужчина, направляясь к двери. - Вам нужно кое-что увидеть.

Лэнгдон стоял на своем. - Кто вы?

Мужчина замолчал на какое-то время и сцепил пальцы. - Имена не важны. Вы можете называть меня хозяином. Я руковожу организацией… которая, к сожалению, совершила ошибку, помогая Бертрану Зобристу в достижении его целей. Сейчас я пытаюсь исправить эту ошибку, пока не стало слишком поздно.

- Что вы хотите мне показать? - спросил Лэнгдон.

Мужчина устремил твердый взгляд на Лэнгдона. - Такое, что не оставит сомнений, что мы на одной стороне.

Готовый перевод Inferno / Инферно (рабочее название): Глава 78

Лэнгдон следовал за загорелым мужчиной по лабиринту замкнутых коридоров подпалубных помещений вместе с доктором Сински и солдатами ЕЦКЗ, тянувшимися друг за другом сзади. Группа приблизилась к лестнице, и Лэнгдон надеялся, что они поднимутся к дневному свету, но вместо этого они спустились вглубь корабля.

Теперь они оказались глубоко в недрах судна. Их проводник повёл их между опечатанными стеклянными камерами офисов открытого плана — некоторые были с прозрачными стенами, некоторые с матовыми. Внутри каждой звуконепроницаемой комнаты различные сотрудники занимались работой, печатая на компьютерах или говоря по телефонам. Те, кто поднял глаза и заметил группу, проходящую мимо, выглядели серьёзно обеспокоенными появлением чужаков в этой части корабля. Но загорелый мужчина кивком успокаивал их и шагал дальше.

Что это за место? - недоумевал Лэнгдон, когда они пробирались вдоль очередного ряда плотно упакованных рабочих мест.

Наконец, хозяин подвел своих гостей к большому конференц-залу, и все зашли. Когда расселись, мужчина нажал на кнопку, стеклянные стены издали шипящий призвук и стали непрозрачными, изолировав помещение. Лэнгдон был удивлён, он никогда такого не видел.

- Где мы? - наконец потребовал ответа Лэнгдон.

- Это - мое судно — Мендасиум.

- Мендасиум? - спросил Лэнгдон. - Это … латинское наименование Псевдологоса, греческого бога обмана?

Мужчина выглядел пораженным. - Немногие знают это.

Едва ли лестное название, подумал Лэнгдон. Мендасиум - мрачное божество, заправлявшее всеми псевдологами - духами, занимавшимися обманом, ложью или ложными обвинениями.

Мужчина достал маленькую красную флешку и вставил её в стойку электронного оборудования в дальней части помещения. Включилась огромная жидкокристаллическая панель, и верхний свет медленно погас.

В наступившей напряжённой тишине Лэнгдон услышал приглушённый плеск воды. Сначала он думал, что звук доносится снаружи корабля, но потом понял, что тот исходил из динамиков жидкокристаллического экрана. Постепенно появилось изображение — сочащаяся каплями воды стена пещеры, освещённая колеблющимся красноватым светом.

- Бертран Зобрист создал это видео, - сказал их хозяин. - И он попросил, чтобы я предал его огласке завтра.

В немом неверии Лэнгдон смотрел причудливое домашнее видео — похожее на пещеру помещение с подёрнутой рябью лагуной… в которую камера погрузилась… затем проплыла над затянутым илом, выложенным плиткой полом, в который была вделана табличка с надписью: В ЭТОМ МЕСТЕ, В ЭТО ВРЕМЯ, МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА.

На табличке была подпись: БЕРТРАН ЗОБРИСТ.

Дата - завтрашний день.

Господи! Лэнгдон в темноте обернулся на Сински, но та невидящим взглядом смотрела в пол - очевидно, она уже видела этот фильм и была явно не в состоянии смотреть снова.

Камера теперь сместилась влево, и Лэнгдон был потрясён зрелищем парящего, колыхающегося под водой пузыря из прозрачного пластика, наполненного студенистой, жёлто-коричневой жидкостью. Тонкая сфера оказалась привязанной к полу, так что она не могла всплыть на поверхность.

Что это, чёрт возьми? Лэнгдон посмотрел на раздутый пластиковый пакет. Вязкое содержимое, казалось, медленно перемешивалось… почти циркулировало.

Когда до Лэнгдона это дошло, у него приостановилось дыхание. Чума Зобриста.

- Остановите воспроизведение, - сказала Сински в темноте.

Изображение застыло - привязанный пластиковый мешок, парящий под водой - герметичное облако жидкости, подвешенное в пространстве.

- Думаю, вы понимаете, что это, - сказала Сински. - Вопрос в том, долго ли оно останется в упакованном виде. - Она подошла к ЖК-экрану и указала на едва заметную маркировку прозрачного пакета. - К несчастью, это указывает на материал, из которого сделан пакет. Можете это прочитать?

С участившимся пульсом Лэнгдон взглянул на текст, который оказался торговым знаком производителя: Солюблон®.

- Крупнейший в мире производитель водорастворимых полимеров, - сказала Сински.

Лэнгдон ощутил заворот кишок. - Хотите сказать, что этот пакет… растворим?!

Сински мрачно кивнула. - Мы связались с производителем, от которого узнали, что, к несчастью, они изготавливают массу разновидностей такого пластика, растворяющегося в чем угодно от десяти минут до десяти недель, в зависимости от цели применения. Скорость растворения незначительно зависит от типа воды и температуры, но мы понятия не имеем, уделил ли Зобрист должное внимание этим факторам. - Она сделала паузу. - Мы полагаем, что этот пакет растворится…

- К завтрашнему дню, - перебил её хозяин. - Завтрашнюю дату Зобрист обвёл в моём календаре. И эта же дата на пластине.

Лэнгдон молча сидел в темноте.

- Покажите ему остальное, - сказала Сински.

Видео на ЖК-экране возобновилось, на этот раз камера перемещалась вдоль светящейся воды в темноте пещеры. Лэнгдон не сомневался, что это то самое место из поэмы. Лагуна, не отражающая звезд.

Сцена вызвала в воображении образы видения дантовского ада…река Коцит, протекающая по пещерам преисподней.

Где бы ни находилась эта лагуна, ее воды были окружены крутыми, покрытыми мхом стенами, которые, как ощущал Лэнгдон, были сделаны рукой человека. Также он почувствовал, что камера показывала только маленький уголок массивного внутреннего пространства, и эта мысль подкреплялась присутствием очень слабых вертикальных теней на стене. Тени были широкими, похожими на столбы, и интервалы между ними были равными.

Колонны, понял Лэнгдон.

Потолок этой пещеры поддерживался колоннами.

Лагуна не в пещере, она в огромной помещении.

Иди во глубь, в затопленный дворец…

Не успел он сказать и слова, его внимание переключилось на появление другой тени на стене…человекоподобной фигуры с длинным, клювообразным носом.

О, Боже …

Теперь тень заговорила, её слова звучали сквозь воду приглушённым шёпотом, в зловещем стихотворном ритме.

- Я твой спаситель. Твоя тень.

Следующие несколько минут Лэнгдон смотрел самый страшный фильм, который он когда-либо видел. Очевидно, бред сумасшедшего гения, монолог Бертрана Зобриста - произнесенный в обличьи доктора, лечащего чуму - был переполнен ссылками на “Ад” Данте и нес весьма ясное сообщение: рост человеческой популяции был неконтролируем, и само существование человечества висело на волоске.

Голос на экране произнес с интонацией:

- Ничего не делать - значит, приветствовать дантов ад… тесноту и голод, утопающие в грехе. И я решительно начал действовать. Кто-то отшатнется в ужасе, но спасение всегда достается дорого. Придет день, и мир оценит красоту моей жертвы.

Лэнгдон отшатнулся, когда внезапно появился Зобрист собственной персоной, одетый как врачеватель чумы, и сорвал маску. Лэнгдон уставился на вытянутое лицо и дикие зеленые глаза, осознавая, что он наконец видит лицо человека, который был в центре кризиса. Зобрист начал объясняться в любви к кому-то, кого он называл своим вдохновением.

- Я оставил будущее в твоих нежных руках. Моя работа завершена. И теперь для меня настал час подняться в мир над нами… и снова посмотреть на звезды.

Когда видео закончилось, Лэнгдон узнал в заключительных словах Зобриста приблизительное воспроизведение заключительных слов “Ада” Данте.

В темноте конференц-зала Лэнгдон понял, что все моменты страха, который он испытал сегодня, только что кристаллизовались в единственную, ужасающую действительность.

У Бертрана Зобриста теперь было лицо … и голос.

В конференц-зале зажегся свет, и Лэнгдон увидел, что все взгляды с надеждой устремились к нему.

Выражение лица Элизабет Сински выглядело застывшим, когда она встала и нервно погладила свой амулет.

- Профессор, очевидно, у нас мало времени. Хорошие новости только в том, что у нас нет случаев обнаружения патогенных микроорганизмов, или сообщений о заболеваниях, так что мы можем предполагать, что солюблоновый пакет все еще нетронут. Но мы не знаем, где искать. Наша задача нейтрализовать эту угрозу, изолировав этот пакет, прежде чем он прорвется. Сделать это мы можем, конечно же, только найдя его местонахождение немедленно.

Агент Брюдер теперь встал и пристально посмотрел на Лэнгдона. - Мы предполагаем, что вы приехали в Венецию, потому что узнали, что здесь Зобрист спрятал свою чуму.

Лэнгдон пристально посмотрел на собравшихся перед ним людей, на их лицах был страх, каждый надеялся на чудо, и он хотел бы иметь для них новости получше.

- Мы в другой стране, - объявил Лэнгдон. - То, что вы ищете находится где-то за тысячу миль отсюда.

Внутри у Лэнгдона звучало низкое гудение двигателей “Мендасиума”, когда корабль делал широкий разворот, поворачивая назад к венецианскому аэропорту. На борту начался настоящий ад. Хозяин быстро писал, выкрикивая приказы своей команде. Элизабет Сински взяла свой телефон и позвонила пилотам транпортного С-130 Всемирной Организации Здравоохранения, требуя как можно быстрее подготовиться к вылету из аэропорта Венеции. Агент Брюдер подбежал к ноутбуку посмотреть, не может ли он скоординировать что-то вроде международной передовой команды у их пункта назначения.

На расстоянии в целый мир.

Хозяин вернулся в конференц-зал и немедленно обратился к Брюдеру:

- Что слышно от властей Венеции?

Брюдер покачал головой. - Следов нет. Они ищут, но Сиенна Брукс испарилась.

Лэнгдон опешил. Они ищут Сиенну?

Сински закончила телефонный звонок и тоже присоединилась к беседе. - Безуспешно, вы не нашли ее?

Хозяин покачал головой.

- Если вы согласны, я думаю, ВОЗ должна дать санкцию на применение силы в случае необходимости, чтобы привести ее к нам.

Лэнгдон вскочил на ноги. - Почему?! Сиенна Брукс здесь совсем ни при чем!

Тёмные глаза хозяина уставились на Лэнгдона. - Профессор, придётся мне кое-что рассказать вам о мисс Брукс.

Готовый перевод Inferno / Инферно (рабочее название): Глава 79

Проталкиваясь сквозь толпы туристов на мосту Риальто, Сиенна Брукс снова побежала, двигаясь на запад вдоль канала по набережной Фондамента Вин Кастелло.

Роберт у них.

Перед ее глазами все еще стояли полные отчаяния глаза Лэнгдона, когда солдаты тащили его обратно в крипту через световой колодец. Она не очень сомневалась, что захватившие быстро убедят его, так или иначе, раскрыть все, о чем он догадался.

Мы не в той стране.

Но куда печальнее было осознание ею того, что захватившие Лэнгдона, не откладывая, раскроют ему истинную суть положения.

Прости, Роберт.

За все.

Пожалуйста, знай, что у меня не было выбора.

Странно, но Сиенна уже скучала по нему. Здесь, среди скопления народа в Венеции, она почувствовала, как в ней проснулось знакомое чувство одиночества.

В этом чувстве не было ничего нового.

С самого детства Сиенна Брукс чувствовала себя одинокой.

Обладая с детства исключительным умом, Сиенна все свои молодые годы ощущала себя незнакомкой в чужой стране, пришелицей, угодившей в мир одиночества. Она пыталась заводить друзей, но её сверстники погрязли в легкомысленных увлечениях, которые были ей неинтересны. Она пыталась относиться с уважением к старшим, но большинство взрослых казались ей подросшими детьми, лишенными элементарного понимания окружающего их мира и, что печальнее всего, у них не было к нему интереса или озабоченности.

Было ощущение, что у меня нет ничего общего с людьми.

Так Сиенна Брукс выучилась быть призраком. Невидимкой. Она научилась вести себя как хамелеон, играя роль обычного человека из толпы. Её детская страсть к театральной сцене, она в том не сомневалась, взялась от стремления, ставшего позже мечтой её жизни - стать другой.

Нормальным человеком.

Её выступление в шекспировской пьесе “Сон в летнюю ночь” позволило ей к чему-то приобщиться, и взрослые актёры помогали ей без проявления снисхождения. Однако, радость её была недолгой и испарилась в тот момент, когда она после премьеры покинула сцену и столкнулась лицом к лицу с уймой людей из популярной прессы, в то время как её коллеги по сцене тихо ушли незамеченными с чёрного хода.

Теперь и они меня ненавидят.

К семи годам Сиенна была достаточно начитанной, чтобы поставить себе диагноз: глубокая депрессия. Когда она сказала об этом родителям, пожалуй, они были ошарашены не больше обычного странностями своей дочери. Тем не менее, они отправили её к психиатру. Врач задал ей множество вопросов, которые Сиенна уже сама себе задавала, а потом выписал ей сочетание амитриптилина и хлордиазэпоксида.

Сиенна в ярости вскочила с кушетки. - Амитриптилин?! - возмутилась она. - Я хочу стать счастливее, а не в зомби превратиться.

Психиатр, к величайшей его чести, оставался спокойным в лице после её выходки и предложил ей другое. - Сиенна, если ты предпочитаешь обходиться без приёма препаратов, можем попробовать более основательный подход. - Он сделал паузу. - Похоже, ты зацикливаешься на мыслях о себе и о том, что ты чужая в этом мире.

- Это так, - ответила Сиенна. - Я пытаюсь больше не думать об этом, но не могу!

Он спокойно улыбнулся. - Разумеется, не можешь. Для человеческого ума физически невозможно ни о чём не думать. Душа жаждет эмоций, и будет искать топлива для их подпитки - хорошего или плохого. Твоя проблема в том, что ты питаешь её не тем топливом.

Сиенне не приходилось слышать, чтобы кто-либо рассуждал о сознании в технических терминах, и это её сразу заинтриговало. - И как мне дать ей другое топливо?

- Тебе нужно сосредоточить ум на другом, - сказал он. - Сейчас ты, главным образом, думаешь о себе. И ломаешь голову, почему ты не можешь приспособиться… и что с тобой не так.

- Всё это так, - сказала Сиенна, - но я пытаюсь решить проблему. Я хочу ладить с другими. Мне не решить эту проблему, если я не буду о ней думать.

Он хихикнул. - Я полагаю, что размышление об этой проблеме… и есть твоя проблема. - Доктор предложил ей попытаться увести внимание от себя и своих собственных проблем, вместо этого обратив его на окружающий мир и его проблемы.

Именно тогда все изменилось.

Она стала направлять всю свою энергию не на жалость к себе, а на сочувствие другим. Стала заниматься благотворительностью, раздавая суп в приютах для бездомных и читая книги слепым. Невероятно, но видимо, никто из людей, которым Сиенна помогала, даже не замечал, что она не такая, как все. Они были просто благодарны, что о них кто-то заботится.

С каждым днём Сиенна работала всё больше, едва успевая поспать - от осознания того, сколько людей нуждается в её помощи.

- Сиенна, сбавь обороты! - убеждали ее. - Этим ты не спасешь мир!

Ужасно, когда так говорят.

Благодаря своему участию в общественной жизни, Сиенна познакомилась с некоторыми членами местной организации гуманитарной помощи. Когда они предложили ей совместную месячную поездку на Филиппины, она ухватилась за эту возможность.

В представлении Сиенны, им предстояло кормить бедных рыбаков или фермеров в сельской местности, она читала, что там чудеса природной красоты, с волнующим подводным миром и восхитительными равнинами. Так что, когда их группа осела в городе Маниле - самом густонаселённом уголке мира - Сиенне оставалось только изумляться от ужаса. Она никогда ещё не видела нищеты в таких масштабах.

Как может один человек всё изменить?

На каждого человека, которого Сиенна накормила, приходилось сотни других, кто смотрел на неё опустошёнными глазами. Манила задыхалась от шестичасовых пробок, от загрязнения окружающей среды, в ней процветала проституция, которой занимались, в основном, малолетние подростки, многие из которых были проданы сутенёрам родителями, которые находили утешение в том, что, по крайней мере, их детей будут кормить.

Среди этого хаоса детской проституции, попрошаек, карманников и прочих ужасов, Сиенна вдруг почувствовала себя парализованной. Все люди вокруг неё существовали лишь за счёт первобытного инстинкта выживания. Оказываясь в безнадёжном положении … человеческие существа превращаются в животных.

Депрессия нахлынула на Сиенну с новой силой. Она вдруг поняла, что человечество — это вид на грани вымирания.

Я ошибалась, подумала она. Мне не спасти мир.

Охваченная приступом безумия, Сиенна бросилась бежать по улицам города, прокладывая себе путь сквозь массы людей, отталкивая и подгоняя их в поисках открытого пространства.

Меня душит человеческая плоть!

На бегу она вновь чувствовала на себе взгляды. Она отличалась от остальных. Она была высокой и светлокожей, белокурые собранные в хвост волосы развевались за спиной. Мужчины пялились на неё так, как если бы она была голой.

Когда её ноги подкосились, она понятия не имела, как далеко она убежала и где оказалась. Протерев глаза от слёз и грязи, она увидела, что стоит посреди трущоб из кое-как скрепленных кусков гофрированного металла и картона. Вокруг разносились вопли и плач младенцев, вонь человеческих экскрементов заполняла воздух.

Я пробежала сквозь врата ада.

- Туристочка (ит.), - произнёс позади неё низкий голос. – Почём (филлипинский)?

Почём?

Сиенна обернулась и увидела, как к ней приближаются трое молодых людей с видом волков, у которых слюнки текут. Она тут же ощутила себя в опасности и попыталась отступить, но они облепили её как хищники при охоте целой стаей.

Сиенна стала звать на помощь, но на её крики никто не обращал внимания. Всего в пяти метрах от неё сидела женщина на старой покрышке, счищая гниль с луковицы ржавым ножом. Женщина даже глаз не подняла, когда Сиенна закричала.

Когда мужчины схватили её и потащили в хижину, у Сиенны не было иллюзий относительно того, что произойдёт, и ее ужас был всепоглощающим. Она отбивалась всем, чем могла, но они были сильнее и быстро уложили её на старый испачканный матрас.

Разорвали на ней блузку и вцепились в её нежную кожу. Когда она завизжала, они так глубоко заткнули ей рот, что казалось, она задохнётся. Потом они перевернули её на живот, уткнув лицом в грязную постель.

Сиенна Брукс раньше всегда с жалостью относилась к несмышлёнышам, способным верить в Бога, находясь в мире, полном страданий, и всё же, теперь она сама молилась… молилась от всего сердца.

Пожалуйста, Господь, убереги меня от зла.

Даже во время молитвы она слышала, как смеются мужчины, насмехаясь над ней, когда их грязные руки стаскивали джинсы с ее дрыгающихся ног. Один из них забрался на ее спину, потный и тяжелый, и его пот капал на ее кожу.

Я невинна, подумала Сиенна. Вот как это случится со мной.

Внезапно мужчина соскочил с ее спины, и его глумливые смешки превратились в крики гнева и страха. Теплый пот, сказывающийся на спину Сиенны сверху, внезапно хлынул потоком… проливаясь на матрас брызгами красного.

Когда Сиенна перевернулась, чтобы понять произошедшее, она увидела старую женщину с наполовину очищенной луковицей и ржавым ножом. Она стояля над нападавшим, из спины которого обильно текла кровь.

Старуха обвела остальных угрожающим взглядом, размахивая окровавленным ножом в воздухе, пока трое мужчин не убрались прочь.

Не говоря ни слова, женщина помогла Сиенне собрать одежду и одеться.

- Salamat(филип.), - испуганно прошептала Сиенна. - Спасибо.

Старуха постучала себя по уху, показывая, что она глухая.

Сиенна сложила ладони вместе, закрыла глаза и наклонила голову в знак уважения. Когда она открыла глаза, женщины уже не было.

Сиенна сразу покинула Филиппины, даже не попрощавшись с остальными членами группы. Она никогда не говорила о том, что с ней случилось. Она надеялась, что если не вспоминать произошедшее, то оно сотрется из памяти, но это лишь усугубило ситуацию. И через месяц ее по-прежнему преследовал ночной кошмар, и она нигде не чувствовала себя в безопасности. Она начала заниматься боевыми искусствами и несмотря на то, что быстро овладела смертельными навыками Дим Мак, по-прежнему чувствовала себя в опасности везде, где бы ни находилась.

Ее депрессия вернулась, нахлынула с десятикратной силой и в конце концов она совершенно перестала спать. Каждый раз расчесывая волосы, она замечала как выпадали большие пряди, все больше с каждым днем. К ее ужасу в течение недели она полностью облысела, самостоятельно диагностировав у себя временную потерю волос - облысение, связанное со стрессом и неизлечимое до тех пор, пока не пройдет стресс. Хотя, всякий раз, когда она смотрелась в зеркало и видела свою лысую голову, ее сердце учащенно билось.

Я выгляжу как старуха!

Наконец, ей пришлось постричься налысо. По крайней мере, она больше не выглядела старой. Она просто казалась больной. Не желая выглядеть, как больные раком, она купила светлый парик с конским хвостиком и носила его. По крайней мере, она снова была похожа на себя.

Однако, Сиенна Брукс изменилась внутри.

Я - испорченный товар.

В отчаянных попытках начать новую жизнь она приехала в Америку и стала посещать медицинскую школу. У нее всегда была тяга к медицине, и она надеялась, что будучи врачом, сможет приносить пользу … по крайней мере что-то делать для облегчения страданий этого беспокойного мира.

Несмотря на долгие часы обучения, школа оказалась для нее легкой и пока ее одноклассники учились, Сиенна нашла работу на неполный день, чтобы заработать дополнительные деньги. Работа, определенно, мало походила на пьесу Шекспира, но ее способности к языку и хорошая память дали ей возможность почувствовать себя на работе, как в убежище, где Сиенна забывала, кто она … и была кем-то другим.

Кем угодно.

Сиенна старалась убежать от себя, с тех пор, как начала говорить. Как ребенок, она избегала собственное имя Феличити, отдавая предпочтение "среднему имени" Сиенна. Феличити означает "удачливая", но она знала, что это не так.

Увести внимание от собственных проблем, напоминала она себе. Сосредоточиться на мировых.

Приступ паники на переполненных улица Манилы вызвал у Сиенны глубокое беспокойство за перенаселение Земли. Именно тогда она открыла для себя труды Бертрана Зобриста, генного инженера, который предложил прогрессивную теорию, касающуюся человеческой популяции.

Он гений, решила она, читая его работу. Сиенна как никогда прежде чувствовала себя другим человеком, и чем больше она читала Зобриста, тем больше чувствовала, что находит родную душу. Его статья "Ты не можешь спасти мир" напомнила Сиенне, что все говорят с ней, как с ребенком… и все же Зобрист верил в обратное.

Ты МОЖЕШЬ спасти мир, написал Зобрист. Если не ты, то кто же? Если не теперь, то когда?

Сиенна прилежно изучала математические уравнения Зобриста, усваивая его предсказания о мальтузианской катастрофе и надвигающейся гибели видов. Её интеллект привлекали эти заумные представления, но она ощущала приближение к своему порогу стресса по мере того, как перед ней открывалась картина будущего, математически обоснованная, столь очевидная и неизбежная.

Почему никто другой не понимает, что к этому идёт?

Испугавшись собственных мыслей, Сиенна попала под влияние Зобриста, просматривая его видеопрезентации, читая все когда-либо написанное им. Когда Сиенна услышала о его выступлении в Соединенных Штатах, она знала, что пойдет на него посмотреть. И это была ночь, изменившая весь ее мир.

Лицо Сиенны озарила улыбка, редкие мгновения счастья, как будто она снова видит этот волшебный вечер…. тот вечер, который она живо вспоминала всего несколько часов назад, сидя в поезде с Лэнгдоном и Феррисом.

Чикаго. Снежная буря.

Январь, шесть лет назад… но ощущение, будто вчера. Я пробираюсь между сугробами вдоль заснеженного Магнифисент-Майл, воротник поднят для защиты от ослепительной снежной белизны. Несмотря на холод, я говорю себе, что ничто не отвратит меня от цели путешествия. В этот вечер у меня есть шанс услышать речь великого Бертрана Зобриста… собственными ушами.

Зал почти пуст, когда Бертран поднимается на сцену, и он высокий… до чего же высокий… с энергичными зелёными глазами, за которыми, похоже, кроются все загадки мира.

- К черту эту пустую аудиторию, - заявляет он. - Идем в бар!

И вот мы уже там, нас немного в тихой кабинке, и он говорит о генетике, о населении, и о своей новейшей страсти … Трансгуманизме.

Выпивка течет рекой, у меня такое ощущение, будто я на частной встрече с рок-звездой. Всякий раз, как Зобрист смотрит на меня, его зеленые глаза зажигают во мне совершенно неожиданное чувство… глубинного полового влечения.

Это - совершенно новое ощущение для меня.

А потом мы остаемся одни.

- Спасибо вам за сегодняшний вечер, - говорю ему я, немного выпивши. - Вы потрясающий учитель.

- Это лесть? - Зобрист улыбнулся и наклонился ниже, наши ноги соприкоснулись. - Я к вашим услугам.

Это заигрывание было явно неуместным, но вечером в отеле заснеженного Чикаго было такое ощущение, будто весь мир застыл.

- Так как насчёт этого? - говорит Зобрист. - По чуть-чуть у меня в номере?

Я в нерешительности, понимая, что выгляжу как загнанная прожекторами дичь.

Глаза Зобриста приветливо сверкнули. - Позвольте, угадаю. - прошептал он. - Вы никогда не встречались со знаменитым мужчиной.

Чувствую, что краснею, с трудом пытаясь скрыть прилив эмоций - смущение, возбуждение, страх. - Вообще-то, если честно, - говорю я ему, - у меня никогда не было контакта с мужчиной.

Зобрист улыбается, слегка приблизившись. - Не вполне понимаю, чего вы дожидались, но позвольте мне стать у вас первым.

В это мгновение все ложные страхи сексуального характера и разочарования детства исчезли, отлетев в заснеженную ночь.

Вот, я лежу обнаженная в его объятиях.

- Расслабься, Сиенна, - шепчет он, и его терпеливые руки будят поток ощущений, которые моё неопытное тело никогда в жизни не испытывало.

Греясь в коконе объятий Зобриста, я чувствую, как будто все наконец сложилось в этом мире, и я знаю, что в моей жизни есть цель.

Я нашла Любовь.

И я буду следовать за ней повсюду.

Готовый перевод Inferno / Инферно (рабочее название): Глава 80

На палубе Мендасиума Лэнгдон схватился за гладкие деревянные поручни, пытаясь унять дрожь в ногах и отдышаться. Морской воздух стал холоднее, и рев низколетящих коммерческих самолетов подсказал ему, что они приближались к венецианскому аэропорту..

Я должен кое-что сообщить вам о г-же Брукс.

У поручней рядом с ним в молчании и все во вниманиии стояли хозяин и доктор Сински, давая ему время опомниться. Сказанное внизу настолько сбило с толку и расстроило Лэнгдона, что Сински вывела его наверх глотнуть немного свежего воздуха.

Морской воздух был бодрящим, и все же Лэнгдон не чувствовал ясности в голове. Он был способен лишь рассеянно смотреть вниз на крутящийся след судна, пытаясь найти крупицу логики в том, что он только что услышал.

Если верить хозяину, Сиенна Брукс и Бертран Зобрист давно были любовниками. Они вместе участвовали в некотором авангардистском трансгуманнистическом движении. Ее полное имя было Фелисити Сиенна Брукс, но она также проходила под кодовым названием FS-2080 … имевшим некоторое отношение к ее инициалам, и году ее столетнего дня рождения.

Все это абсолютно бессмысленно!

- Мне рекомендовали Сиенну Брукс через разные источники, - сказал хозяин Лэнгдону, - и я доверял ей. Так, когда она приехала ко мне в прошлом году и попросила, чтобы я встретил богатого потенциального клиента, я согласился. Тем предполагаемым клиентом оказался Бертран Зобрист. Он нанял меня, чтобы предоставить ему зону безопасности, где он мог работать незамеченным над своим “шедевром.” Я предполагал, что он разрабатывает новую технологию и не хочет, чтобы ее украли … или возможно он выполнял некоторое ультрасовременное генетическое исследование, которое было в конфликте с этическими правилами ВОЗ … я не задавал вопросы, но поверьте мне, я вовсе не предполагал, что он создает … чуму.

Лэнгдон лишь кивнул в рассеяном недоумении.

- Зобрист был фанатичным поклонником Данте, - продолжал хозяин, - и потому в качестве города, где он хотел бы скрываться, выбрал Флоренцию. Так что моя организация устроила ему всё, что ему требовалось - отдельная лаборатория в доме с жилыми помещениями, разного рода помощники, каналы секретной связи и персональный куратор, который присматривал за всем - от его безопасности до закупок продовольствия и материалов. Зобрист никогда не пользовался кредитками на своё имя и не появлялся на публике, поэтому его невозможно было обнаружить. Мы даже снабдили его средствами для изменения внешности, помощниками и документами для передвижения инкогнито. - Он сделал паузу. - Чем он, очевидно, и воспользовался, когда заказал этот солюблоновый пакет.

Сински выдохнула, не пытаясь скрыть свое расстройство. - ВОЗ следила за ним с прошлого года, но он как будто исчез с лица земли.

- И даже скрывался от Сиенны, - сказал хозяин.

- Простите? - Лэнгдон поднял голову, пытаясь избавиться от комка в горле. - Я думал, вы сказали, что они были любовниками?

- Да, были, но он внезапно бросил ее и скрылся. И хотя к нам его прислала Сиенна, мое соглашение было заключено с самим Зобристом. И частичным условием нашего соглашения был пункт, что он исчезнет для всего мира, включая Сиенну. Очевидно, после своего исчезновения он послал ей прощальное письмо, объявляющее о своей серьезной болезни, о том, что умрет через год или около того и не хочет, чтобы она видела, как он угасает.

Зобрист бросил Сиенну?

- Сиенна попыталась связаться со мной для передачи информации, - сказал хозяин, - но я отказался принимать ее звонки. Я обязан уважать пожелания моего клиента.

- Две недели назад, - продолжала Сински, - Зобрист пришел в банк во Флоренции и анонимно арендовал сейф для хранения ценностей. После того, как он уехал, согласно нашему списку наблюдения мы получили сведения, что новое программное обеспечение распознавания лиц банка идентифицировало замаскированного человека как Бертрана Зобриста. Моя команда полетела во Флоренцию, и потребовалась неделя для определения местонахождения его явочной квартиры, которая была пуста, но внутри мы нашли доказательства, что он создал некий очень заразный болезнетворный микроорганизм и перепрятал его где-то в другом месте.

Сински выдержала паузу. - Мы отчаялись найти его. На следующее утро перед восходом солнца, мы увидели, как он идет вдоль Арно, и сразу же бросились в погоню. Затем он взобрался на башню Бадия и покончил с собой.

- Возможно он в любом случае планировал сделать это, - добавил хозяин, - Он был убежден, что долго не проживет.

- Как выяснилось, - сказала Сински, - Сиенна тоже его разыскивала. Она каким-то образом узнала, что мы вылетели во Флоренцию, и она следила за нашими передвижениями, полагая, что мы знаем, где он. К несчастью, она оказалась в момент прыжка Зобриста в том самом месте. - Сински вздохнула. - Я полагаю, для неё было тяжёлым потрясением увидеть, как её любовник и наставник разбился насмерть.

Лэнгдону стало плохо, он едва ли был в состоянии понять, что они говорили ему. Единственный человек, которому он доверял за все время этих событий, была Сиенна. А теперь эти люди говорят ему, что она не та, за кого себя выдает? Независимо от того, что они сказали, он не мог поверить, что Сиенна одобряла желание Зобриста создать чуму.

Или это не так?

- Ты смог бы убить половину населения сегодня, - спрашивала его Сиенна, - чтобы спасти наш вид от вымирания?

Лэнгдон почувствовал холод.

- Сразу после гибели Зобриста, - пояснила Сински, - я при помощи своих связей добилась, чтобы банк вскрыл депозитную ячейку Зобриста, в которой, по иронии судьбы, оказалось послание ко мне… вместе со странным небольшим устройством.

- Проектор, - решил Ленгдон.

- Именно так. Он хочет, говорилось в его письме, чтобы я первой посетила эпицентр, который никто никогда не найдет, не следуя его карте Ада.

Лэнгдон вспомнил измененную картину Боттичелли, которая появлялась из крошечного проектора.

- Зобрист заказал мне доставку содержимого той банковской ячейки доктору Сински, но не раньше завтрашнего утра, - добавил хозяин. - Мы запаниковали, когда оно оказалось в распоряжении доктора Сински досрочно, и приняли меры к тому, чтобы вернуть его на место - в сответствии с пожеланиями нашего клиента.

Сински посмотрела на Лэнгдона. - У меня не было особых надежд вовремя разобраться с картой, поэтому я наняла вас в помощники. Сейчас вы о чём-нибудь вспоминаете?

Лэнгдон отрицательно покачал головой.

- Мы спокойно отправили вас самолётом во Флоренцию, где у вас была договорённость с кем-то, кто, по-вашему, мог помочь.

Игнацио Бузони.

- Вы встречались с ним вчера вечером, - сказала Сински - а затем пропали. Мы думали, что с вами что-то случилось.

- И в самом деле, - сказал хозяин, - с вами что-то случилось. В попытке вернуть проектор, наш агент по имени Вайента шла по вашим следам из аэропорта. Она потеряла вас где-то около площади Синьории. - Он нахмурился. - Потерять вас было фатальной ошибкой. И Вайенте хватило наглости обвинить в этом птицу.

- Что, простите?

- Воркующего голубя. В понимании Вайенты, она расположилась наилучшим образом, наблюдая за вами из затенённой ниши, но тут мимо проходила группа туристов. Она сказала, что из оконного проёма над её головой вдруг громко закричал голубь, заставив туристов остановиться, и они перекрыли ей выход. К тому времени, когда ей удалось выйти в переулок, вас уже не было. - Он недовольно покачал головой. - Во всяком случае, она упустила вас на несколько часов. В результате, она снова вышла на след, но к этому времени к вам присоединился другой человек.

Игнацио, подумал Лэнгдон. Должно быть, мы с ним выходили из Палаццо Веккьо с маской.

- Ей с успехом удалось выследить вас обоих на пути к площади Синьории, но вы оба, очевидно, заметили ее и решили ускользнуть, скрывшись в разных направлениях.

Тогда понятно, подумал Лэнгдон. Игнацио скрылся с маской и спрятал её в баптистерии - до того, как с ним случился сердечный приступ.

- Тут Вайента совершила ужасную ошибку, - сказал хозяин.

- Выстрелила мне в голову?

- Нет, преждевременно раскрыла себя. Она втянула вас в переговоры, хотя на самом деле вы ещё ничего не знали. Нам нужно было выяснить, удалось ли вам расшифровать карту или рассказать Сински то, что ей нужно было знать. Вы отказывались говорить. Сказали, что скорее умрёте.

Я искал смертельную чуму. Вероятно, я подумал, что вы - наемники, пытающиеся достать биологическое оружие!

Массивные двигатели корабля внезапно переключились на реверс, замедляя ход судна по мере того как оно приближалось к погрузочной платформе аэропорта. Вдалеке Лэнгдон видел ничем не примечательный корпус транспортного самолета С-130, который заправлялся. На фюзеляже красовалась надпись "ВСЕМИРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ".

В этот момент прибыл Брюдер с мрачным выражением на лице. - Я только что узнал, что мы единственная компетентная оперативная группа в течение пяти часов вне зоны - это означает, что мы действуем самостоятельно.

Сински резко села.

- Координация с местными властями?

Брюдер насторожился. - Пока нет. По моему настоянию. Сейчас мы не знаем точного местонахождения, так что они ничего не могут сделать. И потом, операция по герметизации далеко за пределами их компетентности, и мы рисковали бы тем, что от них будет больше вреда, чем пользы.

- Не навреди (лат.), - кивнув, прошептала Сински, повторяя фундаментальной принцип врачебной этики: прежде всего, не навредить.

- И последнее, - сказал Брюдер, - у нас до сих пор нет вестей о Сиенне Брукс. - Он посмотрел на хозяина. - Вы не знаете, у Сиенны есть знакомые в Венеции, которые могли бы ей помочь?

- Я бы не удивился, - ответил он. - У Зобриста повсюду были приверженцы, и насколько я знаю Сиенну, она воспользуется всеми доступными ресурсами для осуществления данных ей указаний.

- Нельзя допустить, чтобы она выехала из Венеции, сказал Лэнгдон. - Мы не представляем, в каком состоянии сейчас солюблоновый пакет. Если он кому-нибудь попадётся, достаточно будет легкого прикосновения, чтобы повредить материал и высвободить содержимое в воду.

Ненадолго наступила тишина, когда стала понятна вся серьезность положения.

- Боюсь, что это не единственная плохая новость, - сказал Лэнгдон. - Золотой музейон святой мудрости. - Он помолчал.

- Сиенна знает, где это. Она знает, куда мы направляемся.

- Как?! - Сински встревоженно повысила голос. - По-моему, вы говорили, что не успели рассказать Сиенне то, что выяснили! По вашим словам, она знает только, что вы не в той стране!

- Это так, но она знала, что мы ищем гробницу Энрико Дандоло. Быстрый поиск в сети укажет ей это место. И как только она найдёт гробницу Дандоло… недалеко будет и до растворимой упаковки. В поэме сказано о струящейся воде в затопленном дворце.

- Проклятье! - взорвался Брюдер и выбежал.

- Она никогда не обыграет нас, - сказал хозяин. - Преимущества на нашей стороне.

Сински тяжело вздохнула. - Я бы не стала на это уповать. У нас медленный вид транспорта, а у Сиенны Брукс, как выяснилось, много ресурсов.

Когда Мендасиум причалил, Лэнгдон поймал себя на том, что без удовольствия смотрит на неуклюжий С-130, стоящий на взлётной полосе.

То ли от движений причаливающей яхты, то ли от надвинувшихся воспоминаний о самолёте без окон - Лэнгдон не имел понятия об этом, но у него тут же случился приступ морской болезни.

Он повернулся к Сински. - Я не уверен, что чувствую себя достаточно хорошо для полета.

- Вы в порядке, - сказала она. - Вам сегодня сильно досталось и, конечно, в теле скопились токсины.

- Токсины? - Лэнгдон, покачиваясь, отступил. - О чем вы говорите?

Сински отвернулась, явно сказав больше, чем намеревалась.

- Профессор, мне очень жаль. Я только что узнала, что состояние вашего здоровья гораздо сложнее, чем простая рана головы.

Лэнгдон почувствовал пронзительный страх, будто увидел темное пятно на груди Ферриса, когда тот потерял сознание в базилике.

- Что со мной? - потребовал Ленгдон

Сински колебалась, будто не зная, как продолжить. - Давайте вы сначала сядете в самолет.

Глава 81

Расположенное к востоку от захватывающей церкви Фрари, ателье Пьетро Лонги всегда было одним из главных в Венеции поставщиков исторических костюмов, париков и различных

аксессуаров. Список его клиентов включал кинокомпании и театральные труппы, а также влиятельных представителей общественности, которые полагались на опыт персонала в одевании их для самых экстравагантных балов во время Карнавала.

Служащий как раз собирался вечером закрыть ателье, когда в дверь громко зазвонили. Он взглянул и увидел как стремительно вошла привлекательная женщина со светлым "конским хвостиком". Она запыхалась, как будто пробежала несколько миль, и поспешила к стойке. Ее карие глаза были испуганными и отчаянными.

- Я хочу поговорить с Джорджо Венчи, - сказала она, тяжело дыша.

Да и мы все рады бы, подумал служащий. Но этого чародея никому видеть не удаётся.

Джорджо Венчи - главный дизайнер ателье - работал за кулисами, общался с клиентами очень редко и по предварительной записи. Как богатый и влиятельный человек, Джорджо обладал определенными странностями, в том числе страстью к одиночеству. Он обедал в одиночестве, летал в одиночестве, и постоянно жаловался на рост числа туристов в Венеции. Он был не из тех, кто любил компании.

- Мне очень жаль, - сказал служащий с натренированной улыбкой. - Я боюсь, синьора Венчи здесь нет. Возможно, я смогу вам помочь?

- Джорджо здесь, - заявила она. - Его квартира наверху. Я видела у него горит свет. Я друг. Это срочно.

В этой женщине была какая-то обжигающая энергия. Друг? утверждает она. - Могу я назвать Джорджо ваше имя?

Женщина взяла клочок бумаги с прилавка и написала серию букв и цифр.

- Просто передайте ему это, - сказала она, протягивая служащему бумагу. - И, пожалуйста, поспешите. У меня не так много времени.

Служащий нерешительно понес записку наверх и положил ее на длинный многофункциональный стол, где Джорджо сосредоточенно нагнулся у швейной машины.

- Синьор, - прошептал он. - Кое-кто хочет вас видеть. Она говорит, что это чрезвычайная ситуация.

Не прерывая работу и взглянув наверх, человек потянулся одной рукой и взял бумагу, читая текст.

Его швейная машина испуганно остановилась.

- Пригласи ее немедленно, - скомандовал Джорджо и разорвал бумагу на мелкие клочки.

Глава 82

Массивный транспортный самолет С-130 все еще поднимался, направляясь на юго-восток, с шумом пересекая Адриатику. На борту Роберт Лэнгдон чувствовал себя одновременно стеснённым и брошенным на произвол судьбы — угнетаемый отсутствием окон в самолете и озадаченный всеми оставшимися без ответа вопросами, которые крутились в его голове.

Состояние вашего здоровья, сказала ему Сински, намного серьезнее нежели простая рана головы.

Пульс Лэнгдона ускорился от мысли, что она могла бы рассказать ему, и все же сейчас она была занята, обсуждая стратегии сдерживания с группой наблюдения и захвата. Поблизости Брюдер разговаривал по телефону о Сиенне Брукс с правительственными учреждениями, предпринимающими попытки определить ее местонахождение.

Сиенна…

Лэнгдон все еще пытался оценить утверждение, что она была каким-то образом вовлечена во все это. Самолет выровнялся после взлета, и маленький человек, который называл себя хозяином, прошел через каюту и уселся напротив Лэнгдона. Он подпер

пальцами подбородок и скривил свои губы. - Доктор Сински попросила, чтобы я посвятил вас в … предпринял попытку внести ясность в вашей ситуации.

Лэнгдон гадал, что скажет этот человек, чтобы внести в этот беспорядок хотя бы отдаленную ясность.

- Как я говорил ранее, - сказал хозяин, - все началось после того, как мой агент Вайента преждевременно втянула вас в дело. Мы понятия не имели, каких успехов вы достигли в интересах доктора Сински, или что вы рассказали ей. Но мы боялись, чтобы она не узнала о местоположении проекта. Наш клиент нанял нас для защиты, она же собиралась конфисковать или разрушить его план. Мы должны были найти это место прежде, чем она это сделала. Нам было нужно, чтобы вы работали в наших интересах … а не Сински. - Хозяин сделал паузу, постукивая кончиками пальцев. - К сожалению, мы уже раскрыли наши карты … а вы, вероятнее всего, не доверяете нам.

- Поэтому вы выстрелили мне в голову? - возмутился Лэнгдон.

- У нас возник план, как сделать так, чтобы вы поверили нам.

Лэнгдон чувствовал себя потерянным. - Как можно заставить кого-то доверять вам … после того, как вы похитили и допрашиете его?

Человек неловко переместился. - Профессор, знакомы ли вы с группой химикатов, известных как бензодиазепины?

Ленгдон покачал головой

- Они - из разряда фармацевтической продукции, которая используется, среди прочего, для лечения посттравматического стресса. Как вы знаете, когда с человеком проиходит ужасный случай, такой как автокатастрофа или сексуальное насилие, постоянные воспоминания могут вызывать расстройства. С помощью бензодиазепинов нейробиологи теперь в состоянии лечить посттравматический стресс прежде, чем это произойдет.

Лэнгдон слушал в молчании, не в состоянии представить, куда может завести эта беседа.

- Когда новые воспоминания сформированы, - продолжал хозяин, - эти события сохраняются в краткосрочной памяти в течение приблизительно сорока восьми часов, прежде чем перемещаются в долгосрочную память. Используя новые смеси бензодиазепинов, можно легко освежить краткосрочную память … по существу удалить ее содержимое, прежде чем те недавние воспоминания мигрируют, если можно так выразиться, в долгосрочные воспоминания. Если жертве нападения, например, назначить бензодиазепины в течение нескольких часов после нападения, можно навсегда вычеркнуть эти воспоминания, и травма вообще не затронет психику. Единственный недостаток состоит в том, что при этом происходит потеря всех воспоминаний за несколько дней жизни.

Ленгдон смотрел на маленького человека с недоверием. - Вы устроили мне амнезию!

Чувствуя свою вину, хозяин вздохнул. - Боюсь, что так. Химического характера. Очень безопасную. Но, исчезла ваша кратковременная память. - Он выдержал паузу. - Пока вы были не с нами, вы бормотали что-то о чуме. Мы полагали, что это возникло после просмотра изображений проектора. Мы не думали, что Зобрист на самом деле создал чуму. - Он выдержал паузу. - Вы также продолжали бормотать фразу, звучавшую как “Очень жаль. Очень жаль.”

Вазари. Должно быть, это все, что он выяснил о проекторе по этому вопросу. Cerca trova. - Но … я думал, что моя амнезия вызвана ранением головы. Кто-то стрелял в меня.

Хозяин покачал головой. - Никто не стрелял в вас, профессор. У вас не было никакой раны в голове.

- Что? - Пальцы Лэнгдона инстинктивно нащупали швы и опухшее место на затылке. - Тогда что это, черт возьми! - Он поднял волосы открыв выбритое место.

- Часть иллюзии. Мы сделали небольшой разрез в коже головы и тут же зашили его. Вы должны были поверить, что в вас стреляли.

Это не пулевое ранение?!

- Когда вы проснулись, - сказал хозяин. - мы хотели, чтобы вы поверили, что люди пытаются убить вас … что вы в опасности.

- Но меня пытались убить! - выкрикнул Лэнгдон, и его возглас привлёк взгляды со всех сторон. - Я видел, как хладнокровно застрелили доктора Маркони!

- Это то, что вы видели, - спокойно ответил хозяин, - но это не то, что произошло в действительности. Вайента работала на меня. Она была превосходна в этом.

- В убийстве людей? - требовательно спросил Лэнгдон.

- Нет, - сказал хозяин спокойно. - В имитации убийства.

Лэнгдон в течение долгого времени пристально смотрел на человека, воображая седобородого доктора с густыми бровями, который грохнулся на пол, и из груди которого сочилась кровь.

- Пистолет Вайенты был заряжен холостыми, - сказал хозяин. - Он привёл в действие радиоуправляемый пиропатрон, прорвавший пакет с кровью на груди доктора Маркони. С ним, кстати, всё в порядке.

Лэнгдон закрыл глаза, тупея от того, что слышит. - А больничная палата?

- Наспех импровизированная постановка, - сказал хозяин. - Профессор, я знаю, что это очень трудно осознать. Мы действовали быстро, а вы были не в себе, так что особого совершенства не требовалось. Когда вы проснулись, то увидели то, что мы хотели показать - больничные стойки, несколько актёров и срежиссированную сцену нападения.

У Лэнгдона голова шла кругом.

- Этим и занимается моя компания, сказал хозяин. - Мы хорошо умеем создавать иллюзии.

- А как же Сиенна? - спросил Лэнгдон, протирая глаза.

- Мне нужно было что-то предпринять, и я решил сотрудничать с ней. Главным для меня было уберечь планы клиента от доктора Сински, и у нас с Сиенной это стремление было общим. Чтобы войти к вам в доверие, она спасла вас от убийцы и помогла бежать с чёрного хода по переулку. Поджидавшее такси тоже было нашим, с очередным радиоуправляемым пиропатроном на заднем стекле для завершающего эффекта при вашем бегстве. Такси отвезло вас на квартиру, которую мы наспех обустроили.

Лэнгдон вспомнил скромную квартиру Сиенны, теперь понимая, почему было похоже, что ее обставили мебелью с дворовой распродажи. И это также объясняло тот факт, что по размеру “соседская” одежда удачно ему подходила.

Всё оказалось инсценировкой.

Даже отчаянный телефонный звонок от друга Сиенны в больнице был фальшивым. Сиенна, это Даникова!

- Когда вы позвонили в консульство США, - сказал хозяин, - вы звонили по номеру, который отыскала для вас Сиенна. Это был номер, соединяющий с Мендасиумом.

- Я так и не дозвонился до консульства…

- Да, не дозвонились.

Оставайтесь на месте, убедил его ненастоящий сотрудник консульства. Я сразу же пошлю кого-нибудь за вами. Затем когда показалась Вайента, Сиенна очень кстати обнаружила ее на другой стороне улицы и свела все воедино. Роберт, твое собственное правительство пытается убить тебя! Ты не можешь связываться с властями! Единственная надежда для тебя - выяснить, для чего предназначен этот проектор.

Хозяин и его таинственная организация — кем бы они, черт побери, ни были, — эффективно сменили задачу Лэнгдона, заставив его прекратить работу на Сински и начать работать на них. Иллюзия полностью удалась.

Сиенна отлично обыграла меня, подумал он больше с грустью, чем со злостью. Он полюбил ее за короткий промежуток времени, который они были вместе. По большей части беспокойство у Лэнгдона вызывал грустный вопрос, как столь яркая и теплая душа как у Сиенны могла полностью посвятить себя маниакальному решению Зобриста проблемы перенаселенности.

Могу сказать вам без сомнения, Сиенна говорила ему ранее, что без некоторых радикальных изменений, придет конец нашему роду … математика неоспорима.

- А статьи о Сиенне? - спросил Лэнгдон, вспоминая театральную афишу пьесы Шекспира и вырезки о ее потрясающе высоком IQ.

- Настоящие, - ответил хозяин. - Лучшие инсценировки вводят в действие как можно больше реального мира. Для организации у нас было немного времени, и поэтому, компьютер и реальные личные файлы Сиенны это почти все, с чем мы работали. Вы действительно никогда бы не увидели что-нибудь из этого, пока не начали сомневаться относительно ее личности.

- И не воспользовался ее компьютером, - сказал Лэнгдон.

- Да, там мы потеряли контроль. Сиенна никогда не ожидала, что группа наблюдения и захвата Сински найдет квартиру, и когда солдаты ворвались, Сиенна запаниковала и вынуждена была импровизировать. Она сбежала на мопеде вместе с вами, пытаясь поддержать иллюзию. Когда вся миссия провалилась, мне осталось только откреститься от Вайенты, хотя она нарушила протокол и преследовала вас.

- Она почти убила меня, - сказал Лэнгдон, пересказывая хозяину развязку в аттике Палаццо Веккьо, когда Вайента подняла пистолет и прицелилась Лэнгдону в грудь. Это причинит ущерб только на мгновение… но это был единственный выход. Затем Сиенна выскочила наружу и вытолкнула ее через перила, и Вайента разбилась насмерть.

Хозяин громко вздохнул, размышляя над тем, что только что сказал Лэнгдон. - Я сомневаюсь, что Вайента пыталась тебя убить … ее оружие стреляет только холостыми патронами. Ее единственная надежда на искупление в этом вопросе состояла в том, чтобы взять тебя под свой контроль. Она, вероятно, подумала, что стреляя в тебя вхолостую, смогла бы убедить тебя, в конце концов, что она не убийца, и что ты оказался вовлеченным в инсценировку.

Хозяин сделал паузу, поразмыслив немного, а затем продолжил. - Хотела ли Сиенна на самом деле убить Вайенту или только пыталась помешать выстрелу, не рискну предположить. Я начинаю понимать, что не знаю Сиенну Брукс настолько хорошо, как думал.

Я тоже не знаю, согласился Лэнгдон, хотя, когда он вспомнил вид шока и раскаяния на лице молодой женщины, то почувствовал, что случившееся с агентом с шипованными волосами по ее вине, вероятно было ошибкой.

Лэнгдон почувствовал, как будто снялся с якоря … и был совершенно одиноким. Он повернулся к окну, пристально всматриваясь вниз на мир за бортом, но видел перед собой лишь стену корпуса самолёта.

Я должен выбраться отсюда.

- С вами все в порядке? - спросил хозяин, с беспокойством наблюдая за Лэнгдоном.

- Нет, - ответил Лэнгдон. - Далеко не в порядке.

Он выживет, подумал хозяин. Он просто пытается осознать новую действительность.

Американский профессор выглядел, как будто его подхватил от земли торнадо, закружил, и сбросил на чужой земле, оставляя в шоковом состоянии и сбитым с толку.

Люди, являющиеся целью Консорциума, редко понимали правду, скрывающуюся за инсценированными событиями, свидетелями которых они стали. А если и понимали, хозяин, конечно, никогда не присутствовал при рассмотрении последствий. Сегодня, в дополнение к вине, наблюдая непосредственно замешательство Лэнгдона, человек был обременен непреодолимым чувством ответственности за текущий кризис.

Я согласился работать не на того клиента. Бертрана Зобриста.

Я доверял не тому человеку. Сиенне Брукс.

Теперь хозяин наблюдал за бурей — эпицентром того, что вполне могло оказаться смертельной чумой, у которой был потенциал, способный нанести ущерб всему миру. Если бы он остался живым после всего этого, он подозревал, что Консорциум никогда бы не пережил негативных последствий. Были бы бесконечные запросы и обвинения.

И все это так закончится для меня?

Глава 83

Мне нужен воздух, подумал Роберт Лэнгдон. Перспектива … хоть куда-нибудь выглянуть.

Корпус самолета без окон как будто смыкался вокруг него.

Конечно, странный рассказ о том, что сегодня с ним произошло, не помог вообще. Его мозг пульсировал от оставшихся без ответа вопросов … большинство которых о Сиенне.

Странно, он скучал по ней.

Она исполняла роль, напомнил он себе. Используя меня.

Без слов Лэнгдон оставил хозяина и пошел в переднюю часть самолета. Дверь кабины была открыта, и естественный свет проникал через нее и манил как маяк. Незамеченный пилотами, Лэнгдон стоял в дверном проеме и подставил свое лицо навстречу теплому солнечному свету. Широкое открытое пространство перед ним было подобно манне с небес. Ясное синее небо выглядело настолько мирным … настолько неизменным.

Нет ничего постоянного, напомнил он себе, изо всех сил пытаясь признать потенциальную катастрофу, с которой они столкнулись.

- Профессор? - послышался тихий голос позади него, и он обернулся.

Ошеломленный Лэнгдон сделал шаг назад. Перед ним стоял доктор Феррис. В прошлый раз Лэнгдон видел человека, корчившегося на полу базилики Св. Марка, неспособного дышать. Теперь Феррис прислонился к переборке самолета, одетый в бейсболку, его лицо было покрыто вязкой розовой жидкостью от солнечных ожогов. Его грудь и туловище были сильно забинтованы, а дыхание было поверхностным. Если у Ферриса была чума, все, казалось, были не слишком обеспокоены, что он собирается распространять ее.

- Вы… живы? - сказал Лэнгдон, уставившись на мужчину.

Феррис устало кивнул. - Более-менее. - Поведение человека резко изменилось и казалось намного более расслабленным.

- Но я думал — Лэнгдон замолчал. - На самом деле… я не знаю, что и думать теперь.

Феррис понимающе ему улыбнулся. - Сегодня вы услышали уйму лжи. Пожалуй, принесу вам вкратце свои извинения. Как вы, видимо, догадались, я работаю не в ВОЗ и я не приезжал в Кембридж вас нанимать.

Лэнгдон кивнул, к тому моменту он уже устал чему-либо удивляться. - Вы работаете на хозяина.

- Да. Он послал меня, чтобы оказать экстренную поддержку на месте вам и Сиенне … и помочь избежать группы наблюдения и захвата.

- Тогда,полагаю, вы превосходно выполнили свою работу, - сказал Лэнгдон, вспоминая, как Феррис появился в баптистерии, убедил Лэнгдона, что он сотрудник ВОЗ, и затем помог ему и Сиенне уехать из Флоренции подальше от команды Сински. - Очевидно, вы не врач.

Мужчина покачал головой. - Нет, но сегодня я сыграл эту роль. Моя работа состояла в том, чтобы помочь Сиенне поддерживать иллюзию, и направлять вас так, чтобы вы могли выяснить, куда указывает проектор. Хозяин был полон решимости найти творение Зобриста, чтобы защитить его от Сински.

- Вы понятия не имели, что это чума? - сказал Лэнгдон, все еще удивляясь на предмет странной сыпи и внутреннего кровотечения Ферриса.

- Конечно, нет! Когда вы упомянули чуму, я подумал, что это просто история, которую Сиенна рассказала вам, чтобы побудить вас к действию. Поэтому, я ей подыгрывал. Мы все вместе сели на поезд, следующий в Венецию … а затем, все изменилось.

- Как так?

- Хозяин увидел странное видео Зобриста.

Это помогло. - Он понял, что Зобрист был сумасшедшим.

- Точно. Хозяин внезапно понял, во что был вовлечен Консорциум, и он ужаснулся. Он немедленно потребовал переговорить с человеком, который знал Зобриста лучше всего — FS-2080 — чтобы понять, знает ли она, что сделал Зобрист.

- FS-2080?

- Извините, с Сиенной Брукс. Это кодовое имя, которое она выбрала для этой операции. Очевидно, это трансгуманистическое явление. И у хозяина не было способа добраться до Сиенны, кроме как через меня.

- Тот телефонный звонок в поезде, - вспомнил Лэнгдон. - Позвавшая вас матушка.

- Что ж, безусловно, я не мог ответить на звонок хозяина при вас, поэтому вышел. Он рассказал мне о видео, и я оторопел. Он надеялся, что обманул Сиенну, но когда я сообщил ему, что вы с Сиенной обсуждаете чуму и не собираетесь прерывать миссию, он понял, что Сиенна и Зобрист действуют вместе. Сиенна тут же превратилась в противника. Он приказал держать его в курсе наших дел в Венеции…и упомянул, что послал команду, чтобы задержать ее. И команда агента Брюдера почти сделала это у базилики Св. Марка…но ей удалось бежать.

Лэнгдон безучастно уставился в пол, все еще представляя, как симпатичные карие глаза Сиенны пристально смотрят вниз на него перед тем, как она сбежала.

- Прости меня, Роберт. За все.

- Она жесткая, - сказал человек. - Вы, вероятно, не видели, как она напала на меня в базилике.

- Напала на вас?

- Да, когда солдаты вошли, я собирался крикнуть и выдать местоположение Сиенны, но она, должно быть, почувствовалала их прибытие. Она ударила ребром ладони прямо в центр моей груди.

- Что?!

- Я не понимал, что со мной произошло. Видимо какой-то приём из боевых искусств. Оттого, что у меня уже были повреждения, боль была мучительной. Мне понадобилось пятнадцать минут, чтобы восстановилось дыхание. Сиенна оттащила вас на балкон, и никто не успел стать свидетелем произошедшего.

Изумлённый Лэнгдон мысленно вернулся к пожилой итальянке, закричавшей Сиенне - “L’hai colpito al petto!” - и энергичным жестом ткнувшей себя в грудь кулаком.

- Не могу! - ответила тогда Сиенна. - Люди из группы наблюдения и захвата его убьют! Взгляни на его грудь!

Когда Лэнгдон мысленно воспроизвёл эту сцену, то понял, как быстро Сиенна соображает на ходу. Она с умом “перевела” с итальянского сказанное пожилой женщиной.

“L’hai colpito al petto” не было предложением Сиенне сделать массаж сердца - это было гневное обвинение: “Вы ударили его в грудь!”

В суматохе происходящего Лэнгдон этого даже не заметил.

Феррис посмотрел на него с огорченной улыбкой. - Вы, возможно, слышали, что Сиенна Брукс довольно хитрая.

Лэнгдон кивнул. Я слышал.

Мужчины Сински возвратили меня на Мендасиум и сделали мне перевязку. Хозяин попросил, чтобы я приехал для информационной поддержки, потому что я - единственный человек кроме вас, кто сегодня провел время с Сиенной.

Лэнгдон кивнул, сбитый с толку сыпью человека. - Ваше лицо? - спросил Лэнгдон. - И ушиб на груди? Это не …

- Чума? - Феррис рассмеялся и покачал головой. - Я не уверен, говорили вам уже или нет, но я фактически сыграл сегодня роль двух докторов.

- Простите?

- Когда я появился в баптистерии, вы сказали, что я выгляжу как будто знакомым.

- Так и было. Смутно. Наверно, это ваши глаза. Это потому что вы наняли меня в Кембридже, как вы сказали… - Лэнгдон сделал паузу. - Теперь я знаю, что это неправда, так что…

- Я выглядел знакомым, потому что мы уже встречались. Но не в Кембридже. - Глаза человека исследовали Лэнгдона в поисках хоть какого-то намека на узнавание. - На самом деле, я был первым человеком, которого вы увидели, проснувшись этим утром в больнице.

Лэнгдон вспомнил мрачную небольшую палату. Он был под действием лекарств, и его зрение ухудшилось, но он был вполне уверен, что первым человеком, которого он увидел, проснувшись, был бледный, пожилой доктор с густыми бровями и окладистой седеющей бородой, который говорил только на итальянском языке.

- Нет, - сказал Лэнгдон. - Доктор Маркони был первым человеком, которого я увидел, когда —

- Простите, профессор(ит.),- прервал его человек с безупречным итальянским акцентом. - Но разве вы не помните меня?(ит.) - Он горбился как пожилой человек, приглаживая воображаемые густые брови и поглаживая несуществующую седеющую бороду. - Я доктор Маркони(ит.).

У Лэнгдона отпала челюсть. - Так доктором Маркони… были вы?

- Поэтому мои глаза и показались вам знакомыми. Мне раньше не доводилось носить накладную бороду и брови, и я, к сожалению, не подозревал, что у меня сильная аллергия к клейкой основе - латексной спирторастворимой резине - но было уже поздно, это и привело к раздражению и ожогам кожи. Вам наверняка, жутковато было меня увидеть - учитывая, что вы были предупреждены о возможной близости чумы.

Лэнгдон мог только изумляться, вспоминая теперь, как доктор Маркони чесал бороду, и как после нападения Вайенты остался лежать на полу больницы с кровоточащей раной в груди.

- В довершение всех бед, - сказал человек, показывая повязки на груди, - перед самым началом операции у меня сместился пиропатрон. Я не успел его поправить, и когда он сработал, то оказался направлен под углом. Сломал ребро и нанёс сильный ушиб. Мне весь день было трудно дышать.

Вот я и подумал, что у вас чума.

Человек глубоко вдохнул и поморщился от боли. - Я думаю, настало время мне снова присесть. - Удаляясь, он жестом указал назад. - Похоже, что у вас есть компания.

Лэнгдон обернулся и увидел, что доктор Сински подходит широкими шагами к кабине, ее длинные серебристые волосы развеваются сзади. - Профессор, вот вы где!

Директор ВОЗ выглядела усталой, и как ни странно, Лэнгдон, обнаружил новую вспышку надежды в ее глазах. Она что-то нашла.

- Извините, что покинула вас, - сказала Сински, подходя к Лэнгдону. - Мы проверяем координаты и проводим некоторые исследования. - Она указала на открытую дверь кабины. - Смотрю, вы нашли немного солнечного света?

Лэнгдон пожал плечами. - Вашему самолету нужны окна.

Она сострадательно улыбнулась. - Кстати о свете, я надеюсь, хозяин пролил для вас свет на недавние события?

- Да, хотя я не очень им рад.

- Я тоже, - согласилась она и огляделась вокруг, убедившись, что они одни. - Поверьте, - прошептала она, - это возымеет серьезные последствия для него и его организации. Я прослежу за этим. Однако, на данный момент мы должны сосредоточиться на поиске контейнера, прежде чем он растворится и распространит инфекцию.

Или прежде чем Сиенна доберется до него и поспособствует этому.

- Я хочу поговорить о строении, в котором находится гробница Дандоло.

Лэнгдон представлял выдающееся сооружение с того момента, когда оно стало целью их путешествия. Музеон всех святых.

- Я только что узнала нечто захватывающее, - сказала Сински. - Мы разговаривали по телефону с местным историком, - сказала она. - Конечно, он понятия не имел, зачем мы интересуемся гробницей Дандоло, но я спросила, знает ли он, что находится под могилой, и представьте, что он ответил. - Она улыбнулась. - Вода.

Лэнгдон был удивлен. - Действительно?

- Да, кажется, более низкие уровни здания затопляются. За столетия уровень грунтовых вод под зданием повысился, затопляя по крайней мере два более низких уровня. Он сказал, что там внизу определенно есть всякого сорта воздушные ямы и частично затопленные места.

Боже мой. Лэнгдон вспоминал видео Зобриста и странно освещенную подземную пещеру, на покрытых илом стенах которой он видел слабые вертикальные тени колонн. - Это - затопленный зал.

- Точно.

- Но тогда … как Зобрист попал туда?

Глаза Сински мерцали. - Это - удивительное дело. Вы не поверите тому, что мы только что обнаружили.

В это мгновение, меньше чем за милю от берега Венеции, на узком острове, известном как Лидо, гладкий Сессна Сайтейшен Мустанг стартовал с взлетной полосы аэропорта Ничелли и взмыл в темнеющее сумеречное небо.

Владельца самолета, известного дизайнера костюмов Джорджо Венчи, не было на борту, но он дал указание пилоту доставить его привлекательную молодую пассажирку куда ей нужно.

Глава 84

Ночь спустилась на древнюю византийскую столицу.

Вдоль берегов Мраморного моря мерцали широкие полосы света, высвечивая очертания блестящих мечетей и стройных минаретов. Наступил aksam(тур.), вечерний час, и громкоговорители по всему городу наполнялись преследующими речитативами adhan(тур.), призывами к молитве.

Ла-илаха-илла-Аллах.

Нет бога, кроме Аллаха.

В то время как верующие стремились в мечети, остальная часть города продолжала жить обычной жизнью; шумные университетские студенты пили пиво, бизнесмены заключали сделки, торговцы продавали специи и коврики, а туристы с удивлением наблюдали за всем этим.

Мир разделился, город контрастов — религиозный, светский; древний, современный; Восточный, Западный. Расположенный на географической границе между Европой и Азией, этот вечный город вполне буквально был мостом из Старого Света … в еще более старый мир.

Стамбул.

Хотя он уже не являлся столицей Турции, но на протяжении многих веков был столицей трех различных империй - Византийской, Римской и Османской. Возможно по этой причине, Стамбул был одним из наиболее исторически разноликих мест на земле. От дворца Топкапы и Голубой мечети до Семибашенного замка, город кишит фольклорными рассказами о битвах, славе и поражениях.

Вечером, высоко в ночном небе над суетой, транспортный самолет С-130 снижался сквозь сгущающийся штормовой фронт на заключительном заходе на посадку в аэропорту Ататюрк. Роберт Лэнгдон находился в кабине, прикрепившись ремнем на откидном сиденье позади пилотов, и всматривался в лобовое стекло, успокоенный тем, что ему предложили место с видом.

Он чувствовал себя несколько свежее, когда немного перекусил, и затем вздремнул в хвостовой части самолета в течение почти часа так необходимого ему отдыха.

Теперь справа от себя, Лэнгдон увидел огни Стамбула, сверкающий полуостров в форме рога, уходящий в темноту Мраморного моря. Это была европейская часть города, отделенная от своей азиатской сестры извилистой темной лентой.

Пролив Босфор.

С первого взгляда, Босфор напоминал в широкую рану, которая разорвала Стамбул на две части. В действительности, Лэнгдон знал, что канал был основой торговли Стамбула. К тому же город имел две береговые линии, а не одну, Босфор обеспечивал доступ судам из Средиземного моря в Черное море, благодаря этому Стамбул являлся промежуточной станцей между двумя мирами.

Самолет опустился через слой тумана, Лэнгдон пристально вглядывался в отдаленный город, пытаясь мельком увидеть массивное сооружение, которое они приехали найти.

Местонахождение гробницы Энрико Дандоло.

Как оказалось, Энрико Дандоло - вероломный венецианский дож - не был похоронен в Венеции; вместо этого он погребен в сердце крепости, которую он завоевал в 1202… городе, раскинувшемся под ними. Как и положено, Дандоло похоронили в самой примечательной усыпальнице, которую только мог предложить завоеванный им город - здании, которое по сей день остается жемчужиной региона.

Софийский собор.

Изначально построенный в 360 году н.э., собор Святой Софии использовался Восточной Православной церковью до 1204, когда Энрико Дандоло захватил его во время 4-го Крестового Похода и сделал католическим. Позже, в XV веке, во время завоевания Константинополя Мехмедом эль-Фатихом, он стал мечетью и оставался исламским культовым зданием до 1935, когда здание было секуляризировано и превращено в музей.

Позолоченный музеон святой мудрости, подумал Лэнгдон.

Софийский собор был не только украшен большим количеством золотой плитки, чем собор Св. Марка, его название — Айя-София — буквально означало “святую мудрость.”

Лэнгдон представил себе огромное здание и что где-то под ним, в темной лагуне содержится привязанный, волнистый мешок, плавающий под водой, медленно растворяющийся и готовый выпустить свое содержимое.

Лэнгдон молился, чтобы они не опоздали.

- Нижние этажи здания затоплены, - Сински объяснила это ему ранее, в полете, возбужденно приглашая его жестом пройти за ней в ее рабочую зону. - Вы не поверите, что мы только что открыли. Вы слышали когда-нибудь о режиссере документальных фильмов Гекселе Гюленсое?

Лэнгдон покачал головой.

- В то время как я исследовала Софийский собор, - объяснила Сински, - я обнаружила, что о нем был сделан фильм. Документальный фильм был сделан Гюленсоем несколько лет назад.

- О Софийском соборе сняты десятки фильмов..

- Да, - ответила она, добираясь до рабочего пространства, - но ни одного подобного этому. - Она повернула свой ноутбук таким образом, чтобы он видел экран. - Прочитайте это.

Лэнгдон сел и пробежал глазами статью — смесь различных источников новостей, включая Дейли Ньюс Hurriyet — обсуждение новейшего фильма Гюленсоя: В глубинах Айя-Софии.

Когда Лэнгдон начал читать, он немедленно понял, почему Сински была взволнована. Одни только первые два слова заставили Лэнгдона посмотреть на нее с удивлением. Подводное плавание?

- Я знаю, - сказала она. - Просто прочтите.

Лэнгдон снова обратился к статье.

Подводное плавание под Софийским Собором: автор документального фильма Гёксель Гюленсой и его исследовательская команда аквалангистов определили местонахождение удаленных затопленных бассейнов, находящихся в сотнях футов под сильно наводненным туристами религиозным строением.

В процессе они обнаружили множественные архитектурные чудеса, включая 800-летние затопленные могилы замученных детей, а также находящиеся под водой туннели, соединяющие Софийский Собор с Дворцом Топкапи, Малым Влахернским дворцом и известными по слухам подземными строениями Подземелья Anemas.

- Я считаю, под собором Святой Софии гораздо больше волнующих вещей, чем на поверхности, - объяснил Гюленсой, описывая, как его вдохновил на создание фильма просмотр старых фотографий исследователей, изучавших фундамент собора на лодке, плывя через большой, частично затопленный зал.

- Очевидно, вы нашли нужное здание! - объяснила Сински. - И такое впечатление, что под этим зданием огромные пустоты, по которым можно плавать, во многие из которых можно добраться без акваланга… что может объяснить то, что мы видели в ролике Зобриста.

Агент Брюдер стоял позади них, глядя на экран ноутбука.

- Похоже, как будто водные пути под зданием расходятся за пределы как паутина к самым разным отдаленным уголкам. Если пакет из Солюблона растворится раньше, чем мы доберемся, распространение его содержимого невозможно будет остановить.

- Содержимое…, - позволил себе спросить Лэнгдон. - У вас есть идеи что это? Я имею в виду точно. Я знаю, вы имеете дело с патогенами, но …

- Мы анализировали отснятое, - сказал Брюдер, - всё указывает на то, что там действительно биологический материал, а не химический, как говорится, нечто живое. Учитывая малые размеры пакета, мы полагаем, там нечто очень заразное и способное к размножению. Это либо воспроизводимые в воде болезнетворные бактерии, либо сразу после высвобождения это способно переноситься воздухом подобно вирусу - мы точно не знаем, но возможно и то, и другое.

Сински сказала - Сейчас мы собираем данные о температуре грунтовых вод в этом районе, пытаемся оценить, какие виды инфекции могут процветать в этих подземных областях, Зобрист был исключительно талантливым и вполне вероятно, создал что-то с уникальными возможностями. Я подозреваю, что была причина, почему Зобрист выбрал это место.

Брюдер понимающе кивнул и кратко изложил свою оценку необычному механизму распространения - из погруженного в воду солюблонового пакета - его изящная простота только сейчас начинала до всех доходить. Подвесив пакет под водой в подземном пространстве, Зобрист создал исключительно стабильную среду для созревания - с подходящей температурой воды, без солнечного облучения, при ограниченной подвижности и полной скрытности. Выбрав пакет с подходящим временем растворения, Зобрист мог оставить к созреванию инфекционный материал без обслуживания, в расчете на конкретную длительность хранения и на его самовысвобождение в нужное время.

Даже если бы Зобрист туда больше не возвращался.

Внезапный толчок при касании земли бросил Лэнгдона обратно в его кресло в кабине. Пилоты резко затормозили, затем подрулили к удаленному ангару, где и остановили самолет.

Лэнгдон был почти готов к тому, что их встретит армия сотрудников ВОЗ в защитных костюмах. Но почему-то единственным, кто встречал их, был водитель большого белого фургона с эмблемой в виде яркого-красного равноплечного креста.

Здесь что, Красный крест? Лэнгдон еще раз посмотрел и понял, что это другая организация, использующая красный крест. Посольство Швейцарии.

Он расстегнул ремень и нашел Сински, когда все приготовились выходить из самолета.

- А где все? - спросил Лэнгдон. - Команда ВОЗ? Турецкие власти? Все уже у собора Святой Софии?

Сински посмотрела на него с тревогой.

- В действительности, - объяснила она, - мы решили не сообщать местным властям. У нас уже есть лучшая группа наблюдения и захвата Европейского центра профилактики и контроля над заболеваниями, и нам кажется предпочтительнее действовать тихо до определенного момента, а не создавать панику, которая может широко распространиться.

Неподалеку Лэнгдон мог видеть, как Брюдер и его команда застегивают большие вещевые мешки со снаряжением для работы с опасными материалами - костюмами биозащиты, респираторами и электронными детекторами.

Брюдер перекинул свою сумку через плечо и вошел.

- Мы должны идти. Мы войдем в здание, найдем могилу Дандоло, послушаем шум воды, как подсказывает поэма, и затем я посовещаюсь со своей командой, стоит ли обращаться за помощью к каким-либо еще властям.

Лэнгдон уже понял, что план проблематичен. - Софийский собор закрывается на закате, поэтому без местных властей мы не сможем даже войти внутрь.

- Все в порядке, - сказала Сински. - У меня есть контакт в посольстве Швейцарии. Он связался с хранителем музея собора Св. Софии и попросил организовать частный VIP-тур, как только мы прибудем. Хранитель согласился.

Лэнгдон едва сдержал смех. - Частная экскурсия для важных персон в лице руководителя Всемирной организации здравоохранения и армии солдат со снаряжением биозащиты? Вам не кажется, что там много кто бровями задвигает?

- Группа наблюдения и защиты со снаряжением останутся в машине, а Брюдер и мы с вами оценим обстановку, - сказала Сински. - И ещё: официально, не я здесь важная персона, а вы.

- Простите, не понимаю?!

- Мы сказали дирекции музея, что прилетел знаменитый американский профессор с группой исследователей, который пишет статью о символике Софийского собора, но у них задержался авиарейс, и он упустил время для осмотра сооружения. А поскольку они с группой завтра утром улетают, мы надеемся…

- Ладно, - сказал Лэнгдон. - Суть понял.

- Музей направит сотрудника специально нас встретить. Оказалось, он очень интересуется вашими трудами по исламскому искусству. - Сински устало улыбнулась ему, явно пытаясь выглядеть пооптимистичней. - Нас заверили, что у вас будет доступ в любые уголки этого здания.

- И что ещё более важно, - сообщил Брюдер, - нас повсюду предоставят самим себе.

Глава 85

Роберт Лэнгдон безучастно уставился в окно фургона, который мчался по шоссе вдоль береговой линии, соединяющей аэропорт Ататюрк с центром Стамбула. Швейцарские власти так или иначе оказали содействие в прохождении пограничного контроля и Лэнгдон, Сински, и другие члены группы продолжили свой путь уже через несколько минут.

Сински приказала, чтобы хозяин и Феррис оставались на борту С-130 с несколькими сотрудниками ВОЗ и продолжили попытки обнаружить местонахождение Сиенны Брукс.

Хотя никто всерьез не предполагал, что Сиенна могла каким-то образом быстрее добраться до Стамбула, существовала реальная опасность того, что она свяжется с одним из учеников Зобриста в Турции и попросит помощи в осуществлении бредового плана Зобриста прежде, чем команда Сински сможет им помешать.

Неужели Сиена в самом деле способна на массовое убийство? Лэнгдон все еще изо всех сил пытался осознать произошедшее. Он был вынужден принять правду, несмотря на то, что она была невыносимо горькой. Ты никогда не знал ее, Роберт. Она использовала тебя.

Пошел небольшой дождь, Лэнгдон слушал монотонный скрип стеклоочистителей и почувствовал, как на него навалилась усталость. Справа от него мелькали огни роскошных яхт и массивных танкеров, двигающихся на большой скорости по Мраморному морю к городскому порту и прочь от него. Вдоль всего берега освещенные минареты, тонкие и изящные, возвышались над куполообразными мечетями, являясь безмолвным свидетельством того, что и при нынешней современной светской жизни, фундамент Стамбула - это религия.

Лэнгдон всегда считал эту десятимильную полосу шоссе одной из самых прекрасных дорог в Европе. Путь пролегал вдоль крепостных стен Константинополя - прекрасный пример столкновения прошлого с настоящим, эти мощные стены были возведены более чем за шестнадцать столетий до рождения человека, в честь которого называлась эта дорога — Джона Ф. Кеннеди. Американский президент был большим поклонником взглядов Кемаля Ататюрка на возрождение Турецкой республики из пепла павшей империи.

Открывая удивительный вид на бескрайние морские просторы, улица Кеннеди проходит через живописные рощи и исторические парки, мимо гавани в Йеникапы, опоясывает границы города, пролив Босфор, берет путь на Север, огибая бухту Золотой Рог. Там, высоко над городом, расположена величественная цитадель Оттоманской Империи - дворец Топкапы. Дворец занимает стратегически важную позицию на Босфорском водном пути и

является излюбленным местом посещения среди туристов, которые прибывают в восхищении, как от изумительного панорамного вида, так и от бесценных экспонатов постоянно обновляющейся коллекции, таких как плащ и меч, которые, по приданию, принадлежали самому Пророку Мухаммеду.

Мы не пойдем так далеко, знал Лэнгдон, представляя их цель, Софийский собор, который высился в центре города впереди.

Когда они проехали Кеннеди-Авеню и начали вползать в плотно населенный город, Лэнгдон пришел в замешательство от толп людей на улицах и тротуарах и почувствовал, что его преследуют дневные разговоры.

Перенаселение.

Чума.

Извращённые стремления Зобриста.

Хотя Лэнгдон и понимал все это время, куда направляется миссия группы наблюдения и захвата, по-настоящему оценил он это только теперь. Мы идем к центру катастрофы. Он представил себе медленно растворяющийся пакет с желто-коричневой жидкостью и удивился, как он мог попасть в такое положение.

Странное стихотворение, которое Лэнгдон и Сиенна обнаружили на обратной стороне посмертной маски Данте, в итоге привело их сюда, в Стамбул. Лэнгдон вел группу наблюдения и захвата в Собор Святой Софии, и знал, что, когда они дойдут, у них будет еще больше работы.

Колени преклони ко злату в музеоне мест святых,

К земле прильни своим ты ухом

И слушай звук струящейся воды.

Иди во глубь, в затопленный дворец.

Ведь там, во тьме, хтоничный монстр ждёт,

Во глубине кроваво-красных вод

Лагуны, что не отражает звёзд.

Лэнгдон снова почувствовал тревогу от того, что заключительная песнь поэмы Данте «Инферно» заканчивалась практически идентичной сценой: после долгого спуска через подземный мир Данте и Вергилий достигают низшей точки ада. Там, откуда нет выхода, они слышат звуки воды, сочащейся между камнями у них под ногами, идут вниз по течению речушки, через трещины и расщелины … и, наконец, оказываются в безопасности.

Данте писал: “Там место есть… оно приметно только из-за гула ручья, который вытекает тут, пробившись через камень, им точимый… мой вождь и я на этот путь незримый ступили, чтоб вернуться в ясный свет.”

Строки Данте, очевидно, послужили вдохновением для стихотворения Зобриста, хотя в данном случае, похоже, Зобрист решил перевернуть всё с ног на голову. Лэнгдон и остальные, действительно могли следовать за звуками сочащейся воды, но, в отличие от Данте, они будут не выходить из ада… а идти прямо в него.

Пока фургон маневрировал по узким улочкам и густо населенным районам, Лэнгдон старался понять извращенную логику Зорбиста, которая вынудила его выбрать эпицентром пандемии сердце Стамбула.

Здесь Восток встречается с Западом

На перекрестке миров.

Стамбул за всю историю своего существования несколько раз был охвачен смертельными эпидемиям, которые уничтожали значительную часть его населения. Фактически, во время заключительной фазы бубонной чумы, именно этот город Империи

назвали “центром чумы”, говорили, что болезнь убивала больше десяти тысяч жителей в день. Несколько известных полотен изобразили горожан, отчаянно роющих чумные ямы в пригородах Таксима, чтобы похоронить горы тел.

Лэнгдон надеялся, что Карл Маркс был неправ, говоря: “История повторяется”.

На всем протяжении промокших под дождем улиц, ничего не подозревающие души спешили по своим вечерним делам. Красивая турецкая женщина звала своих детей на обед; двое стариков вместе пили в уличном кафе; хорошо одетая пара шла по ручку под зонтом; и человек в смокинге выскочил из автобуса и побежал вдоль улицы, пряча футляр для скрипки под курткой, очевидно, опаздывая на концерт.

Лэнгдон заметил, что изучает лица вокруг себя, пытаясь представить себе жизненный путь каждого из них.

Массы состоят из индивидуумов.

Отвернувшись от окна, он закрыл глаза и попытался отогнать от себя мрачные мысли. Но они полностью захватили его. В глубине подсознания уже вырисовывался страшный образ — пустынный пейзаж картины Брейгеля “Триумф смерти” — отвратительный вид торжества злых сил, горе и страдание, которые обрушились на приморский город.

Фургон повернул направо на Торунь Авеню, и на мгновение Лэнгдон поверил, что они на месте. Слева, вырастая из тумана, появилась большая мечеть.

Но это был не Софийский собор.

Голубая мечеть, быстро понял он, подсчитав шесть устремленных ввысь рифленых минаретов здания, напоминающих своей формой карандаши. Когда-то Лэнгдон читал, что минареты Голубой мечети благодаря экзотическому, сказочному виду стали прототипом культового замка Золушки в Disney World. Мечеть получила свое название благодаря голубым изразцам с цветочными узорами, искусно украшающими ее стены.

Мы близко, думал Лэнгдон, когда фургон мчался вперед, сворачивая на Кабасакал-Авеню и двигаясь вдоль широкой площади Парка Султанахмет, находящегося на полпути между Голубой Мечетью и Софийским Собором и известного тем, что из него видны они оба.

Лэнгдон искоса посмотрел через вымытое дождем ветровое стекло, высматривая на горизонте очертания собора Святой Софии, но дождь и огни фар ухудшили видимость. И что еще хуже, казалось, что движение по авеню остановилось.

Впереди Лэнгдон не видел ничего кроме линии ярко светящихся тормозных огней.

- Какое-то событие, - объяснил водитель. - Концерт, я думаю. Пешком может быть быстрее.

- Как далеко? - спросила Сински.

- Здесь, через парк. Три минуты. Безопасно.

Сински кивнула Брюдеру и затем обратилась к группе захвата. - Оставайтесь в фургоне. Будьте максимально близко к зданию. Агент Брюдер в ближайшее время выйдет с вами на связь.

Сказав это, Сински, Брюдер и Лэнгдон выскочили из фургона и направились по улице через парк.

Широколиственные деревья в Парке Султанахмета лишь отчасти спасали от ухудшающейся погоды группу людей, пробегавших под их развесистыми кронами. Проходы были усеяны толпами поситителей целенаправленно движущихся к достопримечательностям парка — Египетскому обелиску, привезенной из Луксора, Змеиной колонне из Храма Аполлона в Дельфах и колонне Milion, когда-то служившей “нулевым пунктом”, от которого брали свое начало все главные дороги в Византийской империи.

Наконец, они появились из-за деревьев у подножья зеркального пруда, который имел форму четко очерченной окружности и обозначал центр парка. Лэнгдон встал на открытую местность и обратил свой взгляд на Восток.

Храм Святой Софии

Напоминает не сколько здание, сколько….гору.

Сверкая под дождем, поражающий своими размерами силуэт Храма Святой Софии, казалось, сам по себе уже являлся городом. Создавалось впечатление, что его центральный серебристый купол, рельефный и невообразимо широкий, опирался на скопление других куполообразных зданий, которые были сосредоточны вокруг него. Четыре высоких минарета — каждый с единственным балконом и серебристо-серым шпилем — возвышались по краям здания, так далеко от центрального купола, что едва можно было понять, что они часть монолитной структуры.

Сински и Брюдер, который до этого момента бежал трусцой, не сбавляя темп, внезапно остановились, их взгляды устремились вверх…вверх…до тех пор, пока их сознание смогло полностью оценить высоту и ширину сооружения, вырисовывающегося перед ними.

- Господь всемогущий. - Брюдер тихо простонал от изумления. - Мы собираемся обыскать … это?

Глава 86

Хозяин ощущал себя пленным, расхаживая по салону припаркованного транспортного самолета C-130. Он согласился полететь в Стамбул, чтобы помочь Сински предотвратить этот кризис, прежде чем он полностью не вышел из-под контроля.

Не последним для хозяина был факт, что сотрудничество с Сински помогло бы смягчить любую нежелательную реакцию, от которой он мог пострадать из-за своей неосторожной причастности к этому кризису. Но теперь я у Сински в заключении.

Как только самолет припарковался в правительственном ангаре в аэропорту Ататюрк, Сински и ее команда высадились, и глава ВОЗ приказала, чтобы хозяин и несколько сотрудников Консорциума остались на борту.

Хозяин попытался выйти наружу, чтобы глотнуть воздуха, но был остановлен пилотами с каменным лицом, которые напомнили ему, что доктор Сински просила всех оставаться на борту.

Нехорошо, подумал хозяин усаживаясь, поскольку неуверенность в своем будущем действительно понемногу поселилась в нем.

Хозяин долго привыкал к роли кукловода, будучи решающей силой, которая дергала за ниточки, а теперь внезапно у него отняли всю его власть.

Зобрист, Сиенна, Сински.

Они все бросили ему вызов … даже управляли им.

Теперь, пойманный в ловушку транспортного самолета ВОЗ, как в странный карцер без окон, он задавал себе вопрос, отвернулась ли от него удача … а может быть текущая ситуация это своего рода кармическое возмездие за бесчестную жизнь.

Я лгу ради заработка.

Я - поставщик дезинформации.

Хозяин был не единственным продавцом лжи в этом мире, но он утвердился как крупная рыба в пруду. Более мелкая рыба была различных пород и хозяину даже не нравилось, чтобы его сравнивали с ними.

Будучи доступными через Интернет, бизнесы с именами типа Alibi Company и Alibi Network ловили удачу по всему миру, помогая неверным мужьям и женам обманывать и не попадаться. Обещая, говоря в двух словах, “остановить время”, чтобы их клиентки могли

ускользнуть от мужа, жены или детей, эти организации были мастерами создания иллюзий - фальшивых деловых соглашений, фальшивых приемов у врача, даже фальшивых свадеб - которые всегда включали фальшивые приглашения, буклеты, билеты на самолет, формы подтверждения отелей, даже специальные контактные телефоны, которые соединяли с коммутаторами Alibi Company, где обученные профессионалы притворялись администраторами гостиниц или другими контактными лицами, как это требовалось для иллюзии.

Хозяин, однако, никогда не тратил впустую свое время на такие мелкие махинации. Он имел дело исключительно с крупномасштабным обманом, продавая свои услуги тем, кто мог позволить себе заплатить миллионы долларов, чтобы получить наилучший сервис.

Правительства.

Крупнейшие корпорации.

Отдельные ультрабогатые VIP-персоны.

Для достижения этих целей, в распоряжении клиентов были все средства, персонал, опыт и творческий потенциал Консорциума. И сверх того, они получали правдоподобное отрицание своей причастности - гарантию невозможности отследить их причастность к иллюзиям, создаваемым ради поддержания их обмана.

Пытаясь ли поддержать фондовый рынок, оправдать войну, победить на выборах, или выманить из убежища террориста, власть имущие полагались на масштабные схемы дезинформации для формирования общественного восприятия.

Это всегда так и было.

В шестидесятые годы русские создали целую фальшивую шпионскую сеть, прятавшую в тайниках ложные разведданые, которые британцы перехватывали годами. В 1947, ВВС США создали тщательно разработанную мистификацию с НЛО, чтобы отвлечь внимание от крушения секретного самолета в Росвелле, Нью-Мексико. И ближе к настоящему времени убедили мир в наличии оружия массового поражения в Ираке.

Уже около трех десятилетий Хозяин помогал влиятельным людям защищать, удерживать и преумножать свою власть. Хотя он исключительно осторожно относился к заказам, за которые он брался, Хозяин всегда боялся, что в один прекрасный день он возьмется не за тот заказ.

И вот этот день настал.

Причина любого крупного провала, считал хозяин, сводится к единственному моменту - случайной встрече, неправильному решению или недосмотру.

В данном случае он осознал, что тот момент был с десяток лет назад, когда он согласился нанять молоденькую студентку мединститута, искавшую приработка. Проницательный ум этой женщины, блестящие языковые навыки и умение импровизировать сразу же сделали её в Консорциуме заметной.

Сиенна Брукс идеально подходила.

Сиенна сразу же поняла суть его деятельности, а хозяин понял, что этой женщине не впервой хранить секреты при себе. Сиенна проработала у него почти два года, заработала щедрый гонорар, который позволил ей оплатить учёбу в мединституте, а потом без предупреждения сообщила о своём уходе. Она хотела спасать мир, как она ему уже говорила, а здесь она не могла этим заниматься.

Ректор никогда не предполагал, что Сиенна Брукс снова появится почти десять лет спустя и принесет своего рода подарок — ультрабогатого перспективного клиента.

Бертрана Зобриста.

Хозяин вспоминал об этом с неудовольствием.

В этом вина Сиенны.

Она все время участвовала в плане Зобриста.

Поблизости, за временным столом переговоров С-130, беседа накалилась в разговорах по телефонам и спорах чиновников ВОЗ.

- Сиенна Брукс?! - требовательно спрашивал один, крича в телефон. - Вы уверены? - Чиновник слушал минуту, нахмурясь. - Хорошо, выясните мне подробности. Буду ждать.

Он закрыл телефон и повернулся к коллегам. - Похоже, что Сиенна Брукс отбыла из Италии вскоре после нас.

Все за столом напряглись.

- Как? - с недоумением спросила одна служащая. - Мы перекрыли аэропорт, мосты, вокзал …

- Аэродром Ничелли, - ответил он. - На Лидо.

- Невозможно, - возразила женщина, качая головой. - Ничелли крошечный. Оттуда нет никаких полетов. Они осуществляют только местные полеты на вертолете и —

- Каким-то образом у Сиенны Брукс был доступ к частному самолету, который хранился в ангаре в Ничелли. Они все еще изучают его. - Он снова включил телефон. - Да, я слушаю. Что у вас? - Когда он слушал новости, его плечи опускались все ниже и ниже, пока наконец он не сел. - Я понимаю. Спасибо. - Он закончил звонок.

Все коллеги уставились на него в ожидании.

- Самолет Сиенны направился в Турцию, - сказал человек, протирая свои глаза.

- Тогда звоните в европейское командование воздушным транспортом! - заявил кто-то. - Потребуйте, чтобы они вернули самолет!

- Я не могу, - сказал человек. - Самолет приземлился двенадцать минут назад на частном аэродроме в Хезарфен, в пятнадцати милях отсюда. Сиенна Брукс скрылась.

Глава 87

Дождь стучал по древнему куполу собора Святой Софии.

Примерно тысячу лет это была самая большая церковь в мире, даже сейчас трудно представить что-нибудь большее. Глядя на нее снова, Лэнгдон вспомнил, что император Юстиниан, при завершении строительства собора, сделал шаг назад и гордо заявил: "Соломон, я превзошел тебя!".

Сински и Брюдер шли с нарастающей целеустремленностью к монументальному зданию, которое, казалось, только увеличивается в размере по мере их приближения.

Дорожки здесь были облицованы древними пушечными ядрами, использовавшимися войсками Мехмета Завоевателя - как декоративное напоминание о том, что история этого здания была наполнена насилием по мере того как его завоевывали и вновь приспосабливали для духовных нужд разного рода победоносных держав.

Когда они подошли к южному фасаду, Лэнгдон взглянул направо на три увенчанных куполами пристройки, похожие на силосные башни, выступающие из здания. Это были Мавзолеи султанов, один из которых - Мурад III - был отцом свыше ста детей.

Звонок сотового телефона прорезал ночной воздух, и Брюдер достал его, посмотрел номер звонящего и коротко спросил:

- Есть что-нибудь?

Слушая отчет, он недоверчиво качал головой.

- Как такое возможно?

Он выслушал дальше и вздохнул.

- Хорошо, держите меня в курсе. Мы сейчас войдем внутрь.

И повесил трубку.

- Что случилось? - спросила Сински.

- Смотрите в оба, - сказал Брюдер, окидывая взглядом территорию. - У нас могут быть гости.

Он снова пристально посмотрел на Сински.

- Похоже, Сиенна Брукс в Стамбуле.

Лэнгдон уставился на него, не веря ни что Сиенна сумела попасть в Турцию, ни что она, сумев сбежать из Венеции, станет рисковать быть пойманной и даже, возможно, погибнуть ради того чтобы гарантировать, что план Зобриста будет выполнен.

Сински выглядела такой же обеспокоенной и сделала глубокий вдох, как будто собиралась допрашивать Брюдера дальше, но, по-видимому, она передумала, и повернулась вместо этого к Лэнгдону.

- Каким образом?

Лэнгдон указал налево за юго-западный угол здания.

- Фонтан Омовения, он здесь, - сказал он.

Их местом встречи с представителем музея был источник с декоративными резными решетками, которая когда-то использовалась мусульманами для ритуального омовения перед молитвой.

- Профессор Лэнгдон! - закричал мужской голос, когда они приблизились.

Улыбающийся турецкий мужчина вышел из-под восьмиугольного купола, накрывавшего фонтан. Он оживленно махал руками.

- Профессор, сюда!

Профессор и остальные поспешили к нему.

- Здравствуйте, меня зовут Мирсат, - сказал он, его речь с заметным акцентом наполнялась энтузиазмом. Это был человек небольшого роста с редеющими волосами, в сером костюме и очками как у школьника. - Это большая честь для меня.

- Это для нас большая честь, - ответил Лэнгдон, пожимая руку Мирсата. - Спасибо за ваше гостеприимство, несмотря на столь короткое уведомление.

- Да, да!

- Я - Элизабет Сински, - представилась доктор Сински, пожимая руку Мирсата и затем указывая на Брюдера. - А это - Кристоф Брюдер. Мы здесь, чтобы помочь профессору Лэнгдону. Я так сожалею, что наш рейс отложили. Вы очень любезны, что согласились нас принять.

- Пожалуйста! Не думайте об этом! - прорвало Мирсата. - Для профессора Лэнгдона я устрою персональную экскурсию в любое время. Его небольшая книга "Христианские символы в исламском мире" пользуется популярностью в магазине подарков нашего музея.

"Даже так?" - подумал Лэнгдон. Теперь я знаю одно место на Земле, где есть в наличии эта книга.

- Приступим? - спросил Мирсат, жестом увлекая их за собой.

Группа поспешила через небольшое открытое пространство, минуя обычный вход для туристов и продвигаясь к тому, что первоначально служило главным входом в строение - три глубоко утопленных арки с массивными бронзовыми дверьми.

Два вооруженных охранника стояли в ожидании их. Увидев Мирсата, охранники отперли одну из дверей и распахнули ее.

- Sag olun, - сказал Мирсат, произнося одну из немногих турецких фраз, с которой Лэнгдон был знаком - особенно вежливая форма слова "спасибо".

Группа переступила порог, и охранники закрыли за ними тяжелые двери. Раздался глухой удар, резонирующий по каменному интерьеру.

Сейчас Лэнгдон и остальные стояли в притворе собора Святой Софии - узком вестибюле, которая была обычным элементом в христианских храмах и служила архитектурным буфером между божественным и мирским.

Духовные рвы, часто называл их Лэнгдон.

Отряд направился к еще одной группе дверей, и Мирсат отворил одну из них. За ней, вместо ожидаемого святилища, Лэнгдон лицезрел второй притвор, чуть больший, чем первый.

Внутренний притвор, понял Лэнгдон, позабыв, что святилище собора Святой Софии обладало двумя уровнями защиты от внешнего мира.

Как будто подготавливая посетителя к тому, что ждет его дальше, внутренний притвор был украшен значительно богаче, чем первый притвор, его стены из полированного камня блестели в свете изысканных люстр. На противоположной стороне умиротворенного пространства, над четырьмя дверьми располагались эффектные мозаики, которые Лэнгдон рассматривал с восхищением.

Мирсат подошел к самой большой двери - громадному входу, покрытому бронзой. - Императорские ворота, - прошептал Мирсат с головокружительным энтузиазмом. - Во времена Византии, эта дверь предназначалась только для императора. Туристы обычно не ходят через нее, но это особая ночь.

Мирсат потянулся к двери, но остановился. - Прежде чем мы войдем, - прошептал он, - позвольте спросить, внутри вы хотите посмотреть на что-то конкретное?

Лэнгдон, Сински и Брюдер переглянулись между собой.

- Да, - ответил Лэнгдон. - Само собой, мы многое хотим увидеть, но, если можно, мы хотели бы начать с гробницы Энрико Дандоло.

Мирсат склонил голову набок, как будто не понимая. - Простите? Вы хотите посмотреть на…гробницу Дандоло?

- Да, хотим.

Мирсат выглядел удрученным. - Но, сэр … гробница Дандоло очень простая. Вообще без всяких символов. Не самый прекрасный наш экспонат.

- Я понимаю это, - сказал Лэнгдон вежливо. - Все равно мы будем очень благодарны, если вы отведете нас к ней.

Долгое время Мирсат изучающе смотрел на Лэнгдона, а затем его взгляд переместился вверх к мозаике непосредственно над дверью, которой Лэнгдон только что восхищался. Мозаика была изображением вседержителя Христа девятого столетия — иконописным образом Христа, держащим в левой руке Новый Завет и благословляющим правой.

Затем их гида как будто внезапно осенило, уголки губ Мирсата приподнялись в понимающей улыбке, и он начал грозить своим пальцем. - Умный человек! Очень умный!

Лэнгдон посмотрел с изумлением. - Что, простите?

- Не волнуйтесь, профессор, - сказал Мирсат заговорщическим шепотом. - Я никому не скажу, почему вы действительно оказались здесь.

Сински и Брюдер бросили на Лэнгдона озадаченный взгляд.

Лэнгдону оставалось только пожать плечами, поскольку Мирсат толкнул дверь и провел их внутрь.

Глава 88

Кто-то назвал это место восьмым чудом света, и сейчас, находясь здесь, Лэнгдон не собирался спорить с этим утверждением.

Как только группа переступила через порог и вошла в колоссальное святилище, Лэнгдон подумал, что в соборе Святой Софии требуется лишь мгновение, чтобы произвести впечатление на посетителей истинными размерами его пропорций.

Эта комната была такой огромной, что даже великие соборы Европы казались карликами. Такое ошеломляющее воздействие ее огромных размеров, как знал Лэнгдон, частично было иллюзией, драматическим побочным эффектом византийской планировки, с централизованным наосом, в котором все внутреннее пространство сконцентрировано в одной квадратной комнате, а не расширяется крестообразно в четырех направлениях, как принято в более поздних соборах.

Это здание на семь столетий старше, чем Нотр Дам, подумал Лэнгдон

Потребовалась минута, чтобы объять взглядом ширину пространства, Лэнгдон позволил глазам подняться ввысь больше чем на сто пятьдесят футов, к просторному, золотому куполу, который короновал зал. От его центральной точки отходили сорок ребер, направленные наружу как лучи солнца, распространяясь в сторону круглой галереи из сорока арочных окон. В дневные часы проникающий через окна свет отражался — и повторно отражался — от стеклянных кусочков золотой мозаики, создавая "мистический свет", благодаря которому Софийский собор был настолько известен.

Лэнгдон лишь однажды видел позолоченное убранство этого зала запечатлённым в живописи. Джон Сингер Сарджент. Неудивительно, что при создании знаменитого изображения Святой Софии американский художник ограничил свою палитру множеством оттенков единственного цвета.

Золото.

Блестящий золотой купол, часто называемый "куполом самих небес", поддерживался четырьмя огромными арками, которые в свою очередь поддерживались серией полусводов и тимпанов. Эти опоры несли еще один понижающийся ряд меньших по размеру полусводов и галерей, создавая эффект каскада архитектурных форм, прокладывающих себе путь от небес к земле.

Спускаясь с небес на землю, хотя и более прямым путем, из-под купола свисали длинные кабеля, на которых были подвешены мерцающие светильники, которые, как казалось, висели настолько низко, что посетители высокого роста рисковали стукаться об них. На самом деле, это была лишь еще одна иллюзия, создаваемая одной лишь величиной пространства, так казалось из-за оборудования, подвешенного более чем в двенадцати футах над полом.

Как и у других храмов, большой размер служил собора Святой Софии служим двум целям. Во-первых, это показывало богу, как далеко может пойти человек, ради служения ему. И во-вторых, он служил для оказания шокирующего действия на верующих - физическое пространство было таким внушительным, что входящий чувствовал, что он уменьшился, его эго стиралось, его физическая сущность и космическая важность сжимались до размеров всего лишь пылинки на лице бога … атома в руках Творца.

Пока человек не станет ничем, Бог не может ничего сделать из него. Мартин Лютер сказал эти слова в XVI веке, но этот концепт был частью образа мышления строителей начиная с самых ранних образцов религиозной архитектуры.

Лэнгдон взглянул на Брюдера и Сински, которые до этого смотрели вверх, а теперь опустили глаза к земле.

- Иисус, - сказал Брюдер.

- Да! - сказал Мирсат взволнованно. - И Аллах, и Мухаммед, тоже!

Лэнгдон усмехнулся, когда их гид показал Брюдеру на главный алтарь, где с боков возвышающейся мозаики, на которой был изображен Иисус, стояли два массивных диска с арабскими именами Мухаммеда и Аллаха, написанные декоративной каллиграфией.

- В этом музее, - пояснил Мирсат, - в попытке продемонстрировать уникальность сакрального пространства, в тандеме расположены христианская и исламская иконография, ещё с тех времен, когда Айя-София была базиликой, а затем мечетью. - Он улыбнулся. - Несмотря на разногласия между религиями в реальном мире, мы полагаем, что их символы прекрасно уживаются. Я знаю, что вы согласитесь со мной, профессор.

Лэнгдон одобрительно кивнул, припоминая, что вся христианская иконография была скрыта под слоем известки, когда здание стало мечетью. Восстановление христианских символов рядом с мусульманскими создало поразительный эффект, главным образом потому, что глубина и манера иконописи этих религий кардинально противоположные.

В то время, когда в Христианстве уже писали иконы с изображением Бога и святых, Ислам, сосредоточил свое внимание на каллиграфическом и геометрическом изображении мира, созданного Всевышним. Исламская традиция основывается на том убеждении, что только Бог мог создать жизнь такой, какая она есть, и человек не вправе изображать ни богов, ни людей и даже животных.

Лэнгдон припомнил случай, когда пытался объяснить этот принцип своим студентам. - Если бы Микеланджело был мусульманин, то он никогда бы не стал изображать лик Господа на своде Сикстинской Капеллы; он написал бы Его имя. Изображение лица Бога посчитали бы богохульством.

Лэнгдон продолжал искать объяснение всему этому.

- И христианство, и ислам логоцентричны, - объяснял он студентам, - это значит, что они сосредоточены на Слове. В христианской традиции Слово стало плотью - в Евангелии от Иоанна: “И Слово стало плотью, и обитало среди нас”. Поэтому приемлемо было изображать Слово в человеческом облике. Однако, в исламской традиции Слово не стало плотью, и потому Слову нужно оставаться в виде слова - в большинстве случаев это каллиграфически выведенные имена исламских святых.

Один из студентов Лэнгдона подвел итог сложной истории с забавно точным примечанием на полях: - Христиане подобны лицам; мусульмане - словам.

- Здесь перед нами, - продолжал Мирсат, окидывая жестом красочный зал, - открывается уникальное слияние христиаства с исламом.

Он быстро указал на слияние символов в массивной апсиде, прежде всего Девственница и Ребенок, пристально смотрящие вниз на mihrab — полукруглую нишу в мечети, которая указывает в направлении Мекки. Поблизости к кафедре проповедника поднималась лестница, с которой читаются христианские проповеди, но фактически был minbar, святая платформа, с которой имам в пятницу ведет службу. Точно так же, подобная возвышению структура поблизости напоминала христианские хоры, но в действительности была muezzin mahfili, приподнятой платформой, где муэдзин становится на колени и читает нараспев в ответ на молитвы имама.

- У мечетей и соборов удивительно много общего, - провозгласил Мирсат. - Традиции востока и запада не так сильно расходятся, как вы, возможно, думате!

- Мирсат? - сказал Брюдер с нажимом, выражая нетерпение. - Мы действительно хотели бы увидеть гробницу Дандоло, можно?

Мирсат своим видом выразил легкое неудовольствие, как будто этот человек своим нетерпением выказал неуважение к этому месту.

- Да, - сказал Лэнгдон. - Прошу прощения за спешку, но у нас очень плотный график.

- Очень хорошо, - сказал Мирсат, указывая на высокий балкон с правой стороны от них. - Тогда давайте поднимемся наверх и посмотрим гробницу.

- Наверх? - удивлённо переспросил Лэнгдон. - Разве Энрико Дандоло захоронен не внизу, в склепе? - Лэнгдон припоминал вид самой гробницы, но не помнил точного места в здании, где она расположена. Он представлял себе, что это в темных подземных помещениях.

Похоже было, Мирсата достала эта настойчивая просьба. - Нет, профессор, гробница Энрико Дандоло, совершенно точно наверху.

Что за чертовщина такая? - ломал голову Мирсат.

Когда Лэнгдон попросил показать гробницу Дандоло, Мирсату в этой просьбе виделся какой-то подвох. Кому нужна гробница Дандоло? Мирсат предположил, что Лэнгдон на самом деле хотел увидеть таинственное сокровище прямо рядом с гробницей - мозаику "Деисус" - древнее изображение Христа Пантократора, возможно, одно из самых загадочных произведений искусства в этом музее.

Лэнгдон изучает мозаику и пытается выяснить о ней всё, догадывался Мирсат, предположив, что профессор, вероятно, втайне пишет работу по Деисусу.

Однако, теперь Мирсат недоумевал. Лэнгдон наверняка знал, что мозаика "Деисус" на втором этаже, так почему же он выразил такое удивление?

Разве что он и впрямь ищет гробницу Дандоло.

Озадаченный, Мирсат повёл их к лестнице мимо одной из двух известнейших в Св. Софии урн - тысячелитрового бегемота, выбитого из цельного куска мрамора в эллинистический переод.

Поднимаясь наверх со своим окружением, теперь уже в полном молчании, Мирсат почувствовал беспокойство. Коллеги Лэнгдона совсем не были похожи на учёных. Один из них был какой-то солдафон, мускулистый и настырный, весь одетый в чёрное. А женщина с седыми волосами, Мирсату показалось… что он её уже видел. Уж не по телевизору ли?

Он начинал подозревать, что цель их визита была не такой, как это представлялось. Зачем они здесь на самом деле?

- Ещё один пролёт, - бодро объявил Мирсат, когда они оказались на площадке. - Наверху мы увидим гробницу Дандоло и конечно же… - он сделал паузу, посмотрев на Лэнгдона, - знаменитую мозаику "Деисус".

Никаких эмоций.

Оказывается, Лэнгдон здесь и впрямь не ради мозаики "Деисус". Он и его гости, похоже, необъяснимым образом зациклены на гробнице Дандоло.

Глава 89

Пока Мирсат поднимался вверх по лестнице, Лэнгдон был уверен, что и Брюдер, и Сински беспокоились. По их мнению, совершенно бессмысленно подниматься на второй этаж. Лэнгдон держал в памяти видео Зобриста, снятое под землей … и документальный фильм о затопленных участках под Храмом Святой Софии.

Нам надо вниз!

Даже если это место расположения гробницы Дандоло, у них не оставалось иного выбора, кроме как следовать указаниям Зобриста. "Колени преклони ко злату в музеоне мест святых, к земле прильни своим ты ухом, И слушай звук струящейся воды."

Когда они наконец достигли второго этажа, Мирсат повел их направо вдоль ограждения балкона, откуда открывался захватывающий вид на алтарь, который располагался ниже. Лэнгдон смотрел вперед, оставаясь сосредоточенным.

Мирсат снова начал горячо рассказывать о мозаике Деисус, но Лэнгдон игнорировал его.

Теперь он видел свою цель.

Гробницу Дандоло.

Она предстала перед ним в точности такой, какой он её запомнил - прямоугольный кусок белого мрамора, вмонтированный в полированный каменный пол и огражденный стойками и цепями.

Лэнгдон бросился к надгробию и принялся изучать выгравированную надпись.

ЭНРИКО ДАНДОЛО (лат.)

Когда другие встали позади него, Лэнгдон перешел к действию, переступив через защитную цепь, и встал непосредственно перед надгробной плитой.

Мирсат громко запротестовал, но Лэнгдон продолжал, быстро падая на колени, как будто приготовился молиться в ногах предательского дожа.

Затем, одним движением, которое вызвало крики ужаса у Мирсата, Лэнгдон поместил свои ладони на могильную плиту и упал ниц. Приблизив лицо к земле, Лэнгдон понял, что похоже как будто он кланяется Мекке. Маневр очевидно ошеломил Мирсата, который буквально онемел, и внезапная тишина, казалось, проникла во все здание.

Глубоко вздохнув, Лэнгдон повернул голову направо и мягко прижал левое ухо к могильной плите. Камень был холодным.

Звук, который он услышал, эхом проникающий сквозь камень, был ясен как день.

Боже мой.

Финал Ада Данте, казалось, отзывался эхом снизу.

Лэнгдон медленно повернул голову, пристально глядя на Брюдера и Сински.

- Я слышу их, - прошептал он . - Звуки капающей воды.

Брюдер перепрыгнул через цепь и присел внизу около Лэнгдона, прислушиваясь. Через мгновение он сосредоточенно кивнул.

Теперь, когда они услышали внизу звуки текущей воды, оставался один вопрос. Куда она течет?

В памяти Лэнгдона внезапно всплыли изображения полузатопленной пещеры, освещенной жутким красным светом … где-то под ними.

Иди во глубь, в затопленный дворец.

Ведь там, во тьме, хтоничный монстр ждёт,

Во глубине кроваво-красных вод

Лагуны, что не отражает звёзд.

Когда Лэнгдон встал и отступил обратно за стойки, Мирсат смотрел на него с тревожным видом, как будто кто-то совершил предательство. Лэнгдон стоял почти на фут выше, чем турецкий гид.

- Мирсат, - начал Лэнгдон. - Извините. Как вы поняли, это очень необычная ситуация. У меня нет времени для объяснений, но я хочу задать один очень важный вопрос об этом здании.

Мирсат слабо кивнул. - О’кей.

- Здесь в гробнице Дандоло мы услышали, как ручьи воды текут где-то под камнем. Нам нужно знать куда эта вода течет.

Мирсат покачал головой. - Я не понимаю. Звуки текущей воды под полами можно услышать повсюду в Софийском соборе.

Все напряглись.

- Да, - сказал им Мирсат, - особенно, когда идет дождь. У собора Святой Софии приблизительно сто тысяч квадратных футов крыш, которые нужно просушивать, и часто

требуется несколько дней. И прежде чем заполняется дренаж, обычно снова идет дождь. Звуки сочащейся воды довольно распространены здесь. Возможно, вы знаете, что Софийский собор заложен на обширных водных пещерах. Есть даже документальный фильм, который —

- Да, да, - сказал Лэнгдон, - но знаете ли вы, вода, которую слышно здесь у гробницы Дандоло, течет в какое-нибудь определенное место?

- Конечно, - сказал Мирсат. - Она течет в то же самое место, что и вся вода из Св. Софии. В городское водохранилище.

- Нет, - объявил Брюдер, отходя назад через стойки. - Мы ищем не водохранилище. Мы ищем большое, подземное пространство, возможно с колоннами.

- Да, - сказал Мирсат. - Древнее водохранилище города именно такое — большое подземное пространство с колоннами. Довольно внушительное. Оно было построено в шестом столетии, чтобы предоставить помещение для водоснабжения города. В наше время оно содержит всего лишь около четырех футов воды, но —

- Где оно! - потребовал Брюдер, его голос эхом отзывался в пустом зале.

- … водохранилище? - спросил Мирсат, выглядя напуганным. - Это через квартал, к востоку от этого здания. - Он указал наружу. - Оно называется Yerebatan Sarayi.

Sarayi? - задумался Лэнгдон. Как в Topkapi Sarayi? Когда они въезжали на машине в город, указатели для Дворца Топкапы были повсеместно. - Но … разве sarayi означает “дворец”?

Мирсат кивнул. - Да. Название нашего древнего водохранилища - Yerebatan Sarayi. Что означает — затонувший дворец.

Глава 90

Дождь лил стеной, когда доктор Элизабет Сински вышла из Св.Софии с Лэнгдоном, Брюдером, и их изумленным гидом, Мирсатом.

Иди во глубь, в затопленный дворец, подумала Сински.

Место городского водохранилища — Yerebatan Sarayi — очевидно тянется в сторону Синей Мечети и немного на север.

Мирсат следовал впереди.

Сински не видела никакого другого варианта, кроме как сказать Мирсату, что они спешили предотвратить возможную критическую ситуацию в затонувшем дворце.

- Сюда! - позвал Мирсат и повел их через затемненный парк. Теперь громада Айя-Софии была позади них, а сказочные шпили Синей Мечети блестели впереди.

Поторапливаясь рядом с Сински, агент Брюдер кричал в свой телефон, обновляя команду группе наблюдения и захвата и назначая им встречу у входа в хранилище. - Кажется, что Зобрист добрался до водоснабжения города, - сказал Брюдер, затаив дыхание. - Мне нужны схемы всех трубопроводов в хранилище и вне его. Мы будем проводить полную блокировку и действовать по протоколу предотвращения распространения. Нам понадобятся физические и химические защитные материалы наряду с вакуумом —

- Подождите, - обратился Мирсат к нему. - Вы неправильно поняли меня. Хранилище не поставляет водопроводную воду. Уже нет!

Брюдер опустил свой телефон, впиваясь взглядом в гида. - Как это?

- В древние времена хранилище поддерживало водоснабжение, - разъяснил Мирсат. - Но теперь нет. Мы провели модернизацию.

Брюдер решил остановиться под раскидистым деревом, и все остановились с ним.

- Мирсат, - сказала Сински, - вы уверены, что никто не пьет воду из хранилища?

- Боже, нет, - сказал Мирсат. - Вода просто находится там … в конечном счете просачиваясь вниз в землю.

Сински, Лэнгдон и Брюдер все обмененялись неуверенными взглядами. Сински не знала, расслабиться ей или беспокоиться. Если никто регулярно не пользуется водой, почему Зобрист принял решение загрязнить ее?

- Когда мы модернизировали наше водоснабжение несколько десятилетий назад, - объяснил Мирсат, - хранилищем перестали пользоваться и оно стало просто большим водоемом в подземной комнате. - Он пожал плечами. - В наши дни это не более чем достопримечательность.

Сински повернулась к Мирсату. Достопримечательность? - Погодите, … люди могут пойти туда? В хранилище?

- Конечно, - сказал он. - несколько тысяч посещений каждый день. Пещера довольно впечатляющая. Есть дощатые настилы над водой … и даже небольшое кафе. Там слабая вентиляция, поэтому воздух довольно душный и влажный, но это место все еще очень популярно.

Взгляд Сински остановился на Брюдере, и она могла сказать, что она и обученный агент группы наблюдения и захвата представили одно и то же — темную, влажную пещеру, заполненную застойной водой, в которой развивались болезнетворные микроорганизмы. Довершением кошмара было присутствие дощатых настилов над поверхностью воды, по которым целый день двигались туристы.

- Он создал биоаэрозоль, - объявил Брюдер.

Сински кивнула, сгорбившись.

- Значит? - потребовал ответа Лэнгдон.

- Значит, - ответил Брюдер, - это может оказаться в воздухе.

Лэнгдон затих, и Сински поняла, что теперь он осознал потенциальные размеры этой критической ситуации.

Сински в течение некоторого времени полагала в качестве возможного сценария переносимые по воздуху болезнетворные микроорганизмы. И все же, полагая, что хранилище использовалось для водоснабжения города, она надеялась, что Зобрист возможно выбрал работающую в воде биоформу. Живущие в воде бактерии были жизнестойкими и стойкими против атмосферных воздействий, но они также медленно размножались.

Переносимые по воздуху болезнетворные микроорганизмы распространяются быстро.

Очень быстро.

- Если разносится с воздухом, - сказал Брюдер, - то вероятно, это вирус.

Да, вирус, Сински была с этим согласна. Самый быстро распространяемый патоген, который мог выбрать Зобрист.

Распространение переносимого по воздуху вируса под водой было по общему признанию необычным, и все же существовало много форм жизни, которые развивались в жидкости и затем переносились в воздух — москиты, плесневые грибы, бактерия, которая вызывала болезнь Легионеров, микотоксины, красные микроорганизмы, даже люди. Сински мрачно представляла вирус, проникающий в хранилище лагуны … и затем зараженные микрокапельки, поднимающиеся во влажный воздух.

Мирсат теперь смотрел на забитую транспортом улицу с дурным предчувствием на лице. Сински проследила за его пристальным взглядом на приземистое, красное-белое кирпичное здание, единственная дверь которого была открыта, показывая, по-видимому, лестничную клетку. Скопление хорошо одетых людей, которые казалось, ждали снаружи под зонтиками, а швейцар контролировал поток гостей, которые спускались по лестнице.

Некий авангардный танцевальный клуб?

Сински увидела золотую надпись на здании и почувствовала внезапное стеснение в груди. Этот клуб назывался "Хранилище" и был построен в 523 году от Рождества Христова. Теперь она поняла, почему Мирсат выглядел настолько обеспокоенным.

- Затонувший дворец, - сказал Мирсат, запинаясь. - Кажется … сегодня вечером там концерт.

Сински посмотрела с недоверием. - Концерт в хранилище?!

- Это вместительное помещение, - ответил он. - Оно часто используется в качестве культурного центра.

Терпение Брюдера было явно на исходе. Он рванул к зданию, с увёртками пробираясь сквозь беспорядочное скопление машин на проспекте Алемдар. Сински и остальные тоже перешли на бег, вдогонку агенту.

Когда они добрались до входа в водохранилище, вход был заслонён группой посетителей концерта, ожидавших, когда их впустят - три женщины в мусульманском одеянии, парочка туристов, державшихся за руки и мужчина в смокинге. Все они держались вместе, во входном проёме, пытаясь укрыться от дождя.

Сински были слышны мелодичные надрывы класического музыкального сочинения, доносившиеся снизу. Берлиоз, подумала она по своеобразной оркестровке - неважно что, но здесь, на улицах Стамбула, эта музыка казалась чужеродной.

Когда они приближались ко входу, она почувствовала, как с лестницы поднимается поток тёплого воздуха, накатывающегося волнами из подземной глубины и находящего выход из этой замкнутой пещеры. Воздух, выносимый на поверхность, наполняли не только звуки скрипок, но и безошибочно узнаваемые запахи влаги и людского скопления.

Это усугубляло дурные предчувствия Сински.

Когда по лестнице поднялась группа туристов и с довольным видом разговаривая, вышла из здания, швейцар позволил спуститься следующей группе.

Брюдер тут же направился ко входу, но швейцар остановил его вежливым жестом. - Одну минуту, сэр. Помещение переполнено. Очередной посетитель выйдет уже меньше, чем через минуту. Спасибо за понимание.

По виду Брюдера, он был готов вломиться, но Сински положила руку ему на плечо и потянула его в сторону.

- Стойте, - скомандовала она. - Ваша группа скоро прибудет, а в одиночку вы не должны обследовать это место. - Она указала на табличку у двери. - Это водохранилище огромно.

На информационной табличке было описание подземного пространства масштабов собора - в длину почти два футбольных поля - при этом площадь потолка достигала десяти тысяч квадратных метров, и подпирал его лес из 336 мраморных колонн.

- Взгляните на это, - сказал Лэнгдон, стоявший в нескольких метрах поодаль. - Вы не поверите.

Сински повернулась к нему. Лэнгдон указал на концертную афишу на стене.

О, Боже мой.

Директор ВОЗ не ошиблась в определении стиля музыки как "романтический", но исполнявшийся фрагмент был сочинён не Берлиозом, а другим композитором романтического направления - Ференцем Листом.

В этот вечер глубоко под землёй Стамбульский государственный симфонический оркестр исполнял одно из известнейший сочинений Ференца Листа - его Данте-симфонию - вся композиция была навеяна дантовским нисхождением в ад с возвращением из него.

- Выступление продолжается всю неделю, - сказал Лэнгдон, тщательно изучая мелкий шрифт плаката. - Бесплатный концерт. Подписано анонимным благотворителем.

Сински подозревала, кто этот анонимный спонсор. Вкус Бертрана Зобриста к драматическому, судя по всему, был также и безжалостной практической стратегией. Эта неделя бесплатных концертов привлечет на тысячи больше туристов, чем обычно спускается в хранилище, и они окажутся в переполненном месте… где они будут дышать зараженным воздухом, затем уедут по домам, находящимся здесь и за границей.

- Сэр? - швейцар обратился к Брюдеру. - У нас есть комната еще на двоих.

Брюдер повернулся к Сински.

- Вызовите местные власти. Что бы мы ни нашли там, нам нужна поддержка. Когда моя команда будет здесь, пусть они свяжутся со мной по радио для получения дальнейших указаний. Я спущусь и посмотрю, смогу ли я найти, где Зобрист установил это.

- Без респиратора? - спросила Сински. - Вы не знаете, остался ли Солюблоновый пакет до сих пор целым и невредимым.

Брюдер нахмурился, задержав руку в теплом потоке воздуха, выходившем из дверного проема. - Не хочу говорить об этом, но если инфекция вышла наружу, то все в этом городе, возможно, уже заражены.

Сински думала о том же, но не хотела говорить при Лэнгдоне и Мирсате.

- Кроме того, - добавил Брюдер, - я уже видел, что происходит с толпой, когда моя команда шагает в биозащитных костюмах. Начнется всеобъемлющая паника и давка.

Сински решила уступить Брюдеру; в конце концов, он - специалист, и попадал в такие ситуации раньше.

- Наш единственный шанс, - сказал ей Брюдер, - это предположить, что оно все еще в сохранности, и попытаться его локализовать.

- Хорошо, - сказала Сински. - Сделайте это.

- Есть другая проблема, - прервал Лэнгдон. - Вы не забыли про Сиенну?

- А что с ней? - спросил Брюдер.

- Какими бы ни были ее намерения здесь, в Стамбуле, она очень хорошо знает несколько языков и, возможно, немного говорит на турецком.

- И?

- Она знает, что в поэме говорится о “затонувшем дворце”, - сказал Лэнгдон. - А в Турции, “затонувший дворец” буквально указывает… - Он жестом показал на вывеску “Еребатан-сарай” над дверным проемом. - …прямо сюда.

- Верно, - устало согласилась Сински. - Она могла догадаться об этом и вообще миновать собор Святой Софии.

Брюдер взглянул на одинокий вход и тихо выругался. - Хорошо. Если она внизу и собирается вскрыть солюблоновый пакет, прежде чем мы локализуем его, то, по крайней мере, она находится там не так долго. Это огромная территория, и, вероятно, она понятия не имеет, где искать. И, возможно, из-за всех этих людей вокруг, она не сможет погрузиться в воду незамеченной.

- Сэр? - швейцар снова обратился к Брюдеру. - Вы хотите войти сейчас?

Брюдер увидел еще одну группу любителей симфонической музыки, приближающуюся по улице, и кивнул швейцару, соглашаясь войти.

- Я иду с вами, - сказал Лэнгдон, следуя за ним.

Брюдер повернулся и посмотрел на него. - Не рискуй.

Тон Лэнгдона был непреклонным. - Агент Брюдер, одна из причин, по которой мы попали в эту ситуацию - это то, что Сиенна Брукс водила меня за нос весь лень. И, как вы сказали, возможно, мы уже заражены. Я помогу вам, нравится вам это или нет.

Брюдер на секунду пристально посмотрел на него, затем уступил.

Когда Лэнгдон вошел в дверной проем и стал спускаться по крутым ступеням позади Брюдера, он почувствовал теплый ветер, порывами налетающий на них из глубины хранилища. Влажный бриз донес звуки “Симфонии Данте” Листа вместе с узнаваемым, но непередаваемым запахом… запахом огромного бедствия, ожидающего людей, собравшихся вместе в закрытом пространстве.

Лэнгдон внезапно почувствовал призрачную пелену, обволакивающую его, как будто длинные пальцы невидимой руки протянулись из земли и прошлись по его телу.

Музыка.

Симфонический хор - сотни энергичных голосов - теперь напевал хорошо знакомый отрывок, отчетливо произнося каждый слог мрачного текста Данте.

- Lasciate ogne speranza, - сейчас распевали они, - voi ch’entrate

Эти шесть слов - самая известная строка всего “Ада” Данте - поднимались от подножия лестницы подобно зловещему запаху смерти.

В сопровождении нарастающих звуков трубы и валторны, хор снова пропел предостережение. “Lasciate ogne speranza voi ch’entrate!”

Оставь надежду всяк сюда входящий!

Глава 91

Залитая красным светом подземная пещера резонировала звуками, вдохновленными преисподней - завыванием голосов, крохотной неблагозвучностью строк и глубоким боем литавр, которые барабанили сквозь грот подобно сейсмическим колебаниям.

Насколько Лэнгдон мог видеть, пол этого подземного царства представлял собой зеркальный слой воды - темный, спокойный и гладкий - как черный лед на замерзшем пруду Новой Англии.

Лагуна, не отражающая звезд.

Возвышаясь над водой, скрупулезно расположенные, казалось, в бесконечные ряды, сотни толстых дорических колонн поднимались на тридцать футов вверх, чтобы поддерживать сводчатый потолок пещеры. Колонны были освещены снизу группой отдельных красных прожекторов, создавая фантастический лес светящихся стволов, сжимающихся в темноте как своего рода зеркальная иллюзия.

Лэнгдон и Брюдер остановились у подножия лестницы, мгновенно оказавшись у края спектральной впадины. Сама пещера, казалось, пылала красноватым оттенком, и поскольку Лэнгдон был уже обессилен, он дышал неглубоко как только мог.

Воздух был более влажным, чем он представлял.

Лэнгдон смотрел на толпу, находящуюся на расстоянии слева от них. Концерт проходил в глубине подземного пространства, на полпути к дальней стене, его аудитория располагалась на открытых трибунах. Несколько сотен зрителей сидели в концентрических кольцах, расположенных вокруг оркестра, в то время как сотня других стояла по периметру. Остальные заняли свои места на ближайшем дощатом помосте, опираясь на крепкие перила, и глядели вниз, в воду, слушая музыку.

Лэнгдон исследовал море бесформенных силуэтов, его глаза искали Сиенну. Ее нигде не было видно. Вместо этого он видел фигуры, одетые в смокинги, платья, бишты, паранджи, и даже туристов в футболках и шортах. Профиль человечества, собранного воедино под багровым светом, напоминал Лэнгдону участников религиозного обряда на оккультном собрании.

Если Сиенна здесь, осознал он, обнаружить ее будет почти невозможно.

В этот момент грузный мужчина прошел мимо них, и кашляя, вышел вверх по лестнице. Брюдер развернулся и проводил его глазами, внимательно рассматривая. Лэнгдон

почувствовал слабое першение в своем горле, но убедил себя, что во всем виновато его воображение.

Брюдер сделал осторожный шаг вперед на помост, рассматривая их многочисленные варианты. Путь перед ними походил на вход в лабиринт минотавра. Одинокий помост быстро разделялся на три, затем разветвляясь снова и снова, создавая подвесной лабиринт, парящий над водой, проходящий зигзагами между колоннами и извивающийся в темноте.

“Я очутился в сумрачном лесу”, подумал Лэнгдон, вспоминая зловещую первую песню шедевра Данте, “утратив правый путь во тьме долины”.

Лэнгдон посмотрел через перила на воду. Она была удивительно чистой и глубиной около четырех футов. Плиточный пол, покрытый тонким слоем ила, был хорошо виден.

Брюдер бегло посмотрел вниз, уклончиво поворчал, затем поднял взгляд обратно в комнату. - Видишь, что-нибудь похожее на место из видео Зобриста?

Да тут все похоже, подумал Лэнгдон, осматривая крутые, влажные стены вокруг них. Он указал на самый отдаленный уголок пещеры, далеко вправо, в другую сторону от оркестровой трибуны. - Я думаю, нам туда.

Брюдер кивнул. - Чутье подсказывает мне тоже самое.

Вдвоём они спешно пошли вдоль помоста, свернув на развилке вправо - это уводило их от толпы, в направлении удаленных покоев затопленного дворца.

По дороге Лэнгдон думал, до чего просто в таком пространстве затеряться на целый вечер, оставшись незамеченным. Зобрист мог так и поступить - для съёмки своего видео. Разумеется, раз он расщедрился на оплату недельной серии концертов, то мог с легкостью запросить провести в водохранилище нужное ему время.

Теперь это уже не так важно.

Брюдер зашагал быстрее, будто он подсознательно подстраивался под темп той симфонии, который нарастал, переходя в череду смешанных низких полутонов.

Нисхождение в ад Данте с Виргилием.

Лэнгдон пристально оглядел крутые, замшелые стены в отдалении справа, пытаясь сопоставить их с тем, что они видели на видео. На каждой новой развилке дощатого помоста они поворачивали направо, удаляясь от толпы, направляясь в самый отдалённый уголок пещеры. Лэнгдон посмотрел назад и был поражён расстоянием, которое они прошли.

Дальше они продвигались чуть ли не вприпрыжку, мимо слонявщихся мелкими группами посетителей, и ко времени их приближения к удалённым местам водохранилища люди постепенно исчезли.

Брюдер и Лэнгдон остались одни.

- Везде всё выглядит одинаково, - выдавил Брюдер. - С какого места начнём?

Лэнгдон был, как и он, раздосадован. Он живо представлял себе то видео, но здесь не подвёртывалось ничего узнаваемого.

Лэнгдон посмотрел на подсвеченные мягким светом объявления, которые были установлены повсюду на настиле впереди. Одно сообщало об объёме помещения в двадцать один миллион галлонов. Другое указывало на отличающуюся от прочих колонну, которая была украдена из соседнего здания в процессе строительства. Ещё одно, помимо надписи, содержало изображение древней резьбы, теперь исчезнувшей – символ плачущего куриного глаза, который оплакивал всех рабов, погибших во время строительства водохранилища.

Странным образом, в этой надписи было всего одно слово, от которого Лэнгдон остановился как вкопанный.

Брюдер тоже остановился и обернулся. - Что-то не так?

Лэнгдон указал жестом.

В надписи со стрелкой было имя одной горгоны - печально известного женоподобного чудища.

МЕДУЗА =>

Брюдер прочёл надпись и пожал плечами. - И что?

Сердце Лэнгдона заколотилось. Он знал, что Медуза была не только устрашающим змееволосым существом, чей взгляд мог обратить в камень любого на неё взглянувшего, но ещё и не последней в пантеоне греческих божеств подземного царства - тех, что известны под наименованием хтонических чудовищ.

Иди во глубь, в затопленный дворец…

ведь там во тьме хтоничный монстр ждёт…

Она указывала путь, понял Лэнгдон, перейдя на бег вдоль настила. Брюдер едва поспевал за ним, пока Лэнгдон двигался зигзагами в темноте, следуя указателям с Медузой. Наконец, он достиг тупика на небольшой смотровой площадке возле основания правой стены водохранилища.

Там ему открылось невероятное зрелище.

Из воды выступала огромная глыба мрамора - голова Медузы - с извивающимися змеями вместо волос. Её присутствие здесь казалось ещё экзотичнее от того, что голова была поставлена на шею перевёрнутой.

Перевёрнута в знак проклятия, понял Лэнгдон, представив себе Карту ада Боттичелли и грешников, которых тот перевёрнутыми поместил во Рвы порока.

Брюдер, тяжело дыша, стал у перил рядом с Лэнгдоном, глядя на перевернутую Медузу с недоумением.

Лэнгдон подозревал, что резная голова, которая сейчас служила постаментом для одной из колонн, возможно, была привезена откуда-то посредством грабежа и использовалась здесь, как недорогой материал для здания. Причиной перевернутого положения Медузы, несомненно, являлось суеверное убеждение, что таким образом она лишится своих темных сил. Даже при этом, Лэнгдон не мог избавиться от шквала преследующих мыслей, одолевавших его.

Ад Данте. Финал. Центр земли. Гравитация меняет направление. Верх оказывается внизу.

Кожу Лэнгдона покалывало от дурного предчувствия. Он искоса посмотрел сквозь красноватую дымку, окружавшую голову скульптуры. Большая часть кишащих змеями волос Медузы была погружена в воду, но ее глаза остались над поверхностью, обращенные влево, на лагуну.

Лэнгдон с опаской перегнулся через ограждение так, чтобы направить свой взгляд туда же, куда смотрели глаза скульптуры - в знакомый на вид пустующий угол дворца.

Через мгновение он понял.

Вот где было то место.

Эпицентр Зобриста.

Глава 92

Агент Брюдер незаметно опустился вниз, скользнув по перилам и погрузившись по грудь в воду. Внезапный прилив ледяной жидкости пропитал его одежду, его мышцы напряглись от холода. Пол хранилища был скользким под его ботинками, но достаточно надежным. Он постоял немного, всё проанализировав, затем посмотрел на концентрические круги воды, колышущиеся вдали от его тела, словно ударные волны пересекающие лагуну.

На секунду Брюдер задержал дыхание. Двигайся медленно, сказал он себе. Не создавай волнения.

Лэнгдон стоял над ним у перил, рассматривая окружающие помосты.

- Все сидят, - прошептал Лэнгдон. - Никто не видит тебя.

Брюдер повернулся и посмотрел на огромную перевернутую голову Медузы, которая была освещена ярким красным прожектором. Перевернутый монстр выглядел сейчас намного больше, так как Брюдер оказался с ним на одном уровне.

- Следуй за взглядом Медузы на лагуну, - прошептал Лэнгдон. - У Зобриста была склонность к символизму и драматичности…Не удивлюсь, если он поместил свое творение прямо на линии смертельного взгляда Медузы.

Великие умы мыслили одинаково. Брюдер испытывал чувство благодарности к Лэнгдону, который настаивал спуститься вниз вместе с ним; опыт Лэнгдона почти мгновенно привел их в этот отдаленный уголок хранилища.

Как только напевы симфонии Данте продолжились, отражаясь на расстоянии, Брюдер вынул свой водонепроницаемый фонарик Товатек и погрузил его в воду, щелкнув переключателем. Яркий галогеновый луч пронзил водное пространство, освещая пол хранилища перед ним.

Полегче, напоминал себе Брюдер. Главное, не потревожить эту штуковину.

Не говоря ни слова, он начал свое осторожное путешествие по лагуне, медленно опустившись в воду, методично манипулируя своим фонариком туда и обратно, как подводный минный тральщик.

Лэнгдон, стоявший у ограждения, почувствовал тревожную стянутость в горле. Воздух в хранилище, несмотря на его влажность, был затхлым и обеднен кислородом. Пока Брюдер осторожно заплывал в лагуну, профессор убеждал себя, что всё будет в порядке.

Мы добрались вовремя.

Всё в нетронутом виде.

Группа Брюдера сможет это изолировать.

Несмотря на это, Лэнгдон был весь на нервах. Всю жизнь страдая от клаустрофобии, он знал, что мог быть встревожен здесь внизу при любом положении дел. Около тысячи тонн земли парили на головой…поддерживаемые ничем, кроме разрушающихся колонн.

Он изгнал из головы эту мысль и ещё раз окинул взглядом пространство позади себя на предмет любопытствующих посторонних.

Всё в порядке.

Единственные люди, находившиеся неподалеку, стояли на других помостах и смотрели в противоположном направлении, в сторону оркестра. Казалось, никто не заметил Брюдера, медленно плавающего в воде в дальнем углу хранилища.

Лэнгдон снова повернулся к лидеру группы наблюдения и захвата, чей погруженный в воду галогеновый луч все еще пугающе дергался перед ним, освещая путь.

Но как только Лэнгдон сделал это, внезапно боковым зрением он уловил какое-то движение слева - зловещую черную фигуру, поднимающуюся из воды прямо перед Брюдером. Он развернулся и уставился в угрожающую темноту, словно надеясь увидеть своего рода левиафана, поднимающегося из-под поверхности.

Брюдер вдруг остановился, видимо, тоже это заметив.

В дальнем углу колеблющаяся черная фигура возвышалась примерно на тридцать футов вверх по стене. Призрачный силуэт выглядел почти идентичным врачевателю чумы, появившемуся в фильме Зобриста.

Это тень, понял Лэнгдон, облегченно выдохнув. Тень Брюдера.

Тень появилась, когда Брюдер прошел мимо погруженного в лагуну прожектора, по-видимому, также как и тень в видео Зобриста.

- То самое место, - крикнул Лэнгдон Брюдеру. - Ты близко.

Брюдер кивнул и продолжил медленно перемещаться по лагуне. Лэнгдон продвигался вдоль перил, оставаясь рядом с ним. Пока агент плыл все дальше и дальше, Лэнгдон кинул еще один беглый взгляд в сторону оркестра, с целью убедиться, что Брюдера не заметили.

Все в порядке.

Лэнгдон снова повернулся к лагуне, и его взгляд привлек блеск отраженного света на помосте у его ног.

Он посмотрел вниз и увидел крошечную лужицу красной жидкости.

Кровь.

Как ни странно, Лэнгдон стоял прямо на ней.

У меня идет кровь?

Лэнгдон не чувствовал боли, но все же начал лихорадочно искать на себе хоть какую-то рану или вероятную реакцию на невидимые токсины в воздухе. Он проверил нос на возможное кровотечение, затем ногти и уши.

Недоумевая, откуда была кровь, Лэнгдон осмотрелся вокруг, убедившись, что он был совсем один на безлюдном помосте.

Лэнгдон снова посмотрел на лужицу, на этот раз заметив крошечный ручеек, текущий вдоль помоста и собирающийся в углублении у его ног. Красная жидкость, казалось, начинается где-то впереди и стекает по наклоненному помосту.

Там кто-то ранен, подумал Лэнгдон. Он быстро взглянул на Брюдера, приближающегося к центру лагуны.

Лэнгдон быстро зашагал вверх по дорожке, следуя за ручьем. По мере продвижения к тупику, ручей становился шире, беспрепятственно протекая дальше. Куда он ведет? В этот момент он превратился в маленький ручеек. Лэнгдон ускорил шаг, следуя за жидкостью до самой стены, где помост внезапно окончился.

Тупик.

В мрачной темноте он нашел большую лужу, блестевшую красным цветом, как будто здесь только что кого-то убили.

И в тот момент, когда Лэнгдон увидел красную жидкость, капающую с помоста вниз в хранилище, он понял, что его первоначальное предположение было ошибочным.

Это не кровь.

Красные огни огромного пространства, в сочетании с красным цветом помоста, создали иллюзию, придававшую этим чистым каплям темно-красный оттенок.

Это простая вода.

Вместо того, чтобы вызвать облегчение, открытие пронизало его притупленным страхом. Он посмотрел вниз на лужу крови, теперь рассмотрев брызги на перилах…и следы ног.

Здесь кто-то выбирался из воды.

Лэнгдон развернулся, чтобы крикнуть Брюдеру, но тот был слишком далеко. Музыка становилась все громче от духовых инструментов и литавр. Она была оглушительной. Лэнгдон неожиданно почувствовал присутствие рядом с собой.

Я здесь не один.

Двигаясь медленно, Лэнгдон повернулся к стене, где оканчивался помост. В десяти шагах окутанного тенью пространства, он мог различить округлую фигуру, похожую на большой камень, облаченный в черную ткань, с которого стекала вода. Фигура была неподвижной.

Затем она начала движение.

Фигура вытянулась, повернув свою безликую голову вверх из согнутого положения.

Этот человек накинул на себя черную паранджу, осознал Лэнгдон.

Традиционный мусульманский костюм не открывал лица, но когда закрытая вуалью голова повернулась к Лэнгдону, материализовались два темных глаза, глядевшие сквозь узкую щель закрытого лица паранджи, задержавшись на Лэнгдоне.

Ненадолго, - понимал он.

Сиенна Брукс стремительно бросилась из своего укрытия. Она за пару шагов ускорилась до спринта и, таранным наскоком свалив Лэнгдона, рванула по настилу.

Глава 93

Тем временем, агент Брюдер остановился в лагуне как вкопанный. Галогеновый луч его фонарика Товатек только что поймал резкий блеск металла впереди, на дне подводного хранилища.

Едва дыша, Брюдер осторожно подошел ближе, чтобы не создать лишних волн на воде. Сквозь зеркальную поверхность он мог разглядеть гладкий титановый прямоугольник, привинченный ко дну.

Табличка Зобриста.

Вода была столь прозрачной, что он мог разобрать завтрашнюю дату и сопроводительный текст:

В ЭТОМ МЕСТЕ, В ЭТО ВРЕМЯ, МИР ИЗМЕНИЛСЯ НАВСЕГДА.

Не торопись, задумался Брюдер. У нас есть еще несколько часов до завтра, чтобы остановить это.

Представляя видео Зобриста, Брюдер спокойно переместил луч фонарика влево от таблички, в поисках подвязанного солюблонового пакета. Как только луч осветил затемненную воду, Брюдер пришел в замешательство.

Пакета нет.

Он переместил луч еще левее, точно туда, где пакет появлялся на видео.

По-прежнему ничего.

Но… он же был прямо здесь!

Стиснув зубы, Брюдер осторожно подошел еще ближе, медленно исследуя лучом фонарика всю область.

Пакета не было. Только табличка.

У Брюдера мелькнула надежда, что, возможно, эта угроза, как и многое другое в этот день, была всего лишь иллюзией.

Всё это было блефом?!

Зобрист что, просто хотел нас напугать?!

И тут он всё увидел.

Слева от таблички, хорошо заметной на полу лагуны, лежала ослабленная веревка. Веревка выглядела как безжизненный червь в воде. Далеко на конце веревки была маленькая пластиковая застежка, с которой свисали несколько клочьев Солюблонового пластика.

Брюдер уставился вниз на потрепанные остатки прозрачного пакета. Он был закреплен на конце веревки, подобно изорванному узлу лопнувшего воздушного шарика.

Истина постепенно до него дошла.

Мы опоздали.

Он представил себе, как погружённый в воду пакет растворяется… его смертоносное содержимое расползается в воде… и пузырями поднимается к поверхности воды в лагуне.

Дрожащим пальцем он выключил свой фонарик и постоял в темноте, пытаясь собрать мысли.

Мысли эти тут же обратились в молитву.

Да поможет всем нам Бог.

- Агент Брюдер, повторите! - закричала Сински по рации, спустившись на половину лестничного пролёта к водохранилищу, чтобы улучшить приём. - Я не разобрала.

Теплый ветер порывами проносился мимо нее вверх к открытой двери. Снаружи прибыла группа обнаружения и захвата и ее члены готовились перед зданием, стараясь, чтобы их защитные костюмы были скрыты от посторонних глаз, пока они ждут что скажет Брюдер.

- … пакет порван…, - трещал в рации Сински голос Брюдера. - … и … выпушен.

Что?! Сински молилась, что она чего-то недопоняла и поспешила дальше вниз по ступенькам. - Повтори! - скомандовала она, приближаясь к подножию лестницы, где музыка оркестра стала громче.

Голос Брюдера на этот раз был чище.

- … повторяю… заражение распространилось!

Сински, пошатываясь, двинулась вперед, почти вваливаясь через входную дверь водохранилища на дне колодца. Как это могло случиться?!

- Пакет растворился, - голос Брюдера стал громко прорываться по рации. - Содержимое в воде!

Холодный пот прошиб Доктора Сински, когда она подняла глаза и попыталась представить открывшуюся перед ней преисподнюю. Сквозь красноватую дымку она увидела бескрайнюю водную гладь, из которой вырастают сотни колонн. А, главное, она увидела людей.

Сотни людей.

Сински посмотрела на толпу ничего не подозревающих людей, которые все были заключены в адской смертельной ловушке Зобриста. Затем инстинктивно среагировала.

- Агент Брюдер, немедленно сюда. Мы начинаем незамедлительную эвакуацию людей.

Брюдер отреагировал незамедлительно. - Ни в коем случае! Блокировать двери! Никто не должен отсюда выходить!

Будучи руководителем Всемирной организации здравоохранения, Элизабет Сински привыкла к беспрекословному выполнению собственных указаний. На мгновение ей показалось, что она не так поняла слова ведущего агента группы наблюдения и захвата. Блокировать двери?

- Доктор Сински! - закричал Брюдер, заглушая звуки музыки. - Вы меня поняли?! Закрыть двери к чертям собачьим!

Брюдер повторил приказание, но такой необходимости не было. Сински знала, что он прав. Перед лицом возможной пандемии единственным приемлемым вариантом была изоляция.

Сински рефлекторно дотянулась до своего лазуритового амулета и сжала его. Пожертовать немногими, чтобы спасти многих. Она решительно поднесла рацию к губам.

- Подтверждаю, Агент Брюдер. Я прикажу опечатать двери.

Сински готова была отвернуться от ужаса водохранилища и дать команду блокировать территорию, когда вдруг почувствовала суматоху в толпе.

Неподалеку женщина в черной парандже неслась к ней по дощатому настилу, сметая всех на своем пути. Казалось, женщина в парандже направляется прямо в сторону Сински и к выходу.

Её преследуют, поняла Сински, заметив бегущего за ней мужчину.

Тут Сински остолбенела. Это же Лэнгдон!

Взгляд Сински вернулся к женщине в парандже, которая теперь быстро приближалась и что-то выкрикивала по-турецки всем людям на помосте. Сински не знала турецкого, но судя по панической реакции людей, слова той женщины прозвучали в переполненном помещении примерно как "Пожар!"

Волна паники пронеслась по толпе, и оказалось, что не только женщина в парандже и Лэнгдон бежали к лестнице. Бежали все.

Сински повернулась спиной к охваченной паникой толпе и стала отчаянно кричать своей команде.

- Заприте двери! - Кричала Сински. - Опечатайте водохранилище! Сейчас же!

Когда Лэнгдон свернул за угол, в лестничный колодец, Сински была на полпути вверх по лестнице, взбираясь к поверхности и дико крича, чтобы закрыли двери. Сиенна Брукс почти догоняла ее, сражаясь с тяжелой, мокрой паранджой, пока она неуклюже лезла вверх.

За ним Лэнгдон чувствовал, как посетители концерта приливной волной хлынули вслед за ним.

"Блокируйте выход!" Снова прокричала Сински.

Длинные ноги Лэнгдона пролетали по три ступени лестничного пролета, быстро нагоняя Сиенну. Выше, он видел, что тяжелые двойные двери водохранилища начали закрываться.

Слишком медленно.

Сиена настигла Сински, схватив ее за плечо надавила на него, используя как рычаг, начала карапкаться к выходу. Сински оперлась на колени, и ее любимый амулет, упав на цементный пол разбился на две части.

Лэнгдон боролся с инстинктом остановиться и помочь упавшей женщине, но вместо этого, он промчался мимо нее прямо по направлению к верхней площадке.

Сиенна была на расстоянии лишь нескольких футов, почти в пределах досягаемости, но она уже добралась до площадки, а двери закрывались слишком медленно. Не сбавляя шаг, Сиенна ловко протиснула тонкое тело и запрыгнула боком в открытую щель.

На полпути к выходу её бурка зацепилась за замок, тем самым замедлив ход, Сиенна осталась зажатой между дверьми всего в нескольких дюймах от свободы. Пока она пыталась высвободиться, Лэнгдон просунул руку и ухватился за край её паранджи. Он стремительно схватил её, оттягивая назад, но она отчаянно сопротивлялась, и внезапно в руке Лэнгдона остался только кусок мокрой ткани.

Двери захлопнулись, едва Лэнгдон успел высвободить руку. Теперь ткань оставалась зажатой в дверном проеме, лишая возможности людей снаружи держать двери полностью заблокированными.

Сквозь узкую щель Лэнгдон увидел, как Сиенна Брукс припустила через запруженную улицу, ее лысая голова отсвечивала в свете уличных фонарей. На ней был то же свитер и голубые джинсы, что и весь день, и Лэнгдон ощутил, как внутри него нарастает жгучее чувство, что его предали.

Чувство длилось только мгновение. Внезапный, сокрушительный толчок прижал Лэнгдона к двери.

Позади была толпа охваченная паникой.

По лестничной шахте эхом разносились крики ужаса и смятения, а звуки симфонического оркестра внизу выродились в беспорядочную какофонию. Лэнгдон ощущал, как давление ему в спину нарастает вместе с уплотнением в этом узком месте. Его грудную клетку начинало с болью прижимать к двери.

Потом двери внезапно вывернуло наружу, и Лэнгдона вынесло в ночь подобно пробке из бутылки шампанского. Он оказался на тротуаре, буквально выпав на улицу. Позади него из-под земли вытекал человеческий поток - подобно муравьям, бегущим из отравленного муравейника.

Агенты службы безопасности, слышали звуки хаоса, которые теперь вырывались из здания. Их появление в полном обмундировании и в респираторах мгновенно усилило панику.

Лэнгдон обернулся и стал пристально рассматривать улицу в том направлении, куда убежала Сиенна. Все, что он увидел, это движение, огни, сметение.

Затем, в одно мгновение, вниз по улице слева от него, в темноте, промелькнул отблеск лысой головы, стремительно промчавшись вдоль тратуара, он скрылся за углом.

Лэнгдон отчаянно посмотрел назад, пытаясь найти Сински или полицейского, или агента службы, который не был бы одет в защитный костюм.

Ничего.

Лэнгдон знал, что он был сам по себе.

Не долго думая, он бросился за Сиенной.

В самой глубине водохранилища агент Брюдер стоял совсем один по пояс в воде. Туристы и музыканты, охваченные паникой, толкаясь пробирались к выходу, звуки обезумевшей толпы эхом доносились до него в кромешной тьме.

Двери никогда не были запечатаны, к своему ужасу понял Брюдер. Удержание не удалось.

Глава 94

Роберт Лэнгдон не был легкоатлетом, но годы плавания оказались полезны для его ног - шаг был широким. Он достиг угла улицы за несколько секунд и, завернув за него, оказался на широком проспекте. Он пристальным взглядом окинул тротуары.

Она должна быть здесь!

Дождь прикратился, и с этого места Лэнгдон мог отлично рассмотреть всю хорошо освещенную улицу. Здесь негде укрыться.

Однако Сиенна, казалось, исчезла.

Лэнгдон подошел к остановке, поставив руки на бедра, задыхаясь, он осмотрел залитую дождем улицу. Единственное движение, которое оживляло улицу, и которое он смог уловить, было на растоянии 50 ярдов от него, это был один из современных автобусов Стамбула.

Сиенна запрыгнула в городской автобус?

Казалось, что это крайне опасно. Осознает ли она, что этим загнала себя в ловушку, поскольку знает, что её будут искать? Или она полагает, что никто не видел, как она скрылась за углом, тогда случайно подъехавший автобус был прекрасной возможностью оторваться и выиграть время…

Возможно.

На крыше автобуса была прикреплена табличка с пунктом назначения — программируемая матрица огоньков складывалась в надпись: ГАЛАТА

Лэнгдон стремительно пересек улицу и обратился к пожилому человеку, который стоял под навесом возле ресторана. Он был прилично одет в вышитую тунику и белый тюрбан.

“Простите,” подбегая к мужчине, задыхаясь сказал Лэнгдон. “Вы говорите по-английски?”

“Разумеется,” сказал мужчина, внимательно рассматривая Лэнгдона, удивленный его настойчивым тоном.

“Галата?! Это место?”

“Галата?” повторил человек. “Мост Галата? Башня Галата? Галата-порт?”

Лэнгдон указал на отъезжающий автобус. “Галата! Куда едет автобус!”

Мужчина в тюрбане посмотрел вслед автобусу и на момент задумался. “Галатский мост”, ответил он. “Он отправляется из старого города и пересекает бухту.”

Лэнгдон застонал, он ещё раз окинул взглядом улицу, но так и не увидел следов Сиенны. Кареты служб экстренного реагирования пронеслись мимо них в направлении водохранилища, и теперь звук сирен был слышен повсюду.

- Что происходит? - обеспокоенно поинтересовался мужчина. - Все в порядке?

Лэнгдон ещё раз посмотрел вслед уходящему автобусу и понял, что это безумие, но у него не было выбора.

“Нет, сэр,” ответил Лэнгдон. “Существует чрезвычайная ситуация, и я нуждаюсь в Вашей помощи.” Он двинулся к обочине, куда служащий только пригнал шикарный, серебристый “Бентли”. “Это Ваш автомобиль?”

“Да, но -“

“Мне нужен транспорт,” Сказал Лэнгдон. “Я знаю, мы никогда не встречались, но происходит нечто страшное. Это вопрос жизни и смерти.”

Человек в тюрбане какое-то время пристально смотрел в глаза профессора, словно пытался увидеть его душу. Наконец он одобрительно кивнул. “Тогда нам лучше познакомиться.”

Как только Бентли рванул с места, Лэнгдона впечатало в сиденье. Мужчина явно был опытным водителем и, казалось, он получал наслаждение от этой гонки.

Менее чем через три квартала ему удалось пристроить свое Бентли прямо за автобусом. Лэнгдон наклонился вперед и щурясь посмотрел в заднее окно. В салоне было мало света и он сумел разобрать лишь смутные силуэты пассажиров.

“Оставайтесь рядом с автобусом, пожалуйста,” Сказал Лэнгдон. “А у Вас есть телефон?”

Мужчина достал сотовый из кармана и протянул его пассажиру, который горячо его поблагодарил, однако затем понял, что не представляет, кому он может позвонить. У него не было номера телефона ни Сински, ни Брюдера, а попытка дозвониться до офиса ВОЗ в Швейцарии может занять целую вечность.

- Как мне связаться с местной полицией? - спросил Лэнгдон.

“Один-пять-пять,” ответил мужчина. “Во всем Стамбуле.”

Лэнгдон набрал три цифры и стал ждать. Было впечатление, что гудки продляться вечность. Наконец, включился автоответчик, проигрывая запись на турецком и на английскм, оповещая о том, что из-за перегрузки необходимо оставаться на линии. Лэнгдон задумался, была ли причина такой перегрузки телефонной линии связана с происшествием в водохранилище.

Затопленный дворец, вероятно, теперь пребывал в состоянии полного хаоса. Он представил себе, как Брюдер выбирается из лагуны, и размышлял, что же он там обнаружил. Лэнгдона подтачивало ощущение, что он это уже знает.

Сиенна оказалась в воде до него.

Впереди вспыхнули тормозные огни и автобус, съехав на обочину, остановился у автобусной остановки. Водитель припарковал Бентли в пятидесяти футах позади автобуса и Лэнгдону открылся прекрасный вид на пассажиров, входящих и выходящих. Только трое мужчин высадились, Лэнгдон внимательно изучал каждого, полностью осознавая мастерство с которым Сиенна умела маскироваться.

Его глаза вновь устремились к заднему стеклу автобуса. Оно было тонированное, но свет внутри достаточно яркий и Лэнгдон видел людей более четко. Он наклонился вперед, вытягивая шею, приникнув лицом к лобовому стеклу Бентли он искал Сиенну

Неужели этот риск оказался напрасным!

Вдруг он увидел её.

В заднем конце автобуса, лицом в другую сторону, кто-то сидел, склонив узкие плечи до стриженного затылка.

Это могла быть только Сиенна.

Автобус тронулся и освещение салона снова исчезло. В мимолетные секунды, прежде чем исчезнуть во тьме, она повернула голову назад, глядя в заднее стекло.

Лэнгдон опустился вниз на сиденье, в тень салона Бентли. Она меня видела? Его водитель в тюрбане с готовностью продолжил преследовать автобус.

Дорога начала спускаться к воде и впереди Лэнгдон увидел огни низко посаженого моста, тянущегося по самой воде. Казалось что проезд по мосту полностью закрыт. На самом деле вся площадь перед мостом выглядела перегруженной.

- Египетский базар, - сказал мужчина. - Место популярно в дождливые ночи.

Водитель указал вниз, к краю воды, где невероятно длинное здание сидело в тени одной из наиболее впечатляющей мечети Стамбула - Новой мечети, и если Лэнгдон не ошибался, судя по высоте этих знаменитых близнецов-минаретов, Египетский Базар выглядел больше чем большинство американских торговых центров, и Лэнгдон увидел потоки людей, текущие в оба направления через огромные арочные ворота.

-Алло?! - тихий голос произнес где-то в машине, - Экстренная помощь! Алло?! (тур)

Лэнгдон посмотрел вниз, на телефон в руке. Полиция.

- Да, здравствуйте! - выпалил Лэнгдон, подняв телефон. - Мое имя Роберт Лэнгдон. Я работаю с ВОЗ. В вашем городском водохранилище серьезная авария и я преследую лицо виновное в этом. Она в автобусе около Египетского Базара, направляется в …

- Одну минуту, пожалуйста, - сказал оператор, - соединяю вас с диспетчером.

- Нет, стойте! - но Лэнгдону снова пришлось ждать.

Водитель "бентли" обернулся на него с испугом. - Что-то произошло в водохранилище?

Лэнгдон собрался объяснить, но лицо водителя внезапно стало красным как у демона.

Тормозные огни!

Голова водителя резко повернулась и Бентли остановился прямо за автобусом. Огни внутри зажглись снова и Лэнгдон увидел Сиенну как днем. Она стояла у задней двери, не переставая дергала за шнур аварийной остановки и стучала, что-бы выйти из автобуса.

Она меня видела, понял Лэнгдон. Несомненно, Сиенна видела и какое движение на мосту Галата и понимала, что не может рисковать попаданием в пробку.

Лэнгдон рывком открыл свою дверцу, но Сиенна уже выскочила из автобуса и быстро убегала в темноту. Лэнгдон всучил телефон его владельцу.

- Расскажите полиции, что произошло! Скажите, чтобы оцепили этот район!

Мужчина в тюрбане испуганно кивнул.

- И спасибо вам! -крикнул Лэнгдон. -Tesekkurler!

С этими словами Лэнгдон бросился вниз по склону за Сиенной, которая бежала к толпе гуляющих по Египетскому Базару.

Глава 95

Стамбульский трехсотлетний Египетский базар является одним из самых крупных крытых рынков в мире. Выстроенный в форме буквы L, протяженный комплекс имеет восемьдесят

восемь сводчатых комнат, разделенных на сотни киосков, где местные торговцы усердно продают в розницу ошеломляющее количество съедобных удовольствий со всего мира: фрукты, специи, травы и вездесущий, похожий на конфеты рахат-лукум, который производится только в Стамбуле.

Вход на базар — массивный каменный портал с готической аркой расположенный на углу Цветочного Рынка и улицы Тахмис, говорят что через него каждый день проходит более трехсот тысяч посетителей.

В этот вечер Лэнгдону, приближавшемуся ко входу на рынок, где люди роились как пчёлы, казалось, что народу там сейчас - все триста тысяч. Он упорно продолжал бежать, не упуская Сиенну из виду. Сейчас она опережала его всего на два десятка метров и направлялась к воротам базара, явно не собираясь останавливаться.

Сиенна достигла арочного входа и с трудом пробиралась против движения толпы. Она ползла сквозь поток людей, расчищая себе путь внутрь. Перешагнув за порог, она украдкой взглянула назад. Лэнгдон увидел в ее глазах испуганную маленькую девочку, бегущую без оглядки … отчаянную и не контролируемую.

- Сиенна! - прокричал он.

Но она нырнула в людскую массу и скрылась.

За ней нырнул и Лэнгдон, натыкаясь на людей, толкаясь и высовывая шею, пока не разглядел, как она свернула по западному проходу рынка в левую от него сторону.

Разноцветные бочки экзотических специй выстроились по пути: индийское карри, иранский шафран, китайский цветочный чай, их ослепительные цвета образовывали подобие туннеля из желтого, коричневого и золотого. С каждым шагом, Лэнгдон ощущал новые ароматы: острые от грибов, горькие от корней, мускусные от масел. Все разносилось по воздуху вперемежку с оглушительным хором языков со всего мира. В результате рождались невыносимые ощущения от этих чувственных раздражителей … на фоне непрекращающегося гомона людей.

Тысяч людей.

Мучительное чувство клаустрофобии охватило Лэнгдона, и он почти остановился, чтобы снова собраться с силами и продираться вглубь базара. Он видел впереди только на Сиенну, проталкивающуюся сквозь массы с непреклонной силой. Она явно была полна решимости идти до конца … куда бы не пришлось для этого идти.

На мгновение Лэнгдон задумался, зачем он её преследует.

Ради свершения правосудия? Учитывая, что сделала Сиенна, Лэнгдон совершенно не представлял, какое наказание её ждёт, будь она поймана.

Предотвратить эпидемию? Что сделано, то уже сделано.

Пока Лэнгдон проталкивался через океан незнакомцев, он внезапно понял, почему так отчаянно хотел остановить Сиенну Брукс.

Мне нужны ответы.

Опережая только на десять ярдов, Сиенна шла к выходу в конце западного ответвления базара. Она украдкой взглянула назад, увиденное встревожило — Лэнгдон очень близко. Снова повернувшись вперед, она споткнулась и упала.

Сиенна вскинула голову вперед, сталкиваясь с плечом человека перед ней. Как только он опустился, ее правая рука вылетела вперед в поисках чего-нибудь, что сможет остановить падение. Она нашла только край бочки с сушеными каштанами, который и схватила в отчаянии, надевая ее вверх дном на себя, и рассыпая орехи по полу во все стороны.

Лэнгдону потребовалось три шага, чтобы достичь того места, где она упала. Он посмотрел на пол, но увидел только опрокинутый бочонок и каштаны. Сиенны небыло.

Лавочник дико кричал.

Куда она делась?

Лэнгдон огляделся, но Сиенна каким-то образом исчезла. Потом его взгляд устремился к западному выходу всего в пятнадцати ярдах впереди, и он догадался что ее резкое падение было непреднамеренным.

Лэнгдон помчался к выходу и вывалился на огромную площадь, также переполненную людьми. Он оглядывал площадь в напрасных поисках.

Прямо перед ним, на противоположной стороне многополосной магистрали, через широкие воды Золотого Рога раскинулся мост Галата. Двойные минареты Новой Мечети выросли справа, ярко освещая площадь. И слева от него не было ничего, кроме открытой площади … заполненной людьми.

Рев автомобильных гудков впереди снова привлек внимание Лэнгдона на дорогу, которая отделяла площадь от воды. Он увидел Сиенну уже в сотне ярдов от себя, бегущую, что есть сил, чудом избежавшую смерти между двумя грузовиками. Она направлялась к морю.

Слева от Лэнгдона, на берегу Золотого Рога бурлила деятельность транспортного узла — доков парома, автобусов, такси и туристических катеров.

Лэнгдон помчался через площадь к шоссе. Когда он достиг дорожного ограждения, он рассчитал свой прыжок относительно надвигающихся фар и благополучно пересек первую из нескольких полос трассы. За пятнадцать секунд Лэнгдону удалось продвинуться от одной разделительной полосы к другой под сердитые сигналы автомашин и вспышки фар, — останавливаясь, потом опять начиная движение, маневрируя, пока наконец он не перепрыгнул через ограждение на травянистый берег моря.

Хотя он всё ещё мог видеть её, Сиенна была далеко впереди, сторонясь стоянок такси и пустующих автобусов, она направилась прямиком в сторону доков, где Лэнгдон видел разнообразие морских судов — туристические баржи, водные такси, частные рыбацкие лодки, скоростные моторные лодки. Отражаясь в воде, городские огни мерцали на западной стороне Золотого Рога, и Лэнгдон не сомневался, что, если бы Сиенна достигла противоположного берега, то шанса найти её, возможно, уже не было.

Когда Лэнгдон наконец достиг береговой линии, он повернул налево и помчался по дощатому настилу, замечая на себе удивленные взгляды туристов, которые стояли в очереди, ожидая посадки на флотилию из ярко украшенных плавучих ресторанов, которые были искусно декорированы куполами мечетей, позолоченной росписью и сверкающей неоновой отделкой.

Лас Вегас на Босфоре, ворчал Лэнгдон, пролетая мимо.

Он видел Сиенну далеко впереди, и она больше не бежала. Она остановилась в том месте причала, гда стояли частные моторные катера, умоляя одного из владельцев взять её на борт.

Не берите ее на борт!

Как только разрыв сократился, он увидел, что Сиенна обращалась к молодому человеку, стоящему у руля блестящей моторной лодки, готовящейся выходить из доков. Человек не улыбался, но вежливо качал головой. Сиенна продолжала жестикулировать, но мужчина видимо отказал окончательно и вернулся к управлению.

Как только Лэнгдон бросился ближе, Сиенна взглянула на него, лицо было полно отчаяния. Под ней, сдвоенный лодочный мотор взревел, поднимая брызги и отталкивая судно от причала.

Сиенна вдруг взмыла в воздух, прыгнула с причала в сторону открытой воды. Она с грохотом приземлилась на стекловолоконную корму лодки. Ощутив удар, водитель

повернулся с выражением недоверия на лице. Он дернул ручку обратно, на холостой ход лодки, которая уже отошла ярдов на двадцать от пирса. Сердито крича пошел обратно, к своей нежелательной пассажирке.

Водитель хотел наброситься на неё, но Сиенна ловко увернулась и, захватив его запястье, сбросила с деревянного помоста. Человек погрузился с головой в воду. Несколько мгновений спустя, он всплыл на поверхность, дико борахтаясь, и выкрикивая то, что без всякого сомнения было турецкими ругательствами.

Сиенна с невозмутимым видом бросила спасательный круг в воду, перебралась за руль лодки и сдвинула сдвоенный дроссель вперед.

Двигатели взревели, и лодка умчалась прочь.

Лэнгдон стоял на причале, переводя дыхание, когда увидел как гладкий белый корпус скользя по воде становится призрачной тенью в ночи. Он поднял глаза к горизонту с осознанием того, что Сиенна теперь получила доступ не только к дальнему берегу, но и к почти бесконечной сети водных путей, простиравшейся от Черного до Средиземного моря.

Она сбежала.

Поблизости, владелец лодки вылез из воды, поднялся на ноги и побежал вызывать полицию.

Лэнгдон чувствовал себя абсолютно покинутым, наблюдая за тем, как огни украденной лодки становились еле заметными. Рев мощных двигателей также становился всё более отдаленным.

Как вдруг, этот звук резко оборвался.

Лэнгдон всматривался в даль. Она заглушила мотор?

Огни лодки, казалось, прекратили отдаляться и теперь плавно покачивались на слабых волнах Золотого Рога. По какой-то неопределенной причине Сиенна Брукс остановилась.

У неё закончился бензин?

Он приставил к уху сложенные чашечкой ладонии и прислушался, теперь он мог слышать отдаленный гул её заглохших двигателей.

Если это не нехватка топлива, то что она делает?

Лэнгдон ждал.

Десять секунд. Пятнадцать секунд. Тридцать секунд.

Затем, без предупреждения, двигатели снова завелись, сначала нехотя, и затем все более решительно. Однако огни лодки, к его великому удивлению, начали движение в обратную сторону по направлению к Лэнгдону.

Она возвращается.

Поскольку лодка приблизилась, Лэнгдон увидел Сиенну, которая безучастно смотрела перед собой, стоя у штурвала. На расстоянии тридцати ярдов, она сбросила скорость и возвратила лодку в сохранности обратно в док, который недавно покинула. Затем она заглушила двигатели.

Тишина.

Стоя наверху, Лэнгдон уставился на неё с недоверием.

Сиенна не поднимала глаз.

Напротив, она закрыла лицо руками. Согнув плечи она начала дрожать. Когда наконец Сиенна посмотрела на Лэнгдона, ее глаза были наполнены слезами.

- Роберт, - всхлипнула она. - Я не могу больше бежать. Мне некуда идти.

Глава 96

Его нет.

Элизабет Сински стояла в водохранилище у основания лестницы и пристально осматривала опустевшую пещеру. Она напряженно дышала через респиратор. Несмотря на то, что она уже, вероятно, подверглась болезнетворному микроорганизму, который мог бы находиться здесь, Сински чувствовала облегчение от того, что на ней был защитный костюм, когда она, в сопровождении группы быстрого реагирования, вошла в безлюдное пространство. На них было пухлое белое обмундирование парашютистов и воздухонепроницаемые шлемы, группа была похожа на команду астронавтов, берущих на абордаж инопланетный космический корабль.

Сински знала, что наверху сотни напуганных любителей симфонической музыки и музыкантов беспорядочно толпились на улице, многие были ранены в охваченной паникой толпе. Некоторые просто спаслись бегством. Она чувствовала себя счастливицей, так как отделалась только разбитым коленом и сломанным амулетом.

Существует только одна форма инфекции, которая распространяется быстрее, чем вирус. И это - страх.

Двери наверху теперь были герметично закрыты, опечатаны и охранялись местными властями. Сински была готова урегулировать все юрисдикционные вопросы с прибывшей полицией, но любые потенциальные конфликты были присечены на корню, когда блюстители порядка увидели устройства для обнаружения биологически опасных объектов команды быстрого реагирования, и услышали предупреждения Сински о возможном заражении чумой.

Мы должны полагаться только на себя, думала директор ВОЗ, глядя на лес колонн, отражающихся в лагуне. Никто не хочет спуститься сюда.

Позади нее два агента протягивали огромный лист полиуретана через основание лестничной клетки и закрепили его у стены при помощи тепловой пушки. Ещё двое нашли открытую область дощатого настила и начали настраивать множество электронных механизмов, будто готовились обследовать место преступления.

Точно оно и есть, думала Сински. Место преступления.

Она снова представила женщину в мокрой бурке, которая сбежала из водохранилища. Судя по всему, Сиенна Брукс рисковала своей собственной жизнью, чтобы помешать ВОЗ нарушить изощренный план Зобриста. Она спустилась сюда и вскрыла солюблоновый контейнер…

Лэнгдон начал преследовать Сиенну ещё вечером, и Сински до сих пор не получила никаких сведений ни об одном из них.

Надеюсь, профессор в безопасности, думала она.

Абсолютно мокрый агент Брюдер стоял на дощатом настиле, безучастно уставившись на перевернутую голову Медузы, он пытался понять, как действовать дальше.

Будучи агентом службы быстрого реагирования, Брюдер научился думать на макрокосмическом уровне, пренебрегая сиюминутными этическими и личными проблемами, и сосредотачивать усилия на спасении стольких жизней, сколько возможно в долгосрочной перспективе. Угрозу для его здоровья едва ли можно зарегистрировать на данный момент. Я попал в это все, думал он, коря себя за рискованный шаг, оставивший ему небольшой выбор. Мы нуждались в немедленной оценке.

Брюдер заставил себя подумать о стоявшей перед ним задаче - выполнять план Б. Как ни печально, план Б всегда был один: расширить область действий. Борьба с заразной болезнью часто была похожа на борьбу с лесным пожаром: иногда необходимо отступить и проиграть битву в надежде выиграть войну.

Пока еще Брюдер не отказался от идеи, что локализовать очаг бедствия возможно. Вероятно, Сиенна вскрыла пакет всего за считанные минуты до массовой истерии и

эвакуации. Если это так, даже если сотни людей убежали с места событий, все они возможно, находились достаточно далеко далеко от источника, и могли избежать заражения.

Все, кроме Лэнгдона и Сиенны, понял Брюдер. Оба они были в зоне бедствия, а теперь где-то в городе.

Брюдера волновало не только это - изъян в логике, который по-прежнему не давал ему покоя. Находясь в воде, он так и не нашел самого вскрытого солюблонового пакета. Брюдеру казалось, что если бы Сиенна продырявила пакет - пнув его, или порвав, или сделав еще что-нибудь - он бы нашел опустошенные остатки, плавающие где-то в воде поблизости.

Но Брюдер не нашел ничего. Все остатки пакета как будто испарились. Брюдер сильно сомневался, что Сиенна унесла с собой солюблоновый пакет, так что сейчас он должен представлять из себя не более чем скользкую, растворяющуюся бесформенную массу.

Так куда же делись остатки пакета?

Брюдера не покидало тяжелое чувство, что он что-то упустил. Тем не менее, он сосредоточился на новой стратегии локализации, которая требовала от него ответа на один критический вопрос.

Как далеко уже распространилось заражение?

Брюдер знал, что ответить на вопрос надо за считанные минуты. Его команда развернула серию переносных устройств для обнаружения вирусов вдоль настилов на увеличивающихся расстояниях от лагуны. Эти устройства - известные как модули ПЦР - используют так называемую полимеразную цепную реакцию для обнаружения вирусного заражения.

Агент команды быстрого реагирования не терял надежды. При отсутствии движения воды и учитывая, что прошло мало времени, он был уверен, что устройства ПЦР обнаружат относительно небольшой очаг заражения, который они затем подвергнут химической обработке и аспирации.

- Готовы? - спросил техник через мегафон.

Все агенты, которые стояли по периметру водохранилища, подняли большие пальцы вверх.

- Начинайте анализ взятых проб, - протрещал мегафон.

По всей пещере аналитики сели на землю и запустили свои индивидуальные приборы ПЦР. Каждое устройство исследовало образец в том месте на помосте, где находился его оператор, располагаясь все более широкими дугами вокруг таблички Зобриста.

В водохранилище повисла тишина, так как каждый молился, ожидая увидеть только зеленый свет.

Наконец, результат получен.

На приборе, который находился ближе к Брюдеру, лампочка вирусного детектора загорелась красным цветом. Его мускулы напряглись, он перевел взгляд на следующий прибор.

Лампочка на нем также замигала красным.

Нет.

Ошеломленные голоса наполнили пространство пещеры. Брюдер в ужасе наблюдал, как один за другим, каждый датчик ПЦР начал мигать красным светом по всей пещере до самого входа.

О, Господи … подумал он. Море мигающих красных лампочек безошибочно нарисовало неутешительную картину.

Радиус заражения был огромен.

Все водохранилище было заполнено вирусом.

Глава 97

Роберт Лэнгдон уставился на Сиенну Брукс, ютившуюся за рулем угнанной лодки и изо всех сил пытался понять то, чему он только что стал свидетелем.

- Я уверена, что ты презираешь меня, - она рыдала, глядя на него сквозь слезы.

- Презираю тебя?! - воскликнул Лэнгдон. - Я не имею ни малейшего представления, кто ты! Ты все время врала мне!

- Знаю, - спокойно сказала она. - Мне очень жаль. Я пыталась поступить правильно.

- Распространив чуму?

- Нет, Роберт, ты не понимаешь.

- Ещё как понимаю! - ответил Лэнгдон. - Мне понятно, что в воду ты полезла порвать солюблоновый пакет! Хотела разнести вирус Зобриста, пока его не успели изолировать!

- Солюблоновый пакет? - В глазах Сиенны горел огонек удивления. - Я не понимаю, о чем ты говоришь. Роберт, я пришла в водохранилище, чтобы остановить вирус Бертрана… украсть его и заставить исчезнуть навсегда… чтобы никто не смог его исследовать, даже доктор Сински и ВОЗ.

- Украсть? Зачем прятать его от ВОЗ?

Сиенна сделала продолжительный вздох.

- Ты еще многого не знаешь, но теперь все бесполезно. Мы опоздали, Роберт. У нас не было ни малейшего шанса.

- Конечно, у нас не было шанса! Вирус нельзя было выпускать до завтра! Эту дату выбрал Зобрист, и если бы ты не входила в воду…

- Роберт, я не выпускала вирус! - кричала Сиенна. - Когда я вошла в воду, то пыталась найти его, но было уже слишком поздно. Там ничего не было.

- Я тебе не верю, - сказал Лэнгдон.

- Знаю, что не веришь. Но я тебя не виню. - Она полезла в карман и достала мокрый буклет. - Может, это что-то прояснит. - Она швырнула эту бумажку Лэнгдону. - Нашла это перед тем, как окунаться в лагуну.

Он её поймал и раскрыл. Это была программка семи концертов в водохранилище с исполнением симфонии Данте.

- Посмотри на даты, - сказала она.

Лэнгдон прочёл даты, затем перечитал их, озадаченный увиденным. Почему-то у него уже сложилось впечатление, что этот вечер был премьерой - первый из семи концертов, рассчитанных не неделю, и рассчитанный на то, чтобы завлечь людей к зараженному чумой водохранилищу. Эта программка, однако, говорила об ином.

- Сегодня был заключительный день? - спросил Лэнгдон, отрывая взгляд от бумаги. - Оркестр выступал всю неделю?

Сиенна кивнула. - Я была удивлена, как и ты. - Она сделала паузу, ее глаза помрачнели. - Вирус уже вышел, Роберт. Это произошло в течение недели.

- Этого не может быть, - возразил Лэнгдон. - Завтрашняя дата. Зобрист даже сделал мемориальную доску с завтрашней датой.

- Да, я видела ее в воде.

- Тогда ты знаешь, что он был зациклен на завтрашнем дне.

Сиенна вздохнула. - Роберт, я знала Бертрана хорошо, лучше, чем когда-либо признавалась тебе. Он был ученым, человеком ориентированным на результат. Теперь я понимаю, что дата на мемориальной доске не дата выхода вируса. Это что-то другое, нечто более важное и близкое к его цели.

- И что это может быть… ?

Сиенна торжественно посмотрела с лодки. - Это математическая проекция даты общемирового насыщения. Дата, после которой его вирус распространится по всему миру … и заразит каждого человека.

Всё внутри Лэнгдона задрожало от такой перспективы, и все же он не мог избавиться от подозрений, что она снова лжет. Ее история содержала существенный недостаток, и Сиенна Брукс уже доказала, что может врать о чем угодно.

- Одна проблема, Сиенна, - сказал он, глядя на нее сверху вниз. - Если эта зараза уже распространилась по всему миру, то почему люди еще не болеют?

Сиенна отвела глаза, неожиданно не в состоянии встретиться с ним взглядом.

- Если эта чума вышла в течение недели, - повторил Лэнгдон, - почему люди не умирают?

Она медленно повернулась к нему спиной. - Потому… что … - начала она, слова застревали в горле. - Бертран не создал чуму. - На ее глаза снова навернулись слезы. - Он создал нечто гораздо более опасное.

Глава 98

Несмотря на поток кислорода, проходящего через респиратор, Элизабет Сински чувствовала головокружение. Прошло пять минут с тех пор, как ПЦР-датчики Брюдера раскрыли ужасающую правду.

Возможность изолирования исчезла давным-давно.

Пакет из солюблона, судя по всему, растворился где-то на прошлой неделе, скорее всего, в день премьеры концерта, который, как теперь знала Сински, исполнялся семь вечеров подряд. Оставшиеся несколько клочков солюблона, прикрепленные к веревке, не исчезли лишь потому, что были покрыты клейким веществом, чтобы они удержались на креплении веревки.

Инфекция уже неделю как была выпущена на волю.

Теперь, не имея возможности изолировать патоген, агенты службы быстрого реагирования столпились над образцами в импровизированной лаборатории в водохранилище и просчитывали свой привычный запасной вариант — анализировали, классифицировали и оценивали угрозу. До сих пор ПЦР-блоки смогли выявить только одну существенную информацию, и открытие не удивляло никого.

Вирус уже попал в воздух.

Содержимое солюблонового пакета, по всей видимости, пузырьками всплыло на поверхность, и заражённые частицы в виде аэрозоля оказались в воздухе. Их много и не требуется, Сински это знала. Тем более, в столь замкнутом пространстве.

Вирус, в отличие от бактерии или химического вещества, способен распространяться среди людей с поразительной скоростью и проникновением. Паразитические по своей природе, вирусы попадают в организм человека и в процессе адсорбции помещаются в клетку. Затем они вводят в клетку собственную ДНК или РНК, подчиняя ее себе и заставляют многократно увеличивать количество вируса. Как только будет произведено достаточное количество копий, новый вирус убивает клетку и разрывает ее стенку, спеша найти новую клетку для атаки и этот процесс будет повторяться.

Зараженный человек затем будет выдыхать или чихать, выводя мельчайшие капельки из организма; эти капельки останутся в воздухе, пока кто-нибудь еще их не вдохнет и процесс начнется заново.

Рост в геометрической прогрессии, - рассуждала Сински, вспоминая графики Зобриста, демонстрирующие взрывной рост народонаселения. Размножение вирусов в геометрической прогрессии Зобрист противопоставляет столь же стремительному росту населения.

Однако сейчас животрепещущий вопрос: Как поведет себя этот вирус?

Говоря спокойно: Как он станет атаковать своего носителя?

Вирус Эбола ослабляет способность крови к свертыванию, заканчиваясь непрерывным кровотечением. Хантавирус вызывает отказ легких. Целая совокупность вирусов, известных как онковирусы, вызывает рак. А вирус ВИЧ атакует иммунную систему, вызывая СПИД. В медицинском сообществе ни для кого не секрет то, что если бы вирус ВИЧ распространялся по воздуху, то встал бы вопрос об исчезновении человечества.

Так как, черт возьми, действует вирус Зобриста?

Как бы он ни действовал, ясно, что потребуется время для его проявления… а близлежащие больницы не сообщали ни о каких случаях с пациентами, у которых проявились необычные симптомы.

Желая поскорее всё прояснить, Сински направилась в лабораторию. У лестничного проёма она увидела Брюдера, который с трудом нащупал зону приёма телефонного сигнала и с кем-то разговаривал приглушённым голосом.

Она поспешила и подошла в тот момент, когда он заканчивал разговор.

Да, понял, - сказал Брюдер. Его лицо выражало нечто среднее между недоверием и ужасом. - И еще раз, я не могу в достаточной мере передать конфиденциальность этой информации. Никто не должен об этом знать. Позвони мне, когда узнаешь больше. Спасибо.

На этом он повесил трубку.

- Что происходит? - потребовала Сински.

Брюдер медленно выдохнул. - Я только что разговаривал со своим старым приятелем, который является главным вирусологом Центра контроля заболеваний в Атланте.

Сински ощетинилась. - Ты поднял на ноги Центр контроля заболеваний без моего разрешения?

- Я позвонил на свой страх и риск, - ответил он. - Мой знакомый будет осторожен, и нам понадобятся данные значительно точнее тех, что мы сможем получить в этой временной лаборатории.

Сински взглянула на горстку агентов группы наблюдения и захвата, которые брали пробы воды и толпились у портативной электроники. Он прав.

- Мой знакомый из ЦКЗ, - продолжил Брюдер, - сейчас работает в полностью оборудованной микробиологической лаборатории и уже подтвердил существование ранее неизвестного и крайне заразного вирусного патогена.

- Подождите! - встряла Сински. - Как вы доставили ему образец так быстро?

- Я не доставлял, - нервно сказал Брюдер. - Он проверял свою собственную кровь.

Сински мгновенно уяснила смысл услышанного.

Он уже разошёлся по миру.

Глава 99

Лэнгдон медленно шел, чувствуя себя абсолютно отрешенным, словно он попал в настоящий ночной кошмар. Что может быть опаснее, чем чума?

Сиенна не проронила ни слова с того момента, как вышла из лодки и сделала знак Лэнгдону, чтобы он следовал за ней по гравийной дорожке, подальше от доков, воды и скопления людей.

Хотя поток слез Сиенны прекратился, Лэнгдон чувствовал нарастающее напряжение исходящее от неё. Вдалеке он слышал вой сирен, но Сиенна, казалось, не замечала этого. Она безучастно смотрела на землю, по-видимому, находясь под гипнозом ритмичного хруста гравия под её ногами.

Они вошли в небольшой парк, и Сиенна привела его в густую рощу, где они были скрыты от мира. Здесь они сели на скамью, обращенную к воде. Башня Галата сверкала над скромными жилищами, которыми был усыпан склон противоположного берега. Мир выглядел удивительно умиротворенным, ни в какое сравнение в тем, что, надо полагать, сейчас творилось в водохранилище, подумал Лэнгдон. Он подозревал, что к этому момкнту, Сински и группа SRS уже поняли, что они прибыли слишком поздно, чтобы остановить чуму.

Сидя рядом с ним, Сиенна пристальным взглядом окинула море. "У меня мало времени, Роберт," сказала она. "Власти в конечном счете выяснят, куда я направилась. Но прежде, чем это произойдет, мне нужно, чтобы ты узнал правду… всю правду."

Лэнгдон молча кивнул.

Сиенна вытерла глаза и пододвинулась к нему, чтобы видеть его лицо. - Бертран Зобрист … - начала она. - Он был моей первой любовью. Он стал моим наставником.

- Мне уже сказали, Сиенна, - ответил Лэнгдон.

Она бросила на него испуганный взгляд, но продолжала говорить, как будто боялась упустить момент.

- Я встретилась с ним в том возрасте, когда была впечатлительной, и его идеи и интеллект очаровали меня. Бертран верил, как и я, что наш вид на грани катастрофы… что нас ожидает страшный конец, который приближается быстрее, чем кто-либо осмелится предположить.

Лэнгдон молчал.

- Все свое детство, - сказала Сиенна, - мне хотелось спасать мир. Но мне лишь говорили: - Ты не можешь спасти мир, так что не жертвуй своим счастьем ради попытки. Она останавливается, ее лицо напряжено, девушка пытается не расплакаться. - А потом я повстречала Бертрана … красивого, замечательного мужчину, который сказал, что мир не только можно спасти … но его спасение - моральный долг каждого. Он познакомил меня с целым кругом единомышленников … людей поразительных способностей и ума … людей, которые действительно могли изменить будущее. Роберт, я впервые в жизни не была одинока.

Лэгдон мягко улыбнулся ей, чувствуя боль в ее словах.

Я пережила несколько ужасных вещей в своей жизни, - продолжила Сиенна все более нетвердым голосом. - Вещей, которые мне не удается оставить в прошлом…

Она прервала его пристальный взгляд и взволнованно провела рукой по своей лысой голове, чтобы собраться с мыслями и снова повернулась к нему.

- И, может быть, единственное, что заставляет меня продолжать идти вперед - это моя вера, что мы способны быть лучше, чем мы есть… способны что-то предпринять, чтобы избежать трагического будущего.

- А Бертран тоже в это верил? - спросил Лэнгдон.

- Целиком и полностью. Бертран безгранично надеялся на человечество. Он был трансгуманистом и верил в то, что мы живем на пороге лучезарной "постчеловеческой" эры … эры настоящих преобразований. Он опередил свое время, его глаза могли видеть то, что другим даже и не снилось. Он понимал поразительные силы технологий и верил в то, что в течении жизни нескольких поколений, наш вид станет совершенно другими млекопитающими … видоизмененными генетически для большего здоровья, ума, силы и даже сострадательности. - Она останавливается. - Вот только одна незадача. Он не думал, что мы протянем достаточно долго как биологический вид, чтобы осознать такую возможность.

- Благодаря перенаселению … - сказал Лэнгдон.

Она кивнула. - Мальтузианское бедствие. Бывало Бертран говорил мне, что чувствует себя Святым Георгием, пытающимся убить хтонического монстра.

Лэнгдон не сообразил о чем речь. - Медузу?

- Образно говоря, да. Медуза, да и все хтонические божества, живут под землей, поскольку они непосредственно связаны с Матерью-Землей. В аллегории, хтоничность всегда символизирует …

- Плодовитость, - говорит Лэнгдон, пораженный тем, что подобное сравнение раньше не приходило ему в голову. Плодородие. Население.

- Да, плодовитость, - ответила Сиенна. - Бертран использовал термин «хтонический монстр», чтобы представить угрозу нашей плодовитости более зловеще. Он описал наше перепроизводство потомства в виде чудовища, маячившего на горизонте… монстра мы должны сдержать немедленно, пока он не истребил нас всех.

Наша собственная способность к размножению незаметно подкрадывается к нам, чтобы уничтожить, - понял Лэнгдон. Вот он, хтонический монстр. - И Бертран боролся с ним … но как?

- Пожалуйста пойми, - говорит она защищаясь, - такие задачи непросто решить. Отбор всегда неприятный процесс. Человек, который отрезает ноги у трехлетнего ребенка - ужасающий преступник … если он не доктор, который спасает дитя от гангрены. Иногда меньшее из двух зол оказывается единственным выбором. - Она снова едва не плачет. - Я верю, у Бертрана была благородная цель … но то, как он к ней шел … - Она отводит глаза и, похоже, находится на грани срыва.

- Сиенна, - прошептал Лэнгдон осторожно. - Помоги понять все это. Объясни мне, что сделал Бертран. Что он выпустил в мир?

Сиенна снова посмотрела ему в лицо, ее мягкие карие глаза излучали темный страх. - Он выпустил вирус, - прошептала она. - Очень особенный тип вируса.

Лэнгдон задержал дыхание.

- Расскажи мне.

- Бертран создал нечто, известное как вирусный вектор. Это специально разработанный вирус, при нападении внедряющий в клетки нужную генетическую информацию. - Сиенна сделала паузу, чтобы он успел понять. - Вирусный вектор… вместо того чтобы убить эти клетки хозяина… вставляет в них кусок предопределенной ДНК, по сути, изменяет клеточный геном.

Лэнгдон изо всех сил пытался уловить смысл. Этот вирус изменяет нашу ДНК?

- Коварная природа этого вируса, продолжила Сиенна, в том, что никто из нас не знает, что он заражен. Никто не заболевает. Он не вызывает откровенных симптомов, говорящих о том, что он меняет нас генетически.

На мгновение Лэнгдон почувствовал, как кровь пульсирует в его венах.

- И что за изменения он производит?

Лэнгдон на миг закрыл глаза.

- Роберт, - прошептала она, - Как только вирус был выпущен в лагуну водохранилища, началась цепная реакция. Каждый, кто спускался в пещеру и дышал ее воздухом, оказался заражен. Они стали носителями вируса… невольными соучастниками, которые заразили вирусом других, раздувая пламя экспоненциального распространения болезни, разгорающееся по всей планете подобному лесному пожару.

Лэнгдон поднялся со скамьи и стал раздраженно ходить взад-вперед перед ней.

- Ну и что он же он делает с нами? - Повторил он.

Сиена молчала в течение долгого времени. - Вирус обладает способностью сделать человеческое тело … бесплодным. - Она неловко шевельнулась. - Бертран создал чуму бесплодия.

Ее слова поразили Лэнгдона. Вирус, который делает нас бесплодными? Лэнгдон знал, что существовали вирусы, которые могут вызвать бесплодие, но переносимый по воздуху болезнетворный организм, который действовал так путем генетических изменений, казалось, принадлежал другому миру … своего рода антиутопия будущего Оруэлла.

- Бертран часто рассуждал о таком вирусе, - сказала Сиенна спокойно, - но я никогда не предполагала, что он попытается создать его … с какой-то долей успеха. Когда я получила его письмо и изучила то, что он сделал, я была в шоке. Я отчаянно пыталась найти его и хотела попросить его разрушить свое творение. Но было слишком поздно.

- Постой, - прервал Лэнгдон, наконец обретая дар речи. - Если вирус сделает всех на земле бесплодными, то не будет никаких новых поколений, и человеческий род начнет вымирать … немедленно.

- Правильно, пристыженно отвечает она. - Вот только исчезновение не было целью Бертрана … на самом деле, совсем наоборот … вот почему он создал вирус избирательного действия. Пусть даже теперь Инферно присутствует в ДНК каждого человека и все станут передавать его по наследству, вирус "активируется" только у определенного количества людей. Другими словами, теперь все на Земле его носители, но он вызовет бесплодие только у случайно выбранной части населения.

- Какой… части? - Лэнгдон услышал сам себя, даже не веря, что задает подобный вопрос.

Итак, как вы знаете, Бертран был помешан на Черной Смерти - чума убила без разбору треть населения Европы. Он верил, что природа знает, как производит отбор. Когда Бертран сделал расчеты по бесплодию, он пришел в восторг, обнаружив, что смертность от чумы - один из трех - выглядела как точное соотношение, необходимое для того, чтобы начать отбор человеческого населения в управляемой пропорции.

Это чудовищно, подумал Лэнгдон.

- Черная чума проредила человеческое стадо и вымостила путь в Возрождение, - сказала она, - и Бертран создал Инферно как некий современный катализатор для глобального обновления … трансгуманистскую Черную Смерть … разница лишь в том, что те, у кого проявится заболевание, скорее не погибнут, а просто станут бесплодны. Принимая во внимание то, что вирус Бертрана уже распространился, одна треть мирового населения теперь стерильна … и одна треть от этого населения останется стерильной навсегда. Воздействие будет похоже на рецессивный ген … который передается всем потомкам, но проявляется только у маленького количества детей.

Когда Сиенна продолжила, у нее тряслись руки. - В своем письме ко мне Бертран казался довольно гордым и говорил, что он считает Инферно очень изящным и человечным решением этой задачи. - В ее глазах собрались новые слезы и она смахнула их. - Я признаю, что по сравнению с вирулентностью Черной Смерти, есть некое сочувствие в таком подходе. Не будет клиник, переполненных больными и умирающими, тел, гниющих на улицах, страдающих выживших, которые утратили своих любимых. Просто люди прекратят иметь так много детей. Нашу планету постигнет устойчивое снижение рождаемости, пока кривая численности населения и впрямь не перевернется, и наша популяция не начнет сокращаться и не создаст кратковременную впадину на графике человеческой экспансии. С помощью Инферно Бертран создал долговременное решение, необратимое решение … трансгуманистское решение. Он был специалистом в области зародышевой генетики. Он в корне решил проблему.

- Это генетический терроризм … - прошептал Лэнгдон. -Это меняет понятия о том, кто мы есть, кем мы всегда были, на самом фундаментальном уровне.

- Бертран не смотрел на это под таким углом. Он мечтал избавить человеческую эволюцию от существенного недостатка… дело в том, что наш вид просто очень плодовит.

Наш организм таков, что несмотря на наш непревзойденный интеллект, мы не можем контролировать собственную численность. Нет толку от бесплатной контрацепции, образования или государственных программ. Мы продолжаем рожать детей… хотим ли мы этого или нет. Известно ли тебе, что ЦКЗ только что объявил, что почти половина всех беременностей в США незапланированные? А в слаборазвитых странах это число составляет более семидесяти процентов?

Лэнгдон и прежде видел эту статистику, и все же только сейчас он начал понимать скрытый в ней смысл. Как вид, люди подобны кроликам, которых завезли на некоторые острова Тихого океана и позволили бесконтрольно размножаться, в итоге они разрушили свою экосистему и в конечном счете вымерли.

Бертран Зобрист перепроектировал наш вид… в попытке спасти нас… превратив в менее плодовитую популяцию.

Лэнгдон глубоко вздохнул и пристально посмотрел на Босфор, не чувствуя почвы под собой, как плавающие вдалеке лодки. Сирены, раздающиеся с погрузочных доков, становились все громче и Лэнгдон чувствовал, что время заканчивалось.

И вот, что самое пугающее, - говорит Сиена, - это не то, что Инферно вызывает бесплодие, но скорее то, что он способен это делать. Воздушный переносчик вируса это квантовый прыжок … на годы впереди своего времени. Бертран внезапно поднял нас от темных веков генной инженерии и приземлил прямиком в будущее. Он освободил эволюционный процесс и одним движение руки дал нашему виду возможность переопределить себя. Пандора теперь вне ящика и ее никак не загнать обратно. Бернард создал ключи, которые изменят человеческую расу … и если эти ключи попаду не в те руки, Боже, помоги нам. Следовало никогда не создавать эту технологию. Как только я прочла письмо Бертрана, в котором он объяснял то, как достиг своих целей, я сожгла его. Затем поклялась найти его вирус и уничтожить все его следы.

- Я не понимаю, - объявил Лэнгдон гневным голосом. - Если ты хотела уничтожить вирус, почему ты не сотрудничала с доктором Сински и ВОЗ? Ты должна была позвонить в центр контроля над заболеваемостью или еще кому-нибудь.

- Ты шутишь! У правительственных учреждений в последнюю очередь должен быть доступ к этой технологии! Поумай об этом, Роберт. На протяжении всей истории человечества каждая открытая наукой инновационная технология использовалась для разработки оружия — от простого огня до ядерной энергии — и почти всегда оказывалась в руках влиятельных правительств. Откуда ты думаешь появилось наше биологическое оружие? Оно создано на основе исследований, проводимых в лабораториях ВОЗ и ЦКЗ. Технология Бертрана — пандемический вирус, используемый в качестве генетического вектора — является самым мощным из когда-либо созданного оружия. Она прокладывает путь к ужасам, которые мы еще даже не можем себе вообразить, включая направленное биологическое оружие. Представь болезнетворный микроорганизм, который нападает только на тех людей, генетический код которых содержит определенные этнические маркеры. Он делает возможным широко распространенную этническую чистку на генетическом уровне!

- Я понимаю твое беспокойство, Сиенна, но ведь эта технология могла также использоваться для чего-нибудь полезного, не так ли? Разве это открытие не удача для генетической медицины? Новый способ провести глобальную вакцинацию, например?

- Возможно, но к сожалению, я привыкла ожидать худшее от людей, которые держат власть в своих руках.

Лэнгдон услышал, как на расстоянии шум вертолета разорвал воздух. Он всматривался сквозь деревья назад в сторону Египетского базара и увидел бегущие огни самолета, скользящего над холмом и проносящегося к докам.

Сиенна напрягалась. - Я должна уйти, - сказала она, вставая и глядя на запад в направлении Ататюрк-Бридж. - Я думаю, что смогу пересечь мост пешком, и оттуда добраться —

- Ты не уйдешь, Сиенна, - сказал он твердо.

- Роберт, я вернулась, потому что чувствовала, что должна объясниться с тобой. Теперь ты все знаешь.

- Нет, Сиенна, - сказал Лэнгдон. - Ты вернулась, потому что прожив целую жизнь, наконец поняла, что не можешь больше бежать.

Сиенна, казалось, сжалась перед ним. - Разве у меня есть выбор? - спросила она, наблюдая как вертолет кружится над водой. - Они посадят меня в тюрьму, как только найдут.

- Ты не сделала ничего плохого, Сиенна. Ты не создавала этот вирус … равно как и не распространяла его.

- Правда, но я пошла на многое, чтобы Всемирная организация здравоохранения не нашла его. Если я не закончу в турецкой тюрьме, то столкнусь с каким-нибудь международным трибуналом по обвинению в биологическом терроризме.

По мере того как гудение вертолета становилось громче, Лэнгдон смотрел на территорию порта вдали. Воздушное судно зависло, его двигатели ожесточенно работали, пока прожектор обшаривал лодки.

Сиенна была готова сбежать в любую минуту.

- Пожалуйста, послушай, - сказал Лэнгдон мягким голосом. - Я знаю, ты прошла через многое, и ты напугана, но подумай о ситуации в целом. Бертран создал этот вирус, а ты пыталась остановить его.

- Но мне не удалось.

- Да, но сейчас, когда вирус выпущен, научному и медицинскому сообществу надо его детально изучить. Ты единственный человек, которому известно о нем абсолютно все. Возможно, есть способ нейтрализовать его… или сделать что-то, чтобы подготовиться. Лэнгдон проникновенно на нее посмотрел. - Сиенна, мир должен знать то, что знаешь ты. Ты не можешь просто исчезнуть.

Тонкая фигура Сиенны теперь дрожала, как будто ворота горя и неуверенности вот-вот широко распахнутся. - Роберт, я … я не знаю, что делать. Я даже не знаю теперь, кто я. Посмотри на меня. - Она положила руку на свой лысый череп. - Я превратилась в монстра. Как могу я сталкиваться —

Лэнгдон шагнул вперед и обнял ее. Прижав Сиенну к своей груди, он чувствовал, что ее тело дрожало, ощущал ее хрупкость. Он мягко шепнул ей на ухо.

- Сиенна, я знаю ты хочешь сбежать, но я не позволю тебе. Рано или поздно тебе придется научиться доверять кому-нибудь.

- Я не могу, - рыдала она. - Я не уверена, что знаю как это делать.

Лэнгдон крепко держал ее. - Начни с малого. Сделай свой первый крошечный шаг. Доверься мне.

Глава 100

Раздался резкий стук металла по металлическому корпусу транспортного самолета С-130, тем самым заставив хозяина подскочить на месте. Кто-то снаружи стучал прикладом пистолета по люку, требуя впустить внутрь.

- Всем оставаться на своих местах, - скомандовал пилот С-130, направляясь к двери. - Это турецкая полиция. Они сейчас просто вломятся в самолет.

Хозяин и Феррис быстро переглянулись.

По напряженным телефонным переговорам сотрудников ВОЗ, которые оставались на борту, хозяин догадался, что их миссия по спасению потерпела неудачу. Зобрист осуществил свой план, думал он. И моя компания помогла ему в этом.

С внешней стороны люка начали раздаваться голоса, которые что-то повелевающе кричали на турецком.

Хозяин вскочил со своего места. - Не открывайте дверь! - приказал он пилоту.

Пилот резко остановился, уставившись на хозяина. - Почему нет, черт возьми?

- ВОЗ - международная независимая организация,- ответил хозяин, - и этот самолет является суверенной территорией!

Пилот покачал головой. - Сэр, этот самолет находится на территории турецкого аэропорта, и на него будут распространяться законы страны до тех пор, пока он не покинет турецкое воздушное пространство. - Пилот двинулся к выходу и открыл люк.

Двое мужчин осмотрели салон. В их глазах, лишенных чувства юмора, не было и намека на лояльность. - Кто капитан этого самолета? - спросил один из них с сильным акцентом.

- Я, - ответил пилот.

Офицер вручил ему два листка бумаги. - Ордеры на арест. Эти два пассажира должны пойти с нами.

Пилот просмотрел документы и окинул взглядом хозяина и Ферриса.

- Свяжитесь с доктором Сински, - приказал хозяин пилоту. - Мы здесь находимся с международной чрезвычайной миссией.

Один из офицеров посмотрел на хозяина с усмешкой. - Доктор Элизабет Сински? Директор Всемирной организации здравоохранения? Она и распорядилась о вашем аресте.

- Этого не может быть, - ответил хозяин. - Г-н Феррис и я находимся здесь, в Турции, для того, чтобы помочь доктору Сински.

- В таком случае, вы не очень хорошо справляетесь со своей работой, - возразил второй офицер. - Доктор Сински связалась с нами и обвинила вас двоих в биотерроризме и заговоре против Турции. - Он вытащил наручники. - Вы оба проследуете в участок для дальнейшего допроса.

- Я требую адвоката! - кричал хозяин.

Тридцать секунд спустя он и Феррис, закованные в наручники, спускались вниз по трапу и их силой усадили на заднее сиденье черного седана. Седан умчался по бетонной площадке к отдаленному уголку аэропорта, где он остановился у проволочного заграждения, которое затем открылось, чтобы дать автомобилю проехать. Уже за периметром, автомобиль проскочил пыльный пустырь, заставленный неисправная авиационной техникой, и остановился около старого служебного здания.

Двое мужчин в форме вышли из седана и осмотрели территорию. Очевидно, удовлетворившись тем, что за ними не было слежки, они сняли с себя полицейское обмундирование и выбросили его. Затем они помогли Феррису и хозяину выбраться из машины и сняли с них наручники.

Хозяин потер запястья, понимая, что он не будет задержан.

- Ключи от машины находятся под ковриком, - сказал один из агентов, направляясь к фургону, припаркованному поблизости. - На заднем сиденье все, что вы просили — документы, наличные деньги, активные телефоны, одежда, и кое-что ещё, что может вам пригодиться.

- Спасибо, - сказал хозяин. - Вы молодцы.

- Просто хорошо обучены, сэр.

Затем двое турецких мужчины сели в черный седан и скрылись.

Сински ни за что не позволила бы мне уйти, подумал хозяин. Осознав это ещё по дороге в Стамбул,он послал сигнал тревоги по электронной почте в местный филиал Консорциума, и сообщил, что ему и Феррису, возможно, понадобиться помощь.

- Вы думаете, она станет преследовать нас? - спросил Феррис.

- Сински? - хозяин кивнул. - Наверняка. Хотя я подозреваю, что сейчас у неё есть дела поважнее.

Двое мужчин забрались в фургон, и хозяин порылся на заднем сидении, приводя документацию в порядок. Он вытащил бейсболку и надел ее. Надев кепку, он обнаружил бутылочку односолодового виски Хайленд-Парк.

Ребята молодцы.

Хозяин следил за янтарной жидкостью в бутылке, убеждая себя подождать до завтра. Затем, он снова представил солюблоновый пакет Зобриста и задумался, что будет завтра.

Я нарушил свое важнейшее правило, - подумал он. Я бросил клиента.

Хозяин осознавал свое непростое положение, понимая, что уже в ближайшие дни мир содрогнется от известий о катастрофе, в которой он сыграл ключевую роль. - Этого бы не случилось без меня.

Впервые в жизни, принцип невмешательства не являлся его приемуществом. Его пальцы сломали печать на бутылке виски.

Наслаждайся, сказал он себе. Так или иначе, твои дни сочтены.

Хозяин сделал глаток, смакуя жар, распростаняющийся в его горле.

Внезапно темноту пронзил свет от фар и синих мигающих огней патрульных машин, которые со всех сторон окружили их.

Хозяин в отчаянии осмотрелся… и затем застыл в оцепенении.

Бежать было некуда.

Когда вооруженные турецкие полицейские приблизились к фургону, хозяин сделал последний глоток Хайленд-Парк и спокойно завел руки за голову.

На этот раз, он знал, что это были не его агенты.

Глава 101

Швейцарское консульство расположено в One Levent Plaza, элегантном, ультрасовременном небоскребе. Вогнутый фасад здания, выполненный из голубого стекла, напоминает футуристический монолит в очертаниях древней столицы.

Около часа прошло с момента как Сински покинула водохранилище и организовала временный коммандный пункт в офисном здании консульства. Местные новостные агентства на все лады перепевали сообщения об охваченной паникой толпе на заключительном вечере “Симфонии Данте” Листа. Ничего более конкретного пока не сообщали, но международная медицинская команда в костюмах биозащиты породила многочисленные спекуляции.

Сински глядела в окно на городские огни и чувствовала себе крайне одиноко. Она рефлекторно дотронулась до ожерелья с амулетом, но там не за что было взяться. Талисман лежал на ее столе, расколотый на две части.

Директор ВОЗ только что закончила созывать множество экстренных встреч , которые должны были состояться в Женеве через несколько часов. Специалисты из разных служб уже были в пути, и Сински планировала прилететь туда, только чтобы проинструктировать их. К счастью, кто-то из ночного штата прислал горячую кружку настоящего турецкого кофе, которую Сински тут же осушила.

Молодой человек из штата консульства стоял перед ней возле открытой двери.

- Мадам? Вас хочет видеть Роберт Лэнгдон.

- Спасибо, - ответила она. - Пусть входит.

Двадцать минут назад Лэнгдон связался с Сински по телефону и объяснил, что Сиенна ускользнула от него, украв лодку, и уплыла в море. Сински уже слышала эти новости от властей, которые все еще прочесывали территорию, но до сих пор были с пустыми руками.

Теперь, когда высокое фигура Лэнгдона появилась в дверном проеме, она с трудом узнала его. Он был в грязном костюме, темные волосы взъерошены, а его глаза выглядели утомленными и запавшими.

- Профессор, с вами все в порядке? - Сински встала.

Лэнгдон вымученно улыбнулся ей.

- У меня были ночи полегче.

- Пожалуйста, - сказала она, указывая на кресло. - Садитесь.

- Инфекция Зобриста, - начал Лэнгдон без вступления, едва сев. - Я думаю, она была выпущена неделю на зад.

Сински терпеливо кивнула. - Да, мы пришли к такому же выводу. Никакие симптомы еще не были обнаружены, но мы взяли образцы и готовимся к детальному изучению. К сожалению, прежде, чем мы выясним, что это за вирус и что он вызывает, могут пройти дни.

- Это направленный вирус, - сказал Лэнгдон.

Сински подняла голову в удивлении и вздрогнула, услышав, что он даже знает термин. - Что простите?

- Зобрист создал переносимый по воздуху направленный вирус, способный изменить человеческую ДНК.

Сински резко поднялась и уронила стул. Но это невозможно! - Что заставляет вас утверждать такие вещи?

- Сиенна, - ответил Лэнгдон невозмутимо. - Она рассказала мне. Полчаса назад.

Сински рассмотрела свои руки на столе и уставилась на Лэнгдона с внезапным недоверием.

- Она не сбежала?

- Она определенно сбежала, - ответил он. - Она была на свободе, в лодке, несущейся в море, и могла запросто исчезнуть навсегда. Но она решила сделать лучше. Она вернулась по собственной воле. Сиенна хочет помочь нам справиться с кризисом.

Губы Сински издали грубый смех.

- Простите меня, если я не расположена доверять Миссис Брукс, особенно когда она делает такое невероятное заявление.

-Я верю ей, - сказал Лэнгдон недрогнувшим тоном. - И если она утверждает, что это направленный вирус, вам лучше отнестись к этому серьезно.

Внезапно Сински почувствовала себя измотанной, пытаясь проанализировать слова Лэнгдона. Она подошла к окну и пристально посмотрела на улицу. Направленный вирус, изменяющий ДНК? Как бы невероятно и ужасающе это не звучало, она должна была признать, что в этом была мрачная логика. В конце концов, Зобрист занимался генной инженерией и самолично знал, что наименьшая мутация в одном гене может иметь катастрофические последствия для организма - рак, отказ органов и болезни кровеносной системы. Даже причиной такой отвратительной инфекции, как муковисцидоз, что поражает слизистую жертвы, было ничто иное, как малюсенькое отклонение в регулирующем гене седьмой хромосомы.

Ученые в настоящее время приступили у лечению этих генетических заболеваний при помощи рудиментарных вирусных векторов, которые вводятся непосредственно в организм больного человека. Эти незаразные вирусы запрограммированы пройти сквозь все тело пациента и произвести замену участка поврежденной ДНК. Это новая наука, однако у нее,

как и у любой науки, была и темная сторона. Эффект вирусного вектора мог быть как благоприятным, так разрушительным… в зависимости от намерений инженера. Если вирусный вектор злонамеренно запрограммировать вставлять поврежденный участок ДНК в здоровые клетки, результат может быть разрушительным. Хуже этого, только если вирус каким-то образом спроектирован быть заразным и передаваться по воздуху…

Перспектива заствила Сински содрогнуться. О каком генетическом кошмаре мечтал Зобрист? Как он планировал сократить численность человеческой популяции?

Сински знала, что поиски ответа могут занять недели. Генетический код человека, по-видимому, содержит бесконечный лабиринт вариантов химических формул. Перспектива исследования его во всей полноте в надежде найти определенное изменение, сделанное Зобристом, было бы поисками иголки в стоге сена… даже без представления, на какой планете этот особенный стог сена находится.

- Элизабет? - Низкий голос Лэнгдона вернул ее к действительности.

Сински отвернулась от окна и посмотрела на него.

- Вы слышали меня? - Спросил он, все еще сидя тихо. - Сиенна хотела уничтожить этот вирус так же сильно, как и вы.

- Я искренне в этом сомневаюсь.

Лэнгдон вздохнул, теперь уже стоя.

- Я думаю, тебе стоит выслушать меня. Незадолго до своей смерти Зобрист написал письмо Сиенне, где рассказал, что он сделал. Он точно описал, что будет делать вирус… как он будет атаковать нас… как он будет выполнять свои задачи.

Сински замерла. Существует письмо?!

- Когда Сиенна прочитала описание Зобристом его творения, она была напугана. Она хотела остановить его. Она считала его вирус столь опасным и не хотела, чтобы кто-либо получил доступ к нему, включая Всемирную организацию здравоохранения. Разве вы не понимаете? Сиенна пыталась уничтожить вирус … не распространять его.

- Есть письмо? - потребовала Сински, вся во внимании. - С подробностями?

- Да, там все, о чем мне рассказала Сиенна.

- Нам необходимо это письмо! Знание подробностей поможет сохранить нам время для понимания, что это такое и даст понять, как обращаться с ним.

Лэнгдон покачал головой. - Вы не понимаете. Когда Сиенна прочитала письмо Зобриста, она испугалась. Она немедленно сожгла его. Она хотела быть уверенной, что никто не —

Сински шлепнула рукой по столу.

- Она уничтожила единственное, что могло помочь нам подготовиться к кризису? И ты хочешь, чтобы я ей доверяла?

- Я не прошу многого, учитывая ее поступки, но вместо ее осуждения было бы полезно вспомнить, что Сиенна обладает уникальным интеллектом, в том числе и потрясающей способностью вспоминать.

Лэнгдон помолчал.

- Что если она сможет воспроизвести достаточную часть письма Зобриста, чтобы это помогло вам?

Сински сузила глаза, слегка кивая. - Ну, профессор, в таком случае, что вы предлагаете делать?

Лэнгдон жестом показал на пустую кофейную чашку. - Я предлагаю, чтобы вы заказали больше кофе … и выслушали одно условие, которое выдвинула Сиенна.

Пульс Сински ускорился, и она поглядела на телефон. - Вы знаете, как дозвониться до нее?

- Знаю.

- Скажите мне, что она потребовала.

Лэнгдон ответил ей, и Сински затихла, обдумывая предложение.

- Я думаю, что это надо сделать, - добавил Лэнгдон. - И что вы теряете?

- Если все, что вы говорите, правда, тогда даю вам слово. - Сински пододвинула к нему телефон. - Пожалуйста, звоните.

К удивлению Сински, Лэнгдон телефоном не воспользовался. Вместо этого он встал и направился к двери, заверив что вернется через минуту. Озадаченная Сински вышла в холл и наблюдала как он прошел через консульство в зону ожидания, распахнул стеклянные двери и вышел в лифтовое фойе за ее пределами. На мгновение она подумала, что он уходит, но затем, вместо вызова лифта, он незаметно проскользнул в женский туалет.

Несколькими мгновениями позже он появился с женщиной, выглядевшей чуть моложе тридцати. Сински потребовалось много времени, чтобы смириться с тем, что это была Сиенна Брукс. Симпатичная женщина с прической "конский хвостик", которую она видела раньше, за один день радикально преобразилась. Она была абсолютно лысой, так, будто ее голова была тщательно выбрита.

Когда двое вошли в ее офис, они молча уселись перед столом.

- Простите меня, - сказала Сиенна быстро. - Я знаю, что нам многое надо обсудить, но я надеюсь, сначала вы разрешите мне высказать то, о чем мне действительно необходимо сказать.

Сински заметила печаль в голосе Сиенны. - Конечно.

- Мэм, - начала она, ее голос дрожал, - Вы директор Всемирной Организации Здравоохранения. Вы знаете лучше, чем кто-либо, что мы являемся видом на грани краха… численность не поддается контролю. Годами Бертран Зобрист пытался встретиться с такими влиятельными людьми как и вы, чтобы обсудить надвигающийся кризис. Он посетил бессчетное количество организаций, которые по его мнению могли хоть как-то повлиять: Институт глобального мониторинга, Римский клуб, Проблемы населения, Совет по международным отношениям, но так и не нашел никого, в ком хватило бы смелости начать конструктивный разговор о реальном решении. Вы все ответили планами обучения выбора лучшей контрацепции, налоговыми льготами для маленьких семей, и даже завели речь о колонизации Луны! Не удивительно что Бертран обезумел.

Сински уставилась на нее без всякой реакции.

Сиенна глубоко вздохнула. - Доктор Сински, Бертран пришел к вам лично. Он просил признать, что мир находимся на грани… умалял вам участвовать в своего роде диалоге. Но вместо того, чтобы выслушать его идеи, вы внесли его в контрольный список и загнали в подполье. - Голос Сиенны погрубел от волнения. - Бертран умер в одиночестве, потому что люди, как и вы, отказались открыть свой разум даже для того, чтобы признать, что наши катастрофические обстоятельства могут фактически потребовать неудобного решения. Все что делал Бертран — говорил правду… И из за этого был подвергнут остракизму.- Сиенна вытерла глаза и посмотрела на Сински через стол. - Поверьте мне, я знаю что значит чувствовать себя в полном одиночестве… худший вид одиночества в мире — изоляция, происходящая от непонимания. Это может заставить людей терять чувство реальность.

Сиенна перестала говорить, и установилась напряженная тишина.

- Вот и все, что я хотела сказать, - прошептала она.

Сински долгое время изучала ее, а затем села. - Г-жа Брукс, - сказала она максимально спокойно, - вы правы. Прежде я могла не слушать … - Она сложила руки на столе и смотрела непосредственно на Сиенну. - Но я слушаю теперь.

Глава 102

Часы в приемной швейцарского Консульства давно пробили час ночи.

Блокнот на столе Сински сейчас был мешаниной рукописного текста, вопросов и диаграмм. Директор Всемирной Организации Здравоохранения молчала и не двигалась более пяти минут. Она стояла у окна, глядя в ночную тьму.

Позади нее, Лэнгдон и Сиенна сидели тихо и ждали, держа в руках остатки турецкого кофе, тяжелый арома его порошка и фисташковых зерен заполняли комнату.

Единственным звуком был гул люминесцентных ламп наверху.

Сиенна чувствовала, как ее сердце разбивается, и ей было интересно, что думала Сински, услышав жестокую правду в подробностях. Вирус Бертрана - это болезнь стерильности. Треть человеческого населения будет бесплодна.

На протяжении всего разговора, Сиенна наблюдала за тем, как у Сински менялись эмоции, от молчаливого спокойствия до весьма ощутимого напряжения. Во-первых, ей пришлось принять тот факт, что Зорбист фактически создал векторный вирус, который передается воздушно-капельным путем. Затем промелькнула мимолетная надежда от осознания того, что вирус не был разработан, чтобы убить людей. В этот момент … постепенно, на неё накатила волна ужаса, она поняла, что правда состоит в том, что значительная часть населения земли будет бесплодной. Было ясно, что созданный вирус, воздействовал на Сински на личном уровне.

В случае Сиенны переполняющей эмоцией было облегчение. Она поделилась полным содержимым письма Бертрана с директором ВОЗ.

"У меня больше нет секретов. "

- Элизабет? - осмелился Лэнгдон.

Сински медленно отходила от своих размышлений. Когда она снова посмотрела на них, ее лицо было искажено.

- Сиенна, - начала она, говоря ровным тоном, - Представленная тобой информация будет полезной при подготовке стратегии разрешения кризиса. Я ценю твою откровенность. Как ты знаешь, пандемические направленные вирусы обсуждались теоретически как возможный способ иммунизации широких масс населения, но все считали, что до создания технологии еще много лет.

Сински возвратилась к столу и села.

- Извините меня, - сказала она, тряся головой. - Сейчас мне это все кажется похожим на научную фантастику.

Неудивительно, подумала Сински. Каждый прорыв в медицине всегда именно так и воспринимался - пенициллин, анестезия, рентгеновские лучи, первый раз, когда люди посмотрели в микроскоп и увидели деление клетки.

Доктор Сински посмотрела на свой блокнот.

- Через несколько часов я буду в Женеве и меня забросают вопросами. Я не сомневаюсь, что первым дело меня спросят, есть ли способ противодействия этому вирусу.

Сиенна подозревала, что она права.

- И, - продолжила Сински, - я представляю, что первое предложенное решение будет заключаться в анализе вируса Бертрана, чтобы понять его как можно лучше, а затем попытаться спроектировать второй штамм - штамм, который мы перепрограммируем для того, чтобы вернуть нашу ДНК в первоначальную форму.Сински не выглядела оптимистично, когда бросила взгляд на Сиенну:- Возможно контравирус возможно создать, но, гипотетически говоря, я хотела бы услышать ваши мысли по этому поводу.

Мои мысли? Сиенна почувствовала, как непроизвольно взглянула на Лэнгдона. Профессор кивнул ей, посылая очень четкий сигнал: Ты зашла слишком далеко. Говори, что думаешь. Скажи правду, какой бы она ни была.

Сиенна прочистила горло и обратилась к Сински ясным, сильным голосом. - Мэм, я провела много лет в мире генной инженерии с Бертраном. Как вам известно, геном человека является чрезвычайно хрупкой структурой … карточный домик. Чем больше мы вмешиваемся, тем больше шанс, что по ошибке заменим не ту карту и все разрушим. Я убеждена, что в попытке отменить то что сделано заключается еще большая опасность. Бертран был генетическим инженером исключительного мастерства и проницательности. Он на годы опережал своих сверстников. На данный момент я не уверена что можно доверить кому-то еще ковыряться в геноме человека в надежде получить результат. Даже если вы и разработаете то, что по вашему мнению работает, попытка проверить будет связана с необходимостью повторного заражения всего населения чем-то новым.

- Совершенно верно, - ответила Сински, как бы удивляясь тому, что только что услышала. - Но конечно, есть большая проблема. Мы не могли бы даже хотеть нейтрализовать его.

Ее слова застали Сиенну врасплох. - Извините?

Госпожа Брукс, я может и не согласна с методом Бертрана, но его оценка состояния мира является точной. Планета сталкивается с серьезной проблемой перенаселения. Если нам и удастся нейтрализовать вирус, не имея другого жизнеспособного плана… мы просто вернем все на круги своя.

Должно быть, потрясение Сиенны было налицо, потому, что Сински устало усмехнулась ей и добавила, - вы не ожидали этого услышать от меня?

Сиенна покачала головой. - Я полагаю, что уже не уверена, чего ожидать.

- Тогда, возможно, я могу удивить вас снова, - продолжила Сински. - Как я упомянула ранее, лидеры ведущих организаций здравоохранения во всем мире соберутся в Женеве и в течение нескольких часов будут обсуждать этот кризис и готовить план действий. Я не могу вспомнить сбор большего значения за все моих годы в ВОЗ. - Она остановила свой пристальный взгляд на молодом докторе. - Сиенна, я хотела бы, чтобы ваше место было за тем столом.

- Мое место? - Сиенна отпрянула. - Я не генный инженер. Я рассказала вам все, что знаю. - Она указала на блокнот Сински. - Все, что я могу предложить, тут в заметках.

- Отнюдь нет, - вставил Лэнгдон. - Сиенна, любые значимые обсуждения об этом вирусе потребуют знания специфичных обстоятельств. Доктор Сински и ее команде потребуется разработать моральную основу для оценки ответа на этот кризис. Она, очевидно, видя вашу уникальную позицию, хочет добавить вас к этому диалогу.

- Мои моральные принципы, я полагаю, вызовут неприятие в ВОЗ.

- Скорее всего нет, -ответил Лэнгдон, - и это еще одна причина быть там. Ты представитель нового поколения мыслителей. Ты несешь иную точку зрения. Ты поможешь им понять умонастроения таких мечтателей заглядывающих в будущее как Бертран, блестящих людей, чьи убеждения настолько сильны, что они берут дело в свои руки.

- Бертран едва ли был первым.

- Не был, -прервала Сински, - он и не последний. Каждый месяц, ВОЗ раскрывает лаборатории, где ученые балуются пограничными областями науки — все от управления человеческими стволовыми клетками до размножающихся химер … смешанных разновидностей, которых не существуют в природе. Это тревожит.. Наука двигается в перед настолько быстро, что никто не знает, во что все это выльется.

Сиенне пришлось согласиться. Совсем недавно два уважаемых вирусолога — Фоучер и Каваока — создали патогенный мутантный вирус из вируса H5N1. Несмотря на чисто академические намерения исследователей, их новое детище обладает определенными возможностями, которые серьезно встревожили специалистов по биозащите и вызвали шквал обсуждений в интернете.

- Боюсь что дальше будет еще хуже, - проговорила Сински. - Мы на пороге открытия новых технологий, которые пока даже не можем себе представить.

- А также новых мировоззрений, - добавила Сиенна. - Движение трансгуманистов вот-вот выйдет из тени и станет главенствующим. Один из его основных принципов состоит в том, что мы, будучи разумными существами,имеем моральное обязательство принять участие в процессе собственного эволюционирования, использовать наши технологии, чтобы развивать вид, создать лучших людей - более здоровых, сильных, с более высокой продуктивностью мозга. В скором времени будет возможно все.

- И вы не думайте, что такие убеждения находятся в конфликте с эволюционным процессом?

- Нет, - ответила без колебаний Сиенна. - Человечество развивалось постепенно в течение тысячелетий, изобретая новые технологии - трение палочек вместе, чтобы согреться, развитие сельского хозяйства, чтобы прокормить себя, изобретение вакцин для борьбы с болезнями, и теперь, создание генетических инструментов для того, чтобы помочь перестроить наши тела, с целью выживания в меняющемся мире. - Она сделала паузу. - Я верю, что генная инженерия является просто еще одним шагом в длинном ряду человеческих достижений.

Сински молчала, глубоко задумавшись.

- Так вы считаете, что мы должны принять эти инструменты с распростертыми объятиями?

- Если мы не примем их, - ответила Сиенна, - тогда мы будем как пещерные люди, которые замерзают до смерти, только потому что боятся разжечь костер.

Ее слова, казалось, зависли в комнате на длительное время, прежде чем кто-то заговорил.

Тишину нарушил Лэнгдон. "Не хочу показаться старомодным," - начал он.-"Но я вырос на теориях Дарвина и не могу не спросить, будет ли это разумно - пытаться ускорить процесс эволюции"

"Роберт," - сказала Сиенна, - "генная инженерия - это не ускорение эволюционного процесса. Это естественный ход событий! Ты забыл, что именно эволюция создала Бертрана Зобриста. Его сверхинтеллект стал результатом тех процессов, которые описывал Дарвин…процессов эволюции. Исключительное понимание генетики не снизошло на Бертрана как вспышка божественного вдохновения…это был результат многолетнего развития человеческого разума "

Лэнгдон замолчал, очевидно, обдумывая сказанное.

- И как дарвинист, продолжила она, ты знаешь, что природа всегда находила возможность держать человеческую популяцию под контролем - чума, голод, наводнения. Но позволь спросить тебя вот о чем - возможно ли, что природа нашла теперь другую возможность? Вместо того, чтобы насылать на нас ужасающие бедствия и страдания… может, природа в ходе эволюции создала ученого, который изобрел новый метод уменьшения нашей численности. Не чума. Не смерть. Просто разновидность большей гармонии с окружающей средой -

"Сиенна," - перебила ее Сински. - "Уже поздно. Нам надо идти. Но перед этим я бы хотела прояснить еще один вопрос. Сегодня ты неоднократно говорила мне, что Бертран не

был злодеем…что он любил человечество и так страстно желал спасти наш вид, что смог оправдать столь решительные меры”

Сиенна кивнула.

- Цель оправдывает средства, - сказала она, цитируя флорентийского политического теоретика Макиавелли.

- Тогда скажи мне, - сказала Сински, - а ты веришь в то, что цель оправдывает средства? Ты веришь, что цель Бертрана - спасение мира - была столь благородна, что дала ему право выпустить вирус?

Напряженная тишина воцарилась в комнате.

Сиенна наклонилась над письменным столом, ее выражение лица усилило ее слова:

- Доктор Сински, я говорила вам, что считаю действия Бертрана безрассудными и крайне опасными. Если бы я могла остановить его, я бы сделала это с большим удовольствием. Мне нужно, чтобы вы поверили мне.

Элизабет Сински перегнулась через стол и аккуратно взяла обе руки Сиенны в свои:

- Я верю вам, Сиенна. Я верю каждому слову, что вы сказали мне.

Глава 103

Предрассветный воздух в Аэропорту Ататюрк был холодным и пропитан туманом. Легкая дымка покрывала и обволакивала шоссе вокруг частного терминала.

Лэнгдон, Сиенна и Сински приехали на городском автомобиле и были встречены сотрудником ВОЗ, который помог им выйти из машины.

- Мы всегда к вашим услугам, мэм, - сказал мужчина, провожая всех троих в скромное здание терминала.

“А что насчет мистера Лэнгдона?” спросила Сински.

- Частный рейс во Флоренцию. Его временные проездные документы уже на борту.

Сински признательно кивнула.

- А как на счет того, что мы еще обсуждали?

- Уже в процессе. Груз будет отправлен так скоро, как только возможно.

Сински поблагодарила человека, который теперь направлялся по бетонированному шоссе к самолету. Она обратилась к Лэнгдону. “Вы действительно уверены, что не хотите присоединиться к нам? ” Она устало улыбнулась ему и заправила свои длинные серебристые волосы за уши.

“В свете сложившейся ситуации,” сказал Лэнгдон кокетливо, “я не уверен, что заурядный профессор искусств может чем-то ещё быть полезен.”

“Вы сделали достаточно,” ответила Сински. “Больше, чем Вы думаете. Как и…” Она хотела обратиться к Сиенне, но молодая женщина уже не находилась возле них. Сиенна была на расстоянии 20 ярдов, она в задумчивости остановилась у большого окна, ожидая посадки на борт C-130.

“Спасибо, что поверели в неё,” тихо сказал Лэнгдон. “Я думаю, что это не часто случалось в её жизни.”

“Я подозреваю, что мне и Сиенне Брукс многому стоит поучиться друг у друга. ” Сински протянула руку. “Счастливого пути, профессор.”

“И Вам,” сказал Лэнгдон, когда они обменялись рукопожатием. “Удачи в Женеве.”

“Она нам понадобиться,” ответила она, и затем кивнула в сторону Сиенны. “Я дам вам немного времени. Просто отправьте её к нам, когда вы закончите.”

Когда Сински шла через терминал, она опустила руку в карман и достала две части своего сломанного амулета, плотно сжимая их в ладони.

“Не растраивайтесь из-за амулета Асклепия,” крикнул Лэнгдон ей в след. “Это поправимо.”

“Спасибо”, ответила Сински. “Я уже и не надеялась.”

Сиенна Брукс стояла у окна и пристально смотрела на призрачные огни взлетно-посадочной полосы, укутанной туманом и скоплением облаков. В отдалении, на деспечерской башне контрольного пункта, гордо развивался турецкий флаг — область красного цвета, украшали древние символы - полумесяц и звезда — наследие Османской империи, всё ещё величественно возвышаются над современным миром.

“Даю лиру, чтобы узнать о чем ты думаешь” произнес глубокий голос позади неё.

Сиенна не обернулась. “Надвигается шторм”

“Я знаю,” ответил Лэнгдон спокойно.

Спустя некоторое время Сиенна повернулась к нему. “Я хотела бы, чтобы ты тоже поехал в Женеву.”

“Мне приятно, что ты сказала это,” ответил он. “Но Вы будете заняты разговорами о будущем. И менее всего, тебе будет нужно, чтобы какой-то старомодный преподаватель мешал твоей работе.”

Она посмотрела на него с недоумением. “Ты думаешь, ты для меня слишком старый?”

Лэнгдон громко засмеялся. “Сиенна, я определенно слишком стар для тебя!”

Она неловко покачнулась, чувствуя смущение. “Хорошо …, но по крайней мере ты будешь знать, где меня найти. ” Сиенна пожала худенькими плечами. “Я имею в виду …, если ты когда-нибудь захочешь увидеть меня снова.”

Он улыбнулся ей. “С удовольствием.”

Она воспряла духом, и все же тишина повисла между ними, они оба не знали, как лучше попрощаться..

Сиенна смотрела в глаза американского профессора, и почувствовала, как ею завладели эмоции, с которыми она не могла совладать. Она встала на цыпочки и поцеловала его губы. Когда она отстранилась, ее глаза были влажными от слез. “Я буду скучать по тебе,” прошептала она.

Лэнгдон нежно улыбнулся и обнял её. “Я тоже буду по тебе скучать.”

Они долго стояли обнявшись, не в силах оторваться друг от друга. Наконец, Лэнгдон сказал. “Существует старинное изречение … которое часто приписывают самому Данте …”, Он сделал паузу. “‘Вечность…. начинается сегодня.”

“Спасибо, Роберт,” сказала она, и из её глаз покатились слезы. “Я наконец чувствую, что у меня есть цель.”

Лэнгдон придвинул ее ближе. “Сиенна, ты всегда говорила, что хочешь спасти мир. Это твой шанс.”

Она улыбнулась и направилась к выходу. Пока Сиенна шла к ожидающему её C-130, она думала обо всем, что произошло с ней … обо всем, что еще может произойти …обо всем, что станет её будущем.

Вечность, повторила она про себя, начинается сегодня.

Когда Сиенна поднялась на борт, она молилась, чтобы Данте был прав.

Глава 104

Дневное бледное солнце низко опустилось над Домской площадью, отражаясь от белой плитки колокольни Джотто и отбрасывая длинные тени на великолепный собор Флоренции Санта-Мария-дель-Фьоре.

Похороны Игнацио Бузони только начинались, когда Роберт Лэнгдон проскользнул в собор и нашел себе место, радуясь тому, что жизнь Игнацио будет увековечена здесь, в бессмертной базилике, за которой он присматривал на протяжении долгих лет.

Несмотря на яркость фасада, интерьер собора Флоренции был совершенным, строгим, лишенным всяких излишеств. Тем не менее, аскетичное помещение, казалось, сегодня было особенно торжественным. Чиновники, друзья и коллеги из мира искусства со всей Италии заполонили храм, чтобы отдать дань памяти большому и веселому человеку, которого они ласково назвали Дуомино.

Средства массовой информации сообщили, что Бузони умер, когда делал то, что любил больше всего - прогуливался ночью вокруг Домского собора.

Тон похорон был удивительно оптимистичным, с юмористическими комментариями от друзей и семьи. Один коллега отметил, что любовь Бузони к искусству эпохи Возрождения, по его собственному признанию, могла сравниться только с его любовью к спагетти болоньезе и карамельному пудингу.

После службы, когда все присутствующие на похоронах смешались и принялись с нежностью вспоминать случаи из жизни Игнацио, Лэнгдон бродил по кафедральному собору, любуясь произведениями искусства, которые Игнацио так глубоко любил … «Страшный суд» Вазари под куполом, витражи работы Донателло и Гиберти, часы Уччелло, и мозаика, украшающая пол, о которой часто забывают.

В какой-то момент Лэнгдон обнаружил себя, стоящим перед знакомым лицом – портретом Данте Алигьери. Изображённый на легендарной фреске Микелино, великий поэт стоял перед Горой Чистилища и словно скромное подношение держал в руках свой шедевр «Божественная комедия».

Лэнгдон задумался, что подумал бы Данте, узнав, какое воздействие оказала его эпическая поэма на целый мир спустя столетия, в будущем, которое даже сам флорентийский поэт не смог бы вообразить.

Он обрёл вечную жизнь, подумал Лэнгдон, вспомнив высказывания о славе ранних греческих философов. Пока произносят ваше имя, вы не умрете.

Это было ранним вечером, когда Лэнгдон направился через площадь Сант Элизабетт и вернулся в элегантный флорентийский отель Брунеллески. Наверху, в своём номере, он с облегчением обнаружил огромный пакет, ожидвший его.

Наконец пакет прибыл.

Пакет я запросил от Сински.

Лэнгдон торопливо разрезал упаковочную ленту на коробке, извлек драгоценное содержимое и удостоверился, что оно тщательно упаковано в мягкую пленку с пузырьками.

Однако, к удивлению Лэнгдона, в коробке лежали еще несколько предметов. Кажется, Элизабет Сински использовала свое влияние, чтобы раздобыть даже сверх того, что запрашивал Лэнгдон. В коробке находилась собственная одежда Лэнгдона - рубашка с воротником, застёгивающимся на пуговицы, брюки цвета хаки и его поношенный пиджак из Харрис-твида - все тщательно выстирано и выглажено. Даже его туфли из кордовской кожи были - только что отполированные. Внутри коробки он также, к своему удовлетворению, нашел свой кошелек.

Последний извлеченный предмет, однако, заставил Лэнгдона тихо засмеяться. Его реакцией было отчасти облегчение, что предмет снова у него… а отчасти смущение от того, что он так волновался из-за него.

Мои часы с Микки Маусом.

Лэнгдон немедленно закрепил на запястье коллекционные часы. Ощутив на своей коже поношенный кожаный ремешок, он почувствовал себя в безопасности. К тому времени, одевшись в свою собственную только что полученную одежду, и засунув ноги обратно в свои же мокасины, Роберт Лэнгдон снова почувствовал себя самим собой.

Лэнгдон вышел из отеля, вынося с собой тонкий пакет в большой сумке отеля "Брунелески", которую он позаимствовал у консьержа. Вечер был необычайно теплым, добавляя сказочную нотку его прогулке по Via dei Calzaiuoli к одинокому шпилю Палаццо Веккьо.

Когда он прибыл, чтобы увидеться с Мартой Альварес, Лэнгдон отметился в офисе службы безопасности, где его имя было в списке встреч. Его направили в Зал Пятисот, который по-прежнему был переполнен туристами. Лэнгдон прибыл точно в срок, ожидая Марту, которая должна была встретиться с ним здесь, на входе, но ее нигде не было видно.

Он махнул рукой проходящему экскурсоводу.

- Простите?(ит.) - заговорил Лэнгдон. - Где я могу найти Марту Альварес?(ит.)

- Экскурсовод расплылся в широкой улыбке. - Синьора Альварес? Она не здесь! У нее родился ребенок! Каталина! Очень миленькая (ит.)!

Лэнгдон был рад услышать хорошие новости о Марте. - Ах … это здорово (ит.), - ответил он. - Великолепно!(ит.)

Когда экскурсовод поспешно удалился, Лэнгдон задумался о том, что делать с пакетом, который он нес.

Быстро решившись, он пересек переполненный Зал Пятисот, минуя фреску Вазари и направился вверх в музей Палаццо, оставаясь вне поля зрения охраны.

Наконец он добрался до узкого коридора музея. В проходе было темно и он был перекрыт стойками заграждения и знаком: CHIUSO/ЗАКРЫТО.

Лэнгдон осторожно осмотрелся вокруг и затем скользнул под знак в темное пространство. Он сунул руку в сумку и осторожно извлек тонкий пакет, снимая пузырчатую упаковку.

Когда пластик слетел, маска смерти Данте снова смотрела на него. Хрупкий гипс все еще находился в своем оригинальном пакете Зиплок, полученном, как и просил Лэнгдон, из камеры хранения вокзала Венеции. Маска оказалась неиспорченной, кроме одной детали - на обратной стороне, в форме элегантной спирали, добавлена поэма.

Лэнгдон взглянул на старинную витрину. Маска смерти Данте была выставлена лицом вперед… никто и не заметит.

Он осторожно извлек маску из пакета со специальной застежкой. Затем очень бережно водрузил её обратно на колышек внутри витрины. Маска опустилась на место, прижимаясь к своей знакомой красной бархатной оправе.

Лэнгдон закрыл витрину и постоял немного, глядя на бледное лицо Данте, призрачное в затемненной комнате. Наконец дома.

Прежде, чем выйти из зала, Лэнгдон осторожно поправил стойки заграждения и табличку на двери. Проходя по галерее, он остановился, чтобы поговорить с молодой девушкой экскурсоводом.

- Мисс?(ит.) - сказал Лэнгдон. - Лампы над посмертной маской Данте должны быть включены. Очень трудно разглядеть в темноте.

- Мне очень жаль, - сказала молодая женщина, - но эта экспозиция закрыта. Здесь больше нет посмертной маски Данте.

- Это странно, - притворно удивился Лэнгдон. - Я только что любовался ею.

На лице женщины отразилась замешательство.

Она бросилась в сторону коридора, а Лэнгдон тем временем тихо выскользнул из музея.

Эпилог

В Тридцати четырех тысячах футах над мрачным простором Бискайского залива ночной рейс Алиталия - Бостон деражал курс на запад, через залитую лунным светом ночь.

На борту Роберт Лэнгдон сидел поглощенный чтением "Божественной Комедии". Ритмичный слог стиха и гул реактивных двигателей, привел его почти в гипнотическое состояние. Слова Данте, казалось, слетали со страниц, отзываясь в его сердце, словно они были написаны именно для этого момента.

Поэма Данте, вспомнил сейчас Лэнгдон, была не столько о страданиях ада, сколько о силе человеческой души выносить любые страдания, какими бы тяжкими они ни были.

За окном взошла полная луна, ослепительная и яркая, затмевая все остальные небесные тела. Лэнгдон пристально вглядывался в пространство, погруженный в мысли о том, что произошло за последние несколько дней.

Самые жаркие уголки в аду оставлены для тех, кто во времена величайших нравственных переломов сохранял нейтралитет. Сейчас для Лэнгдона смысл этих слов был яснее, чем когда-либо: равнодушие – самый страшный грех.

Лэнгдон знал, что он сам, подобно миллионам, виноват в этом. Когда это стало реальностью всего мира, отрицание стало глобальной пандемией. Лэнгдон пообещал себе, что никогда не забудет этого.

Пока самолет стремительно несся на запад, Лэнгдон думал о двух мужественных женщинах, оставшихся в Женеве, чтобы встретить будущее лицом к лицу и проложить путь через испытания изменившегося мира.

За окном, на горизонте появилась гряда облаков, медленно проползая через все небо и под конец проскальзывая мимо луны и задерживая ее лучи.

Роберт Лэнгдон опустил сидение, чувствуя, что пора спать.

Выключив лампу над головой, он в последний раз взглянул на небеса. Снаружи, в недавно спустившейся темноте, мир стал другим. Небо превратилось в искрящуюся ткань из звезд.

Об авторе

Дэн Браун - автор "Кода да Винчи", одного из наиболее читаемых романов всех времен, а также международных бестселлеров "Утраченный символ", "Ангелы и демоны", "Точка обмана" и "Цифровая крепость". Проживает с женой в Новой Англии.